

А. БЕЛИАШВИЛИ

ЗОЛОТОЙ  
ШАТЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО СТР  
ОЗАРЬ ВОСТОКА  
СЕНАКС  
1990


ИЗДАТЕЛЬСТВО  
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ  
«ЗАРЯ ВОСТОКА»

**А. БЕЛИАШВИЛИ**



**ЗОЛОТОЙ  
ШАТЕР**

перевод с грузинского  
*Элизбара Ананиашвили*



Издательство союза писателей Грузии  
**«ЗАРЯ ВОСТОКА»**  
ТБИЛИСИ - 1958



Сардар и сахлт-ухуцеси Папуна Церетели собирался перед великим постом выехать в Кутаиси. По его расчетам, к этому времени царь Имерети Соломон должен был вернуться из Одиши, где он гостил сначала у Дадиани, а потом у Чкондидели. Папуна, как правитель царского двора, хотел прибыть в столицу раньше Соломона, чтобы успеть подготовить дворец к возвращению царя. Правда, уезжая в свое поместье, он оставил вместо себя опытного и преданного моурава, но разве мог моурав добиться повиновения избалованной и наглой дворцовой прислуги? Папуна был уверен, что без него все во дворце пошло вверх дном.

Служба при дворе вынуждала Папуну Церетели жить вдали от своего дома, и он старался при каждом удобном случае, в любое время года, хоть на несколько дней вырваться из столицы и съездить в Сачхере посмотреть за своими необъятными владениями. На этот раз Папуне пришлось побывать дома зимой. Правда, когда он уезжал из Кутаиси, стояла мягкая, приятная погода, но в феврале неожиданно настали холода, западный ветер нагнал грузные, свинцовые тучи, и несколько дней без перерыва шел густой снег. Лишь на масленицу погода прояснилась — вечером в воскресенье небо очистилось и ударил такой мороз, что даже быстрая Квирила местами покрылась ледяной коркой. К Папуне явился моурав и доложил, что лучшей погоды для задуманной им охоты на зайцев нельзя и пожелать.

Папуна приказал немедленно приступить к приготовлениям с тем, чтобы завтра, еще до рассвета, княжеская охота вышла в поле. Моурав тотчас же созвал псарей и охотников, и всю ночь напролет из людской доносился их грубый хохот вперемежку с лаем и тьявканьем гончих собак. Одни вплетали шнуры в охотничью обувь — «бандули», другие налаживали лыжи, третьи мазали салом ноги, чтобы к ним не прилипал снег. Едва успели люди прикорнуть, как старший охотник и сокольничий подняли всех на ноги. Князь уже проснулся и встал с постели.

На дворе еще было темно, небо сверкало тысячами звезд. Морозный воздух леденил лицо, щипал за уши: отогревшиеся у огня люди ежились, прятали за пазухой голые руки. Дыханье вырывалось из ноздрей облачками пара.

Из дверей девичьей выглядывали княжеские служанки, то и дело повторяя:

— И охота же вам, право! Ни за какие деньги я бы сейчас на двор носа не высунула!

Старая кормилица князя, закрывшись с головой одеялом, ворчала:

— Закройте дверь, негодницы! Ну-ка, пусть Филимонов сынок вас поманит,—посмотрю я, как вы все побежите на мороз! Дивятся, что охотники на двор вышли! Подбросьте хворосту в огонь да займитесь делом, не то встану — я вам покажу!..

А девушки все вертелись около дверей, стараясь хоть уголком глаза увидеть стройного и статного сына Филимона. Полюбоваться на него хоть одно мгновение было для них уже счастьем. Филимон был дворовым человеком Папуны Церетели. Своего сына Садуна он послал с господином в Кутаиси, чтобы тот, служа правителю царского двора, набрался в столице ума и вышел в люди. Садуна научился в Кутаиси лихо закручивать усы и ходить особенной, щегольской походкой, выгибаясь и поводя плечами. Облачившись в дорожную, из тонкой лезгинской шерсти черкеску с княжеского плеча и натянув на ноги облегающие мягкие сапоги кутаисской работы, он решил, что теперь сам черт ему не брат. Садуна был ка-

мердинером и поверенным тайн своего господина, всюду неотлучно сопровождал князя и исполнял множество его секретных поручений. Он умел, как никто другой, затаскивать девушек в укромные уголки и тайком шептаться с ними. И все служанки в доме Папуны, едва завидев Садуна, млели и замирали, словно горлинки.

Ни одна живая душа не знала, о чем разговаривал Садуна со своими собеседницами, так как каждая из них держала слышанное в глубокой тайне. Лишь старая няня иной раз, наткнувшись в галерее на какую-нибудь дворовую девушку с горящими щеками и затуманенным взглядом, догадывалась, что та только что рассталась с Садуной, — но и няня хранила молчание. Она знала, что Садуна хлопочет ради своего господина. И старуха только крестилась, била себя кулаком в грудь и приговаривала вполголоса:

— Господи! До каких же пор он будет ходить вдовцом? Сколько грехов на себя взвалил—как на том свете ответ держать будет? Эх, дожить бы мне до второй его женитьбы — больше ничего не желаю!

Кормилица, конечно, и не подозревала, что три четверти предполагаемых грехов ее господина — на совести самого Садуны.

Пока девушки возились и хихикали у дверей, кто-то незаметно подкрался к ним и пробежал мимо, гаркнув во весь голос:

— Вы чего тут собрались? Вот я вас! Голубушки мои, душеньки!

Девушки зашумели, закудахтали, точно перепуганные куры, и с хохотом, с ахами и охами рассыпались по девичьей. Одна снова нырнула под одеяло, другая бросилась к ткацкому станку, третья повалилась на кучу взбитой шерсти, четвертая угодила ногой в погасший очаг и подняла тучу золы.

А Садуна уже удалялся со смехом от девичьей. Его веселый голос донесся теперь со стороны конюшен:

— Эй, лошадей скорей! Сейчас господин выйдет, что вы там копаетесь?

Конюхи подвели оседланных лошадей к княжеским

палатам; в галерее с аркадой, опоясывавшей нижний этаж, их уже ждали князь и его свита.

— Что, тает снег? — спросил Папуна, ни к кому не обращаясь, и скинул бурку с одного плеча, чтобы легче было сесть на лошадь.

— Нет, что вы! — ответило из темноты одновременно несколько голосов. — Тверд как камень. До полудня, даже если выйдет солнце, ничего с ним не делается.

— Значит, поохотимся сегодня! — сказал Папуна, плотно усаживаясь в седле.

— Бог в помощь! Удачной охоты! — послышалось с разных сторон.

— Значит, поохотимся сегодня! — повторил Папуна. — Ого, мороз нешуточный! Все сели на лошадей? Садуна, где ты?

— Здесь, господин! — из дальнего конца двора слышались хлопанье плети и конский топот.

— Ну, веди нас, показывай дорогу. Где все охотники и загонщики?

— Ушли вперед, сударь, с собаками.

— Куда мы направляемся, малый? — спросил вдруг Папуна и натянул поводья, хотя лошади еще не тронулись с места.

— Переедем через реку, господин, и двинемся вдоль холмов Калвата, а там, куда следы поведут — либо к Бжиневи, либо в сторону Корбоули.

— Ладно, как знаешь. Поехали!

Кони тронулись. Растрепанный казачок распахнул тяжелые скрипучие ворота, и всадники один за другим выбрались на дорогу.

Заря еще не занялась, но благодаря тусклому сиянию снега, застилавшего все вокруг, дорогу было хорошо видно. Всадники рысью проехали мимо темного базара, вокруг которого теснились домишки армян и евреев, и очутились на берегу Квирилы. При переезде через реку лошади немного заупрямились — дощатый мост качался, словно подвешенный на веревках, казалось, он вот-вот провалится. Слуги взяли лошадей под уздцы и так провели их по мосту. Сразу за Квирилой начинались знаменитые уголья Сацеретло, почти целиком принадлежавшие

Папуне. Правда, эти пахотные земли составляли лишь малую часть необозримых владений сахлт-ухуцеси, но благодаря своему местоположению, густой оросительной сети и сказочным урожаям они настолько выделялись не только в Сацетло, но и во всей Имерети, что самые богатые помещики завидовали Папуне. Когда-то рачинский владетель Ростом Эристави, обуянный гордыней, задумал отнять у Папуны эти угодья. Выбрав удобное время, он прислал своих людей и запахал все эти необозримые поля, а Папуне велел передать: «Эти земли при царице Тамар принадлежали Кахаберу, а теперь принадлежат мне, как прямому его потомку. Посмей только ступить сюда ногой!» Но сегодня этот самый Ростом, несчастный, с выколотыми глазами, томился в темнице замка Модинахе под стражей у Папуны Церетели. И когда охотники выезжали на поля Сацетло, Папуна, не удержавшись, оглянулся на свой неприступный замок. В окне восточной башни мерцал слабый свет; высоко на островерхой горе обрисовывался черный силуэт крепости, словно подвешенной к небу.

Ровная низменность угодий Сацетло скоро осталась позади; охотники поднялись на холмы, покрытые кустарником. Как ни горячили всадники своих коней, пеших егерей они все же не могли догнать. Те все время оказывались впереди, так как выбирали короткие тропинки, срезая повороты и пересекая напрямик извилины дороги. Да и крепкий мороз подгонял их — егеря бежали во весь дух, не разбирая подъемов и спусков, чтобы согреться.

Уже светало, когда старший охотник доложил Папуне — теперь пора остановиться, надо подождать здесь, пока загонщики сомкнут круг и собаки поднимут зайцев.

Всадники тотчас же спешили и собрались у подножия векового дуба на лесной опушке. Несколько слуг хлопотали здесь, разводя костер. Двое собирали хворост, третий разгребал снег, чтобы очистить место для огня, четвертый, став на колени и насыпав на тлеющий трут сухих листьев, раздувал огонь во всю силу своих легких. Несколько человек притащили большую корягу, чтобы устроить сиденье для князя. Садуна потянул носом воз-



дух, словно ищейка, и приказал охотникам положить ее с той стороны, откуда тянуло ветерком, чтобы дым от костра не беспокоил господина. Затем он набросил на корягу свою бурку и с поклоном попросил сахлт-ухуцеси присесть. Скоро огонь разгорелся, охватил сухие листья. На костер навалили кучу хвороста в человеческий рост. Огонь постепенно усиливался — желтые языки весело вырывались из-под нагроможденного башней суховетья и с треском обнимали толстые сучья. Закоченевшие дворяне из свиты князя тотчас же бросились к костру; спеша отогреться, они совали ноги и руки прямо в огонь. Едкий дым застилал им глаза, но они все же толпились с наветренной стороны, так как напротив, на покрытой буркой коряге, сидел князь, и не думавший хоть немного наклониться к костру или протянуть к нему руки. Он только развязал башлык из тонкой валяной шерсти и потер рукой свое крупное лицо с бритым подбородком; потом провел ладонью по длинным усам и приказал казачку набить трубку.

Садуна крикнул охотникам, чтобы они сняли с лошади хурджин, в одном отделении которого едва умещался тугой бурдюк с вином, а в другом лежали длинные хлебы и мясо для шашлыков. Слуги быстро выстругали вертелы из веток, нанизали на них заранее нарезанные поваром куски говядины и подложили мясо к раскаленным угольям костра.

— Не извольте курить натошак, господин! — посоветовал Папуна старший охотник, знаменитый Зураб. — Сейчас шашлык поспеет. Воздух здесь такой суровый, что поневоле голод разберет, а то я обычно утром куска в рот не беру!

— И в самом деле, у меня на морозе аппетит разыгрался! Эй, ты там, парень, развяжи-ка бурдюк! — крикнул Папуна и отложил в сторону свой длинный чубук.

Через минуту был готов и шашлык; охотники принялись завтракать. Люди с охотой уписывали мясо, стоя вокруг костра. Только один Папуна сидел возле огня с длинным вертелом в руках. Маленьким острым ножом он надрезал до половины куски шашлыка и подзывал по очереди своих спутников.

Такую любезность проявлял Папуна всякий раз, когда бывал в хорошем настроении.

— Садуна, держи!

— Да не лишит меня бог ваших милостей! — отвечал Садуна, протягивая руку за угощением.

Лишь тогда Папуна срезал до конца этот кусок с вертела и, надрезав новый, звал следующего:

— Кикола, ко мне!

— Кушайте сами, сударь! Да не лишит меня бог вашей милости! — бежал на зов Кикола.

— Барам, твоя очередь!

— Да продлит господь ваши дни на счастье всей нашей Имерети! Благодарю вас!

Папуна не забыл ни одного из охотников и сопровождающих его дворян. Всех он наделил шашлыком и лишь после того срезал и для себя кусочек. Этим он удовлетворился. Папуна вообще удивлял всех своей воздержанностью в еде. Зато вина он мог выпить столько, что никто в целой Имерети не решился бы с ним состязаться. При этом он никогда не пьянел.

— Налей-ка, дружок, из этого бурдюка! Как бы только не озябнуть еще больше от холодного вина! — сказал Папуна, обращаясь к слуге. — Какого взял: квишхетского или ркацители?

— Это, мой господин, рко — вино из Чихи.

— А! Значит, хорошее, — и Папуна взял поданный ему рог. Слуга тут же сунул в него одну из ножек бурдюка, и послышалось бульканье струйки вина. — Что бы стал делать грузин, не будь у него этого чудесного напитка? А! Что скажете, молодые люди?

— Что говорить! Наша жизнь гроша бы не стоила! — ответили с разных сторон.

Папуна поднес рог ко рту, пригубил, но тут Зураб, стоявший повыше на горке и с аппетитом уплетавший шашлык, внезапно закричал:

— Погнали зайца, господин!

Папуна осушил рог и вскочил. Все засуетились, стали поправлять свои башлыки и подтягивать подпруги на лошадях.

— Где моя Шурдула? Приведите ее! — приказал Папуна.

— Сейчас, сейчас! Не торопитесь, господин мой, я сам скажу, когда будет пора, — спокойно ответил Зураб и подвел к Церетели его любимую борзую собаку Шурдулу, подарок цуцхватского владетеля, главного начальника крепостей Кайхосро Агиашвили. Длинноногая, вся изогнутая, словно лук, борзая отворачивала в сторону свою острую морду и вырывалась из рук охотника, который старался подтащить ее к хозяину.

— Иди, иди сюда, глупая! — говорил Зураб собаке. — Неужели господина не узнаешь?

— Ну, моя Шурдула, смотри, не осрами меня! — сахлт-ухуцеси погладил собаку, нагнулся и стал рассматривать ее лапы.

— Не найдется на свете такого существа, господин, которое могло бы догнать эту борзую, — похвалил охотник собаку.

— Помнится, коготь у нее врос в мясо, что ты с этим сделал? — спросил Папуна.

— Все в порядке, господин. Срезал я коготь, и все прошло.

— Что, много будет зайцев? Как ты думаешь?

— Следов, сударь, очень много. Вот поглядите! Сюда пожалуйста, отсюда виднее. На бумаге так ясно не напишешь, как на этой обледенелой равнине все написано!

Папуна последовал за охотником, который привел его к подножию пологого склона и показал рукой на снег. В самом деле, весь заснеженный склон был испещрен разнообразными следами.

— Здесь, господин, заяц пробежал, — говорил Зураб, указывая на цепочку следов. — Поглядите хорошенько, это он задними лапками наследил; видите, словно палочки к лапам подвязаны. А вот эти следы, похожие на трилистник, оставлены волком. Вы, конечно, и сами все это лучше меня знаете, не мне вас учить, но я все же расскажу, если не разгневаетесь.

— Говори, мой Зураб, я плоховато разбираюсь в этих делах. А это что за след? — показал Папуна на снег.

— Это, господин мой, след птицы, но какой имен-

но — боюсь сказать. Может быть, ястреба, а может, какого-нибудь иного пернатого. Пожалуй, больше всего на ястреба похоже — вон и ямки от когтей! А это, сударь, след лисицы. Она здесь лежала — видите?

— Что ж это они все вместе тут собрались?

— Такая у них повадка, господин мой. По вечерам на свежий снег все звери выходят — преследуют друг друга по следам.

Издали послышались лай гончих и громкое, непрерывное улюлюканье загонщиков. Вскоре на пригорке показались два перепуганных зайца; они неслись в сторону охотников, ожидавших в засаде. Папуна тотчас же вскочил в седло. Остальные последовали его примеру, и, как только псаря спустили борзых, верховые тотчас же с гиканьем поскакали вслед за ними.

Испуганные зайцы сразу повернули назад и помчались в гору. Не успели первые два зверька добраться до вершины холма, как из-за пригорка показались еще пять зайцев. Эти, по-видимому, бежали, совсем потеряв голову от страха, и, прежде чем сообразили повернуть назад, бросились прямо в ноги борзым. Собаки с разбегу не сумели остановиться и пошли кувыркаться через голову. Лишь один заяц оказался жертвой этого столкновения — он попал на зубы наименее резвой собаке, той, которая бежала в хвосте. Остальные зайцы ушли от борзых и разбежались в разные стороны. Посрамленные собаки, вскочив в замешательстве на ноги, к величайшей досаде своих хозяев пустились всей сворой за одним зайцем.

Со всех сторон послышались крики, улюлюканье и свист; охотники, науськивая собак, стараясь послать их за зайцами, скрывшимися в других направлениях, прищипорили лошадей и поскакали вслед за сворой.

Все смешалось.

Папуна отстал от охотников. Зураб подскочил к удачливой борзой и вырвал живого зайца у нее из пасти. Схватив зверька за задние лапы, охотник размахнулся, разможил ему голову о камень и побежал, ковыляя, навстречу князю, чтобы поднести убитую дичь.

— А говорят, счастье ничего не значит! — заметил Папуна, когда Зураб протянул ему добычу. — Кто бы по-

думал, что эта собака поймает когда-нибудь зайца! Так и в жизни. Иной раз на войне самый никчемный солдат, размазня, рохля, совершит такое геройство, что всех прославленных воинов за пояс заткнет.

— Зря за этими зайцами гонятся, господин Папуна! Их уже не поймать — раз добежали до кустарника, пищи пропало. В кустах борзой не развернуться. Придется снова пустить загонщиков.

Зураб отвязал от пояса охотничий рог и стал дуть в него изо всех сил, сзывая охотников. Егеря, рассыпавшиеся по склону, последовали его примеру и затрубили в свои роги. Скоро все собрались, и Зураб пошел, чтобы выбрать новое место, расставить загонщиков цепью и при помощи ищеек поднять новых зайцев.

К полудню охотники затравили уже до десятка зайцев, но тут охоту пришлось прекратить; снег подтаял, размяк, и не только верховые, но и пешие не могли по нему передвигаться. Стоило отойти без лыж от утоптанного места, как человек проваливался по пояс в сугроб.

Папуна приказал трубить сбор и объявить, что охота окончена.

Зураб немедленно исполнил приказание, и вскоре охотники начали собираться под большими буками, где Церетели совещался со своими спутниками о том, что делать дальше — возвращаться ли сразу домой или пообедать здесь.

— Далеко мы зашли. До вечера едва успеем вернуться в Сачхере. Так всегда на охоте — незаметно забредешь на край света. Лучше возвращаться, господин Папуна, — посоветовал князю Зураб.

— Ты прав, я тоже так думаю, — согласился с ним Церетели и обернулся к собравшимся: — Все подошли? Нет ли отставших?

Прежде чем он успел получить ответ, с пригорка послышался зов:

— Зураб, сюда!.. Скорей!

— Кто это? — спросил Папуна.

— Садуна, господин, — ответил Зураб и крикнул в сторону холма: — Что тебе нужно, Садуна? Иди сюда, господин приказывает.

— Зураб, возьми две пары лыж и поднимайся скорей ко мне! — снова послышался издали голос Садуны.

— Что-то там случилось, сударь, — покачал головой Зураб и захлопотал: подозвал двух егерей, отобрал у них привязанные к поясу лыжи и побежал вверх по склону.

— Садись на лошадь, Зураб! — крикнул ему вдогонку князь.

— Нет, сударь, пешком скорее доберусь, — отвечал Зураб, ускоряя шаг. Неуклюжая фигура его с круглыми, похожими на корзины лыжами на ногах смешно ковыляла по снегу.

Несколько верховых попытались перегнать Зураба, но у подножия холма лошади сразу по самую шею увязли в глубоких снежных наметах. Всадники вынуждены были возвратиться.

\* \* \*

Все с напряженным вниманием следили за Зурабом. Через несколько минут тот наконец добрался до вершины холма. Здесь он остановился и некоторое время разговаривал с Садуной. Потом, сорвавшись с места, побежал дальше, в ту сторону, куда указывал ему собеседник. Садуна последовал за ним, и оба быстро скрылись из виду.

— Эх! — вырвалось у Церетели. — Сообщили бы уж и нам, что случилось!

— Может, там олень увяз в снегу? — высказал предположение Куцуца Абашидзе, молодой дворянин из Чала; вытянутые трубочкой губы, острый длинный нос и жесткие торчащие усы делали его похожим на лисицу.

— Откуда здесь взяться оленю, молодой человек? — хмуро глянул на Абашидзе Таризл Абдушелишвили, вассальный дворянин Папуны Церетели. — С каких это пор олени стали бегать по Корбоульской дороге? Наверно, путник какой-нибудь не может пробраться через глубокий снег.

— Да, да, конечно, скорее так! — поддержали Таризла со всех сторон.

В самом деле, на холме вскоре показались четыре человека. Зураб и Садуна шли впереди, за ними следо-

вали два незнакомца. Все четверо были на лыжах. Они шли, высоко поднимая ноги и как бы стараясь при каждом шаге начертить на снегу полукруг. Путники быстро спустились с косогора; когда они приблизились к группе охотников, незнакомцы вышли вперед и направились прямо к Церетели. Одного из них, корбоульского крестьянина, Папуна и его спутники узнали сразу, но другой был совершенно им неизвестен. Судя по одежде, это был человек знатного рода. Оба незнакомца от долгой ходьбы по глубокому снегу промокли ниже пояса насквозь.

— Благодарю создателя за то, что он ниспослал мне счастье лицезреть прославленного сардара, правую руку царя Имерети... — обратился незнакомец к Папуне, обнажая голову. — Желая здравствовать, ваше сиятельство!

— По речам твоим вижу, что ты из Картли. У нас так не говорят. «Ваше сиятельство»... этому ты от русских, должно быть, научился. Кто же ты такой, молодой человек? — спросил с улыбкой Папуна.

— Я — Бесарион Габашвили, ваш покорный слуга, отверженный и изгнанный из Картли царем Ираклием.

— Бесарион Габашвили? — переспросил пораженный Папуна, мгновенно соскочил с лошади и подошел к вновь прибывшему. — Секретарь царя Ираклия?! Тот, что ездил послом в Иран! Поэт, нареченный Бесики... Поистине, молодой человек, счастлив я, что могу оказать тебе покровительство в моих владениях и протянуть тебе дружескую руку. Позволь сначала обнять тебя... а затем... Господи помилуй, да ты, я вижу, промок! Скорей бурку! — повернулся Папуна к своим спутникам. — Ростом, есть ли здесь поблизости какие-нибудь дома?

— Да, господин, тут же рядом живут мои крестьяне.

— Так показывай путь. Посидим там у огня, дадим нашему гостю обсушиться и обедом угостим, — он, должно быть, проголодался, — а там отправимся домой. Куцуца, предложи гостю своего коня. Ростом, веди нас такой дорогой, чтобы лошади не увязли в снегу.

— Об этом, господин, не беспокойтесь! Поедем вдоль этого косогора, здесь весь снег сдуло ветром.

— Ну, так в путь! — приказал Папуна.

Куцуца Абашидзе нехотя слез с лошади — чувствовал он себя так, словно его побили. Пояс на нем переко-

сился, сабля очутилась сзади и так смешно запуталась в ногах, что бедняга совсем стал похож на лисицу с поджатым хвостом. Растерянный и злой, стоял он возле своего коня и беспокойно поглядывал по сторонам своими маленькими глазками, словно раздумывая, куда убежать.

«Надо же было выбрать именно меня из всей огромной свиты! — думал разъяренный Куцуца. — Неужели я здесь самая мелкая сошка? Да кто он такой, этот гость, — подумаешь, важная птица! Отчего ему не подобает ходить на своих ногах? Сюда-то небось пешком притащился! Изволь теперь плестись по снегу бок о бок с этими неумытыми мужиками! Да что это такое — Садуну, рожденного в хлеву, нельзя ссадить с лошади, а мне прилично вязнуть в снегу!»

Егеря Папуны Церетели, княжеские крепостные, подмигивая друг другу и улыбаясь, поглядывали на Куцуцу.

— Поддай коня гостю, ты, парень! — подтолкнул Зураб одного из дворовых, остролова и балагура Тарасия. — Скорей, чего рот разинул!

— Ох, господи, порази меня громом! — Тарасий подскочил к Абашидзе, взял у него из рук уздечку, подвел лошадь к вновь прибывшему. — Садитесь, господин, устали, наверное! — сказал он учтиво, подставляя Бесики стремя.

Бесики вскочил в седло и поехал рядом с Папуной. Остальные следовали за ними на некотором расстоянии.

Тарасий проводил взглядом уехавших и вдруг ударил себя по лбу.

— Ну как это назвать! — воскликнул он таким голосом, точно только что стал свидетелем чудовищного преступления. — Неужели больше не у кого было отобрать коня? Заставить идти пешком такого именитого, высокородного дворянина! Да если уж на то пошло, мы бы на спину к себе посадили этого гостя! Подумаешь, что особенного!

Всем было ясно, что Тарасий дурачится, желая полить злополучного Абашидзе. Но хотя в душе каждому было смешно, люди почувствовали неловкость и не поддержали шутника. Один только Куцуца не догадывался, что над ним издеваются, так как был вне себя от обиды.



Насмешливое заступничество Тарасия он принял за искреннее сочувствие и даже сам стал успокаивать притворно возмущенного княжеского слугу:

— Раз в жизни, говорят, и поп аллилуйю перевернет! Всякий может ошибиться, что поделаешь, мой Тарасий!

— Господи! Как что поделаешь, сударь? Нет, господин наш не должен был так ошибиться! Шутка ли сказать — пройти пешком отсюда до Сачхере, да еще по этому мокрому снегу! Пожалуй, и сапожки твои мягкие не выдержат! Но я не об этом печалюсь — унижение твое мне обидно! Если даже с дворянином так обращаются, — мне ли, простому человеку, ждать добра? Иди за мной, господин, по моим следам. Что, промочил уже ноги? Господи, порази меня громом! Полегче ступать изволь, родимый, полегче!

Егерей и слуг прямо-таки распирало от смеха, они зажимали себе рты, сталкивались друг с другом и нарочно отставали, чтобы нахохотаться досыта.

— Ах, были бы у меня здесь ковры, — постлал бы тебе под ноги! — не унимался Тарасий. — Знаешь, господин, эти парчовые дорожки, что расстилают перед царями от ворот до ворот. Посмотришь вдоль улицы — конца ей не видно. Нет ни дождя, ни снега, а царь, знай себе, шагает по драгоценной парче. И на что она в хорошую погоду, скажи, пожалуйста! Вот сейчас бы нужно такую — подостлать ее под ноги, чтобы шел человек, как подобает, по сухому... Эх, неправильно устроен наш мир, шиворот-навыворот! Иной раз как задумаюсь, — кажется, с ума сойду. И ради кого же беспокоили высокородного дворянина, нельзя ли нам узнать? Куда его провожатый делся, этот, из Корбоули?

— Вон он, впереди. Сейчас позовем. Эй, корбоулец! Подожди нас немного! — крикнул Зураб.

Спутник Бесики шагал вровень с верховыми. Услышав зов, он остановился и стал поджидать охотников.

— Погоди малость, добрый человек, не спеши! — сказал Тарасий, нагнав его. — Мы ведь и сами туда идем. Как твоя фамилия?

— Сисвадзе.

— Скажи-ка нам, пожалуйста, добрый человек, кого

это ты привел к нам? Кто он такой и откуда взялся в нашем царстве?

— Не знаю, дорогие мои! Известно мне столько же, сколько вам. Пришел он к нам в Корбоули на днях, провожал его человек картлийского князя Амилахвари... А уж тот нам сказал, что господин этот имеет дело к нашему царю и держит путь в Кутаиси... Отведите его, говорит, в Сачхере к Церетели. Ладно, говорю, сударь. Вчера весь день уж очень густо снег шел, но потом, ночью, как подморозило, гость и не захотел больше ждать — по марозцу, говорит, легко дойдем. Просил я его подождать, вина и еды у меня в доме достаточно. Куда, говорю, спешишь, сударь, погости у меня на масленице. Но он настоял на своем. Пустились мы в дорогу. Пока не поднялось солнце, идти было легко. А потом снег подтаял, размок... А я, дурак, и лыж не взял с собой, подумал, здесь в горах снег, а внизу его и не будет... Вот и ошибся, в долине-то снегу оказалось больше.

— В Сачхере снег — по пояс, — заметил Зураб. — А в Кутаиси, говорят, дома занесло по самые крыши.

— Так и есть, наверно. Снег принесен западным ветром — в Кутаиси его и должно быть больше. На моей памяти только однажды был такой большой снег, — подтвердил корбоулец и продолжал рассказывать: — Так вот, идем мы, дорогие мои, пробираемся через сугробы... В двух местах дорогу обвалом преградило, пришлось прокладывать путь... Устали мы так, что еле переводили дух. Даже колени стали подгибаться. И вдруг слышим собачий лай. Ну, тут я вздохнул свободно — не пришлось, думаю, в снегу задохнуться...

— Что же ты идешь дальше с нами — вернулся бы домой!

— Там, в долине, у меня родственники, милый человек, я уж побуду у них день-другой. Гостя этого я к вам привел, больше у меня забот нет!

— И это все?

— Пришел к тебе в дом гость — неужели ты даже не спросил его, кто он такой, откуда, что за человек? Скажем, ты не спросил — неужели он сам ни разу не проговорился? — не отставал от корбоульца Тарасий.

— Спросил, как же, милый человек, спросил! Выглянул я вечерком. Как услышал, что с улицы зовут:

«Хозяин!» — подошел к калитке, спросил — кто такие? А я, говорит, от князя Амилахвари, и со мной, говорит, еще один человек. Пожалуйте, говорю, в дом! Вошли они, посадил я их у огня. Гляжу — сидит передо мной вот этот ученый господин.

— Ну и что же, не сказал он, кто такой? — вышел из себя Тарасий.

— Так сразу и стал бы он себя называть! Уселись, милый ты мой, эти двое и разговаривают между собой. Отсюда, мол, до Сачхере недалеко — как выйдешь утром, даже если за день три раза выспишься, к вечеру будешь на месте.

— Кто это говорил?

— Тот, который от Амилахвари.. И мне велел пойти с ним...

— Кто велел?

— Да все тот же, князя Амилахвари человек!

— А сам он куда делся?

— А он, милый мой, нынче же утром вернулся туда, откуда пришел.

— Ну и что дальше?

— Дальше? Я сказал — отчего, мол, не пойти, пойдут. И утром двинулись мы в путь, сюда.

— Фу, черт! Ну, а самого-то твоего гостя ты так и не спросил, кто он такой?

— Все, что мне нужно было, я узнал, а больше не о чем было спрашивать! Вон он, этот человек, — коли ты такой любопытный, поди и сам спроси. Вот пристал, надоел, право!

\* \* \*

Царь Имерети Соломон и картлийско-кахетинский царь Ираклий были уже много лет связаны договором о дружбе, и тем не менее оба царя вели тайную борьбу друг против друга. Ираклий хотел, чтобы Соломон признал главенство картлийско-кахетинского царя и подчинился ему так же, как это сделали ханы Ганджийский и Ереванский. Соломон же, напротив того, считал себя единственным законным наследником короны Багратионов и полагал, что если грузинским царствам суждено объединиться, то только под властью имеретинского ца-

ря, который, наподобие своего великого предка Давида Строителя, перенесет царский трон из Кутаиси в Тбилиси.

Все эти мысли о первенстве и особом предназначении имеретинского царя подсказывались Соломону прежде всего нашедшими у него приют беглыми картлийскими князьями, которые на все были готовы, лишь бы свергнуть ненавистного им Ираклия. Главарем недовольных картлийских феодалов был Элизбар Эристави. Этот опальный князь, прибыв в Имерети, немедленно принялся плести сети интриг. Он породнился с Соломоном, женившись на его сестре, и стал подговаривать имеретинского царя решительно выступить против Ираклия. Но еще больше разжигали Соломона самые разнообразные слухи о враждебных действиях Ираклия, доходившие до него из Тбилиси. Не проходило дня, чтобы лазутчики не доставили нового известия. Сегодня Соломону доносили, будто Ираклий подстрекает правителей Гуриели и Дадияни к непокорности. Завтра он узнавал, будто Ираклий нарочно женил на своей внучатой племяннице придурковатого претендента на имеретинский престол Давида Георгиевича, чтобы короновать его в Кутаиси, свергнув Соломона... Бог знает, чего только еще не рассказывали мнительному имеретинскому царю. Соломон прекрасно сознавал, что заветная цель его — утвердить имеретинский престол за собой и своим потомством — далеко еще не достигнута. Выступить против Ираклия было ему невыгодно и, конечно, не легко, так что он остерегался открытого проявления вражды. Но два примечательных известия, полученных в эту пору, помогли имеретинскому царю решиться перейти в наступление. Лазутчики сообщили ему из Тбилиси, что Ираклий решил возвести на имеретинский престол своего сына Левана и что мысль эта будто бы встретила поддержку со стороны мегрельского и абхазского правителей. Сообщалось также, что и султан дал свое согласие на этот план, приказав передать Ираклию: «Всю Имерети уступаю тебе, убери только оттуда Соломона!» Рассказ этот показался имеретинскому царю правдоподобным. В самом деле, Соломон давно уже был бельмом на глазу у султана, так что тот, пожалуй, мог натравливать на него Ираклия. Сам султан не раз пытался уничто-

жить Соломона на поле битвы, но посланные им войска неизменно терпели поражение.

В эту же пору приехали к Соломону из Москвы отец Бесики, священник Захария, со всем семейством и Александр Амилахвари, которого Ираклий некогда подверг жестокому наказанию за участие в государственном заговоре. Искалеченный палачом Амилахвари бежал из тбилисской крепости во время чумной эпидемии, когда придворные и горожане в ужасе покидали Тбилиси, и нашел пристанище в России.

Приехавшие немедленно явились к Соломону и сообщили ему поразительные новости. По их словам, в Петербурге достоверно было известно, что Ираклий начал переговоры с Турцией. Султан потребовал от Ираклия, чтобы тот закрыл перед русскими ворота Дарьяла. За это он обещал картлийскому царю возвести на имеретинский престол одного из его сыновей, если, конечно, тот согласится присягнуть на покорность падишаху. Известие это будто бы вызвало в Петербурге огромное возмущение. По словам Александра, императрица решила низложить Ираклия и отдать картлийско-кахетинский престол какому-нибудь представителю рода картлийских Багратионов.

Во всех этих рассказях было очень мало правдоподобного, но Соломон и без того уже был настроен против Ираклия и сгоряча решил начать не откладывая враждебные действия. Он тотчас же устроил тайное совещание со своими приверженцами и с беглыми картлийскими князьями. Решено было привезти из Персии царевича Александра Бакаровича, который должен был возглавить восстание против Ираклия, Александр Амилахвари уверял Соломона, что достаточно будет царевичу появиться на окраине Картли, в Сурами, как все картлийские князья явятся к нему со своими людьми, и этого одного будет достаточно, чтобы изгнать Ираклия из Тбилиси. А тем временем и из России придут карательные войска, которые, разумеется, примут сторону законного наследника картлийского престола.

Соломон согласился с этим планом и решил немедленно приступить к его осуществлению. Нужно было послать в Персию надежного человека, который передал бы царевичу Александру приглашение и привез бы его в

Грузию. Однако найти такого человека оказалось нелегко. Когда стал обсуждаться вопрос о том, какую дорогу избрать царскому послу, выяснилось, что все пути, ведущие в Персию, закрыты. Через Ахалцихе, принадлежавшее Турции, нельзя было ехать. Путь через Тбилиси был, разумеется, также исключен. Оставалось пересечь Кавказский хребет и ехать почтовой дорогой, пролежавшей вдоль полосы форпостов российских войск — так называемой «кавказской линии». Эта дорога вела через Моздок в Кизляр. Из Кизляра можно было добраться до Дербента, откуда отправлялись суда в персидский порт Решт или до Астрахани. Из этого города тоже ходили корабли в Персию, только морской путь был вдвое длиннее.

Однако путь через Дербент был также неприемлем. Правда, Фатали-хан был заклятым врагом Ираклия и мог даже оказать помощь посланцу борющегося с ним царя. Но по дороге в Дербент посол должен был проехать через степи кочевников-калмыков, и вряд ли ему удалось бы добраться живым до Фатали-хана.

Соломон приказал развернуть привезенную из России большую карту, на которой были изображены все части света. Когда царь и его советники наметили на карте маршрут посла, все были поражены дальностью расстояния и трудностями пути. Один за другим отказывались приближенные Соломона от царского поручения, ссылаясь то на незнание персидского языка, то на тысячи других причин самого разного рода. В Кутаиси в те времена не было ни одного купца, ведущего торговлю с Персией, чтобы поручить ему установить связь с царевичем Александром. Таким образом, царский совет неожиданно оказался в безвыходном положении. Захария Габашвили несколько раз воскликнул с сожалением: «Эх, жаль, что нет здесь моего сына! Он ведь объездил весь мир, и в Персии побывал, и с царевичем Александром лично знаком... Кого, как не Бесики послать бы в Персию за царевичем!»

Все эти события разыгрались поздней осенью. Два месяца после этого искали надежного человека, но никого не обнаружили. Надеялись, что среди католических миссионеров найдется кто-нибудь, знающий Персию и способный взять на себя поручение Соломона, но эта на-

дежда оказалась тщетной. Соломон был вне себя. «Позор! — восклицал он в гневе. — На что мне царство, где нет человека, способного поехать послом в чужие земли!» Наконец сахлт-ухуцеси Папуна Церетели успокоил царя: «Желающих очень много, надо только выбрать самого надежного человека, а уж выбор этот он, Папуна, берет на себя».

Однако Папуна, похваставшись таким образом, не знал, с какого конца подступиться к делу. Куда уж там выбирать — хорошо если бы нашелся хоть один человек, согласный ехать в Персию. Оставался единственный выход — взять все это дело на себя. Папуна так и решил: «Если не найду никого, будь что будет, рискну поехать, авось вернусь целым и невредимым!»

И вдруг — такой неожиданный поворот дела! Поистине, в счастливый час выехал он сегодня на охоту! Судьба привела прямо к его дверям человека, словно нарочно созданного для дела, которое так заботило его! Папуна был сам не свой от радости. Он тут же отправил гонца в Сачхере с тем, чтоб дома готовились к приему знатного гостя. Сам же он вместе со всей свитой направился к первой попавшейся хижине, чтобы дать своему усталому гостю обсушиться у огня.

— Кто здесь живет? — спросил Папуна, открывая дверь хижины, и вошел в нее, не дожидаясь приглашения. — А, Павлиа, это ты! — сказал он, узнав белобородого старика, поспешившего ему навстречу. — Здравствуй, мой Павлиа! Ты рад мне?

— И вы изволите еще спрашивать, дорогой мой господин! — Старик опустил на колени, склонился до земли и поцеловал колено князя. — До такой радости довелось дожить — вы переступили мой порог, не побрезгали моей лачугой! Разве может быть для меня большее счастье?

— Ну, мой Павлиа, разожги для нас в очаге огонь пожарче! Приехал ко мне из Картли дорогой гость, знатный человек, самому царю ровня. Пусть он увидит, как мы умеем принимать гостей. Пробирался он через снег весь день — видишь, промок насквозь. Дадим ему обсушиться, а там и поедем своей дорогой.

— Как это — своей дорогой! — обиделся Павлиа. — Не отпущу вас, прежде чем не разломите за столом в

моем доме горячий хачапури! Ныне ведь масляная неделя. Сейчас, родимый мой!

Бесики подошел к очагу и стал греться у огня. Босоногий мальчишка подкинул в огонь сухого хворосту. Пламя ярко вспыхнуло и осветило полутемное помещение. Стены и потолочные балки длинного дарбази были покрыты копогью и маслянисто блестели. Дарбази имел две двери, в ближнем и дальнем концах, и всего одно окошко, такое узкое, что через него едва просунулся бы кулак. Вдоль одной из стен, по всей ее длине, была устроена широкая и низкая тахта, служившая для спанья. На тахте, в дальнем ее конце, стояли два сундука и громоздилась горка сложенных постелей. Бесики удивился, не увидев в помещении никого, кроме старика и мальчишка, который, впрочем, подбросив хворосту в огонь, тоже куда-то скрылся. Через некоторое время мальчишка вернулся в дарбази, вскочил на тахту, достал из сундука стопку сложенного платья и убежал вместе с нею. Бесики понял, что женщины при виде гостей скрылись через заднюю дверь и сейчас где-нибудь в хлеву или саманнике переодеваются и приводят себя в порядок. В самом деле, прежде чем Павлия кончил расспрашивать князя о здоровье всех его родственников и домочадцев, дверь открылась и в комнату вошли три женщины. Старшая из них, жена Павлии, была статная, красивая, удивительно бодрая для своих лет старуха. Она сразу направилась к Церетели, обняла его и припала губами сначала к плечу, потом к руке князя.

— Родной мой! Сколько раз, когда ты был ребенком, я укачивала тебя в люльке! А теперь довелось увидеть тебя в моей хижине — хорошо ли ты живешь-поживаешь, на радость твоей Саломэ?!

— Хорошо, моя Саломэ, хорошо!

— Это — дочь моя, а это — невестка, — представила Саломэ князю молодых женщин, а потом обернулась к Бесики и приветствовала его с извинениями: — Господи, порази меня громом, я и не заметила гостя! Присаживайтесь, дорогой мой, располагайтесь поудобней и не скучайте, сейчас все будет готово.

— Саломэ, не беспокойся и не хлопочи, — обратился Папуна к старухе. — Я побуду у тебя, только пока



мой гость отогрется у огня, а потом сразу посажу его на коня и повезу в Сачхере.

— Ну что ты, господин, как можно! Без угощения я вас не отпущу — времени много, все равно успеете попасть домой до захода солнца!

— Ну так делай свое дело, жена, не разговаривай! — прикрикнул на супругу старый Павлиа и засуетился на месте — подвернул рукава чохи, словно был занят делом, и взглянул на Церетели. — Дай-ка, я приглашу этих ваших спутников сюда...

— Ничего, им и там хорошо! — махнул рукой Папуна. Ему не терпелось побеседовать с Бесики наедине.

— А не озябнут? Ну отведу их хоть поближе к тонэ, пусть погреваются! — сказал Павлиа и вышел из комнаты.

— Пешие пусть уйдут, а верховым прикажи быть наготове, мы сейчас поедем, — крикнул ему вдогонку Папуна и обернулся к Бесики. — А теперь, мой дорогой гость, грейся у огня и тем временем опиши мне подробно все твои приключения.

— Ну, этак мне придется, пожалуй, раз сто вывалиться в снег и обсушиться перед камином, прежде чем я дойду до конца своей истории, — ответил со смехом Бесики и повернулся к огню другим боком.

— Знаешь ли ты, что твой отец уже в Кутаиси?

— Как? — удивился Бесики. — Неужели?

— Да, Захария прибыл к нам из России со всем семейством.

— Почему же он мне не сообщил о своем приезде?

— Решил, что так будет лучше. Боялся, что Ираклий взведет на тебя какую-нибудь напраслину и накажет без вины. Так оно, впрочем, и случилось. По-видимому, Ираклий узнал, что Александр Амилахвари и твой отец явились к нашему царю...

— Как, и Александр здесь?

— Да, и он. Так вот, должно быть, Ираклию сообщили об этом, а он и подумал — уж не стал ли и ты нашим лазутчиком, и вот... Он сам тебя изгнал, или ты бежал от него?

— Бежал!.. — ответил Бесики со вздохом.

Сердце его внезапно сжалось от острой тоски — он едва удержался от слез.

— Государь исключительно милостиво принял твоего отца и пожаловал ему землю в Кутаиси. Поселили его временно в Гелати — до тех пор, пока будет построен в городе его дом и пока кутаисский митрополит даст ему какой-нибудь приход, — попытался Папуна утешить Бесики, заметив, что лицо молодого человека омрачилось. — А теперь я должен тебе признаться: бывает ведь — всеми силами души желаешь чего-нибудь и не надеешься даже, что судьба пошлет тебе желаемое... Вот таким вождленным был для нас твой приезд. Увидишь, как обрадуется тебе наш государь. Тогда поймешь, какой ты счастливый человек!

Но Бесики, погруженный в свои горькие мысли, даже не слышал, что говорил ему Церетели. Он недвижно стоял перед огнем и молча следил за женщинами, хлопотавшими около очага, гремевшими посудой, вбегавшими и выбегавшими с какими-то большими деревянными чашками, с горшками и кувшинами. Саломэ отдавала время от времени короткие распоряжения, а дочь ее и невестка быстро и беспрекословно исполняли приказы старшей хозяйки.

Бесики удивлялся — как просто, по-домашнему, держали себя члены этой крестьянской семьи в присутствии могущественного вельможи. Спутники князя, среди которых были и родовитые дворяне, не посмели даже войти в дом вместе со своим господином и ждали его на дворе. А эти простые люди, хлопоча по хозяйству, между делом свободно разговаривали с Папуной, спрашивали его о том о сем, перебрасывались с ним шутками... Правда, положение хозяев дома давало им на это некоторое право — и все же вольное обращение крепостных крестьян с высокородным сановником казалось Бесики удивительным и, надо сказать, очень ему нравилось.

Папуна заметил, что гость слушает его лишь краем уха, и приписал его рассеянность усталости после долгого и трудного пути. Он снова обратился к Павлии и завязал со стариком беседу.

— Доволен ли ты урожаем, Павлия? — спросил Церетели. — Много собрал пшеницы?

— Хлеба, родимый, уродились у нас не такие гу-

стые, как на полях Сацетрло, у твоей милости, но все же ничего, грех жаловаться.

— А кукурузу ты посеял?

— Как же, господин мой,— посеял, конечно! Очень уж хорошая штука эта кукуруза. Я был еще совсем маленьким мальчиком, когда мой отец впервые привез ее семена из Аргвети — не из нашего Аргвети, а из дальнего, того, что около Шорапани. Увидели мы кукурузный початок и перепугались — думаем, что это он на нас зубы скалит? Люди сомневались, примется ли кукуруза в наших горных местах — она, мол, низину любит. Ну, посеяли мы ее, и уродилась она — да как уродилась! Некуда зерно ссыпать, закров не хватает. Тогда же мы и кукурузник поставили, плетенный из прутьев, на столбах. Так нас научили зерно хранить — в плетеных кузовах, чтобы ветром свободно продувало. Потом повезли на мельницу, смололи... Сначала попробовали испечь из нее обыкновенный хлеб в тонэ, да ничего не вышло. Ну, потом наши женщины научились печь кукурузные лепешки, и так они полюбились нам — думаем, вряд ли на свете найдется что-нибудь вкуснее! Наш уважаемый гость, наверное, и не видал никогда кукурузного мчади! Вот только труда на нее приходится много класть — дважды, а то и трижды надо поле промотыжить, иначе сорная трава всходы заглушит.

Вскоре женщины внесли маленький, низенький столик и поставили его перед почетным гостем. Бесики еще не успел обсохнуть, от одежды его подымался клубами пар. Его усадили перед огнем так, чтобы он мог дотянуться до стола. Дочь хозяина дала гостям помыть руки, а невестка разложила на столе только что вынутые из тонэ длинные хлебы — «шоти» и испеченные на глиняной сковороде хачапури. Принесли также разрезанную на куски жареную курицу с чесночной подливкой. Павлиа наполнил чарки темно-красным, искрящимся, как рубин, вином.

— Ну, дорогой гость, случилось ли тебе когда-нибудь отведать такого угощения? — сказал с улыбкой Папуна Церетели, разломив горячий хачапури и протягивая кусок поэту.

Солнце уже закатилось, когда они приехали в Сачхере. Лошади с глухим топотом скакали по улице, разбрызгивая копытами кашу из полурастаявшего снега. Все население городка высыпало на улицу и провожало любопытными взглядами возвращавшегося с охоты князя и его свиту. Встречные почтительно приветствовали высокогородных всадников. А еврей-торговцы сразу засыпали охотников вопросами:

— Ну как, удачная была охота? Много дичи добыли? Зайцы есть? — И, понизив голос, чтобы не слышали едущие впереди: — А кто этот человек, что едет с князем?

Приехав к себе во дворец, Папуна сразу во всеуслышание отдал приказ, чтобы именитого гостя приняли с подобающим почетом. Он всячески старался поразить Бесики и показать поэту, как велики его, Папуны Церетели, значение и могущество здесь, в Имерети. Как только охотники спешили, Папуна послал Садуна на базар — за портным и сапожником, чтобы заказать для Бесики самое лучшее платье и обувь. В самом деле, платье Бесики висело на нем лохмотьями, а на ногах было надето что-то странное, лишь отдаленно похожее на сапоги.

Садуна миг привел откуда-то и портного и сапожника. Едва успели Бесики и его хозяин усесться в деревянные кресла перед пылающим камином, как дверь отворилась и в комнату вошли, предшествоваемые Садуной, оба мастера.

— Где ты их нашел так скоро? Уж не из кармана ли достал? — улыбнулся Папуна и обратился к ремесленникам: — Вот мой гость. Только помните — вы не ему шьете платье, а мне. Когда принесете готовый заказ, я сам его посмотрю и, если мне не понравится... — берегитесь! К завтрашнему вечеру все должно быть готово.

— Обувь, пожалуй, поспеет, господин, но вот платье... — замялся портной, — за платье не ручаюсь. Одни только петли обметать...

— Никаких «но»!.. Подмастерьев и учеников у тебя много, засади их за работу, и дело с концом. Каба и архалук должны быть такие, чтобы я сам лучших не мог пожелать! — приказал ремесленникам Папуна.

Оба мастера сняли с Бесики мерку при помощи крученой нитки из шелка-сырца. Каждый размер они отмечали на нитке узелком. Но вот они кончили свое дело и удалились. Папуна хотел посадить гостя за ужин и побеседовать с ним до самого утра, но Бесики чувствовал себя смертельно усталым и попросил у хозяина позволения пораньше лечь спать. Папуна и сам заметил, что Бесики еле держится на ногах; кроме того, сидя перед жарким камином, поэт как-то подозрительно пожимался и почесывался... Папуна позвал слуг и приказал им заняться гостем.

Слуги отвели Бесики в предназначенную ему комнату, принесли огромный медный котел, полный горячей воды, и выкупали в нем усталого гостя. Потом они облачили поэта в чистое шелковое белье и постелили ему такую же чистую постель с шелковыми простынями и одеялом. Бесики зарылся в мягкие подушки, уверенный, что сон тотчас же овладеет им. Но ожидания его не оправдались — он провел беспокойную, бессонную ночь.

Чуть ли не полмира объездил Бесики — по крайней мере, так ему казалось, — но ни разу не испытывал он такого странного ощущения заброшенности, оторванности от всего родного, как сегодня. Когда Бесики ехал в Персию или в Россию, впереди у него были долгие месяцы путешествия, но он знал, что скитания эти окончатся и он вернется домой, вновь увидит родной уголок земли. А сейчас он находился в стране, где ему предстояло поселиться навсегда. И путешествовать ему приходилось в суровое время года, природа вокруг была неласковой и угрюмой, холод пронизывал до костей, покрытые снегом горы и поля не радовали, не очаровывали взгляд путника... Все представлялось Бесики в мрачном свете.

Лишь на рассвете, когда петухи напелись до хрипоты и проснувшаяся челядь забегала по господскому дому, Бесики забылся сном. Он проспал до полудня. Как только он открыл глаза, слуга принес ему красиво вышитые домашние туфли без задников и его тбилисское платье, вычищенное и починенное с таким искусством, что с первого взгляда нельзя было даже обнаружить разорванные и протертые места. Потом пришел цирюльник, усадил Бесики перед камином, побрил его и красиво подстриг ему

волосы. Когда Бесики умылся, слуга почтительно доложил, что князь дожидается его в зале и не хочет один садиться за завтрак. Бесики поглядел на свои шлепанцы — ему неловко было являться к завтраку в таком виде, — но слуга успокоил его и попросил не стесняться: князь сейчас один, а к вечеру, когда съедутся гости, принесут новую обувь.

Войдя в зал, Бесики увидел Папуна, который сидел перед камином и в ожидании гостя потягивал дым из длинного чубука. Он тотчас же усадил гостя рядом с собой перед камином и приказал слугам подавать завтрак. И здесь, так же как в крестьянской хижине, между ними поставили низенький столик, сделанный из одной цельной, чисто выструганной доски. На столе расставили серебряные блюда и деревянные чашки. Затем принесли хачапури, мягкий молодой сыр и жареных цыплят.

— Сейчас удовольствуемся этим, а за обедом угощу тебя оленьими шашлыками. Надо торопиться вкусно поесть, а то завтра начинается великий пост и уж до самой пасхи скоромного попробовать не дадут! — сказал Папуна шутливым тоном и потянулся за хачапури только для того, чтобы подать пример гостю. — Угощайся, мой дорогой гость! У вас, в Картли, говорят, потчевать гостей не полагается!

Папуне не терпелось побеседовать с Бесики по душам, расспросить его о делах Картлийско-Кახетинского государства, узнать от него все тайны дворца Ираклия, разобраться во взаимоотношениях вельмож и в скрытых придворных интригах, являющихся отличительным признаком каждого царского двора. Поэтому, когда гость и хозяин насытились, Папуна приказал убрать стол и не пускать к ним никого. Началась беседа, которая продолжалась до самого вечера. Собеседники то сидели у камина, то выходили на балкон, на солнышко — погода разгулялась, и настал теплый, ясный день. Отсюда открывался вид на покрытое снегом, изрытое оврагами Горисское плоскогорье. Вдали виднелись крепостные башни усадьбы Абдушелишвили, церкви Корети и Удердзи и разбросанные на склонах крестьянские дома. Отсюда можно было также охватить взглядом всю обширную усадьбу Папуны Церетели и прилепившееся к ней ма-

ленькое местечко. Словно цыплята около наседки, теснились вокруг княжеского двора лачуги, кузницы под навесами, лавчонки и мастерские. Самая усадьба сахлтухуцеси представляла собой целый город, пестрый и многолюдный. Просторный, украшенный балконами и аркадами дворец князя был окружен закромами и амбарами, людскими и девичьими, кухнями и пекарнями, псарнями, хлевами и конюшнями, свинарниками, птичьими дворами и загонами для овец, и все это было обнесено общей оградой.

Зрелище это невольно обратило на себя внимание Бесики. В Картли и в Кахети ему не приходилось видеть столько хозяйственных строений в одном дворе. Возле богатых каменных княжеских хором, зачастую обнесенных такой же каменной стеной, редко можно было заметить амбары, конюшню или псарню. Зерно хранили в ямах, хлеб и конюшня помещались в землянках, да и крестьянские жилища стояли по поясу, а то и почти по самую плоскую крышу в земле.

Во время беседы Бесики то и дело делился с хозяином своими впечатлениями и расспрашивал его об особенностях имеретинского быта. Но Папуне хотелось узнать как можно больше о картлийских и кахетинских делах. На все вопросы Бесики он отвечал коротко, вскользь и опять возвращался к происшествиям и делам тбилисского двора, к мыслям и намерениям Ираклия. Он заставил Бесики подробно рассказать о настроениях картлийского и кахетинского дворянства, о своих путешествиях по Ирану и России, обо всем виденном в чужих землях. Особенно подробно он расспрашивал Бесику о царевиче Александре Бакаровиче.

Беседа, наверное, затянулась бы до следующего утра, но вечером, когда солнце склонилось к закату и гость с хозяином вернулись к камину, пришли мастера из местечка и принесли Бесики новое платье и обувь. Вскоре появились и первые гости. Бесики тотчас же ушел в свою комнату, чтобы переодеться в новую одежду.

\* \* \*

Когда Бесики вошел в зал, там уже были накрыты пиршественные столы и гости начинали рассаживаться. В новом платье, притом непривычного покроя, Бесики

чувствовал себя неловко. Шепот и любопытные взгляды, которыми было встречено его появление, стесняли его. Немного смущенный, он остановился посредине зала с опущенным взглядом.

Папуна Церетели представил своим родственникам и друзьям поэта-изгнанника, оторванного превратностями судьбы от родного Тбилиси. И мужчины и женщины одинаково приветствовали Бесики поклоном. Поэт наконец поборол смущение и решился поднять взгляд, чтобы рассмотреть представителей имеретинского высшего общества.

Женщины были белолицы. Этим они, однако, в значительной степени были обязаны щедро наложенным белилам, как, впрочем, и женщины Восточной Грузии. Волосы у большинства были заплетены в множество тоненьких косичек, спускавшихся до пят. У одних сверкали на голове алмазные диадемы, другие украсили себя более скромными жемчужными булавками. Почти у всех висели на шее жемчужные ожерелья или усеянные драгоценными камнями кресты на золотых цепочках.

Мужчины, статные, рослые, стройные и широкоплечие, были красивее женщин. Большинство было с бритыми подбородками, лишь у некоторых стариков грудь была застлана окладистой белой бородой. Волосы, вьющиеся и густые, почти у всех были взбиты и стояли над головой наподобие куста. Папанак — небольшой четырехугольный кусок фетра, игравший роль шапочки, — у одних покоился на волосах, другие носили его на шнурке, перекинув через плечо.

Здесь так же, как во дворце Ираклия, мужчины расселись вдоль одной стены, а женщины — вдоль другой. В конце зала, на некотором расстоянии от главного пиршественного стола, сидели за особым столиком музыканты и певцы. Внимание Бесики привлек белобородый слепой старик, сидевший за музыкантским столом. Широкоплечий и осанистый, с красивым, правильным лицом, старик этот резко выделялся среди всех присутствующих.

Зал был ярко освещен толстыми свечами, вставленными в массивные подсвечники. Как только священник благословил трапезу, все безмолвно принялись за еду. Слуги вносили закрытые крышками серебряные блюда с жареными цыплятами, с вареным мясом, с потрохами и



ливером в различных пряных соусах; затем последовали сациви, жареные поросята и, наконец, оленьи шашлыки. Виночерпий непрерывно наполняли разнообразные сосуды для питья — булькающие кулы с длинными горлышками, плоские чеканные азарпеши, изогнутые роги, кувшинчики-чинчилы — и подносили гостям.

Пир еще только начинался, когда Папуна сделал знак музыкантам и певцам. Они затянули застольную здравицу мравалжамьер, за которую последовало несколько старинных песен. Бесики со своим острым слухом сразу обратил внимание на это своеобразное многоголосое пение. Но особенно изумил и восхитил его низкий бас слепого старца. Ни один из певцов — ни тенора, ни баритоны, ни дисканты, ни другие басы — не могли заглушить своими голосами это громовое и в то же время сладостно-чарующее гудение. Казалось, если дать старику разойтись, он сорвет своим пением крышу с дома.

— Ах, как прекрасно он поет! — воскликнул Бесики в восторге, обращаясь к Папуне. — Кто это такой? Не похож на простого человека!

— На простого человека? — повторил Папуна, и глаза его блеснули так грозно, что Бесики почему-то мороз продрал по коже. — Как это сказано в евангелии: «Всякий возвышающий себя унижен будет, а унижающий себя возвысится». И еще написано: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, но зови нищих, увечных, хромых и слепых...»

Последнее слово Папуна произнес особенно громко и при этом желчно рассмеялся.

За столом неожиданно воцарилось молчание. Все устремили взгляды на Церетели — одни с любопытством, другие — со льстивыми улыбками. Гости прекрасно понимали, кого имел в виду сахлит-ухуцеси и что он хотел сказать.

— Слова святого евангелия вынуждают меня широко открыть двери моего дома перед этим слепым старцем и пригреть его, — продолжал Папуна. — Ты хочешь знать, мой дорогой гость, кто такой этот слепец? Сейчас объясню тебе. Это тот, кто, желая возвеличить самого себя, вступил в борьбу с нашим великим царем Соломоном,

нашим мудрым правителем, который вот уже сколько лет самоотверженно трудится, чтобы возродить и возвеличить Имеретинский край — некогда, во времена Давида Строителя и великой Тамар, цветущий и сильный, а ныне пришедший в упадок. Этот старик — предатель, не раз заносивший нож, чтобы всадить его в спину нашей стране. Когда царь Соломон воспретил торговлю рабами, он посылал письма туркам, звал их — скорей вторгайтесь, мол, в наши пределы, я поддержу вас, чтобы вы могли по-прежнему доставлять в гаремы пашей и беков красивых грузинских девушек и пополнять ряды мамелюков и янычаров грузинскими юношами. Царь Соломон пытался выдворить из наших крепостей засевшие в них турецкие отряды, а этот старик, вместе с изменником Леваном Абашидзе, привел на помощь туркам свои войска...

— Как? — вырвалось у Бесики. — Неужели это...

— Да, этот незрячий старец не кто иной, как Ростом Эристави, владетель Рачи, — сказал Папуна и, подняв голову, крикнул слепцу через весь стол: — Помнишь, Ростом, как ты напал на Сацретло и вспахал мои сачхерские земли — дескать, они когда-то принадлежали моему предку Кахаберу?.. А теперь я бороню твое сердце!

В зале раздался громкий хохот. Мужчины раскачивались, сталкивались друг с другом, делали вид, что надываются от смеха, чтобы доставить удовольствие сахлтухуцеси. Куцуца Абашидзе, сидевший в конце стола, выставил вперед свою лисью мордочку и скалил зубы, растянув рот до ушей; казалось, лисица, угодившая в капкан обеими задними лапами, смеется, чтобы обмануть весь свет.

Один только Бесики не смеялся. Сдвинув брови, печально глядел он на несчастного, униженного старика, сидевшего безмолвно, со слегка склоненной головой.

Когда смех немного утих, Ростом медленно поднял голову и низким, бархатным, как-то странно хватающим за сердце голосом сказал, обращаясь к Папуне:

— Меня постигло заслуженное возмездие, Церетели. Раньше глаза мои были зрячими, но я сам в слепоте своей, ничего не видел. Ныне же глаза мои слепы, но я все вижу. Глаза моего разума отверзлись, я заглянул в душу свою и увидел, что был слугою дьявола. Милосердный

бог спас меня, позволив тяжким наказанием искупить грехи мои. Велика сила господя, и все в мире творится по его воле. Это хорошо, что ты выступаешь проповедником добрых дел, но мнится мне, что и ты, и Соломон поступаете подобно фарисеям! Если уж ты столь хорошо знаешь евангелие, то, наверное, помнишь и эти слова: «Все, что они велят соблюдать, соблюдайте и делайте, по делам же фарисеев не поступайте, ибо они говорят и не делают. Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людей, а сами и перстом не желают пошевелить, дабы двинуть их. И все дела свои творят напоказ людям!» Ты укоряешь меня за измену великим деянием Соломона. Ты прав, я поступал дурно, но в твою искренность я не верю. Сегодня ты — первый вельможа при дворе Соломона и уверяешь себя и людей, что все труды твои — служение богу и людям. Но если положение твое пошатнется и ты утратишь влияние при царском дворе, тотчас же забудешь о народе и первый побежишь к султану с просьбой о помощи.

— Но тогда я уже буду не Церетели, а Эристави!

— Это самое я и говорю. Но постарайся сделать так, чтобы возмездие, не в пример мне, миновало тебя.

— Оставим это! Лучше расскажи нам, как ты встретился с Джафаром Джапаридзе! — оборвал его Папуна и обернулся к Бесики: — Был у Ростом один дворянин, преданный человек, по фамилии Джапаридзе. Так вот, однажды схватил Ростом этого дворянина и за излишнюю верность выколол ему глаза. В прошлом году на пасху этот слепец явился в Сачхере и спрятался в церкви: узнал, что Ростом здесь, у меня под стражей. А потом, во время всеобщей, поднес своему господину красное яичко; дескать, загубил меня и сам пропал — что ж, Христос воскрес, радуйся.

За столом снова раздались взрывы хохота, но Бесики по-прежнему сидел с нахмуренным лбом, и на лице его не было и тени улыбки. По временам он бросал беглый взгляд на хозяина дома, и тогда странное чувство овладевало им: Бесики казалось, что слепой старик, пророчествовавший здесь, словно ясновидец, справедливо судил о Папуне Церетели. Что-то жесткое, злое сквозило временами в правильных чертах красивого лица сахлт-уху-

цеси и делало сомнительным искренность его благородных устремлений.

Внезапно Бесики встал с места, попросил у хозяина разрешения спеть что-нибудь вдвоем с Ростомом Эристави и направился к музыкантскому столу.

— Попрошу тишины и внимания! — объявил Церетели. — Говорят, наш гость самого шаха персидского околдовал своим пением. Послушаем, как он сплет с Ростомом!

Разговоры сразу умолкли, в зале воцарилось мертвое молчание.

Бесики подсел к слепому старику и проговорил вполголоса:

— Извините мне мою дерзость, ваше сиятельство... Если вы разрешите...

— Я знаю тебя, ты — сын Захарии, придворного священника кахетинского царя, — сказал Ростом. — О твоём отце я слышал, будто он выступил против католика Антония. А о тебе говорят, что ты отличный стихотворец и певец. Что ж, начинай, затягивай любую песню, какую пожелаешь. Я ко всякой песне могу подладить свой бас. Правда, по одной притче, соловей сказал — не было равных мне певцов, да налетел коршун, и забыл я все песни... Но ничего, кое-что еще я умею!

Бесики чуть слышно прокашлялся и затянул стариннейшую песню «Ты — виноградник, только что расцветший». Певцы сразу подладились к нему, мелодия устремилась вверх, но тут тенор Бесики взлетел на головокружительную высоту, потом загудел бас Ростом и сразу покрыл, заглушил все остальные голоса. А Бесики вел мелодию все выше и выше, и эти два голоса, тенор поэта и бас слепого старика, долго состязались, боролись друг с другом, как тоненький стройный юноша и могучий великан Голиаф на ристалище.

Наконец бас взял низкие ноты, разлился, как море, из края в край, а тенор взлетел как бы в самые небеса, и слушателям показалось, что он звенит где-то среди звезд. Песня произвела на гостей огромное впечатление. Как только певцы умолкли, восхищенные слушатели засыпали их похвалами.

Со всех сторон доносилось:

— Боже, что я слышал!

— Вот это певцы! Случалось кому-нибудь из вас слышать такое пение?

— Верно, в раю так поют!

— Что это, скажите? Поют еще, или у меня в ушах звенит?

— Какие верхи брал, слышали? Даже Ростом претрвошел, одолел — вот это голос!

А Ростом поднял голову и спросил:

— Ты здесь еще, сын мой, или ушел?

— Я здесь, — ответил Бесики.

— Бог да пошлет тебе счастье и долгие дни, сын мой! Благодарю тебя. Своим прекрасным пением ты дал мне, забытому людьми и одним только богом еще не покинутому старику, еще раз испытать земное блаженство!

Казачок внес разогретый бубен и подал его на женскую половину. Гости некоторое время отказывались, жеманились и упрасивали друг друга, но в конце концов какая-то длинная и сухая, как палка, женщина схватила бубен и заиграла плясовую. Тотчас же на мужской стороне какой-то молодой человек с осиной талией легко оттолкнулся от пола, топнул ногой, выскочил на середину зала и, раскинув руки, понесся по кругу.

Пир продолжался до утра.

\* \* \*

Через два дня, когда снег почти уже весь растаял, Папуна взял с собой Бесики и отправился в Кутаиси. Выехали они еще до рассвета. Путь их шел по берегу Квирилы. Миновав Сачхере, они вступили в удивительный скалистый коридор. В отвесных скалах, высившихся по обоим берегам реки, виднелись многочисленные пещеры. Темные отверстия зияли высоко в каменных стенах, вздымавшихся над дорогой, казалось, до самого неба. Вровень с этими пещерами на скалах виднелись остатки балконов из твердешего грузинского дерева — дзелквы. Входы некоторых пещер были заделаны каменной кладкой, посредине которой оставалось четырехугольное отверстие со вставленной деревянной рамой. Отверстие это, по-видимому, служило одновременно и

дверью и окном. Основания скал были сильно подточены. Нельзя было не удивиться, как подступились люди в древнейшие времена к этим взнесенным на огромную высоту пещерам, как взбирались по отвесной стене да еще поднимали строительные материалы, чтобы устроить там свои жилища!

Вдали показался Мгвимский монастырь. Вид этого храма еще больше изумил Бесики. Впереди высилась огромная скала, высотой не менее ста пятидесяти локтей. Основание ее было глубоко подточено во всю длину; посредине скалы зияла пещера—настолько большая, что в ней умещался целый храм. Вровень с храмом в отвесной стене были высечены уже рукою человека другие пещеры — целая цепь пещер.

— Лавиринф! — воскликнул Бесики.

— Что? — переспросил, не поняв, Церетели.

— На острове Крит есть гора, пронизанная подземельями и пещерами, обманчивым сплетением своим сбивающими вошедшего с пути; пещеры эти, а также любые, подобные им, называются лавиринфом. В Карти много пещерных монастырей и храмов, таких, как Шио-Мгвиме около Мцхета, как Уплис-цихе или Вардзиа, но никогда еще не приходилось мне видеть подобной скалы, со столь неприступными пещерами! Если будет на то ваше соизволение, я хотел бы подняться осмотреть монастырь.

Папуна согласился. Он свернул с дороги на узкую скалистую тропинку и, хлестнув коня, пустился вверх по крутому подъему. Остальные последовали за ним. Лошади осторожно ступали по каменистому уступу, нависшему над обрывом. Кое-где среди выветренных камней причудливой формы, похожих на кости каких-то допотопных животных, поднимались головки подснежника.

Наверху, в монастыре, зазвонили в колокола.

У ворот обители Папуна встретили священник и настоятельница монастыря во главе целого сонма монахинь. Гости спешили и по очереди подошли к священнику под благословение. Бесики не терпелось осмотреть этот сказочный монастырь, но внезапно в толпе монахинь, среди увядших, погасших лиц, мелькнули перед ним такие прекрасные, юные девические черты, что от

внезапного волнения у него чуть не потемнело в глазах. Лицо девушки, одетой с головы до ног в черное, сияло, как расцветшая роза, глаза светились, на коралловых губах играла едва заметная, излучающая радость улыбка. Никогда еще не ощущал Бесики зова жизни и любви с такой силой, как сейчас, при виде этой монашки, казавшейся ему божественно прекрасной. Возможно, что впечатлению этому придавало удесятенную силу суровое одеяние девушки и сознание ее затворничества. Быть может, если бы Бесики встретил ее в обычном окружении, где-нибудь на пиру или в гостях, он и не обратил бы на нее внимания. Но здесь, среди этих диких скал, в монастыре, приютившемся среди орлиных гнезд, в толпе женщин, навеки отторгнутых от мирской жизни и посвятивших свое существование молитве и постам, юная инокиня показалась Бесики олицетворением небесной красоты. Сердце поэта учащенно забилося, и после этого он уже не обращал внимания ни на что окружающее. Едва волоча ноги, словно пьяный, следовал он за сахлт-ухуцеси. Они прошли по обнесенному оградой двору перед кельями монахинь, нырнули в сводчатый ход под прилепившейся к скале колокольней и по узкой тропинке, высеченной на почти отвесной каменной стене, добрались до пещеры, внутри которой высился храм. Бесики с замирающим сердцем рассматривал внутренность храма, надеясь всеми силами души хоть раз еще увидеть прекрасную затворницу.

Началась обедня. Бесики окинул беглым взглядом группу монахинь. В храме царил полутьма, и, пока глаза не привыкли к ней, трудно было различить среди тесной толпы женщин в черном прелестные черты той, кого искал поэт. Но когда монахини запели, Бесики быстро обернулся и сразу увидел девушку в дальнем углу церкви. Как младшая среди инокинь, она стояла в самом заднем ряду и пела звонким голосом. Бесики показалось, что она смотрит в его сторону. Но как только девушка заметила устремленный на нее мужской взгляд, она смутилась, отвернула лицо и спряталась за старшими. Разочарованный Бесики вновь повернулся лицом к алтарю, в надежде, что после обедни ему удастся еще раз бросить взгляд на красавицу. Однако ожидания его не оправдались. Девушка исчезла без следа, и Бе-

сики тщетно пытался отыскать ее среди множества инокинь и послушниц.

Наконец путники покинули монастырь, вновь спустились в ущелье и продолжали путь. Небо неожиданно заволоклось свинцовыми тучами, и скалистый коридор, по которому они ехали, принял еще более мрачный и фантастический вид. Местами от этого коридора отходили то вправо, то влево другие такие же узкие, темные ущелья. На огромных скалах, то вздымавшихся ввысь отвесными стенами, то выпяченных, словно брюхо сказочного великана, чернели отверстия все новых и новых пещер.

Всадники ехали попарно, но местами дорога была так узка, что приходилось выстраиваться цепью. Бесики молча покачивался в седле, погруженный в свои мысли. Внезапно его догнал Садуна и заговорил вполголоса, так, чтобы его не услышали другие:

— Как вам нравятся наши края, господин? Ух, какая там была красивая девушка, в этом монастыре! Не знаю, заметили вы ее или нет?

— Как же, заметил. В жизни не встречал такого прелестного существа! — ответил Бесики, обрадованный тем, что может узнать что-нибудь о прекрасной монахине.

— Да, я видел, господин, что вы не можете взгляда от нее оторвать. Эх, злая это штука — человеческая судьба! — вздохнул Садуна, натягивая повод, чтобы сдержать своего коня и пропустить Бесики вперед. Ехать плечом к плечу он имел право только с равным себе.

— Кто же она такая, эта девушка? — спросил Бесики.

— И не спрашивайте, господин! Несчастное создание, незаконнорожденная. Нет, право, удивительно устроен этот мир! — внезапно разгорячился Садуна. — Разве не каждый человек рождается на свет по воле божьей? В чем же провинилась бедняжка? Почему ей выпала такая жестокая доля? Капкан Бакрадзе соблазнил вдову, и родилось это дитя. Ну и что случилось, девчонка-то ведь не виновата! Или она не человек? Раз, мол, она незаконнорожденная, ее уже и замуж выдать нельзя!



— Почему? — изумился Бесики.

— Кто же возьмет в невестки девушку, рожденную вне законного брака, господин? А ведь хороша она, — я не видал девушки красивей! Так, несчастная, и должна увянуть в монастыре! Разве не жалко? Почему она должна расплачиваться за грех своих родителей? А ведь, кажется, вы пришлись ей по душе, господин! Несчастная все время глядела на вас. А когда обедня кончилась, раньше всех убежала из храма — верно, испугалась, как бы старухи чего-нибудь не заметили. Потом, когда вы проезжали по двору, она выглядывала тайком из кельи в колокольне — прижалась к окошку и прямо-таки пожирала вас глазами. Этого только ей не хватало, несчастной! Не то что о таком вельможе, как вы, но даже о простом парне, вроде меня, ей нельзя помышлять... Зачем же она летит на огонь, бедняжка, на что надеется?

★ ★ ★

Были уже сумерки, когда путники прибыли в Скандэ. Стройные, высокие башни царского замка смутно обрисовывались в лиловой вечерней полутьме, похожие на тени каких-то сказочных богатырей. У ворот Папуна и его спутников встретили воины крепостной стражи; они впустили приехавших во двор и, когда те спешили, увели лошадей. Бесики увидел каменные царские палаты, пристроенные к одной из высоких стен крепкой крепостной ограды, дворовую церковь и несколько бревенчатых строений, которые оказались амбарами. Царские слуги и воины жили в башенных помещениях и в келейках внутри крепостных стен.

Папуна приказал слугам зажечь камин в большом зале царского дворца и там же постелить ему и гостю. Слуги тотчас же побежали исполнять его приказ, осветили палату свечами и зажгли огонь в огромном камине. Войдя в зал, Бесики с удивлением огляделся. Стены и потолок были сплошь покрыты росписью.

— Что, нравится? — спросил его сахлт-ухуцеси.

— По правде говоря, сначала мне показалось, что мы вступили в храм. Никогда еще не встречал я у нас в Грузии жилого помещения со стеной живописью. В

России много таких, в Персии тоже, а у нас вижу впервые.

— И еще увидишь! — сказал Папуна.

Бесики схватил подсвечник и стал рассматривать картины на стенах. На них по большей части были изображены бытовые сцены: состязание на ристалище, охота с луками и стрелами, пиры, пляски и танцы, игра в мяч на конях и множество других подобного же рода. Одна из стен была покрыта изображениями знаков Зодиака; в промежутках между окнами художник поместил портреты имеретинских царей.

Картины были написаны красками, и в нижней части их имелись надписи, выполненные гражданскими буквами — мхедрули.

Внимательно осмотрев стены, Бесики поставил подсвечник на каминную полку и стал греться у огня.

— И такого большого камина я никогда не видел, — сказал он. — Здесь, наверно, можно изжарить целого быка!

— И быков и оленей изжарено в нем немало! — ответил Папуна с улыбкой и распорядился, чтобы слуги поторопились с ужином.

Усталого от путешествия Бесики сразу разморило около жарко натопленного камина, и веки его отяжелели. Он прилег тут же на тахте, несмотря на заверения слуг, что ужин вот-вот поспеет, и скоро сон одолел его. До самого утра он не раскрывал глаз. А наутро, как только он проснулся, первое, что вспомнилось ему, было посещение Мгвимского монастыря и прекрасная монахиня. Сердце его тоскливо забилося, и он сразу вскочил, чтобы чем-нибудь рассеять охватившую его печаль. Бесики разворошил тлеющие угли и разжег в камине огонь. Легкий шум, произведенный им, нарушил чуткий сон Церетели, который тоже мгновенно вскочил со своего ложа. Накануне ночью ему доложили, что царь уже прибыл в Кутаиси, и он решил наутро выехать без промедления. Правда, Папуна не опасался особенного недовольства царя по поводу своего опоздания, но все же торопился: ему не терпелось обрадовать Соломона, представив ко двору будущего посла в Персию. Поэтому, едва проснувшись, Папуна Церетели приказал седлать коней.

— Погода испортилась, господин,— доложил Садуна. — Идет мокрый снег — не лучше ли повременить с отъездом?

— Делай, что тебе приказывают! — крикнул на своего слугу Папуна.— Мокрый снег! Да мне в такую погоду приходилось ночевать под открытым небом!

Садуна побежал исполнять распоряжение, и через полчаса все уже было готово к отъезду. Наскоро позавтракав, путники сели на коней и пустились в путь.

Холод пронизывал до костей. Мокрый снег валил густыми хлопьями, залеплял глаза, не давал ничего видеть на два шага вперед. Копыта лошадей скользили на мокрой глине. Дворовые псы остервенело лаяли из-под заборов, но не решались выбегать на дорогу. Бесики трясся от холода, кутаясь в свою бурку, и мечтал поскорее добраться до столицы. Между тем дорога нескончаемо тянулась, не было края этим невысоким холмам с пологими подъемами и спусками, этим маленьким речушкам в неглубоких оврагах. Наконец лес Сагориа остался позади и вдаль показался Кутаиси. Церетели указал на него Бесики рукояткой плети; вон там, на пригорке за Риони, где виднеются руины величественного храма,— город Кутаиси, а это огромное здание в низине, на противоположном берегу реки,— великолепный дворец царя Соломона «Золотой Шатер».

Бесики всячески старался рассмотреть город, но не мог различить ничего, кроме трех или четырех церквей. Вся местность была покрыта густым кустарником и непроходимым лесом. И хотя лес этот не был одет листвою, сквозь густое переплетение веток и сучьев нельзя было ничего разобрать ни на горе, ни в низинах на берегу Риони.

«Что это за город? И есть ли тут город вообще?»— подумал Бесики. Не смог он отыскать взглядом и царский дворец, как ни напрягал зрение.

Мглистый зимний день помешал Бесики разглядеть имеретинскую столицу. Между тем город отнюдь не заслуживал пренебрежительного отношения.

Кутаиси состоял из двух частей. Одна, более старая, расположенная на горе, на правом берегу Риони, называлась «Большим Кутаиси». Самая древняя часть этого города была обнесена каменной стеной. Крепкая ограда,

высотой в десять локтей, была украшена семью стройными башнями, вознесшимися вверх до высоты в тридцать локтей. Вокруг этой цитадели теснился разросшийся позднее и обнесенный второй оградой город со своими узкими, извилистыми улочками, лавками и мастерскими.

Вторая часть города, раскинувшаяся на левом берегу Риони и соединявшаяся с правобережной частью при помощи моста, подвешенного на цепях, называлась «Малым Кутаиси», хотя занимала значительно большее пространство, чем старый город. Здесь находились: царский дворец, царские гостиницы и караван-сарай, жилища дворцовых служителей, амбары, конюшни, пекарни и множество других хозяйственных строений. Одних только этих зданий было бы достаточно для того, чтобы эта часть Кутаиси называлась городом. Но этим не ограничивалось население «Малого Кутаиси». В северной его части, на берегу Риони, вплоть до храма Мцванеквавила, жили грузины-католики, называвшие себя «франгами» и евреи, хижины которых окружали базарную площадь, как дыплята — наседку. Посредине этой площади находился навес на четырех каменных столбах, похожих на колокольню. Под этим навесом, на особой, нарочно для этого проложенной балке, висели огромные весы. По пятницам и воскресеньям площадь бывала битком набита крестьянами из окрестных деревень, привозившими для продажи свой товар. Здесь можно было купить овощи, сыр и яйца, пшеницу и кукурузную муку, домашнюю птицу, баранов, свиней, длинноногих, как борзые, и щетинистых, как дикие кабаны, старых волов со стертой на шее кожей, молодых упряжных бычков и дойных коров. Ремесленники из верхнего города приносили для продажи свои изделия — красивые гребенки из самшита, изящную, тонкой работы обувь, папанаки, украшенные вышивкой, башлыки, обшитые позументом, точеные пиршественные роги, кинжалы с серебряной насечкой и острые, как бритвы, ножи. Евреи раскидывали на лотках содержимое своих узлов — пестрые ситцы, привезенные из Тбилиси, шелковые головные платки, шелк на женское платье и сукно на архалуки, румяна, белила, хну, басму и множество других мелочей.

Непосредственно к базару примыкало обширное скаковое поле. На краю этого поля, со стороны цепного моста, возвышалась на круглом каменном постаменте беседка о восьми столбах, крытая дранкой. Отсюда глашатаи объявляли царские приказы гражданам, нарочно собранным для этой цели. А в дни торжеств или когда созывалось войско для похода, царь и военачальники, поднявшись на это возвышение, формировали полки, распределяя людей по отрядам и знаменам.

Над самым Риони, поддерживаемый высокими сводами опор, вросших в ослепительно белые прибрежные скалы, высился величественный дворец царя Соломона — «Золотой Шатер». Он был выстроен из белого экларского камня, имел в длину шестьдесят локтей, а в ширину — шестнадцать. Двадцать пять сводчатых окон, пестревших цветными стеклами, выстроились в ряд по переднему фасаду дворца. Каждое окно было разделено надвое узорчатым каменным столбом. Со стороны реки дворец был опоясан просторным балконом-террасой, напоминавшим древнеримские залы без потолка: с трех сторон этот балкон замыкался стенами, а с четвертой, выходившей на Риони, имел колоннаду с арками и красивые резные перила.

Подобно нагорному «Большому Кутаиси», раскинувшийся в долине «Нижний» или «Малый Кутаиси» также был обнесен глубоким рвом и крепкой оградой, над которой вздымались сторожевые вышки из дзелквы. Кроме того, над воротами царского караван-сарая, обращенного в гостиницу, возвышалась каменная башня, а с башни озирали вдаль четыре пушки. На вышках и на башне караван-сарая постоянно стояли на часах стрелки царской стражи.

Путники спустились в низину, миновали поросший травой берег Риони и вскоре подъехали к городским воротам, по бокам которых, словно часовые, высились сбитые из крепких стволов дзелквы вышки с бойницами.

Стража высыпала из ворот, встречая сахлт-ухуцеси. Окованные железом ворота отворились, войны взяли под уздцы лошадей Церетели и его спутников и так вели их до самого дворца. Здесь уже путников встретили дворцовые слуги.

Папуна то и дело искоса поглядывал на Бесики, чтобы прочесть на лице гостя, какое впечатление произведет на него царский дворец, поразит ли его это действительно чудесное здание, как бы вычеканенное из камня, со сплошь покрытыми воздушной резьбой колоннами, арками и карнизами, с тонким кружевным плетением деревянных балконов. Правда, Бесики, побывавшего в Петербурге и в Москве, трудно было удивить красивыми зданиями, но тем не менее этот дворец, возведенный с таким искусством, похожий в своей оправе из витого орнамента на старинный чеканный образ работы Бека Опизари, изумил и восхитил его.

Вокруг «Золотого Шатра», так же как вокруг палат Папуны Церетели, теснилось множество хозяйственных строений, с той разницей, что здесь все эти жилые помещения, амбары, хлевы имели гораздо большие размеры. Дворцовый двор был обнесен высоким забором, на кольях которого кое-где торчали конские черепа и турьи или бычьи рога, а в одном месте вместо кола был вбит ствол дикой черешни с двумя ветвями, отогнутыми таким образом, что деревце напоминало подбоченившегося человека. Посреди двора росла огромная чинара, ствол которой охватывала кольцом скамейка из тесаного камня.

Снег перестал идти, но зато от реки поднялся густой туман, и воцарились сумерки. И хотя было еще только немного за полдень, казалось, что ночь не за горами. Слуги распахнули высокие ворота, и всадники въехали во внутренний двор. Бесики увидел на балконе дворца нескольких мужчин, которые молча смотрели на вновь прибывших. Когда Папуна и его спутники соскочили с лошадей, Садуна приблизился к Бесики и шепнул ему на ухо:

— Третий справа — государь.

— Который? — переспросил Бесики и незаметноглянул в сторону дворца. Он был несколько растерян и не мог сразу сообразить, считать ли правую сторону от себя или по отношению к стоящим на балконе. Пока Бесики терялся в догадках, Папуна сделал ему знак, приглашая следовать за собой. Церетели торопливо взбежал по лестнице, скинул бурку на руку подоспевшему слуге, затем скрестил ноги, сложил так же крестообразно руки на груди и склонил голову перед царем.

— Где ты пропадаешь, молодой человек? — сказал

Соломон Папуна. Мы тут извелись, ожидая тебя. А это что за юноша, откуда ты его привел?

Тут все сомнения Бесики сразу разрешились, и он мог хорошенько рассмотреть своего нового господина и покровителя. Он воображал себе Соломона более высоким и представительным. Между тем перед ним стоял мужчина почти среднего роста, с бритым подбородком, густыми, закрученными до ушей усами и взбитой по-имеретински прической. Лицо его было все в желваках и глубоких бороздах, оно казалось высеченным из камня. Из-под густых бровей сверкали черные глаза — взгляд их был таким твердым и пронизывающим, что Бесики подумал: «Пожалуй, планы царевича Левана не так-то легко будут осуществить!»

— Признаю свою вину, государь, — отвечал Соломону Папуна Церетели, — и все же твердо надеюсь, что вы не только не накажете меня, но даже удостоите награды. Разрешите представить вам лишенного придворной должности и изгнанного царем Ираклием поэта Бесариона Габашвили.

И Папуна отступил в сторону, представляя Бесики Соломону.

— Так это ты, молодой человек, тот самый прославленный поэт и певец? Поистине, я рад видеть тебя под моим кровом! Я много слышал о тебе хорошего. Ну что расскажешь нам? Как изволит поживать царь Ираклий? Но войдем в комнаты, сядем у камина — вы оба, наверное, устали!

— Да, устали мы порядком, — отвечал вместо Бесики Папуна. — Но особенно досаждали нам холод и непогода.

Все вошли в просторный дворцовый зал. В дверях придворные учтиво уступали друг другу дорогу. Бесики, как гость, первым последовал за царем. В огромном камине пылал огонь. Пол был сплошь застлан коврами, на стенах висели бесчисленные сабли, ружья, пистолеты, кинжалы, луки и колчаны со стрелами. На тахте, покрытой пушистым ковром, были раскиданы парчовые и атласные подушки. В углу размеренно отбивали секунды большие стоячие часы, на каминной полке громоздились стопки книг всех размеров — от огромных фолиантов до крошечных молитвенников. Через высокие сводчатые окна зала открывался вид на Риони.

Соломон подозвал Бесики к камину и указал ему рукой на деревянное кресло; сам он сел в другое такое же кресло, а остальные разместились кто на тахте, кто на трехногих скамейках без спинок. Бесики, не решаясь сесть перед царем, да еще так близко от него, оставался на ногах, пока Папуна не дал понять ему взглядом, чтобы он послушался.

— Мне много хвалили тебя, молодой человек, — сказал Бесики царь. — Говорят, ты прекрасный поэт.

— Мои стихи не заслуживают упоминания, ваше величество.

— Слышал я также, что ты весьма образованный человек, знающий много языков, и что ты побывал в Персии у Керим-хана.

— Побывал, ваше величество.

— И в Россию ездил?

— Да, ваше величество.

— Значит, оставалось посмотреть Имерети. Ну вот, ты и ее увидел, — сказал с улыбкой Соломон. — Удивительно, однако! Каковы же те преступления, за которые Ираклий изгнал тебя? Удаляя из своей страны столь просвещенных юношей, кого он оставляет около себя? За что ты понес наказание?

— Многое из содеянного мной, ваше величество, оказывается было преступлением, тогда как я по своему простодушию думал, что поступки мои предписываются человеколюбием! Во время чумы все население Тбилиси в ужасе рассеялось по стране. Когда горожане, потеряв голову, покидали город, ушли и заключенные из крепости. Я ехал по направлению к Дманиси. По дороге я встретил Александра Амилахвари. Оказывается, как придворный служащий и как царский секретарь я обязан был задерживать его. А я не знал этого и даже предложил Александру свою лошадь. Помню, Александр предостерегал меня, уговаривал уехать вместе с ним в Россию, говорил, что государь не оценит моей службы и уготовит мне такую же судьбу, как ему самому...

— И это — единственная твоя провинность, молодой человек?

Не привыкшему к имеретинским выражениям Бесики странно было слышать это постоянное обращение — «мо-



лодой человек», которое в Картли употреблялось разве только в насмешливом смысле.

— Будучи в Персии, я посетил в Ширазе Александра Бакаровича, внука царя Вахтанга. Когда на чужбине встретишь грузина, будь он даже заклятый враг, обрадуешься и обнимешь его. А у меня и вражды к царевичу не могло быть — я его видел в первый раз. К тому же он ведь двоюродный брат царя Ираклия... Как мог я подумать, что свидание с ним будет мне вменено в тяжкую вину? К этому прибавились еще кое-какие мелочи, да, кроме того, царь Ираклий, должно быть, узнал, что мой родитель находится у вас... Вот он и отнял у меня все, что сам ранее пожаловал: княжескую грамоту, должность и имение...

— Не беда, молодой человек! Великий Руставели говорит: «Тот, кто сам себе хозяин, назовется ль бедняком?» Куда бы ни забросила тебя судьба, ты всюду пробьешь себе дорогу. Правда, тебя изгнали из Тбилиси, но ты все еще в Грузии, в той Грузии, где великий Давид Строитель закладывал основу нашего государства.

Бесики удивился тому, что Соломон так просто держит себя и без церемоний, по-домашнему, разговаривает с ним. И по одежде царь несколько не отличался от своих придворных — он, как и все, был одет в простую, без украшений, серую чоху. Впрочем, Бесики и раньше приходилось слышать, что Соломон лишь крайне редко облачается в парадное царское одеяние. На протяжении двадцати пяти лет своего царствования он лишь два или три раза вышел к придворным в парче и горностае. Добрыми делами должен царь покорять своих подданных и внушать им почтение, говорил Соломон. И народ должен почитать самого царя, а не его златотканые одежды.

Такую простоту и скромность Соломон проявлял по отношению ко всем без различия. Но точно так же одинаково безжалостным и грозным был он по отношению к изменникам и преступникам всякого рода. Даже собственную мать не пощадил он и изгнал из своего государства, когда узнал, что она сблизилась с недовольными князьями и пыталась устроить заговор.

— Поистине, счастлив я, ваше величество! Судьба привела меня на службу к государю, столь прославленному деяниями своими. Несмываемыми буквами будет на-

чертана на скрижалях истории повесть о трудах вашего величества для пользы нашей страны!

— Эх, ничего особенного я не сделал, молодой человек, — только поссорился со всем светом да нажил врагов...

— Разве изгнание турок, покорение своевольных князей и воспрещение продажи людей в рабство — не суть величайшие дела?

— Да, уничтожив торговлю людьми, я поистине свершил доброе дело, и если я достоин памяти, то из-за одного этого Имерети не должна забыть меня на протяжении веков... — тихо, как бы про себя, проговорил Соломон, вглядываясь в раскаленные угли камина. — Шестьдесят красивейших девушек ежегодно должны были мы отдавать туркам, и сверх того тысячи и тысячи наших юношей и девушек продавались хищниками в рабство на невольничьих базарах. Понадобится, бывало, жене какого-нибудь помещика новый шелковый платок — схватит лютого из своих крестьян, продаст в неволю и на эти деньги купит обновку! Сколько раз в детстве при виде связанных вместе рыдающих парней и девушек, угоняемых турками на чужбину, гнев переполнял мое сердце! Я страстно желал стать когда-нибудь царем, чтобы выжечь это зло с корнем. Наследником престола был по закону мой старший брат Иосиф, но я заметил, что он тяготеет к священным книгам, и сказал ему: «Тебе больше к лицу быть католикосом-патриархом, царем над душами людей, а с мирскими делами я лучше справлюсь!» И представь себе, он послушался меня, постригся в монахи! Восемнадцать лет было мне, когда я взшел на трон. Тотчас же созвал я церковный собор, и брат мой Иосиф очень помог мне в задуманном деле. И постановили мы воспретить работоторговлю — хотя митрополиты Чкондидели и рачинский всячески противились этому, утверждая, что мы взбунтуем против себя всех князей. И князья в самом деле взбунтовались. Почти все стали моими врагами — кроме тех, кого ты видишь здесь. Сколько превратностей, сколько несчастий и бед выпало на мою долю — не сочтешь! Сколько раз подкрадывались ко мне сзади, чтобы всадить в спину кинжал, но, милостью божьей, не жалуюсь я ни на судьбу, ни на свой меч. Каждому, до кого дотянулась моя рука, воздал я по его делам.

На короткое время воцарилось молчание. Соломон все глядел в огонь. Затем поднял голову и позвал:

— Секретарь Мамука!

— Я здесь, государь!

— Изготовь грамоту: Бесариону Габашвили жалуюем мы должность нашего статс-секретаря, место для поселения в городе, на горе и двадцать пять душ крепостных крестьян. Определить ему также полное довольствие и жалованье — двенадцать туманов в год.

— Не много ли, государь? — как-то сдавленно, с обидой в голосе пробормотал Мамука.

— Пиши, как тебе приказывают! Много ли, мало ли — это мое дело! — сказал Соломон, нахмурясь. Потом встал, сделал знак Папуне и вместе с ним удалился в другую комнату.

\* \* \*

Мехмендар отвел Бесику в дворцовую гостиницу, наминавшую персидский караван-сарай. Снаружи это было невысокое четырехугольное здание. Оно имело по середине маленький квадратный двор, опоясанный рядами пристроенных к наружным стенам помещений. Дощатые крыши этих строений имели наклон внутрь, отчего во дворе всегда стояла непролазная грязь. Добраться до жилых комнат было бы совершенно невозможно, не будь перед строениями, во всю их длину, устроены крытые балконы-навесы. Они тоже были залеплены скользкой грязью, но все же по ним можно было кое-как пройти к нужной двери.

Некоторые комнаты вовсе не имели окон, и свет проникал в них только через щели в стенах. Двери необходимо было держать открытыми — иначе, если только не горел огонь в камине, в комнате царили потемки. Но камин был лишь в нескольких помещениях — остальные имели очаг посередине. Часто в ветер или в непогоду дым стлался по полу, и тогда уже дверь непременно приходилось распахивать пошире — иначе можно было задохнуться.

— Желаете отдельную комнату или предпочитаете поместиться вместе с кем-нибудь? — спросил Бесику мехмендар.

— Как — вместе с кем-нибудь? — удивился Бесики.

— Как на то будет ваша воля, господин! Если устроитесь вдвоем, — вам будет веселей. Я, например, если окажусь ночью один в комнате, до утра глаз не сомкну.

— Ничего, я сумею заснуть!

— Так пожалуйста за мной, сударь, я припас для вас комнату с камином.

Пока они так разговаривали, открылась дверь одной из комнат и на шум выглянул какой-то мужчина — безносый и с бритым подбородком. Он всмотрелся в вошедших и, узнав мехмендара, весело спросил:

— Новый постоялец? Кого это ты привел?

Бесики в свою очередь бросил на мехмендара вопрошительный взгляд.

— Это — Александр Амилахвари, зайдем к нему, погреемся у огня. Очень хороший человек, поговорить с ним — большое удовольствие, — сказал мехмендар и крикнул Александру: — Вашего земляка веду, сударь, вот уж, верно, обрадуетесь ему!

— Земляка? — удивился Александр и переступил порог. — Дай хоть взглянуть на него!

— Судьба снова столкнула нас, ваше сиятельство! — сказал Бесики, подходя к Амилахвари и обнимая его. — Помните, мы с вами уходили вместе из Тбилиси во время чумы...

— Ты? Сын преподобного Захарии? Скажи мне, ты здесь послан, по поручению Ираклия, или же оправдалось мое пророчество и ты приобщился к сонму гонимых скитальцев? Говорил я тебе — расстанься с Ираклием, уходи от него по своей воле...

— Помню, помню и жалею, что не послушался тогда этого совета, ваше сиятельство!..

— Так входи же ко мне, а то здесь холодно.

Все трое вошли в комнату и поспешили к камину. Бесики скинул бурку в углу и огляделся.

— Что, не нравится тебе здешняя гостиница? — усмехнулся Александр. — Ну, после петербургских и московских трактиров на тебя трудно угодить!

— Что это за здание выстроил царь Соломон, — сказал Бесики, садясь на трехногую скамеечку перед ками-

ном и протягивая руки к огню.—Похоже скорее на тюрьму, чем на гостиницу.

— Царь Соломон и не строил этого здания, дорогой господин, — вмешался в разговор мехмендар. — Этот дом, сударь мой, принадлежал турчину Мустафе; Мустафа его выстроил и торговал здесь невольниками, пока Кутаисская крепость была в руках у турок.

— Как — невольниками? — изумился Бесики.

— А так, господин мой. Стоял здесь этот самый Мустафа и держал в одних комнатах товар, а другие были пусты. Когда у кого-нибудь из наших князей или дворян появлялась нужда в деньгах, они приводили сюда детей своих крепостных и продавали Мустафе. А тот, пока не соберет сколько ему нужно, чтобы погнать в Стамбул, запирал ребят здесь, в этих комнатах — парней и девок врозь. Как наберется человек пятьдесят, он их выведет, скует вместе цепью, чтобы не удрали, и погонит к Орпире. А там посадит всех в катарги — это такие суда, господин, большие суда с гребцами, вы люди ученые, но, может, все-таки не видывали — и в путь-дорогу на Туретчину... Сколько я слышал в этом дворе плача да причитаний — не дай бог еще раз услышать. А потом, господин мой, после того, как наш государь запретил продавать людей в неволю и выставил из Кутаиси турок вместе с их пожитками, этот Мустафа убрался вслед за своими, а государь, как изволил переехать в город из Варцихе, обратил этот караван-сарай в гостиницу. Здесь мы помещаем всех, кто приезжает к нам из чужих земель. Когда русские войска стояли у нас в Имерети, все их главные начальники — и сардары и минбаши — здесь квартировали.

— Так что сегодняшнее мое жилище омыто слезами сынов нашей же земли! — проговорил Бесики задумчиво и обернулся к Амилахвари: — О том, что вы находитесь здесь, мне сообщил Церетели.

— Мы с твоим отцом вместе приехали из России. Больших трудов нам стоило добраться сюда... — Александр внезапно остановился и обратился к мехмендару: — Помести нашего нового гостя вместе со мной и, пожалуй, сразу распорядись, чтобы сделали все, что нужно. Пусть принесут тахту и постель. Потом прикажи повару, чтобы обед подали сюда. Вот, возьми эти несколько марчили и

пошли человека в город — пусть купит нам рачинского вина, что продают на базаре. Сколько? Скажем, один здешний кувшин.

Мехмендар ушел, а Амилахвари возобновил прерванную беседу:

— А теперь расскажи о себе. Чем ты заслужил немилость Ираклия?

— Это длинная история, так сразу не расскажешь.

— Как тебя принял Соломон?

— Так милостиво, как я и не ожидал. Назначил меня статс-секретарем, пожаловал место для дома и двадцать пять душ крепостных.

— Правильно сделал! Другого такого образованного человека, как ты, не найдется среди его служащих! Начальник царской канцелярии Гогия Абашидзе не умеет читать.

— Как? — вырвалось у Бесики. — Может ли быть?

— Этого мало! Я привез из России карту мира и показал ему. Он уставился на нее, ничего не понимая. Я объясняю: вот это — Черное море, это — ваш Риони, а это Кутаиси. «Не морочь мне голову, сударь, — передразнил Александр злополучного начальника царской канцелярии, ослабившись и смешно расставив руки. — С ума меня сведешь, право! Какое же это Черное море! А эта извилистая черта — Риони?»

— Как же он получил свою должность?

— По наследству. Отец его был, оказывается, книжником и чрезвычайно ученым человеком. Царь и закрепил эту должность за его родом, думая, по-видимому, что сын пойдет по стопам отца. Но он обманулся! Гогия ничему не научился — разве только бродить по лесам. А теперь он — начальник царской канцелярии, в его ведении все государственные бумаги, вся царская переписка. Ну не смешно ли? Но разве один только Абашидзе невежественный человек? Сардары ничего не понимают в современном военном искусстве, не умеют построить войско, а артиллерию на колесах впервые видели, когда здесь находились русские войска! Да, поистине гибельным оказалось для страны турецкое иго! Некогда столь образованное, утонченное имеретинское общество почти одичало. Да и не удивительно! Двести или триста лет приходилось

имеретинам скрываться от врага в лесах, жить в плетеных хижинах или забираться в пещеры, высеченные в неприступных скалах. Мудрено ли, что они разучились даже читать и писать?

Александр взял с каминной полки кипу исписанных листков и протянул их Бесики. Тот наклонился над рукописью и при свете камина прочел:

«Мудрец Востока, или размышления его об управлении государством».

— Я пишу здесь о том, каким должно быть правление царей,— продолжал Амилахвари,— по отношению к князьям и владетелям, к войску и начальникам его, к церкви и людям духовного сана, к купцам и крестьянам или земледельцам, по отношению к законодательству гражданскому, к образованию народа, к науке и искусствам... но только...— Александр оборвал свою речь и вздохнул.

Вернулся мехмендар, за которым следовали слуги, несшие тахту для Бесики. Мехмендар принялся устроить постель для поэта.

Бесики положил исписанные листки на каминную полку и сказал с улыбкой Александру:

— Если не поймут отцы,— быть может, сыновья уразумеют!

— Был я в Мегрелии, у Дадиани. Здесь, в Имерети, Соломон воспретил работоторговлю. Но правитель Мегрелии непокорен ему, конечно, по наущению и при поддержке Ираклия. И вот Дадиани продолжает торговать рабами. Мало того, он разъезжает по своим владениям и является в гости то к одному, то к другому из своих дворян или крестьян со всей свитой. Приедут в гости правитель и его приближенные, все уничтожат, съедят всю скотину, телят, коров, овец, коз, пустят на топливо дом и все деревянные строения и, разорив несчастного хозяина дотла, направляются в соседнюю деревню к другим подданным. Подъезжая к дому Дадиани, я увидел слуг, которые волокли на веревке корову и теленка. А позади бежит целая семья—муж с женой и несколько детей, все полуголые, плачут, рвут на себе волосы, голосят... Я спросил в изумлении: разве можно у этих несчастных отнимать еще что-нибудь? А слуги ответили: «Напрасно, мол, они

плачут, мы не даром берем скотину, они получают плату за нее».

— И в самом деле получили?

— Корову и теленка зарезали, а несчастным хозяевам швырнули шкуру и голову с ногами — вот, мол, ваша плата! Мясо же слуги взвалили себе на спину и понесли к господину. По-моему, и в Картли случаются подобные вещи. Впрочем, я бы не удивился, узнав, что Ираклий завел у себя такие же порядки. Наверно, семь шкур дерет с картлийских крестьян и их господ!

— Этого бы я не сказал!

— Так почему же приходили к нам в Москву все эти просьбы картлийских владетелей — спешите, мол, к нам на помощь, спасите нас от дракона, жизнь наша превратилась в сплошную муку! Весь наш род он уничтожил с корнем — ладно, пусть Амилахвари перед ним виноваты, но что ему сделали Эристави? А Павленишвили? Или, может, кто-нибудь из Тархнишвили совершил преступление? А чем провинился твой отец, Захария? Наконец, ты сам чем провинился? Ответь мне, пожалуйста! Но ничего, недолго осталось ему творить зло: близится час возмездия!

— Что? — вскинул Бесики изумленный взгляд на своего собеседника.

— А как ты думаешь, зачем я приехал сюда из Москвы? Я должен низвергнуть Ираклия — и низвергну! Это он у Надир-шаха научился безжалостно проливать кровь братьев своих! Гиена вырастила гиену! Но я не оставлю кровь свою неотомщенной, достало бы силы исполнить обет!

★ ★ ★

В течение целого месяца при дворе имеретинского царя только и было разговору, что о приезде Бесики и о необычайно милостивом приеме, оказанном ему Соломоном. Высокородные князья, придворные чиновники низших должностей и дворцовые слуги с изумлением спрашивали друг у друга: «Что все это значит, чем этот человек сумел так очаровать государя?» Ведь Соломон, даже не дав ему заговорить, наградил его именьями и назначил на высокую должность! Иные возмущенно роптали:



мы-де служили царю верой и правдой столько лет, ходили с ним на войну, от вражеских пуль не бегали и не удостоились даже простой благодарности, а этот,— подумаешь, важная птица! — осыпан сразу милостями и благодеяниями! Все внимательно следили за каждым шагом Бесики: любое его слово, любой поступок вызывали разочарованные комментарии. Придворные изумленно переглядывались, пожимали плечами: ничего из ряда вон выходящего приезжий не совершает, никаких поразительных мыслей не высказывает — нет, право, не заслуживает он таких милостей!

Между тем Бесики, занятый своими делами, не обращал внимания на пересуды придворных. Первой его заботой было привезти родителей из Гелати и поселиться вместе с ними в столице. Правда, сам он имел квартиру в царской гостинице, но нельзя же было вечно жить у Александра Амилахвари, да и семью свою он не мог поместить вместе с собой. Нужно было подумать о постройке собственного дома, а куда разыскать где-нибудь наемное жилье. Вскоре Садуна нашел для него в нагорной части города, рядом с развалинами храма Баграта, дом, владелицей которого была вдова дворянина Хелтуплишвили. В доме этом были две двери, но не имелось ни одного окна. Пол был земляной, вместо камина устроен очаг посреди комнаты. Вся мебель составляли длинная и широкая тахта, занимавшая всю заднюю стену, и два трехногих стула.

— А сама она где будет жить? — спросил Бесики с удивлением, осмотрев комнату. — У нее есть другой дом?

— Нет, сударь, — отвечала вместо Садуны сама вдова. — Придется нам жить вместе. Я стану стелить себе здесь, на полу. А вы, сударь, будете почивать на тахте. Сколько вас в семье — не больше ведь двадцати? На этой тахте помещается тридцать человек, а если укладывать ногами в разные стороны, то и все сто! Такому знатному человеку, как вы, правда, подобает устроиться лучше, но у нас весь город так живет, дорогой мой. Даже самые первые князья живут в таких вот домах, не тужат!

— Правду она говорит, — подтвердил Садуна. — Дом с деревянным полом имеется в Кутаиси только у царя, у сахлт-ухуцеси да еще у мдиванбега Пааты Абашидзе.

Остальные помещаются в таких вот бревенчатых срубках — как князья, так и простые люди.

— Пойдем, может быть, разыщем жильё получше, — сказал своему спутнику Бесики. — Неужели не найдется во всем городе более удобных комнат?

Они прошли от начала до конца несколько узких городских улиц, утопавших в жидкой грязи. Крытые камышом, жавшиеся друг к другу маленькие домишки представляли жалкое зрелище. Кузницы, лавки и мастерские имели одинаковые, открывавшиеся вверх ставни; сейчас ставни были подняты и подперты шестами, образуя навес, под которым подошедший заказчик или покупатель мог укрыться в жару и непогоду. Бесики думал, что и здесь, как в Тбилиси, улицы представляют собой торговые и ремесленные ряды: одна улица — портные, другая — кузнецы, третья — мясники и виноторговцы. Однако здесь не только не было рядов, но и вообще нельзя было найти иных мастерских. Во всем городе имелась только одна мясная лавка — внизу, у цепного моста.

После напрасных поисков им пришлось вернуться к вдове и договориться с нею. На следующий день Бесики в сопровождении Садуны отправился в Гелати за своими родными.

Стояла изменчивая мартовская погода. Временами шел мокрый снег, а потом вдруг пригревало солнце и над землей поднимался густой пар. От Кутаиси до Гелати было не больше двух с половиной эджи, так что через час Бесики и Садуна уже миновали каменный сводчатый мост на реке Цхалцитела, одолели быстрым шагом подъем и подъехали к монастырским воротам. Здесь они сошли с коней, так как во двор Гелатской лавры разрешено было входить только пешком, и постучали в железную дверь.

— Ворота эти наш великий государь Давид Строитель привез из Дербента, — сказал Бесики Садуне.

— Что вы говорите! — покачал головой Садуна. Он не имел понятия ни о Дербенте, ни о Давиде Строителе. — На чем же тащили такие огромные ворота, на какой арбе они уместились? И зачем царь привез их из такой дали — заказывал там или купил?

Невежество Садуны огорчило Бесики. Сам он с волнением ожидал той минуты, когда перед ним откроются во-

рота и он вступит в башню, так как знал, что там, в этой башне, у входа во внутренний двор, под самым порогом, погребен великий царь всей Грузии Давид Строитель. Объединитель Грузии сам пожелал, чтобы его похоронили под порогом Гелатского монастыря. Он наказал сделать вход таким узким, чтобы молящиеся, входя в лавру, не могли обойти его могилу и наступили ногой ему на грудь. Прошло с тех пор почти семьсот лет, десятками тысяч приходили сюда грузины, — простые земледельцы и цари, — и попирали ногами прах строителя этого величественного храма, некогда могущественного государя, который как бы говорил этим своему народу, что трудился не ради собственного возвеличения и в знак чистоты своего служения кинул под ноги ему свои земные останки.

Послушник с редкой бороденкой растворил с грохотом ворота, и Бесики вступил в темный сводчатый проход или, вернее, келью, у противоположной стены которой виднелась узкая, перекрытая аркой дверь, ведущая во внутренний двор. Бесики приостановился перед нею и стал вглядываться в надгробную плиту, под которой покоился Давид Строитель. От ног бесчисленного множества верующих, проходивших здесь, камень настолько стерся, что посредине его образовалась выемка глубиной в целую пядь. Древние мастера, тесавшие плиту, по-видимому, предусмотрели это и так глубоко врезали буквы надписи, что, несмотря на разрушительные действия времени, она читалась без труда. Бесики прочел:

«Сие есть место успокоения моего во веки веков, ибо таково желание мое — утвердиться здесь».

Бесики быстрым движением опустился на колени и поцеловал надгробную плиту. Садуна в изумлении взирал на своего спутника. Он не раз бывал в Гелати, и никогда ему не приходило в голову не только приложиться к этому щербатому камню, но даже толком рассмотреть его. Он готов был — невольно, не задумываясь, — последовать примеру поэта и уже было перекрестился, но вспомнил, какое множество босых мужских и женских ног ступало по этому куску гранита, и передумал.

Старый Захария обезумел от радости, увидев своего вновь обретенного сына, и порывисто прижал его к сердцу. Настал радостный день для всей семьи — старики и

молодые вырывали Бесики друг у друга из рук, чтобы обнять и расцеловать его.

Захария жил во дворе храма, в маленьком домике рядом с покоями католикоса. Печать жестокой бедности лежала на всей семье. Старший брат Бесики, Иоанн, правда, был уже рукоположен в священники, но еще не получил прихода и не мог не только помогать отцу, но даже прокормить жену и детей. Второй брат, Осе, служил у настоятеля переписчиком, но не получал никакой платы. Всю многочисленную семью содержал католикос Иосиф, присылавший Захарии фасоль, кукурузную муку и иную провизию.

Подавленный Бесики безмолвно смотрел на своих родичей.

— Что, сынок, — спросил, утирая слезы, Захария, — удивишься нищете нашей? Да, конечно, семье придворного священника, всеми почитаемого Захарии Габашвили не подобает жить в такой бедности. Но что поделаешь? Такова, значит, наша судьба. Тебя-то за что наказал Ираклий? Но что я ропщу на судьбу — хорошо, что хоть вижу тебя в живых!

— Нет, отец, не бедность ваша меня удивляет... Гляжу на моих сестер и братьев и не верю своим глазам. Неужели это моя маленькая сестричка Мелано? — и Бесики, откинув назад голову обнимавшей его девушки, поглядел в ее глаза, покрасневшие от слез.

— Маленькая... Куда там — постарела девушка на руках у меня, замуж не могу выдать! Никто бесприданницу не берет!

— Оставь, отец! — возмутилась Мелано. — Не можешь выдать замуж!.. Очень мне нужно это твое замужество! Как погляжу на свою мать — думаю: «Упаси, господи, от такой судьбы!»

— Кончились ваши злоключения, — сказал с улыбкой Бесики и повернулся к матери, по увядшим щекам которой все еще струились слезы. — Кончились несчастья, матушка, бог милостив! Отныне мы все будем вместе. Я сегодня же увезу вас в Кутаиси.

Известие это вызвало радостный переполох. Вся семья принялась готовиться к отъезду, и, так как достояние ее было не велико, сборы оказались недолгими. Пока Бе-

сики успел побывать у католикоса и осмотреть древний храм, его родные уже собрались в путь.

Католикос Иосиф помещался в просторной келье. Бесики приходилось слышать, что, когда Соломон нарушил данную католикосу над священным потиром клятву и подверг страшной каре — ослеплению — рачинского владетеля Ростом, Иосиф сложил с себя свой сан и стал отшельником, уединившись навеки в пещере. Одно время в Тбилиси только и было разговоров, что об этом самоотверженном поступке имеретинского католикоса и о принятом им обете пожизненного молчания.

Бесики думал, что увидит коленопреклоненного, распростертого перед иконами монаха, но ожидание его не оправдалось. Католикос был в отличном настроении, принял его весело и отпустил во время беседы несколько таких крепких шуток, что они и в устах мирянина могли показаться рискованными.

— Это и есть, поп, твой хваленый сын? — обернулся Иосиф к Захарии. — По глазам вижу — бабник! Свят, свят, свят... Как тебе понравился наш Гелати? Клянись отцом, что ответишь по совести: ведь лучше он, чем мцхетский храм Светицховели?

— Гелати — великолепный храм, ваше святейшество! Правда, по размерам он уступает храмам Алаверди и Светицховели, но зато я нигде не видел здания, сложенного из таких крупных тесаных плит, — ни в Грузии, ни в Иране, ни даже в России. Поистине храм вызывает изумление.

— А внутри ты его осматривал? Видел абсиду алтаря, выложенную камешками, как в храме святой Софии?

— Мусийную живопись?

— Да, да, мусийную. Вижу, ты все знаешь!

— Французы называют ее мозаикой.

— А Хахульский образ богоматери, писанный рукою евангелиста Луки, видал? А облачение, вышитое рукою царицы Тамар?

Иосиф сам пошел показывать Бесики святыню. Загремели ключи в огромных старинных висячих замках, распахнулась тяжелая двойная дверь, и католикос в сопровождении монастырской братии ввел поэта в объятый безмолвием храм.

В воздухе стоял душный запах свечей и ладана.

Четырехгранные каменные столбы вздымались посреди храма. На них покоился купол, взнесенный куда-то ввысь, как бы в самое поднебесье. Со стен и с колонн, сплошь покрытых росписью, глядели вниз грозные лица святых, царей и правителей.

Пышный, богатый иконостас сверкал драгоценными камнями, вставленными в золотые и серебряные оклады старинных икон.

По левую сторону от царских врат, с изумительным искусством вырезанных из цельного ствола лозы, в особой высокой полутемной нише сиял, словно утренняя звезда, огромный, величиной с куриное яйцо, алмаз иконы Хатхульской богородицы.

Католикос Иосиф показал Бесики храм во всех подробностях. Он раскрыл тайную сокровищницу, где хранились сшитые рукой царицы Тамар усеянные жемчугом и камнями омофоры и стихари, златотканые и златошвейные церковные облачения, принесенные в дар храму царями и царицами Грузии жемчужные ожерелья, сапфировые и изумрудные диадемы, рубиновые и алмазные перстни, вогнутые византийские монеты, похожие на скорлупу ореха, стройные, изящные серебряные кувшины и лекифы, наконец священные книги в золотых и серебряных чеканных переплетах работы славного Бека Опизари — четвероглавы, псалтыри, требники, деяния апостолов и жития святых.

Иосифу хотелось развернуть перед духовным взором Бесики все прошлое величие Грузии. Показывая поэту ту или иную реликвию, католикос пытливо заглядывал ему в глаза, чтобы угадать, какое впечатление производят на молодого картлийского изгнанника, воспитанного при царском дворе, все эти драгоценные произведения искусства, плод огромного мастерства.

— Удивительно, как уцелел этот редкостный храм во время стольких вражеских нашествий? — вырвалось у Бесики.

— Лавра обнесена прочной оградой и запирается железными воротами, привезенными Давидом Строителем из Дербента, — сказал Иосиф. — В царствование Давида Нарина, при монголах, сокровища на время

вражеского вторжения переносили в тайник — пещеру на горе Хвамли. Теперь туда уже никто не поднимается — это отвесная стена вышиной в триста локтей, середине которой имеется пещера. Отверстие пещеры заделано, и в стене пробиты дверь и окошко. Говорят, был один род в Меквена — люди из этого рода умели подниматься на скалу Хвамли. Но теперь этот род вымер, никого не осталось. Ныне, благодарение богу, трудами моего брата турки полностью изгнаны из нашей страны, и сокровища эти не могут быть похищены язычниками. Нечистая нога поклонника лжепророка никогда больше не будет попирать вековую обитель и усыпальницу грузинских царей. Ты видел могилу Давида Строителя под порогом монастыря? Пойдем, покажу тебе теперь гробницу отца Тamar, царя Георгия, ее детей Лаша и Русудан, Давида Нарина и других грузинских царей.

— А сама Тamar? Она ведь тоже здесь?

— Гробницу Тamar я не могу тебе показать. Это — тайна рода Багратиони.

Иосиф указал Бесики в храме целый ряд надгробных плит со стершимися надписями и объяснил, какой государь под какою из них похоронен. Затем он повел юношу во двор монастыря и показал ему там прекрасно сохранившиеся остатки обсерватории одиннадцатого века — солнечные часы, квадрант и иссеченные на огромном камне знаки Зодиака.

Было уже далеко за полдень, когда Бесики, ошеломленный обилием виденного, простился с католиком и вместе со всей своей семьей отправился в Кутаиси.

\* \* \*

— Завтра я еду в Сачхере, сударь. Не будет ли от вас какого-нибудь поручения?

Бесики поднял голову и с удивлением взглянул на Садуну. Ночью, во время всенощной, после окончания пасхальной службы и крестного хода, он должен был обратиться к царю с хвалебной речью. Сейчас он сидел в царской канцелярии и писал при свете свечи свое обращение. Услышав голос Садуны, он рассеянно поднял го-

лову, но пока тот не повторил вопроса, так и не понял, в чем дело.

— Что ты сказал?

— Завтра еду в Сачхере. Буду проезжать мимо Мгвимского монастыря. Не прикажете ли что-нибудь передать?

Перед глазами Бесики встала прекрасная монахиня, сердце его сладко забилося.

Садуна лукаво улыбался.

— Если бы я мог передать ей от вас письмецо!.. Боже, да она умрет на месте от радости, бедняжка! Не напишете ли для нее маленький стишок?

— Садуна, ты ведь не умеешь разговаривать на разных языках? Зачем же тебе дали такое имя? Ты знаешь, что значит слово «садуни»?

— Знаю, господин! Садуни — это тот, кто знает много языков. У нас при старом князе был, оказывается, один такой человек — объездил он, говорят, целый свет, повидал множество народов и научился чужим языкам. Матушка моя только и слышала со всех сторон: садуни пришел, спросим садуни, садуни посоветовал, садуни поможет... Она, бедняжка, думала, что садуни — это имя, и решила: пусть, мол, мой сын будет тезкой такого знаменитого человека. Хорошо, что не выбрала для меня по невежеству какого-нибудь совсем неподходящего имени! Это вас должны были бы назвать Садуни — вы на всех языках умеете читать и разговаривать! Так дадите письмо?

— Не знаю, стоит ли? Скоро я в Персию поеду...

— Счастливо вам съездить и благополучно вернуться! Говорят, очень до Персии далеко!

— Да, далеко... Вряд ли успею вернуться в этом году.

— Ух, вот это в самом деле далеко! Неужели дальше этого еще есть страны?

— Конечно, есть! По ту сторону Персии расположена Индия, еще дальше — Китай, за Китаем — огромное, необозримое море, называемое Океаном, потом — обширная земля, именуемая Америкой...

— Боже мой! Какая же она огромная, эта наша



земля! Но конец у нее все же есть или нет? Если идти, идти и идти всю жизнь, дойдешь до края света?

— Вернешься туда, откуда отправился.

— А?

— Земля кругла, как мяч...

— Ну ладно, дорогой господин, — усмехнулся Садуна. — Правда, я неученый человек, но не надо из меня совсем уж дурака делать. Я вас ничем не разгневал, за что же вы надо мной насмехаетесь? Думаете, раз вы образованный человек и все науки изучили, я так сразу и поверю, что бы вы ни сказали?

— Говорю тебе, земля кругла, как шар, и, кроме того, вертится.

— Пст! — не мог удержать смех Садуна. — Это уж слишком, сударь! Это я должен рассказать господину Папуне. Боже, вот он будет смеяться! Вертится, говорит? В какую же сторону она вертится — справа налево или сверху вниз? Господи, довелось же услышать такое!

Долго еще веселился и хихикал Садуна, хлопая себя руками по коленям и утирая слезы. Он смеялся так искренне, что Бесики, заразившись его весельем, и сам улыбнулся. Он хотел было растолковать Садуне, что представляет собой наша земля и как она обращается вокруг солнца, но потом решил, что этим еще больше собьет с толку простодушного и невежественного княжеского слугу, так доверчиво относившегося к нему, и вернулся к своему сочинению.

Между тем Садуна постепенно успокаивался и наконец, после заключительного возгласа «Вой-ох», умолк. «Пойду расскажу кому-нибудь!» — подумал он и выскочил из комнаты. Первый, на кого он наткнулся во дворе, был Куцуца Абашидзе. Не дав ему опомниться, Садуна выпалил:

— Что он сказал! Нет, знаешь, что он сказал?

— Кто? — зашевелил усами Куцуца.

— Бесарион, царский секретарь.

— Хелтуплишвили?

— Нет, Габашвили. Земля, говорит, вертится!

— Что-о?

— Вертится, говорит. Круглая, как мяч, и вертится!

— Для него она, может, и в самом деле вертится!

Счастье и удача так и стелются ему под ноги! Притащился сюда из Картли и вертит нашим государем и сахлт-ухуцеси, как хочет! Подумаешь — умеет читать, писать! Что особенного? Разве нет, кроме него, других грамотеев? Созвал наш государь всех самых первых князей, какие есть в Имерети, чтобы держать совет... Нас, самых родовитых из дворян, к дворцовой лестнице не подпустили, — вот уже десятый день, как совещаются и держат все от нас в тайне... А этот лоботряс Бесики или как его там, все время, оказывается, сидел рядом с царем!

— Дорогой мой Куцуца, этот Бесики, оказывается, читает и пишет по-турецки, по-русски и еще бог знает по-каковски, так же легко, как ты по-грузински разговариваешь! На свете нет такого царя, которому он не мог бы письмо написать! Помнишь, как однажды хотели послать письмо русской царице и никак не могли найти человека, который сумел бы грузинское письмо на русский язык перевести? Где только не искали, а никого не нашли! А этот человек, братец ты мой, скоро к персидскому шаху поедет от нашего царя. Вот оно как!

— Ну да, к шаху! Еще чего!

— А как поедет, и тогда не поверишь?

— Пусть едет и не возвращается! А по какому делу?

— Знал бы я такие вещи — мне бы море было по колено!

Куцуца огляделся с видом испуганной лисицы, еще быстрее зашевелил усами и шепнул Садуне:

— Узнай и сообщи мне!.. И проси чего хочешь!

— Как же узнать? Кто мне скажет?

— Спроси у него. Очень уж он тебя любит. Меня и словом никогда не удостоит, а с тобой как с братом обращается. Не знаю, чем ты его обкормил, — видно, есть у тебя такое зелье. Так спроси, он тебе скажет. Зачем он станет от тебя скрывать? А если узнаешь да скажешь мне... Дам тебе свой турецкий кинжал — ты на него заглядывался.

— Правду говоришь? Смотри, потом не отказывайся! Узнаю, конечно, дело не трудное! — выпалил сразу Садунa, а сам подумал: «Если не узнаю, то придумаю что-нибудь — попробуй, догадайся, соврал я или нет?»

Но Куцуца, по-видимому, по выражению его лица прочел эти мысли.

— Только смотри, если скажешь неправду, тот же самый кинжал всажу тебе в грудь!

— Как это неправду? Что сам узнаю, то и скажу! А ты сразу слово нарушаешь? Нет, брат, не нужно мне от тебя ни кинжала, ни сабли! Оставь меня в покое — если хочешь узнать что-нибудь, поди и узнай!

И Садуна немедленно покинул своего собеседника, дивясь и стараясь угадать, зачем или по чьему наущению стремился Куцуца узнать цель поездки Бесики в Персию. Конечно, не ради сахлт-ухуцеси старался так Абашидзе — Папуна Церетели сам прекрасно знал, по какому делу посылают к шаху нового царского секретаря. Кто же стоял за спиной Куцуцы? Ясно было, что Абашидзе хочет оказать услугу какому-то знатному человеку, чьим тайным лазутчиком он является.

Садуна перебрал одного за другим всех участников тайного совещания у царя Соломона и стал вспоминать, кто из имеретинских вельмож не был приглашен, хотя по своему сану и положению должен был бы присутствовать на совещании.

Погруженный в эти мысли Садуна вернулся в царскую канцелярию и притулился в углу, около Бесики.

— Хотел бы я знать, сударь, что это вы пишете так долго! Пасхальная ночь на дворе, скоро заутреня начнется, все собираются в собор. Ух, какой пир готовится во дворце! Заглянешь в тонэ — с ума сойдешь! Поросята и барашки, вздетые на вертел, подрумяненные, сложены кучами... Да только, пока полночь не пройдет, до них и пальцем дотронуться нельзя...

— Вот потому-то я и не спешу, — сказал с улыбкой Бесики и свернул исписанный бумажный лист в трубку.

— Хочу спросить вас об одной вещи, сударь, если позволите...

— Что пользы спрашивать — ты все равно мне не веришь!

— Поверю, господин! Пусть земля вертится, скажете мне даже, что мир вот-вот обрушится, — и то я вам по-

верю, только объясните, по какому делу вас посылают к шаху?

Бесики с удивлением взглянул на парня и нахмурился.

Садуна растерялся и смущенно забормотал:

— Не подумайте только ничего дурного! Разрази меня господь, если я разболтать собираюсь или донести кому-нибудь... Просто хочется знать...

— Очень хочется?

— Нет, конечно, если это возможно, а нет, так...

— Хорошо, если ты так уж хочешь знать, зачем я еду, пусть будет по-твоему. Я выпрошу тебя у господина сахлт-ухуцеси и возьму с собой. Поедешь в Персию?

— Господи помилуй! — вырвалось у Садуны. Он перекрестился и растерянно спросил: — Правду вы говорите?

— Что, испугался?

— Эх, господин мой, кто же меня удостоит такого счастья — чужие земли посмотреть?

— Путешествия не боишься?

— С вами, господин, я никуда не побоюсь ехать!

— Так решено! Только смотри, никому ни слова!

— Вот так счастливая пасха для меня настала! И в самом деле, вертится наша земля! Боже, совсем испорчен для меня сегодняшний пир — от радости куска не смогу проглотить!

\* \* \*

Перед началом пасхального богослужения в Кутаиси неожиданно приехал брат царя Арчил со своей супругой.

Арчил был женат на дочери Ираклия Второго Елене и постоянно жил в селе Гванкити, одном из своих владений. Как он, так и его супруга редко показывались при царском дворе, в особенности после того, как Соломон, сочетавшись браком с вдовой Каджая, сделал царицей женщину из простого дворянского дома. Елена, происшедшая из древнего царского рода, гнушалась своей невесткой. Как — она, дочь прославленного на всем Востоке государя, должна называть царицей женщину, подобран-

ную в дощатом мегрельском домишке, делившую постель с каким-то худородным дворянином? Ей, Елене, быть придворной дамой такой царицы? Нет, это было чересчур оскорбительно! И Елена не только не приехала на свадьбу Соломона, но и после того, вот уже десять лет, ни разу не показывалась при дворе — ни в Кутаиси, ни в Скандэ, ни в Варцixe. Зато она наводнила дворец лазутчиками, и стоило мыши пробежать под полом в доме Соломона, как ей уже было об этом известно. В особенности внимательно следила она за беглыми картлийскими князьями и дворянами, нашедшими приют у Соломона, и сообщала своему отцу в Тбилиси о каждом их шаге. Со всех писем, получаемых Арчилом, — будь то от царя Соломона или от католикоса Иосифа, — Елена снимала копии и пересылала Ираклию, а иногда в Тбилиси попадали и самые подлинники. Соломон знал об этом и всякий раз, когда задумывал какой-нибудь новый ход в своей игре против Ираклия, принимал особые меры предосторожности. Брата своего Арчила он заставил клятвенно обещать, что тот не будет рассказывать жене ничего о государственных делах Имерети. Но напрасно — Елена все равно все узнавала. Правда, Арчил каждый раз клялся и божился, что не проронил перед женой ни слова, но Елене бывали известны такие мелочи и подробности, что Соломон не верил никаким клятвам. Одно время между братьями даже возникло по этому поводу охлаждение. Позднее Арчил и Соломон вновь помирились, но царь уже редко звал к себе своего брата. Так поступил он и теперь — не только не пригласил Арчила на совещание, но и всем участникам строго-настрого наказал не проговориться перед царевичем.

Царевич, разумеется, узнал о том, что у Соломона происходит тайный совет. Но как ни старались и он и его супруга узнать, о чем на этом совещании шла речь, все их усилия оказались напрасными. Чутье подсказывало Елене, что замышляется заговор против ее отца, иначе почему бы у Соломона собрались все бежавшие из Картли высокородные и невысокородные князья и дворяне, враждовавшие с Ираклием, и в том числе Элизбар Эристави, Александр Амилахвари, Захария Габашвили и Бесики? Ей было ясно, почему имеретинский царь не при-

гласил своего родного брата: это означало, что он желал скрыть от него, а значит и от нее, цель совещания и свои намерения.

Утром в страстную субботу Елена внезапно заявила мужу, что желает явиться к супруге Соломона царице Гулкан и вместе с нею встретить христианский праздник Христова воскресения. Изумленный Арчил тотчас же согласился, приказал седлать коней, и через час Елена, окруженная многочисленной свитой, вместе со своим супругом скакала по направлению к Кутаиси.

Неожиданное появление Арчила и Елены вызвало во дворце целый переполох. Царь совсем не ожидал приезда своей невестки и поразился, увидев, что та прямо направилась в покои царицы.

Поцеловав Гулкан сначала в плечо, а потом в лоб, Елена приветствовала ее почтительными словами и попросила прощения за то, что до сих пор не могла к ней явиться. Смирение гордой Елены обозначало признание Гулкан царицей. До сих пор жены имеретинских вельмож, женщины из знатных родов воротили нос от Гулкан и считали для себя унижительным оказывать ей царские почести. Но теперь уже ни одна из них не посмела бы, сославшись на низкое происхождение царицы, не явиться ко двору. Поэтому посещение Елены привело в восторг Гулкан, которая тотчас же поделилась своей радостью с супругом. Соломон догадывался о причине внезапной перемены в характере его надменной невестки, но приезд Елены был и ему очень приятен. Он приказал сахлт-ухуцеси позаботиться, чтобы эта счастливая для него пасха была отпразднована с особенной пышностью.

Папуна посоветовал Соломону появиться у заутрени в парадных царских одеждах. От ворот дворца до самых дверей храма Архангела расстелили ковры и повесили на столбах железные фонари с цветными стеклами. Соломон и его супруга в облачении для больших царских выходов направились в храм. На плечи обоих были наброшены горностаевые мантии, концы которых поддерживали придворные юноши; головы царственной четы были увенчаны коронами. Соломон держал в правой руке скипетр, а в левой — символ царской власти — сферу, или державу.

Позади Соломона и Гулкан шествовали Арчил и

его супруга. За ними — придворные дамы и вельможи. Замыкали шествие царские секретари.

Литургию свершал Захария Габашвили в сослужении с двенадцатью иереями, среди которых находились два его сына — Иоанн и Николай. Митрополит кутаисский — Кутатели — недомогал и не смог спуститься из верхнего города. Храм был озарен мерцающим пламенем множества свеч. Они горели не только в люстрах, спускавшихся с потолка, и серебряных свечницах, выстроенных в ряд вдоль иконостаса, но и на стенах, перед каждым образом. Кроме того, каждый из молящихся держал в руке зажженную свечу. Пышно разряженные придворные дамы были увешаны драгоценностями, испускавшими ослепительный блеск. Царица Гулкан выделялась красотой среди всех женщин. Низкое происхождение не мешало ей иметь величественный, поистине царственный, вид. Правда, возраст у нее был уже немалый — она приближалась к сорока годам, — но эта статная, представительная женщина удивительно сохранилась: щеки ее горели молодым румянцем, миндалевидные глаза, оттененные длинными бровями, лучились теплым светом. Алмазная диадема на ее голове и драгоценности, которыми она была вся осыпана, сверкали и переливались так ярко, что казалось, царица окружена сиянием, словно святая на иконе. Рядом с нею супруга Арчила Елена, хотя наряд её и не уступал по пышности и великолепию наряду царицы, совершенно терялась и казалась скромной и жалкой.

Все остались довольны богослужением, так как никогда еще не слышали столь ясной и четкой ектеньи. После крестного хода, когда служба окончилась, началось чтение хвалебных речей, обращенных к Соломону. Первым произнес свою хвалу Папуна Церетели, за ним последовал мдиванбег Паата Абашидзе, и наконец к амвону приблизился Бесики.

Словно шелест ветерка в листве, пронесся по храму взволнованный шепот. Со всех сторон на поэта устремились взгляды, полные напряженного внимания. Весь город вот уже больше месяца судил и рядил о нем. О его ученичности ходили почти что сказочные слухи. И вот сейчас Бесики как бы сдавал экзамен перед всем этим собранием.

Присутствующие в храме встретили появление поэта поразному. Женщины восхищались им, вельможи рассматривали его с любопытством, низшие чиновники и мелкие дворяне — с завистью, потому что любой из них считал самого себя обладателем гораздо больших достоинств, чем Бесики, и никак не мог примириться со столь быстрым выдвижением картлийского изгнанника, пришлого человека.

Бесики развернул свиток, но произнес всю свою речь наизусть, ни разу не заглянув в него.

— Ныне возрадуется царь Давид, бряцающий на арфе, вторя песнопениям своим, и скажет: «Исполнил обет свой тот, кто возвещает добро; сказав: «Однажды поклялся я святому моему Давиду», впоследствии чего, по слову сему, ниспослано нам царствие твое!»

В храме воцарилось молчание. Направо, у южной стены, в группе придворных дам стояла сестра Бесики Мелано. Она была полна радостного волнения, слезы капались по ее щекам. Больше всех своих братьев она любила Бесики, именем которого всегда клялась. Совсем маленькой девочкой была Мелано, когда семья ее рассталась с Бесики. Лишь туманный образ юноши запечатлелся в ее памяти. Быть может, она и вовсе забыла бы оставленного в далеком Тбилиси старшего брата, но в семье Захарии Габашвили только и было разговору, что о нем. Захария и супруга его Родам с такой нежностью вспоминали мальчика, которого взялась воспитать вдовствующая царица Картли Анна-ханум, что Мелано полюбила Бесики самозабвенной сестринской любовью. А теперь этот брат явился к своей семье как спаситель, накормил и одел всех, определил каждому службу и занятие, а сам так выдвинулся при царском дворе, что сразу приобрел имение и приступил к постройке собственного дома! Мелано с особой, жгучей остротой воспринимала каждый его шаг. Сейчас, в этой торжественной обстановке, когда Бесики как бы подвергался испытанию перед венценосной четой и всем царским двором, Мелано волновалась больше своего брата. От волнения она чуть не упала в обморок.

— «...И поелику мудрец сей, отпрыск его, — продолжал Бесики, — олицетворение мудрости и рука разу-



ма, тебя ради простирает сегодня длань свою, чтобы на пергаменте начертать хвалу тебе, окуная перо в чернила тумбутуровые...»

Старший секретарь Гогия Абашидзе наклонился к Папуне и прошептал ему на ухо:

— Пусть я лягу в гроб, если понимаю хоть слово! Что он лопочет, несчастный?

Церетели глянул на Гогию, сдвинув брови. Тот сразу догадался, что шутка его неуместна, и, перепугавшись, нахохлился, как больной петух.

— «Два лика царственных, подобно двум струнам лиры стройно сочетающие гласы свои...» — продолжал Бесики.

На этот раз Папуна наклонился к Гогии Абашидзе и шепнул:

— Это значит — Соломон и Арчил. Понял?

— Это я и сам понимаю! Ты вот что мне скажи, — пробормотал Гогия, — не соврал ли он нам, что умеет читать! Уже полчаса разговаривает, а ни разу в свою бумажку не заглянул!

Папуна улыбнулся, но ничего не ответил Гогии, так как стоящие рядом стали оглядываться на них. Оба снова устремили взгляд на Бесики, который между тем заканчивал свою речь:

— «...И радуется всяк отпрыск дома Давидова, и воздевает руки горé, ибо зрит падение гордых и надменных агарян и воспрянувший род христианский. Повержено зло искупителем нашим Иисусом Христом, и спасены мы от гибели. Ибо помощь нам — от господа вседержителя, сотворившего небо и землю. Христос воскрес из мертвых, и воскресил мя из рабства под игом вражеским!

Лишь мудрость грека золотого века

Тебе достойна воздать хвалу:

Омир с Платоном, умом бездонным,

И Аристотель, слепящий мглу.

Вы, Франк певучий, и Росс могучий,

И Парс, острящий свою стрелу,

Слетайтесь, зрите, царя хвалите,

Чей меч приносит погибель злу».

Окончив чтение, Бесики свернул исписанный лист, преклонил колени перед царем и царицей и положил свиток к их ногам. Тотчас же подскочил эджиб и поднял ру-

копись, а сам царь, выразив в нескольких словах одобрение поэту, направился к выходу.

Речь Бесики произвела огромное впечатление на собравшихся; особенно понравилось мастерское «Иамбико» — стихи, которыми он заключил свою хвалу. Слушатели шумно выражали свое восхищение и, обмениваясь мнениями, громко хвалили поэта, стараясь, чтобы он их услышал. При этом они шутливо добавляли:

— Нынешняя пасха — праздник семейства Габашвили! Вся честь им — и пасхальная служба, и хвалебная речь, и стихи... Нам только одно осталось — пировать да веселиться...

Придворные с зажженными свечами в руках рядами двинулись вслед за царем, соблюдая порядок старшинства. Женщины шли впереди, за ними следовали мужчины. В дверях храма они учтиво уступали друг другу дорогу; поминутно слышалось:

— Пожалуйте, прошу вас!

— Нет, нет, вы — первый...

— Ни в коем случае! Проходите, сударь!..

— Только после вас! Покорнейше прошу!..

Выходила из церкви эта пара, и тотчас же начинала торговаться следующая. Соломон уже дошел до своего дворца, а придворные все еще выбирались из храма.

Бесики стоял у боковой двери алтаря и вместе с другими членами своей семьи ждал выхода Захарии. Они собирались все вместе отправиться домой, в нагорный Кутаиси. Правда, Бесики был приглашен к царскому столу, но сестра его Мелано, после того как он закончил свою речь, чуть не задушила его поцелуями и, крепко вцепившись в руку брата, заявила, что никуда его не отпустит — сегодня вся семья должна быть вместе. Захария тоже собирался домой. Правда, и он был зван во дворец, чтобы благословить царский стол, но старик чувствовал себя нездоровым, да, кроме того, непременно хотел поздравить с праздником кутаисского митрополита. Поэтому он поручил прочесть молитву за царской трапезой дворцовому священнику, а сам решил уйти домой вместе со своей семьей.

Выйдя из алтаря, Захария со слезами на глазах обнял своего сына.

— Не гневайся на меня, господи, за мои слезы,—

сказал он, осеняя себя крестным знамением.— От радости плачу я в твой великий праздник! Ну так пойдем! Где Родам?

Они поглядели по сторонам. Мать Бесики, стоя на коленях перед образом спасителя, клала земные поклоны и бормотала молитвы. Сыновья подняли на ноги старуху и напомнили ей, что пора идти домой.

Веяло весенним теплом. Иссиня-черный небосвод был усеян переливающимися звездами — они казались поразительно яркими и крупными, а внизу, словно это расцветенная алмазами небесная чаша отражалась в огромном озере, мерцали бесчисленные огоньки свечей. Теплый, ласковый ветерок, словно расшалившийся ребенок, подскакивал то с одной, то с другой стороны и шевелил пламя свеч в руках у расходившихся по домам мольщиков. Язычки пламени то ярко вспыхивали, то вытягивались, словно пытаясь оторваться и улететь. Временами ветерок утихал, как бы скрывался в засаде, чтобы снова внезапно выскочить из своего укрытия. Веселый шум стоял в городе. Всюду слышались смех и песни.

У Бесики после долгой торжественной службы и после испытанного волнения кружилась голова. Сейчас он в душе досадовал на себя — напрасно он так волновался, речь можно было произнести гораздо лучше! Он вновь переживал напряжение этих минут и жаждал повторения минувшего вечера — вот он снова подходит к амвону, снова внимание собравшихся сосредоточено на нем... Только происходит это не здесь, а в Сиони, в Светицхове-ли или в Гелати... Впрочем, все равно где, лишь бы только знать, что присутствует в храме, видит и слышит его...

Кто?

В памяти Бесики неожиданно промелькнули образы, уже канувшие было в пучину забвения. Анна старшая (белые, прекрасные руки погружала она в волосы Бесики и притягивала, как бы в гневе, голову его к себе для поцелуя...), Анна младшая, чей взор был всегда затуманен печалью и страстью... и монахиня с сияющими глазами, встреченная в Мгвимском монастыре.

Сердце Бесики забилося. Он тяжело перевел дух и как-то торопливо сказал Мелано:

— Знаешь что? Ступайте вы домой, а у меня есть еще одно небольшое дело...

— Не пушу! — заупрямилась Мелано.

— Сестричка моя милая, если бы ты знала, какое это дело! Когда узнаешь, от радости сойдешь с ума. Я ведь недолго задержусь — сразу подойду. Может, даже догоню по дороге.

И с этими словами Бесики повернул в сторону «Золотого Шатра».

У ворот дворца его встретил царский домоправитель. Он похристосовался с Бесики и сказал ему с упреком:

— Куда ты исчез? И государь и государыня уже спрашивались о тебе. А супруга царевича Арчила даже послала меня за тобой и приказала без тебя не возвращаться.

— В самом деле? Сейчас явлюсь к ней.

— Ступай, дорогой мой, ступай скорей.

— Да, да. Вот только где бы мне найти Садуна?

— Какого Садуна? Дворового Папуны Церетели? Вон он, мошеник, лис хвостатый, в людской прохлаждается!

Низенькое, вытянутое, как коридор, помещение людской имело всего две двери—в обоих концах. Против каждой из дверей пылал огонь в очаге. Садуна, как наперсник князя Церетели, ничем не был занят и вертелся около врытых в землю винных кувшинов с огромным пиршественным рогом в руке.

— Бессовестные! — упрашивал он виночерпиев.— Хоть ради праздника наполните мне этот рог, один-единственный раз!

При виде Бесики Садуна, словно громом пораженный, бросился к старшему виночерпию.

— Разрази меня бог! Наливай скорей, видишь—пожаловал господин царский секретарь! Нужно ему поднести, скорей, слышишь?

На этот раз виночерпий послушался его и наполнил рог. Садуна, как-то особенно раскачиваясь всем телом и выписывая ногами кренделя, поспешил навстречу Бесики и поднес ему рог.

— Дай бог вам много раз счастливо встречать святую пасху, сударь, и пусть не оскудеет для вас чаша благодати!

— Спасибо, мой Садуна. Иди сюда, у меня к тебе дело,— сказал слуге Бесики, отзывая его в сторону, но

не принимая рога.— Если хочешь, чтобы я в самом деле взял тебя в Персию, не уезжай завтра в Сачхере, не по-видавшись со мной. Понятно тебе, для чего?

— Господи! Я же сам давеча к вам за этим пришел! Все знаю. Вы только напишите все, что желаете.

— А читать она умеет?

— Боже ты мой! Да у нас мужчины только не обучены читать, а женщины в этом мастерицы! Да и слыхано ли, чтобы монахиня грамоты не знала? — Тут Садуна наклонился к уху Бесики и шепнул:— Куцуца пристал с ножом к горлу — узнай, мол, зачем Бесики едет к шаху персидскому. Для чего ему об этом знать, любопытно?

— Кто такой Куцуца?

— Как, сударь, разве вы не знаете Куцуцу? Это сокольничий нашего князя, тот, у которого губы в трубочку вытянулись от того, что он вечно подсвистывает своим кречетам!

— Ах, этот... Да, знаю. Значит, и он желает принимать участие в государственных делах? — усмехнулся Бесики и вышел из людской.

Садуна проводил его до дверей, потом внезапно вспомнил, что собирался поднести гостю вино, и воскликнул еще раз: «Что же, сударь, не изволите осушить?», но понял, что уже поздно, и сам припал к рогу, запрокинув голову.

\* \* \*

Садуна выехал в понедельник утром. Он должен был проехать мимо пастбища Цхентаро и передать смотрителю стад приказ перегнать скот в деревни. Каждую осень вся гористая Верхняя Имерети от Корбоули и Личи до Шорапани сгоняла свои стада на равнины Нижней Имерети, где имелись превосходные зимние пастбища. Здесь даже в снежную зиму скот легко находил себе пищу. Лишь в редких случаях, при обильном снегопаде или в большой мороз, стадам приходилось туго день или два, но не больше. Пастухи знали участки в поймах рек и камышовых зарослях, где никогда не переводилась трава. В горных деревнях на зиму оставляли лишь коров, для которых всегда имелись в запасе саман и кукурузная солома.

Был солнечный апрельский день. Все вокруг зелене-ло. Распускались дикие розы и зеленые речные цветы. Цвели фиалки и подснежники. На горах, замыкавших го-ризонт с юга и с севера, все еще сверкал снег.

Садуна рассчитывал найти смотрителя стад в Варци-хе и поэтому направился Месхетской дорогой прямо к цар-скому дворцу. Вскоре путь ему преградил широко разли-вшийся Риони. Садуна соскочил с коня у перевоза и крик-нул через реку лодочнику, чтобы тот пригнал лодку. Сам же он между тем расседлал свою лошадь и долго му-чился, пока ему удалось загнать жеребца в речные волны. Конь упрямылся, ему не хотелось входить в холодную во-ду, и он кидался то вправо, то влево, бегая вдоль берега. Тем временем подоспел лодочник, и оба кое-как загнали в воду заупрямившееся животное.

На дне просторной плоскодонной лодки стояла вода. Садуне пришлось снять свои мягкие грузинские сапоги. Ло-дочник был без шаровар, в одной рубашке, достававшей ему до колен. Он оттолкнулся от берега длинным багром, и лодка поплыла поперек Риони. Когда она дошла до се-редины реки, Садуна оглянулся и увидел, что лошадь его повернула обратно и уже приближается к берегу. Садуна ударил себя по лбу и приказал лодочнику плыть назад.

— Не беспокойтесь, сударь! — успокоил его перевоз-чик.—Переедем уж на ту сторону, а потом я сам вернусь и приведу вашего коня.

В самом деле, как только они причалили к противо-положному берегу, лодочник во второй раз пересек реку, и прежде чем Садуна успел натянуть на ноги тесные са-поги, его лошадь, фыркая и чихая, выкарабкалась на землю, отряхнулась и принялась с хрустом жевать рос-шую здесь густую, высокую траву. Садуна подошел, по-гладил ее по хребту, выжал воду из мокрой гривы, дал лошади попасть на мураве, а когда она слегка обсох-ла, вновь оседлал ее и пустился в путь.

Папуча Абуладзе, правитель Варцихского дворца, встретил Садуна во дворе. Он помог гостю сойти с коня и пригласил его к столу. Папуча рад был разузнать обо всем, что делается в Кутаисском дворце, и охотно задер-жал бы гостя у себя до вечера. Садуна, едва осушив два или три рога вина и слегка утолив голод, вскочил из-за

стола и стал прощаться. Абуладзе что есть силы удерживал его.

— Постой, добрый человек! Успеешь наговориться с пастухами! Нынче святая неделя, куда ты спешишь? Не бойся, и без тебя сумеют отогнать скот.

— Спасибо, мой дорогой Папуча! Большое удовольствие с вами сидеть за столом и время проводить, но знаете ведь моего господина: головы снесет нам обоим, если за делом не доглядим!

— В какую сторону собираешься ехать?

— Поеду на Цхентаро, потом в Родиноули... Стада прикажут гнать впереди. Надо мне еще в Шорапани заглянуть — кума у меня там, — Садуна лукаво подмигнул правителю дворца. — Потом заеду в Диликоури...

— По дороге гляди в оба. Говорят, в Аджаметском лесу появились разбойники.

— Откуда?—удивился Садуна.—Столько лет у нас разбойников в помине не было!

— Верно, из Ахалцихе пожаловали.

— Вряд ли! На горах такой глубокий снег...

— Ну так что ж? Зимой и то переходят—теперь тем более. Даже без лыж, наверно, обошлись!

— И много их?

— Говорят, три человека. Наверное, хотят захватить кого-нибудь, чтобы продать в неволю. Начальник крепости послал стрелков, чтобы задержать их, да только где их разыщешь в дремучем лесу!

— Три человека! Я думал, друг, их там двадцать или тридцать! Уж если от трех человек не отобьюсь,—лучше мне со стыда руки на себя наложить!

Садуна простился с Папучей Абуладзе, вскочил на своего коня и пустился в дорогу.

У моста через Ханис-Цхали Садуна приостановился и задумался. Он не мог решить — переехать ли через мост и сразу углубиться в лес или выбрать кружной путь и, минуя эти места, через Обчу добраться до хижин пастухов. В Варцихе перед смотрителем дворца он держался храбро, но здесь, на лесной опушке, опасность выглядела гораздо более устрашающей. Мелькнула мысль: «А что, если в самом деле схватят: раньше, чем князь узнает о моем похищении и снарядит погоню, я уже буду на не-

вольничьем базаре в Стамбуле!» Долго топтался он на одном месте, потом наконец собрался с духом и поехал по лесной дороге, предварительно подсыпав пороху на полки пистолета и ружья. Пистолет он при этом заткнул за пояс, а ружье повесил на ремне через плечо так, чтобы в одно мгновение, схватившись за него, взять врага на мушку.

Лес только что зазеленел, и листва была еще не настолько густа, чтобы затенять дневной свет. Прозрачная зелень молодых весенних листочков отливала нежной желтизной. Проселочная дорога еще не успела хорошенько просохнуть после зимы, и местами на ней поблескивали большие лужи.

Издали послышалось щелканье бича. Садуна напрягся, весь превратился во внимание и взглянул на своего коня. А конь наострил уши, прислушался и, убедившись, что нигде нет ничего подозрительного, фыркнул и спокойно продолжал свой путь. В самом деле, через минуту из-за поворота показалась запряженная в два ярма четверка быков, волочивших за собой огромный ларь для выжимания винограда. Быков погонял, идя впереди упряжки, босоногий крестьянин в засученных до колен штанах, так густо обросший волосами и бородой, что казалось, лицо его просунуто в нарочно свернутое из пушистой шерсти кольцо.

— Здорово! — приветствовал крестьянина Садуна, остановив лошадь.

— Пошли тебе бог удачи! — отвечал крестьянин и окликнул быков, чтобы придержать их: — Хо-о-хо!

Животные тотчас же остановились. Они тяжело дышали, с губ у них свисала слюна.

— Знатный чан ты везешь, прославишься на всю Имерети, если он твой! Только чего ты торопился—нынче ведь святая неделя, посидел бы без дела!

— Эх, сударь, для крестьянина всякий день рабочий, кроме воскресенья! Да потом, надо поспеть, пока земля мокрая, а то по сухой этакую громадину и с места не сдвинешь!

— Слышал я, в этих краях разбойники завелись, людей будто бы похищают!

— Схватили их уже, сударь!

— Откуда ты знаешь?



— Своими глазами видел. Всех троих вели в Кутайси. Трое их и было.

— Где их схватили, не знаешь?

— У Сацалике нагнали их, господин дорогой. Все трое пожаловали сюда из Поты. Узнали они там, оказывается, что во Мгвимской обители есть одна монахиня, такая красавица, что краше на свете не видано. И потийские купцы-турки обещали целый мешок золота тому, кто эту красавицу приведет...

— Ну и как — увезли девушку? — спросил, сразу перепугавшись насмерть, Садуна.

— Сейчас все скажу, сударь. Так вот, эти трое, оказывается, договорились между собой — ежели, мол, будет нам счастье, разбогатеет, и решили рискнуть головой. Приехали они в наши края и целую неделю прятались в пещере — высматривали оттуда, сторожили. И наконец дождались — в один прекрасный день раскрылись монастырские ворота, и девушка выгнала овец на луг. Тут эти три парня выскочили, схватили девушку, посадили в седло и ускакали в сторону Рачи. Круглый путь выбрали, через Рачу и Лечхуми, потому что знали — здесь, во владениях царя Соломона, им несдобровать. Да только монахини подняли крик, заголосили, — скорей, мол, погоню! Тут наши ребята мигом вывели коней и помчались за разбойниками. Глядишь, и везут назад связанными всех троих!..

— А как девушка?

— Привезли ее обратно в монастырь. Ничего, здоровонька, — обращались хорошо, никакого бесчестья ей не было.

— Слава богу! — Садуна облегченно вздохнул и перекрестился. — Только правда ли все это?

— Правда, сударь! Сам начальник стрелков рассказывал. А вчера я был в Гванкити и видел там этих разбойников. Им должны были на месте головы отрубить — таково повеление царя Соломона, — да только они объявили: «Отведите нас к царю, мы ему такие важные вести сообщим, что он, может, еще и наградит нас!»

— Как бы не убежали!

— Ну нет, всех троих в железо заковали. Зря они на-

деются: Соломон не помилует их, не сносить им головы. Дай бог долгой жизни нашему государю—с тех пор как он царствует над нами, легче стало дышать, и людей у нас прибавилось! Не помешай он, всю Имерети давно бы уже продали в рабство! Я ведь тоже был в неволе, да убежал домой... Сколько мне пришлось перенести горя — человеку не вообразить!

— Так ты — вольный?

— Да, сударь. Кто из плена вернется, получает вольную, если сам не захочет избрать себе господина. Да вы сами хорошо знаете.

— Как твоя фамилия?

— Сирбиладзе. Так меня записали — раз ты, мол, убежал из плена, от турок, значит бегать хорошо умеешь, вот и зовись бегуном.— Крестьянину хотелось еще поговорить, но Садуна взмахнул плетью, и конь его тронулся.

— Прощай! — сказал Садуна крестьянину.— Хорошие вести ты мне сообщил.

— Прощайте, сударь, бог в помощь! — торопливо ответил крестьянин и в свою очередь замахнулся на быков хворостиной, провожая взглядом отъехавшего Садуну.

«Видно, княжеский сын,— подумал Сирбиладзе. — Ух, и олет богато!»

\* \* \*

Садуна с силой постучал в монастырские ворота. Через некоторое время послышался шум отодвигаемых засовов, и дверь приоткрылась. Кряжистый, как дубовые корни, старик просунул голову в образовавшуюся щель и оглядел Садуну.

— Кто это там стучится?

— Это я, Садуна. Открой дверь, что вы заперлись?

— Какой Садуна? Филимонов сын? Ах ты, боже мой! Входи, родной, милости прошу! С тех пор как эти нечестивцы похитили у нас девушку, настоятельница привезла меня и поставила здесь караулить. Здравствуй! Как поживаешь, что поделываешь?

— Здравствуй, мой Бичия!

— Смотри-ка, узнал меня! — обрадовался старик.— Милый ты мой! Вижу, стал большим человеком, по-

смотришь на тебя — от дворянина не отличишь! Не обижайся, что я дверь не сразу отворил. Пуганные мы, дорогой мой, остерегаемся! Разбойники эти проклятые из Поти сюда, оказывается, приехали, чтобы девушку похитить, в такую даль! Слыханное ли дело? Кабы увез ее кто-нибудь из наших людей, чтобы жениться, мы, пожалуй, и не очень бы горевали, да ведь ее к туркам везли, продавать в рабство! — голос старика вдруг стал тоненьким, словно он пел дискантом в хоре. — На ту-рет-чину, в неволю, понял? Да, слава богу, ребята наши порадовали меня, пустились в погоню и...

— Где она — здесь? — прервал Садуна изливания говорливого старика.

— Да, родной, здесь. Дай-ка сюда ухо, что я тебе скажу, дружок! — старик приблизился к Садуне, поглядел по сторонам и чуть слышно шепнул: — Знаешь что, выйдите-ка замуж девушку, да поскорей! В монастыре такую красавицу долго не оставят. Слышал, откуда куда пробрались люди, чтобы ее увезти!

— Легко сказать, добрый человек! Кто возьмет в жены незаконнорожденную?

— И то правда... Хотя, если по совести сказать, неужели ее из-за этого можно отвергнуть? Разве мы не все одинаково богом сотворены? Мать ее ведь не распутная была, не в разврате родила ее, несчастную! Позвали женщину, чтобы она господину ноги помыла, а тот схватил ее и... Эх! — старик покачал головой, заложил дверь засовом и, по-видимому, еще долго собирался разговаривать, но тут из келий на двор высыпали монахини, и он передумал: схватил за уздечку лошадь Садуны и повел ее к стойлу.

А монашки с возгласами радости, с ахами и охами окружили гостя, поздоровались с ним, благословили его и тут же забросали градом вопросов: откуда он приехал, что знает нового. Появление Садуны было для них настоящим праздником. И монашки, рассевшись на больших камнях вокруг Садуны, завязали беседу.

— Ах, какое скверное дело у нас тут случилось, мой Садуна, какое скверное дело! — сказала одна монахиня, по имени Наталия, немолодая женщина с добрым, приятным лицом, несмотря на ее годы, еще не изрезанным мор-

щинами.— Чуть было не попала к туркам в неволю твоя племянница!

— Я еще в Варцихе узнал об этом и чуть не лишился рассудка! Где она сейчас? Я ведь для того и приехал, чтобы ее повидать.

— Она в храме, сейчас придет,— ответили одновременно несколько монахинь.

— Думал я, моя Наталия, что племянница моя в надежном месте, и был за нее спокоен, да вот...— Садуна несколько надменно поглядел на монахинь, потом выставил ногу вперед и поправил голенища красных сапог, чтобы показать им, какая на нем нарядная обувь,— да вот, вижу, что напрасно на вас полагался...

— Что же мы могли сделать, мой Садуна! Мы бесильны. Все наши крестьяне, те, что приписаны к монастырю, были в то время в поле, на пахоте, караульщиков у нас нет, а ясаулов сахлт-ухуцеси неизвестно где искать, да по правде говоря, их-то самих, пожалуй, еще больше приходится опасаться... Глаза у них завидующие, руки загребушие, пощады не жди, если что-нибудь облюбуют. Не то что молоденькую девушку, пожалуй, и старуху готовы похитить и, ежели никто не узнает, не постыдятся, туркам продадут!

— Ну на это ни они, ни кто другой не осмелятся! Наш великий государь, если только узнает о таком деле, снесет виновным головы, как луковицы!

— Да, если узнает... Но ведь сами они не скажут, а мы, опасаясь их, тоже будем молчать. Вот так и трясемся от страха — между двух огней!

— Да что — нас, ясаулы и друг друга на щадят! — вмешалась в разговор маленькая, сухонькая монахиня, сидевшая на камне, вся поджавшись, как птица, — и платок у нее был обвязан вокруг лица так, что крючковатый нос высывался вперед, словно птичий клюв. — Недавно пристав взял с собой двадцать ясаулов, чтобы схватить кого-то на реке Фроне. Приехали они туда, трое пошли вперед и бросились на этого человека — повалили, сорвали с него оружие и стали его вязать, а тем временем другие трое на этих кинулись, чтобы оружие добытое отнять. Ну, а там еще другие налетели — дескать, вы у него оружие отняли, а мы у вас отнимем, и вцепи-

лись все друг в друга, словно волки. Получилась свалка, пошла ругань; тем временем тот, кого они ловили, ускользнул, а сами ясаулы, кто сумел что-нибудь урвать у товарищей, был таков, а кто нет — выхватил кинжал и давай разить... У одного рука отрублена, другому голову рассекли...

— Голову готов прозакладывать, — это были Чигладзе, — рассмеялся Садуна. — А кто у них был начальником?

— Абдушелишвили.

— Который? Хосита? Плохо бедняге придется — не уйдут от гнева сахлт-ухуцеси ни он, ни его ясаулы.

— Эх, одичали мы... Разве такую должна быть наша христианская земля? — вздохнула сестра Наталия. — Читаю летописи «Житие Грузии», и душа болит. Каким великим государством была раньше наша Грузия, какие в ней жили просвещенные люди! Турок-то, с божьей помощью, прогнал наш государь, да своих собственных подданных еще не успел обуздать... Когда же станет государство похожим на государство? Господи, помилуй нас!

Увлеченный разговором Садуна не заметил появления своей племянницы. Монашка кинулась к родственнику и в восторге повисла у него на шее. Потом она присела около его ног. Щеки у девушки разгорелись от бега, высокая грудь часто вздымалась. Садуна с любовью посмотрел на племянницу, но тут же попытался принять строгий вид и нахмурил брови. «В самом деле, не уберегут бедняжку здесь, в монастыре, не уберегут, — подумал он. — Эх, а может, смилуется бог и устроится ее счастье?»

— Правда тебя похитили, глупышка?

— Чем же я виновата? — жалобно простонала девушка. Она ожидала этого вопроса и заранее готовилась ответить весело и беззаботно, но рыдания подступили к горлу, она не могла удержаться и принялась громко всхлипывать. Монахини стали выговаривать ей.

— Перестань, стыдно, дядя на тебя рассердится!

— Взрослая девушка, а плачет, как ребенок!

— Довольно, перестань! — стал успокаивать племянницу Садуна. — Смотри, вот что я тебе привез! — Он вытащил из-за пазухи платок с завязанными на нем узел-

ками, развязал один угол, достал серебряный крестик на цепочке и протянул его девушке.

— Ах, дядя, милый мой, спасибо! — девушка утерла слезы и улыбнулась, потом взяла крестик и стала с восторгом разглядывать его. Скромная вещица казалась ей роскошным украшением.

Долго еще беседовал Садуна с монахинями; наконец, улучив минуту, он отвел племянницу в сторону и шепнул ей на ухо: «Ну, девочка, думаю, что дела твои пойдут на лад и я сумею устроить твоё счастье. Выдам благополучно тебя замуж, исполню завещание моей сестры!»

— Что? — миндалевидные глаза девушки широко раскрылись, щеки заалели. — Когда это монашки выходили замуж? Побьют меня камнями!

— Этого ты не бойся! — успокоил ее Садуна. — Так тебя увезем, что никто следа не отыщет. Если б ты только знала, кто на тебе жениться хочет!

— Кто? — невольно вырвалось у девушки, не сумевшей скрыть охватившего ее волнения.

— Помнишь, мы заезжали сюда... Ты его просто пожирала глазами — думаешь, я не заметил?

— Ты не обманываешь меня, Садуна? — вдруг громко, совершенно забыв об осторожности, вскричала девушка, зашаталась и как подкошенная грохнулась на землю.

Перепуганный Садуна взглянул на племянницу, решил, что у нее разорвалось сердце, схватился за волосы и принялся звать на помощь. Мгновенно сбежались монахини, прыснули на девушку водой, дали ей понюхать уксусу, потеряли виски и кое-как привели в чувство. Осторожно подняли монахини больную, под руки повели ее в келью и уложили в постель. Садуна присел тут же около девушки на трехногий скамейке; бедняжка, едва придя в себя, вцепилась в рукав своего дяди и ни на шаг не отпускала его от себя. Так она лежала в постели с раскрытыми глазами и молча глядела в потолок. Монашки после долгих причитаний и молитв вышли одна за другой из комнатки.

— Грех тебе, Садуна, — не жалеешь меня, — вскричала девушка и вдруг вся затряслась, словно в лихорадке. — Грех тебе, зачем ты меня, несчастную, мучаешь?

— Порази меня гром!.. Кабы знал я, что с тобой такое стряется, слова бы не сказал! Ладно, успокойся теперь, приди в себя!

— Только не говори мне, что ты пошутил, обманул меня, а то, кажется, сразу богу душу отдам... Брр... Что это со мной? Холодно. На... накрой меня одеялом... А теперь говори, все скажи, все — может, пока до конца дойдешь, и приберет меня господь, видишь, что со мной,— влору причастие принимать! Говори же, подай голос, чего молчишь?

— Чего же тебе еще? Все, что нужно было сказать, я сказал. Почему ты так дрожишь? Простыла, наверно!

— Скажи! — вырвалось как бы из самого сердца девушки.

— Что же еще сказать? Он тебе и письмо написал.

— Письмо?

— Ну да! Здесь оно, у меня. Что он пишет, не знаю. А все, что устно мне сказал, я передал.

— Дай письмо!

— Сейчас, сейчас. Успокойся, не сходи с ума!

— Не знает он, кто я, как я родилась на свет... Не знает, что я в грехе рождена — не знает, а то разве он мог бы помыслить что-нибудь такое?.. Дай мне письмо... Хоть на него... Хоть на письмо погляжу... И это уже много для меня!

— Я ему все рассказал, не скрывая. И знаешь, что он мне на это ответил? Люди, говорит, все богом сотворены, и я, говорит, вовсе на это внимания не обращаю. Наш государь, говорит, вдову худородного дворянина сделал царицей, кто ж меня осудит, если я, простой дворянин, приведу хозяйкой в дом крестьянскую девушку, даже и незаконнорожденную? Никто меня не осудит! Клянусь твоей жизнью, так он мне сказал. А теперь успокойся. Я съезжу в Сачхере, там у меня дело, а потом вернусь, и мы подумаем, как нам быть, посоветуемся обо всем подробно. Не будь я Садуна, если не приведу это дело к счастливому концу и не исполню завещания моей покойной сестры!

— Уходишь! — девушка задрожала еще сильнее и сжалась под одеялом в комочек. — Не уезжай, Садуна!

— Да что с тобой, девочка?

— Не уезжай, а то я не поправлюсь... Не уезжай, дя-

дя, милый мой, голубчик, не оставляй меня, а то я не вынесу тоски...

— Господи, да зачем я тебе, девочка? Монашки за тобой гораздо лучше будут ухаживать! Наталии тебя поручу — добрее ее я человека не видывал...

— Не уезжай...

— Подумай, что ты говоришь! Я человек подневольный, у меня дела... Кто мне позволит разъезжать по своей прихоти? Ладно, ладно, успокойся, я скоро вернусь!

— Садуна!

— Что?

— Садуна, когда увидишь его, не говори, что со мной так случилось... Скажи ему... как звезда, что сорвется с неба и канет в бездну, так и она, несчастная, скажи, сорвалась и угасла...

— Угасла! Еще что! — рассердился Садуна на племянницу. Выговаривая девушке, он старался в то же время подбодрить ее.— Глупенькая! Ты ведь почти еще ребенок, и такая маленькая радость с ног тебя свалила! Что же ты думаешь делать потом, когда...

— Когда?.. Что—когда? Что я думаю делать? Что я могу? Меня даже в освященной земле не похоронят, когда я умру...

— Тсс!.. Чтобы я от тебя больше не слышал таких глупостей! — прикрикнул Садуна на племянницу.— Не гневи господа! О смерти заговорила, девчонка! И когда это было, чтобы человека в неосвященной земле хоронили?

— Эх, вот скоро увидишь, и когда увидишь... Когда увидишь его, заклинаю тебя, если ты меня любишь, не говори обо мне ничего дурного... Дядя, милый, умоляю...

— Ладно, девочка, довольно, ты совсем поглупела!

Садуна попросил монахинь позаботиться о бедной девушке, охваченной смятением и дрожащей от тоски. Раздав им пригоршню турецких монет, он покинул монастырь и направился в Сачхере.

Он надеялся, окончив дела, еще раз повидаться со своей родственницей, но возвращаться в Кутаиси ему пришлось другим, дальним путем — через Корбоули, Вертквилис-Чала и Харагоули, и он не сумел на этот раз заехать в Мгвимскую обитель.



Приезд царевича Арчила на пасху к Соломону был не просто праздничным посещением, и придворные напряженно ожидали начала деловых переговоров между царем и его родичем. Придворные были убеждены, что Арчил и его супруга решительно потребуют от Соломона, во-первых, раскрытия тайны недавно состоявшегося сощещения и, во-вторых, изгнания из Кутаиси враждебных Ираклию картлийских князей.

Арчил и Елена пробыли в Кутаиси почти две недели. На взгляд любого постороннего человека они всей душой предавались веселью — пиры и увеселения следовали друг за другом без перерыва. На самом деле, однако, оба напряженно следили за всеми и каждым, рассчитывая услышать что-нибудь важное или подозрительное. Картлийские князья, узнав о приезде Елены, разумеется, постарались уклониться от встречи с ней и все это время не заглядывали во дворец. Даже Элизбар Эристави, зять Арчила и Соломона, близкий родственник царской семьи, уехал в деревню и не пожелал провести пасхальную неделю в «Золотом Шатре».

Лишь семейство Габашвили явилось приветствовать Елену. Царевна вышла во двор, чтобы встретить Захарию и его супругу. Растроганный священник оросил слезами руку дочери картлийского властелина. Вздыхая и охая, он бормотал:

— Доченька, ведь я тебя крестил, вырастил... Не только ты, но и твой отец вырос у меня на руках! Пусть он хоть десять раз меня расстрижет, пусть сожжет на костре, предаст пытке огнем, я все равно буду вас любить — и тебя, и отца твоего (тут старик, пожалуй, немного лукавил), и твоих братьев! Видел я тебя, когда ты изволила быть во храме у заутрени, и подумал: «Уж не гневается ли она, не забыла ли все то хорошее, что было между нами?»

Елена приветствовала каждого по отдельности, обняла и расцеловала Родам, не позволив ей пасть на колени перед собой, потом стала вспоминать свое детство, время, проведенное ею в Тбилиси вместе с семьей Захарии, — то блаженное время, когда царские дети отлынивали от

уроков во дворце и проводили долгие часы со своими сверстниками в играх и забавах. Вспомнила Елена состязания в стихотворстве, турнирах, из которых Бесики неизменно выходил победителем. Словно град, сыпались его эпиграммы и шаири на противников, а стихи на одну букву, стиховая азбука, удавались ему лучше всех. Припомнила Елена и великие заслуги Захарии перед царями Теймуразом и Ираклием и осудила поступок своего отца, безвинно наказавшего изгнанием всю семью Габашвили. Особенно горячо заступалась она за Бесики, который с малых лет воспитывался при дворе и которого царевичи любили как родного брата. Наконец она щедро одарила своих гостей: Захарии поднесла кошелек, полный серебряных денег, а Родам и Мелано куски шелковой и бархатной ткани на платье. И при этом шепнула Родам: «Приданое твоей дочки беру на себя...»

Таким путем, милостями и ласковым обращением, Елена думала обеспечить себе преданность этой всеми уважаемой, влиятельной семьи и внести замешательство в ряды картлийских изгнанников, явно что-то замышлявших. После милостивого приема, оказанного Захарии дочерью Ираклия, сомнительно было, чтобы картлийские князья стали относиться к нему с доверием — да и не только к нему, но даже друг к другу.

Арчил и Елена дождались наконец подходящего случая, и когда Соломон был в особенно хорошем настроении, завели разговор о взаимоотношениях его с царем Ираклием. Арчил упрекнул брата за то, что тот, нарушив договор с картлийским царем, приютил у себя изменников и опальных дворян, бежавших из страны. А Елена решительно потребовала, чтобы Соломон взял под стражу Александра Амилахвари и отправил его в Тбилиси.

В другое время Соломон, пожалуй, не стал бы считаться в столь важных делах с братом и невесткой, но на этот раз Елена так обрадовала царя, приехав в гости к его супруге и признав наконец Гулкан царицей, что он стал оправдываться перед нею. Амилахвари прибыл из России, он давно уже не является подданным Ираклия, и поэтому ни о каком нарушении договора не может быть речи.

Соломон кое-что все же обещал невестке: поскольку ей так неприятно присутствие Александра Амилахвари в Кутаиси, он попросит князя оставить его двор и вернуться в Россию. Изгнать Амилахвари, а тем более схватить его, он, конечно, не может. Елена была в восторге, полагая, что одержала полную победу. Однако в тот же вечер она совершенно случайно услышала обрывок разговора между шурином царя мдиванбегом Бери Цулукидзе и мишкарбашем Иваном Агиашвили. Эти двое придворных стояли во дворе, под дворцовым балконом. Елена собиралась спуститься в девичью, где служанки шили ей шелковые сорочки, и вышла на балкон. Собеседникам не было ее видно. Едва Елена успела ступить на лестницу, как ей послышалось, что кто-то произнес имя Амилахвари. Она тотчас же замерла, как насторожившаяся наседка, и прислушалась.

— Амилахвари? — спрашивал Цулукидзе.

— Ну да, он едет в Россию, а мне приказывают его сопровождать, — отвечал Агиашвили.

— Когда ты разговаривал с государем?

— Вчера. Ей-богу, я, кажется, руки на себя наложу. Посылает меня в Россию, а я по-русски ни слова не понимаю! Пропадать мне, да и только!

— Но ведь ты поедешь с Александром, а он прекрасно знает русский язык. Чего же ты боишься?

— Он там надолго остается, а мне велено сразу вернуться и привезти ответ. Пока они из Персии вернутся... Тсс... А? Так вот, я говорил... Как же эти соколы, что с ними? — внезапно переменял разговор Цулукидзе.

Елена поняла, что ее заметили. Она с беспечным видом, словно ничего не подозревая, сбежала по лестнице и направилась к девичьей. Сердце у нее громко стучало. Многое стало ей понятно. Дочери царя Ираклия не трудно было по случайно подслушанному обрывку выяснить содержание разговора и ясно представить себе картину происходящего. Ей уже было ясно, что Александр Амилахвари приехал из России с особым поручением к Соломону, что он вел переговоры с имеретинским царем о мерах, которые следовало предпринять, чтобы свергнуть Ираклия. Для этого необходимо было прежде всего привезти из Персии наследника картлийского трона Александра

Бакаровича и поднять в Картли восстание. Елена закружилась, захопотала. В тот же вечер она приказала горничной спешно привести к ней Куцуцу Абашидзе. Девушка бросилась исполнять приказание, и через несколько минут Куцуца уже стоял перед Еленой, скрестив руки и склонив голову.

— Так-то ты исполняешь свои обещания? До сих пор не мог натаскать для меня соколов? — обратилась к нему с улыбкой Елена, а потом, как только горничная ушла из комнаты, нетерпеливо зашептала: — Не думала я, что ты так плохо мне будешь служить.

— Не гневайтесь, госпожа!.. Все, что в моих силах...

— Здесь, оказывается, устраивается целый заговор против моего отца!

— Нет, нет, не верьте этому! — развел руками Куцуца, озираясь с видом испуганной лисицы. — Неправда это, госпожа, неправда! Не поверю я этому, даже если своими ушами услышу!

Елена горько усмехнулась и покачала головой.

— Ладно, много ты знаешь! О чем же они совещались?

— Знай я это, давно бы уже вам доложил!

— Так разведай мне хоть одно: кого они посылают в Персию?

— Это я могу сейчас же вам сообщить. Случайно узнал!

— Кого же? Говори скорей!

— Человека из ваших краев. Того, что воображает себя Соломоном мудрым и ходит по дворцу, кривляясь, точно нижарадзевская невеста!

— Кого же, скажешь ты наконец? Не томи!

— Габашвили, нового царского секретаря, осыпанного его милостями!

— Бесики?

— Ну да, Бесуки или Бесики — никак не запомню его имени.

— Не говорил он, зачем его посылают?

— Ну, если бы я мог выведывать у людей такие вещи, мне и тужить было бы не о чем! Уж как я старался, какие хитрости выдумывал — не поверите, госпожа, если расскажу! И все понапрасну — никак не могу узнать, ка-

кое у него в Персии дело. Сам он молчит, другие ничего не знают. Спросил я господина сахлт-ухуцеси — чуть головы не лишился. Ты, говорит, присматривай за своими соколами, да не путайся в государственные дела, не то шею тебе сверну! Ну, после этого я и заикнуться боюсь...

— Больше ни у кого не мог спросить?

— Что ж, пойду, госпожа, да минует меня ваш гнев, попробую еще кое-где поразведать. На что я гожусь, если и этого не сумею узнать!

— Постарайся, мой Куцуца, если хочешь, чтобы я сосватала тебе невесту с приданым!

— Стараний я не пожалею, госпожа, пусть ваши беды падут на голову Куцуцы! Как добьюсь чего-нибудь, тотчас же вам доложу!

— Ну, дело за тобой! Ступай!

Куцуца низко склонился перед царевной и, пятясь, вышел из комнаты, а Елена тут же приказала позвать к ней Бесики. Ей не терпелось прямо спросить его о причине предполагаемой поездки в Персию, но она подавила свое желание и повела беседу издалека.

Бесики, разумеется, сразу догадался, чего хотела от него дочь царя Ираклия, и держался очень осторожно, чтобы не сказать случайно чего-нибудь лишнего. На расспросы Елены он отвечал неопределенно и сам засыпал царевну множеством вопросов, чтобы отразить встречным нападением эту опасную атаку.

— Какого ты мнения об Имерети? — спросила его наконец Елена.

— Об этом я должен вас спросить, ваше высочество. Я тут нахожусь всего полтора месяца, а вы уже успели стать настоящей имеретинкой!

— Эх, конечно, хорошо здесь, но мне все же больше нравится наш Тбилиси. Чего стоят одни только наши бани, горячая вода бьет струей прямо из недр земли...

— И здесь, говорят, есть такие.

— Где, в Кутаиси? Нет, здесь таких нет. Но неподалеку отсюда, по дороге к Хони, бьют из-под земли теплые, целебные ключи — это место так и называют Цхал-тубо — «Теплая вода». Говорят, исцеляет ломоту, боли в пояснице и суставах и еще многие болезни. Слыхала я, будто бы не один лежачий, неподвижный больной встал на ноги,

искупавшись в этой воде. Я-то сама не пробовала... Кстати, мне сказали, что ты в Персию едешь. Правда это?

— Кто вам сказал, ваше высочество?—спросил с улыбкой Бесики.—Я еще в Имерети не успел осмотреться, зачем мне в Персию ехать?

— Что ж, может быть, тебя посылают с поручением? Сам по своей воле ты туда, конечно, не поедешь. Ты скажи — собираешься ехать или нет?

— Право, не знаю! Государь спросил меня — трудно ли добраться до Персии, ты, мол, там бывал и должен знать. Сказал, что хочет послать человека к шаху и не знает, какой путь наметить послу.

— Значит, ты не едешь?

— Не знаю — может быть, мне и будет приказано ехать. Пока государь ничего не говорил.

Елена поглядела в глаза Бесики долгим, испытующим взглядом. Бесики выдержал этот взгляд и улыбнулся в ответ простодушной улыбкой, которая почему-то сразу успокоила дочь картлийского царя. Она таким беззаботным тоном, вскользь спросила своего собеседника: «Любопытно знать, какое у Соломона дело к персидскому шаху?», словно и не стремилась получить ответ, да и не рассчитывала, что Бесики знает что-нибудь.

— Думаю, что государь, разочаровавшись в помощи России, хочет попытаться договориться с султаном и решил прибегнуть к помощи иранского властителя,— сказал Бесики.— Какие же еще дела могут быть у царя Соломона с шахом персидским?

— Да, возможно...— задумчиво ответила Елена и через некоторое время добавила:— Александра Амилахвари Соломон посылает в Россию, тебя или еще кого-нибудь— в Персию... Я подозреваю, что устраивается заговор против моего отца. Если тебе что-нибудь известно, Бесики, заклинаю тебя дружбой наших детских лет, именем моего брата Левана заклинаю — скажи! Не скрывай от меня правды!

— Успокойтесь, ваше высочество,— засмеялся Бесики.— Думаю, все дело исчерпывается тем, что я вам сказал. Бывает так — львы рычат и обнажают зубы, но не всегда же они нападают друг на друга! Да наконец,— три великих властелина не могли причинить никакого

вреда Ираклию; неужели имеретинский царь сладит с ним, даже если он замышляет что-нибудь?

— Не знаю, ничего не знаю... Только на сердце у меня тревожно,— для виду успокоилась Елена.

Однако, едва Бесики скрылся за дверью, она бросилась к мужу и засыпала его упреками: стыдно ему, зятю царя Ираклия, закрывать глаза на то, что делается тут же рядом! Неужели Арчил не видит: во дворце имеретинского царя плетется интрига против его тестя! А Соломон бесстыдно обманывает и брата и невестку, отводит им глаза лстивыми речами, а между тем вызывает из Персии Александра Бакаровича и склоняет к восстанию картлийских князей!

— Откуда ты все это знаешь? — спросил жену изумленный Арчил.

— Знаю! Бери Цулукидзе и Иван Агиашвили шептались сегодня утром под лестницей, а я случайно проходила мимо и все слышала. Хорош Соломон — обещал изгнать Александра Амилахвари, а на самом деле просто посылает его в Россию с поручением...

— Как посылает? А нам сказал, что попросил его покинуть страну... — протянул Арчил и быстро добавил: — Нет, Соломон не позволит себе оскорбить меня ложью!

— Значит, это я тебя обманываю?

— Быть может, ошибаетесь, госпожа моя...

Арчил старался успокоить себя, так как знал свою безудержную вспыльчивость и боялся, что она приведет его к жестокому столкновению с братом.

— Быть может, вы ошиблись, госпожа, плохо расслышали...

... Зачем же он в Персию посылает человека? Отчего не открыл нам, о чем совещался со своими приближенными? Ах, как ты простодушен! Хорошо! Если ты боишься решительного разговора с Соломоном, я беру это на себя. Вот увидишь...

Тут уже Арчил потерял власть над собой... Он ворвался к Соломону, увел его в отдельную комнату, запер двери и, дрожа от бешенства, выпалил:

-- Хотя ты и царь, такого я от тебя не ожидал!

— О чем ты? Что случилось? — спросил, нахмутив брови, Соломон.

— Брат я тебе или нет?

— Брат.

— Почему же ты все держишь в тайне от меня? Что нам скрывать друг от друга?

— Скрывать мне нечего...— Соломон остановился на полуслове и после минутного колебания продолжал:— Во всем, что касается лично нас с тобой, скрывать мне от тебя нечего. А вообще и ты, бывало, многое от меня утаивал, только я не ссорился с тобой из-за этого.

— Я утаивал?

— Помнишь, однажды наш брат, католикос Иосиф, прислал тебе письмо? Братской любовью заклинал он тебя не пропускать послов Ираклия во владения Дадиани, если ты не хочешь, чтобы наша Имерети стала добычей врагов. Помнишь?

Арчил глядел на брата, не говоря ни слова.

— Значит, помнишь? — повторил вопрос Соломон.— Так вот, скажи, как случилось, что это письмо попало в руки Ираклия? Ты ведь знаешь, как собирался поступить со мной твой тесть? Думаю, и сейчас тебе известно о его тайных замыслах против меня, только ты ничего мне не говоришь. Если у меня не должно быть тайн от брата, почему ты их имеешь? «Явный враг мне не опасен — вижу лезвие кинжала; страшен друг, таящий злобу,— он, целуя, всадит жало».

— Я ничего не утаиваю,— сказал после недолгого молчания Арчил.— Столько лет ты носишь царский венец, и я всегда верой и правдой служил тебе. Еще ребенком я говорил: если хочешь, чтобы Имерети была сильной и счастливой,— живи всегда в братском согласии с картлийско-кахетинским царем. Это были злосчастные времена. Грузия была раздроблена на десятки мелких областей... Каждый ничтожный князек норовил объявить себя царем. Потом, божьей милостью, ты собрал воедино Имерети, а Ираклий — Картли и Кахети. И если мы не можем объединить всю Грузию, надо хоть всеми силами стараться, чтобы между двумя ее половинами царило согласие. Так я говорил тебе всегда, говорю сейчас и буду твердить, покуда жив! С этой целью я породнился с Ираклием, женившись на его дочери,— хотя ее, согласись со мной, не назовешь писаной красавицей. Я решил,



что этим объединю оба наших славных семейства и помогу возрождению нашей многострадальной страны. С тех пор я, словно общая ваша дворовая собака, мечусь между Тбилиси и Кутаиси — при дворе Ираклия лаю на твоих врагов, здесь, у тебя во дворце, — скалю зубы на его недругов. Но мне уже стало невмочь! Хорошо, государь! Завтра же я отправлюсь в Тбилиси — попытаюсь убедить моего тестя, если он в самом деле задумал что-нибудь во вред тебе, отказаться от своих замыслов. Но и ты должен обещать мне, что не предпримешь никаких шагов, направленных против него.

— Согласен.

— Так обещай не призывать Александра Бакаровича из Персии.

— Обещаю. — Арчил хотел еще что-то сказать, но Соломон не дал ему начать и продолжал: — Передай своему тестю, что у меня нет к нему вражды, и делить нам с ним нечего. Пусть он не подставляет мне подножек, а то сам не заметит, как хлопнется оземь обеими лопатками!

После этой беседы Арчил немедленно отправился вместе со своей супругой в Тбилиси. Так как во время путешествия по Картли и Кахети приходилось опасаться нападения бродячих отрядов абреков-лезгин, его сопровождала свита в триста человек.

★ ★ ★

Царевичу Арчилу пришлось очень скоро вернуться из Тбилиси. Неожиданно скончался имеретинский католикос Иосиф, и Соломон, разумеется, тотчас же сообщил об этом брату. Вместе с Арчилом приехали на похороны патриарха старший сын и наследник Ираклия царевич Георгий, сардар и сахлт-ухуцеси Давид Орбелиани и представители картлийско-кахетинского духовенства под предводительством тбилисского митрополита Михаила. Их сопровождала вооруженная свита в шестьсот человек, и, когда посольство въехало в Кутаиси, весь город высыпал на улицы поглядеть на войско картлийского властителя. Соломон и его приближенные находились в Гелати, и гостей встретил только смотритель дворца. Он просил Арчила принять соболезнование по поводу смерти старшего бра-

та и посоветовал немедленно отправиться в Гелати. Царевич послушался, и все посольство вместе с охраной, не слезая с коней, повернуло в сторону резиденции покойного католикоса.

В Гелати яблоку было негде упасть. Сюда съехались митрополиты цхумско-абхазский, гурийский и чкондидский, епископы аргветский, цагерский, никорцминдский и бедийский; прибыл, разумеется, и митрополит Максим Кутаисский, предназначавшийся с согласия Соломона в преемники католикосу Иосифу — об этом уже шептались священники.

Кроме бесчисленного духовенства и множества знатных и незнатных дворян, целое море окрестного люда наводнило Гелати в день погребения патриарха. Сюда сошлись также нищие со всей Имерети. За оградой монастыря были устроены длинные столы под навесами; начальник дворцовой кухни и царские слуги подносили каждому, кто приближался к столу, миску лобио, кусок мчади и чашу вина. Для князей и дворян во дворе была устроена особая беседка; им предлагали, кроме лобио и мчади, вареную рыбу и просфоры.

Около полудня по монастырю пронесся слух, что из Тбилиси едут царевич с огромной свитой, и многочисленная толпа высыпала на склон горы поглядеть на приезжающих. Скоро на берегу Цхалцителы на самом деле показался многочисленный отряд всадников.

— Воины Ираклия! Картлийское войско! — пронесся по толпе шепот, и тысячи людей вперили взгляд в приближающихся гостей. Особенное изумление собравшейся толпы вызывала одежда картлийских воинов, одинаковая, как у русских солдат. Черные черкески и мягкие сапоги воинов были сшиты по одному образцу. Ружья и сабли тоже были у всех в точности одинаковы. Казалось, все эти воины вместе со своей одеждой и снаряжением были отлиты сотнями в одной и той же изложнице. Даже кони были сгруппированы по мастям, так что каждое подразделение отряда имело коней одинакового цвета.

Получалось стройное, приятное для глаза зрелище.

— Вот это войско! — восклицали кутаисцы. — Посмотри-ка — все словно родные братья!

— Одень меня так да пусти в такое войско, пожалуй, потом и не отыщешь! — пошутил кто-то.

Воины спешили на берегу Цхалцителы, но царевич и знатные гости доехали верхом до самых ворот Гелатской лавры. Здесь их встретил сам имеретинский царь. Приехавшие выразили ему свое соболезнование, и все вместе вошли в храм. Во время обмена приветствиями Давид Орбелиани заметил Бесики в группе приближенных Соломона и хотел было заговорить с ним, но не мог уловить удобную минуту. Между тем ему не терпелось поскорее встретиться и побеседовать со своим изгнанным другом.

Солнце уже склонилось к закату и переливалось между туч, как чаша расплавленного золота, когда обряд погребения закончился и Соломон вместе со своими гостями отправился обратно в Кутаиси. В Гелати остались только архиереи и все остальное духовенство.

Имеретинский царь догадывался, что наследник картлийского трона и первый сановник картлийского царства прибыли из Тбилиси вместе с Арчилом не только для того, чтобы оплакивать католикоса. В самом деле, на следующий день они сообщили Соломону, что имеют поручение от Ираклия и хотели бы, так как время не терпит, незамедлительно приступить к переговорам.

Имеретинский царь согласился.

Совещания происходили в тронном зале. Из приближенных Соломона присутствовали на совещаниях, кроме царевича Арчила, только двое: Бери Цулукидзе и Папуна Церетели. Царевич Георгий открыто сказал Соломону, что Ираклий постоянно получает самые неблагоприятные сведения о его действиях. Георгий напомнил имеретинскому царю, что между Имерети и Картли заключен договор о вечной дружбе и о взаимной помощи — договор, утвержденный российской императрицей, и добавил, что никогда еще тесная дружественная связь между Восточной и Западной Грузией не была им так необходима, как теперь.

— Мы ведь единая страна, лишь благодаря превратностям судьбы расколота надвое! И разве не подобает нам быть в союзе против обступившего нас моря внешних врагов? А между тем государю нашему сообщили, что царь имеретинский подстрекает к набегам на Картли лезгин и ахалских пашу.

— А мне принесли известие, будто царь Ираклий восстанавливает против меня Келешбега Шервашидзе и Кацию Дадиани, абхазского и мегрельского правителей. Как же вы мне прикажете поступить?

— Так же, как поступил мой отец, наш государь: не верить сплетням! Мы вам ручаемся за покорность Келешбега Шервашидзе и Кации Дадиани, и тот и другой готовы хоть завтра присягнуть вам в верности. Но зато наш государь просит, чтобы вы, ваше величество, также рассеяли его подозрения и исполнили несколько его небольших просьб. Вашему величеству известно, что при дворе нашего государя давно уже живет нашешдый в Картли приют двоюродный брат ваш царевич Давид с супругой, матерью и сестрой. Не приличествует великому имеретинскому царю держать столь близкого родственника в изгнании. Между тем, ваше величество, наверное, полагаете, что в лице царевича Давида наш государь готовит претендента на имеретинский престол. Чтобы рассеять все ваши сомнения на этот счет, государь наш Ираклий просит вас пожаловать царевичу подобающее имение в ваших владениях и дать ему возможность вернуться в Имерети. Тогда уже не будет места никаким подозрениям.

Соломона это предложение обрадовало в высшей степени. Он кинул выразительный взгляд на Папуна Церетели, как бы говоря: это хорошее дело, только где же нам его поселить?

— Пожалуйте ему поместье вблизи моих, государь!— поспешил к царю на помощь Папуна.— Знаете Цирквали—превосходное место, стоит там поселиться! Земли эти встарь как раз принадлежали вашему дяде — вот и достанутся его сыну. И я буду рядом, и по вашему велению смогу служить царевичу.

Соломон и Папуна обменялись улыбками — «служба» Церетели означала, что царевич будет под его постоянным наблюдением. Ни один шаг Давида не мог бы ускользнуть от внимания сахлт-ухуцеси.

Итак, всем было ясно, что если раньше Ираклий готовил Давида в соперники имеретинскому царю, то теперь он оставил это намерение и в самом деле стремился к дружбе с Соломоном. И Соломон заявил представителям Ираклия: «Объявляйте ваши требования, я сделаю все,

что окажется в моих силах». Призвав статс-секретаря Бесики Габашвили, имеретинский царь приказал ему написать жалованную грамоту, согласно которой отдавал во владение царевичу Давиду Георгиевичу село Цирквали с садами и виноградниками, земельными угодьями и крестьянами, горы Сацалике для рубки дров и охоты, пастбища и покосы по берегам Цоны и тысячу голов крупного и мелкого скота.

Соглашение вызывало общую радость. Если бы не траур по усопшему католикосу, Соломон отметил бы торжеством и иллюминацией пребывание царевича Георгия в Кутаиси и подтверждение дружественного договора с картлийско-кахетинским царем.

Вечером он все же собирался на славу угостить картлийцев, но внезапно его свалила падучая — приступ был необычайной силы, не думали даже, что он останется жив.

Больше часа лежал он без чувств, а когда пришел в себя, долго не мог подняться.

Придворные и дворцовые чиновники молча, с нахмуренными лицами бродили по залам, беспомощно разводили руками и время от времени перешептывались:

— Недолго ему осталось жить. Господи, спаси его и помилуй!

— И нет ни одного настоящего врача, чтобы находился при государе неотлучно и присматривал за его здоровьем.

— Старались мы заполучить такого — просили римского папу, и русской императрице писали, чтобы прислали нам хорошего врача для государя... Но не дождалось! Был один врач, Рейнеггс, пожил у нас недолго, да не захотел оставаться... А больше никого здесь нет!

— Эх, разве врачи могут вылечить падучую болезнь?

Гости оказались на попечении царевича Арчила, Папуны Церетели и Бери Цулукидзе. Арчил извинился перед картлийцами и объявил им, что государь нездоров и не сможет вечером повидаться с ними.

Давид Орбелиани наконец улучил время для дружеской беседы с Бесики. Оба уединились в царской канцелярии. Бесики, обрадованный свиданием с Орбелиани,

в свою очередь, с нетерпением ожидал предстоящей беседы.

— Ну как ты тут поживаешь, мой милый? — спросил с улыбкой Давид, похлопывая Бесику по спине. — Я сразу даже не узнал тебя — совсем превратился в имеретина! И волосы растрепал, и папанаки на плече! Возвращаться к нам не собираешься?

— Разве государь простит меня? — спросил Бесику; сердце у него замерло, голос задрожал.

— Э-эх... Нет, не простит! — ответил Давид, сдвинув брови... — Я и сам-то боюсь — не пришлось бы мне, когда вернусь, еще хуже, чем тебе...

— Почему?

— Государь почему-то невзлюбил меня в последнее время. Как-то донес ему, будто я внушаю царевичу Левану, что пора ему завладеть престолом... Какая глупость. Но у государя так странно переменялся характер! Никогда не знаешь, что вызовет его гнев, и приходится вечно держать коня наготове!

— Он никого не наказал, узнав о моем бегстве?

— Никого. Мне кажется, он знал, что тебе помогал Леван, и ничего не сказал.

— Что еще нового в Тбилиси? Расскажи обо всем! Как поживает супруга твоя и моя покровительница, царица Тамара? Что поделяет царевич Леван? По-прежнему милуется с чужими женами? Ах, как я рад, что царевич Давид и наша маленькая Анико приедут в Имерети и будут жить здесь! У Анико, наверно, скоро родится сын или дочь?

— А может быть, ей достанется и венец царицы Имерети, — понизив голос, проговорил Давид. — Единственный сын и наследник Соломона, царевич Александр, — больной человек, у него падучая, как и у отца. Сомневаюсь, чтобы ему удалось взойти на престол! Да и с отцом он, оказывается, не в ладу. Младший брат Соломона Баграт — сумасшедший, его держат на привязи.

— Мужа Анико тоже считают сумасшедшим, но, глядя на него, ничего не заметишь. Впрочем, с Багратам, как мне говорили, дело обстоит хуже. Всякий раз, как его пробовали отвязать и выпустить во двор, он убегал от провожатых, разыскивал где-нибудь навозную кучу и,

набрав полные руки нечистот, грозился, что всех закидает ими...

— Вот это — безумец! Шутник! — рассмеялся Давид.— Эх, бывает же, пошлет бог наказание человеку!

— А теперь решили его женить — надеются, что разум к нему вернется! Скоро женят, наверно. С тех пор как царь приблизил к себе Бери Цулукидзе и сделал царицей его сестру, вдову Каджая, среди имеретинской знати царит глубокое недовольство. Соломон возвел Цулукидзе в княжеское достоинство и так сблизился с ним, что, кажется, спать не ложится без его совета. Это просто какая-то влюбленность. Соломон даже говорит иногда, что настоящий царь не он, а Бери Цулукидзе. Впрочем, этот новый любимец—очень умный человек и выделяется среди придворных. Правда, грамоту он знает слабовато и не имеет никакого образования, но зато во всей Имерети, я думаю, не найдется такого тонкого и проницательного человека. Хорошо образован у нас тут среди придворных Папуна Церетели. Он имеет огромное влияние при дворе. Говорят, раньше самыми первыми людьми в кутаисском дворце были сахлт-ухуцеси Давид Абашидзе, сардар Тамаз Месхи, князь Мераб Нижарадзе и еще несколько человек из высшей знати, но теперь они даже не являются ко двору. С тех пор как Соломон породнился с Цулукидзе и возвысил его, никто из них ни разу не был во дворце. Говорят также, что это по их наущению царевич Александр поссорился с отцом — зачем, дескать, мне навязали мачеху из незнатного рода! Александр так рассержен, что даже не явился на похороны католикоса. Правда, он сообщил через посланного, что не может приехать из-за болезни, но это неправда, он просто избегает встречи с отцом. Земли в Цирквали, которые царь сегодня утвердил за Давидом Георгиевичем, пока принадлежат Александру и, следовательно, будут отобраны у него!

— А где живет сам царевич?

— Точно не знаю, я в тех краях не бывал. Замок его называется Чхерис-цихе и находится, по-моему, за крепостью Шорапани, где-то в верховьях ущелья Дзирулы или Чхеримелы, на границе Каргли.

— Ладно. Теперь придвинься поближе и подставь ухо. Нас не подслушивают здесь? — Давид осмотрелся,

потом продолжал шепотом: — Государь твердо решил, что Леван... — Давид оборвал на полуслове, взглянул на восток и подмигнул одним глазом, потом показал другим глазом вниз и закрыл его тоже. Всей этой своеобразной и сложной игрой лица он давал понять Бесики, что Ираклий собирается возвести Левана на имеретинский трон.

— Знаю, — сказал Бесики и такой же сложной игрой лица показал, что сомневается в успешности задуманного предприятия.

Лицо Давида приняло вопросительное выражение.

— Пока я не чувствую, чтобы погода здесь благоприятствовала этому; да и не думаю, чтобы такое благоприятное время когда-нибудь наступило, — ответил Бесики. — Правда, над Имерети собираются тучи и в воздухе запахло грозой, но, пока жив Соломон, каменная стена выдержит любой ветер! Меня ли тебе спрашивать об этом, сардар, все прекрасно ведомо тебе самому. Знаешь ты и царя имеретинского, и деяния его. Дадиани и Шервашидзе, как дворовые собачки, лают из-за закрытых ворот, но боятся высунуть нос на улицу.

\* \* \*

Переговоры царевича Георгия и Соломона завершились полным успехом. Имеретинский царь послал с представителями Ираклия жалованные грамоты для своего родственника царевича Давида, а самого картлийско-кахетинского царя заверил в вечной своей дружбе и преданности, обещав вдобавок изгнать Александра Амилахвари из своих владений.

После отъезда картлийцев Соломон уехал сначала в Варцихе, а потом в Скандэ, так как наступила небывалая жара и он боялся повторения припадков. Амилахвари назначил свой отъезд в Россию на июль или на август — лишь в эти летние месяцы дорога через перевалы Кавказского хребта была открыта. До тех пор он собирался оставаться в Имерети, и Соломон взял его с собой в свою летнюю резиденцию. Имеретинский царь хотел возобновить отношения с Россией и решил передать через Амилахвари послание графу Никите Панину и императрице.

Отъезд Бесики в Персию был отсрочен. Соломон по-



ручил ему привести в порядок дела царской канцелярии. За то время, когда письменной частью заведовал Гогия Абашидзе, она пришла в полное расстройство. Документы, переписка, дарственные грамоты, послания иностранных государей, ведомственные книги были так перепутаны, что часто на поиски какой-нибудь нужной бумаги уходил целый месяц.

Для того, чтобы разобрать и разложить по порядку все эти документы, нужно было немало времени, и поэтому Бесики не последовал за царем в Варцихе, а остался в Кутаиси. Он усердно принялся за дело и проводил все свое время с утра до позднего вечера в царской канцелярии, сортируя бумаги и записывая их в особые реестры. Правда, ему помогали в работе три секретаря—веселый, никогда не умолкающий болтун Леонтий Нижарадзе, неуклюжий, как медведь, любитель женщин Иван Амيرانашвили и громоголосый Давид Лашхишвили, чей смех напоминал ослиный рев; но все трое с трудом разбирали старинное письмо рукописных документов, и весь труд по разборке, прочтению бумаг и составлению списков ложился на плечи Бесики.

Канцелярия находилась в нижнем этаже дворца, где, несмотря на летнюю жару, было всегда прохладно, и работа поэтому не казалась тяжелой. Вся мебель канцелярии составляла одна широкая тахта и несколько окованных обручами сундуков. Секретари писали на турецкий манер, усевшись на тахте с поджатыми ногами: левая нога совсем подобрана под себя, правая поставлена торчком, так что колено служит как бы столом. Бесики заказал столы и поставил их в канцелярии. Однако все трое настолько привыкли писать по турецкому способу, что сначала не могли работать, сидя на стуле и опираясь о стол руками. Они все норовили по-прежнему устроиться на тахте, поджав ноги, но Бесики заставил их привыкнуть к работе за столом. Через несколько дней они приспособились к новому положению тела и уже с удовольствием садились по утрам у стола.

Полтора месяца с лишним понадобилось Бесики на то, чтобы привести в порядок дела царской канцелярии. Зато работа эта дала ему возможность ознакомиться во всех подробностях с жизнью Имерети, разобраться во

взаимоотношениях знатных родов и вельмож, заглянуть в прошлое страны. Чего только не обнаружил Бесики в окрестных сундуках, доверху набитых бумагами! Старинные документы, пролежавшие здесь века, средневековые грамоты времен самого Давида Нарина (XIII в.), которые ему с трудом удалось прочитать,— а многие слова так и остались неразобранными,— послания имеретинских государей, римских пап, турецких султанов и пашей, написанные на разных языках, грамоты русских царей, переписка с Тотлебенем и с Сухотиным, рапорты и доклады Моуравова, Языкова и Львова, частные письма, доносы вельмож, князей и отцов церкви друг на друга, стихотворения, экспромты, шарады и загадки, произнесенные поэтами на пирах и празднествах, и много чего другого. Нашлись в сундуках и книги — грузинские и иностранные. Одна рукописная турецкая книга была иллюстрирована рисунками, изображавшими голых женщин. Иван Амиранашвили чуть не обезумел от восторга. Вцепившись в книгу, он уткнулся в нее и жадно, никого не подпуская к себе, стал рассматривать соблазнительные изображения.

— Господи помилуй, что за прелесть! — бормотал он, захлебываясь.— Руки надо расцеловать тому, кто это нарисовал! Что это за чудо! Стамбульская работа, наверно! Как нарисовано! Словно живые, сидят эти девушки в книге! Ах, милые мои! Ну теперь мне больше ничего не нужно! Это, братец мой, ангелы, райские жительницы — потому и нарисованы с открытой грудью.

— Что это там? — покручивая тонкие усики, спрашивал курчавый Леонтий Нижарадзе и старался через плечо Ивана заглянуть в книгу, тогда как Амиранашвили локтем отстранял его.— На что мне твои картинки — ты живую женщину покажи мне в таком виде!

— Хе, хе, хе,— грохотал Давид Лашхишвили, вздергивая плечи,— казалось, какая-то диковинная птица встряхивает крыльями.— От одного показа тоже не велика корысть,— живую увидеть или на картине — не все ли равно!

Завершив разборку архива, Бесики получил возможность присмотреть за домашними делами. Захария посоветовал сыновьям, не откладывая, приняться за постройку собственного дома. Камня и извести в Кутаиси было

много, лес тоже было нетрудно достать, и братья Габашили взяли за дело. Это было тем более своевременно, что Захария наконец получил приход в Кутаиси, и таким образом у него объявился источник дохода. После кончины Иосифа католикосом был избран кутаисский митрополит Максим, который назначил на прежнее свое место епископа Досифея. В результате целого ряда перемещений нашлось место и для Захарии. Он получил сан протопресвитера и доход, достаточный для того, чтобы вместе с сыновьями приняться за постройку собственного дома. Камень и песок привезли им крепостные крестьяне в зачет оброка, а наемные каменщики быстро возвели стены. Бесики закончил свои занятия в царской канцелярии, плотники уже устанавливали стропила и закрепляли на них перекладины.

Захария, в легкой шелковой рясе и с четками в руках, все те часы, когда не было церковной службы, проводил на постройке, командуя рабочими; впрочем, он больше отвлекал их разговорами, чем заставлял работать. Старик радовался как ребенок, видя, как поднимаются стены его собственного дома. Раз десять на дню он обходил вокруг строящегося здания, пробовал рукой прочность стен, тщательно осматривал обтесанные бревна, стропила и потолочные балки, пересчитывал распиленные доски, а потом, досыта натешившись всем этим, заводил нескончаемые разговоры с рабочими. Он читал каменщикам шуточные стихи, состязался в частушках с рачинскими плотниками, а однажды даже прочитал им невыносимо растянутую поэму собственного сочинения под заглавием «Война мышей и кошек».

Дом строился большой, просторный. Нижний этаж разделялся на две половины — одна должна была служить зимним жильем, другая — кладовой. В верхнем этаже предполагалось устроить пять комнат с широким общим балконом. Захария хотел, чтобы вся семья оставалась вместе. Он заранее распределил комнаты и обозначил каждую именем будущего владельца.

По вечерам, когда усталый от целого дня работы Бесики возвращался домой, он неизменно делал крюк, чтобы окинуть взглядом свои новые владения. Уже издали замечал он старика отца, сидящего с четками в руке

на трехногий скамеечке под тенистым вязом и наблюдавшего за работой плотников. Завидев на улице любимого сына, Захария вскакивал и бежал ему навстречу.

— Устал, сынок? — спрашивал он Бесики. — Сегодня очень уж жарко, гораздо жарче, чем вчера. Достаивается, достаивается наш дворец. К осени будем уже под собственной крышей!

Бесики с улыбкой слушал отца и осматривал здание. Каждый день он с нетерпением ждал окончания своего служебного занятия, чтобы поспешить на постройку и увидеть, насколько она продвинулась вперед. Дом рос день ото дня у него на глазах, и Бесики каждый вечер, обходя его кругом, находил что-нибудь вновь начатое или только что завершленное в постройке. Впрочем, если бы даже он сам ничего не заметил, отец все равно показал бы ему, что сделано плотниками за день. После этого осмотра оба направлялись в свое наемное жилище обедать.

По дороге Захария неизменно заводил с сыном речь о том, что ему необходимо поскорее жениться. Старик умолял Бесики не откладывать женитьбу и поскорее начать семейную жизнь. Бесики молча слушал отца и хотя старик называл ему десятки невест из лучших семейств, известных своей красотой и обладающих большим приданым, ни разу не изъявил желания хотя бы взглянуть на ту или другую или узнать о ней поподробнее. Перед его глазами всегда стоял сияющий образ мгвимской монахини — он был настолько заворожен красотой этой девушки, что ни о ком больше не мог думать. Когда Соломон отдал цирквальские имения Давиду Георгиевичу и Бесики узнал, что младшая Анна, прелестная Анико, предмет его юношеских мечтаний, скоро поселится в Имерети, он, правда, обрадовался, но тут же снова вспомнил свою монашку. Село Цирквали находилось недалеко от Мгвимского монастыря, и первой мыслью Бесики, доставившей ему радость, было именно то, что теперь под предлогом посещения Анико он сможет видаться с прекрасной отшельницей. Садуна привез ему благоприятные вести, и теперь Бесики с нетерпением ожидал дня, когда ему представится возможность вновь увидеть ту, при мысли о которой так сладко сжималось его сердце. Правда, препят-

ствия, стоящие на его пути, были почти непреодолимы. Ему, царскому секретарю, блестящему придворному, — жениться на незаконнорожденной! Конечно, это был бы самоотверженный поступок. Единственным источником надежды для Бесики была история самого царя Соломона, который, женившись на женщине незнатного рода, показал пример величия души и сделал невозможное возможным. Но было и еще одно, совсем уже трудно преодолимое препятствие. Схимница, Христова невеста, существо, посвященное богу, не могла быть выдана замуж, а сыну высокопреподобного Захарии церковь тем более не простила бы такого брака! Правда, Садуна нашептывал ему успокоительные вещи: пусть только Бесики прикажет, девушку привезут в Кутаиси так, что ни одна живая душа не сумеет ее разыскать. Но этого, разумеется, не было достаточно. Захария и Родам, конечно, дознались бы, кто она и где ее встретил Бесики, и пришли бы в ужас. Лучше уж было заранее все открыть родителям, но Бесики и на это не мог решиться. Он знал упрямый характер своего отца: стоило старику сгоряча отказаться в своем согласии, и дело можно было считать проигранным — ничего на свете не могло заставить Захарию изменить первоначальное решение.

В конце июля приехал в Кутаиси моурав Давида Георгиевича. Он должен был вступить в управление имениями, пожалованными царевичу Соломоном, принять под свою власть крепостных крестьян, строить для Давида дом и к осени привезти всю его семью из Картли. Моурав вручил Бесики письмо, присланное ему супругой Давида, Анико.

«Желанному моему поэту Бесариону Габашвили я, сердцем преданная ему, Анна, супруга имеретинского царевича, посылаю привет. Узнали мы о тебе, что ты принят со столь великим уважением и почестью при дворе царя Соломона. Обращаюсь к тебе с просьбой. Прискучило нам жить из милости при чужом дворе, и спешу я устроиться в собственных владениях. Умоли за меня царя Соломона и сахлт-ухуцеси Папуну Церетели послать с этим моим моуравом людей и утвердить за нами земли и крестьян. Чем скорее завершится дело, тем лучше для меня. И еще прошу тебя, будь внимателен, дабы все,

что перечислено в грамоте, было нам вручено без изъятия. Возлагаю это дело на тебя и буду за исполнение весьма благодарна».

Бесики немедленно отправился в Скандэ, к царю, взяв с собой моурава Анны. Он надеялся, что Соломон, в согласии с просьбой Анны, возложит на него передачу имений, а Папуна позволит ему взять с собой Садуна. Под всем этим скрывалось страстное желание еще раз увидеть прекрасную схимницу, испытать блаженный восторг, заставляющий человека забыть о самых больших препятствиях. Что ж, если судьба и в самом деле предназначила ему это прелестное существо... Бесики собирался просить у царя Соломона разрешения жениться на красавице монашке.

\* \* \*

Никогда в жизни не испытывал Бесики такого глубокого волнения.

Когда за поворотом дороги показался Мгвимский монастырь, сердце его забилось с такой силой, как будто собиралось выскочить из груди.

Был тихий, ясный день. Солнце уже склонялось к западу, и лучи его как бы струились в горячем воздухе. В небе медленно описывали круги ястребы.

Голубые, искрящиеся волны Квирилы с шумом перекатывались через камни ее русла. На берегу, у самой воды, легко перепрыгивали с места на место трясогузки.

На отвесных, вздымающихся к самому небу скалах местами росли кусты желтинника, а с карнизов свисали, словно лохмотья зеленой шерсти, спутанные плети ломоноса и ежевики.

Бесики еще раз поглядел на монастырь, видневшийся высоко на горе. Он казался пустынным и безлюдным.

Путники погнали лошадей в гору. Дорога к Цирквали проходила мимо монастыря. Им предстояло подняться по ней на плоскогорье и дальше петлять между заросшими кустарником холмами.

Садуна оставил Бесики, хлестнул лошадь и уехал вперед по круто изгибающейся горной тропинке. Он хотел заехать в монастырь, предупредить настоятельницу о

том, что едут царские люди. А та, разумеется, выйдет на дорогу навстречу видным царским чиновникам.

Бесики не сводил взгляда с Садуны, ехавшего по змеящейся тропинке и, казалось, бессмысленно гонявшего взад-вперед своего коня. Вскоре он скрылся из глаз, и когда остальные всадники достигли ровного места на горе, у ворот монастыря их уже дожидалась игуменья. окруженная целой толпой монахинь.

Путники спешили. Бесики даже не заметил, как кто-то взял у него из рук повод коня. Все его внимание было сосредоточено на группе монахинь у ворот обители. Он искал глазами красавицу, которая заставила так тревожно биться его сердце. Он несколько раз обвел взглядом всю группу, но не нашел среди инокинь желанного лица.

Не было видно и Садуны. Бесики подумал, что он, возможно, сейчас разговаривает в монастыре с той самой схимницей... Быть может, уговаривает ее выйти и показаться Бесики... И вдруг он вообразил себе картину: Садуна схватил за руку красную от смущения девушку и говорит ей со смехом: «Идем, милая, не будь такой дурочкой!» «Боже мой! — отвечает девушка. — Не могу, умру от стыда!» «Идем, идем, покажись — этот человек руки готов на себя наложить, лишь бы тебя увидеть!» «Умру от стыда, не тащи меня!»

Игуменья пригласила всех в храм, чтобы отслужить молебен. Бесики шел впереди как почетный гость и царский придворный.

Войдя во двор, он внимательно поглядел по сторонам, но снова не увидел той, кого искал. Во время молебна он несколько раз оглядывался, надеясь увидеть позади себя красавицу монашку, но напрасно. Садуна куда-то исчез и до самого конца молебна так и не появлялся.

Когда путники вышли за ворота монастыря и стали садиться на лошадей, Бесики по необходимости спросил, где Садуна.

— Уехал вперед, сударь, встретит вас наверху, на дороге, — ответила поэту одна из монахинь.

Путники вскочили в седла и поехали вперед, в гору. Моурав царевича, ехавший рядом с Бесики, что-то глос-

рил ему, но тот так глубоко погрузился в свои мысли, что ничего не слышал. Никак не мог он понять, почему не показалась прекрасная инокиня и почему Садуна раньше других уехал из монастыря.

...Быть может, он нарочно увел монахиню за ворота, чтобы устроить ее встречу с Бесики, познакомить их? В монастыре, конечно, это было невозможно. А за его стенами, в отдалении, встреча могла произойти как бы случайно и Бесики мог поговорить с девушкой...

Возможно, Садуна так хитро все устроил, что Бесики удастся даже поговорить с ней наедине. Садуна скажет остальным, чтобы они проехали вперед, и шепнет Бесики: «Здесь она, сударь, ждет вас вон за той скалой...»

Какие только мысли не промелькнули в голове у Бесики, пока путники добрались до конца подъема и по ступенькам, высеченным в скале, вывели лошадей на плоскогорье... Слева от дороги виднелось монастырское кладбище, а на краю его, на небольшом холме, чернела свежая могила. Над могилой стоял Садуна — стоял с бессильно висящими вдоль туловища руками и низко склоненной головой...

\* \* \*

Против Соломона подготовлялся заговор.

Утративший влияние при дворе и поэтому считавший себя обиженным Давид Абашидзе давно уже не являлся к царю. Правда, он все еще именовался сахлт-ухуцеси, но та же должность была отдана Папуне Церетели, а это означало, что Соломон не жалуется Давида и хочет избавиться от него. Абашидзе понял это, испросил, ссылаясь на болезнь, позволения удалиться в свои поместья и покинул двор. С тех пор он ни разу не был в Кутаиси. Родственники советовали ему явиться к Соломону и спросить его о причинах недовольства, но Давид наотрез отказался. «Если царь нуждается во мне, — говорил он, — пусть сам позовет, а я не буду гнуть перед ним спину и стоять с протянутой рукой, как нищий, у ворот дворца». Но в глубине души Абашидзе нетерпеливо ждал посланного от Соломона.

Время шло, а от царя не было вестей — Соломон как бы совсем забыл о существовании Давида и не толь-



ко не звал князя во дворец, но даже не справлялся о нем.

Вскоре к Давиду зачастили другие опальные князья. Первым приехал из Аргвети, чтобы поделиться своими горестями, князь Тамаз Месхи. Вслед за ним прискакал с целой свитой Мераб Нижарадзе. Недоуменно разводя руками, он говорил уютно устроившемуся под сенью ореха сахлт-ухуцеси:

— Что это такое, сударь? Лучше уж все оставим дедовские дома и убежим куда глаза глядят. Вся страна оказалась в руках у Бери Цулукидзе, а нас никто и за людей не считает. Ну кто мы такие? Скажите, пожалуйста, господа, кто же мы такие?

Все трое пришли к выводу, что пока в Имерети царствует Соломон, у них нет надежды приобрести влияние при дворе. Необходимо было свергнуть Соломона. Князьям было известно, что царь Ираклий в плохих отношениях с властителем Имерети и охотно низложил бы его, если бы представился удобный случай. По мнению Мераба Нижарадзе, это было вполне осуществимо. Если заговорщики сумеют перетянуть на свою сторону царевича Александра, воспользовавшись размолвкой между ним и царем, то не трудно будет с помощью Ираклия отнять имеретинский престол у отца и отдать сыну.

Царевич Александр давно уже жил затворником у себя в замке Чхери; лишь очень редко, в особых случаях, выезжал он из него. Царевичу было еще только десять лет, когда отец утвердил за ним все земли Верхней Имерети от Сацалике до горы Ханис-мта и от Шорапани до Квишхети, разумеется, кроме тех земель, которые составляли поместья родов Абашидзе и Церетели. Сначала царевич думал, что стал обладателем огромного состояния, но потом, осмотрев на месте свои владения, обнаружил, что они представляют собой почти сплошь высокие горы, покрытые непроходимыми лесами. Крестьянских дворов во всех этих необозримых владениях насчитывалось не более тысячи, и у большинства крестьян не было даже порядочной пахотной земли. Единственным настоящим богатством царевича были бесчисленные изобилующие дичью охотничьи угодья и горные реки, полные прекрасной рыбы. Оленина и горная фо-

рель столь часто появлялись на столе в Чхерском замке, что даже слуги и крепостная стража не хотели уже на них глядеть.

Самый замок Чхери, служивший постоянной резиденцией царевичу, стоял на высокой остроконечной скале и едва ли мог считаться удобным жильем. Двора в замке совсем не было. С юго-западной стороны он был огражден высокой, крепкой стеной. Из отверстий многочисленных бойниц высывались стволы крепостных орудий. Тут же находились жилые помещения для крепостной стражи и приемные комнаты царевича — столовая и гостиная. С северо-восточной стороны, на самой вершине ограды, была возведена небольшая молельня, а рядом с нею — похожее на хлев жилое помещение, в котором спал царевич. С юго-востока к этим двум смежным строениям примыкала высокая сторожевая башня, где всегда дежурили воины крепостной стражи с длинноствольными крепостными ружьями. У этих воинов было такое острое зрение и они так привыкли всматриваться вдаль, что ни одно движущееся даже на самом далеком расстоянии живое существо не могло ускользнуть от их взгляда. С башни открывался вид на неоглядное лесистое ущелье Чхеримелы, тянувшееся с запада на восток. Дорога в Картли, извиваясь, точно летящий в воздухе аркан, убегала вдаль, — она была так узка, что местами по ней не могла проехать арба. У подножия вставших стеной гор вилась, словно резной орнамент вдоль цоколя храма, голубая, сверкающая брызгами Чхеримела.

В непогоду Чхерский замок обычно бывал окутан облаками, а по утрам вздымался над пеленой залегшего в ущелье тумана, подобный средневековому рыцарю в доспехах. Проникнуть в замок можно было только по одной дороге, с севера. Для этого нужно было взобраться на высокую гору, примыкавшую к замку и как бы сверху глядевшую на него. На вершине этой горы стояла стройная башня, высившаяся каменным стражем над замком Чхери. До этого места можно было добраться верхом, но здесь каждый приехавший в замок должен был оставить своего коня и пешком пройти по узкой тропинке, соединявшей башню с замком. Тропинка эта, словно волоса-

ной мост, перекинутый через бездну, висела над пропастью, зияющей справа и слева от нее.

С утра до вечера не прекращался приток посетителей в замок. Господские крестьяне каждый день привозили провизию, тащили в кувшинах или бурдюках вино, волокли убойную скотину, снабжали замок дровами. Приезжало и множество гостей. Повара и пекари с самого утра крутились без передышки. Царевич развлекался чтением книг и беседой с гостями. Он и на охоту не любил выезжать, так как был поразительно близорук и совсем не мог стрелять, да и пробираться по лесам верхом было для него тяжким делом — он не успевал уклоняться от хлеставших его в лицо ветвей и приезжал домой с расцарапанным, окровавленным лицом. Поэтому он предпочитал сидеть дома, и если приезжал какой-нибудь знаток шахматной игры, восторгу царевича не было границ: он неделями не отпускал гостя.

Волосы, брови и ресницы у него были совершенно бесцветны, или, вернее, цвета тычинок одуванчика. «Ангелы стояли над ним, когда он родился, оттого он и осенен их небесным светом!» — говорили няньки и кормилицы. Цветом, или бесцветностью, волос, а также веснушками, в изобилии покрывавшими руки царевича, он так резко выделялся среди окружающих, как дикий утенок среди хохлатых молоденьких курочек. Крестьяне узнавали его с первого взгляда среди всей многочисленной свиты. «Это святой, да будет он нам заступником перед богом», — говорили, истово крестясь, деревенские женщины, если им случалось увидеть царевича.

Отшельническая жизнь царевича была причиной его необычайного гостеприимства. Царевич любил гостей и радушно принимал их. И гости, зная такое его свойство, старались не огорчать его — день и ночь в его замке толпились посторонние люди. Особенно часто ездили к нему недовольные царем князья, а чаще всех Мераб Нижарадзе. Этот лукавый человек объездил дома всех обиженных князей, пошептался с ними, плетя сеть тайной интриги, а затем явился к царевичу и лисицей подкатился ему под ноги.

Сначала Нижарадзе сыграл партию в нарды с царевичем, потом долго развлекал его шутками и экспром-

тами и наконец, выбрав минуту, как бы к слову, воскликнул:

— Господи, не прогневись! Оказывается, у нашего Эвгена Абашидзе красавица дочка на выданье! Я не видывал девушки прелестней! Сказать по правде, если кто-нибудь достоин быть царицей,— так это она.

Царевич, разумеется, не знал, что Мераб Нижарадзе и его единомышленники сговорились во что бы то ни стало женить его на дочке опального князя Эвгена Абашидзе. Этот Абашидзе был заклятым врагом царя Соломона, и князь, заставляя породниться двух противников, с виду как будто хотели примирить всех враждующих и прежде всего царевича с отцом, а на самом деле стремились посеять между ними глубокую вражду. Мераб знал упрямый характер Соломона и твердо рассчитывал, что единственный сын его и наследник престола царевич Александр, женившись на дочери Эвгена Абашидзе, окончательно и навеки рассорится с отцом.

— Что за девушка, господи, — продолжал Мераб, стуча игральными костями. — Если бы я увидел ее в церкви перед дверью алтаря, ей-богу, стал бы молиться ей, как богородице. Провалиться мне на этом самом месте, если вру! Дай чари-сэ<sup>1</sup>, каматели! Сильно же вы играете, царевич, никак не могу счастье перебить! Ну на что мне сейчас панджи?..<sup>2</sup> На преображение звал вас к себе Эвген Абашидзе, просил передать приглашение. Если пожелаете поехать, и я там буду. Не видели вы его дочери?

— Нет, не видел, — ответил с улыбкой царевич. Ему было приятно разговаривать о красивой и притом незамужней женщине. Желание иметь жену давно уже возникло в его сердце.

— Что вы говорите? Неужели не видели? — изумился Мераб. — Ну так мне совершенно ясно: как только увидите, тотчас же поведете ее к алтарю, под венец! Клянусь вашим именем! А дело сделаете хорошее — помири-те государя, вашего отца, с Эвгеном Абашидзе, и станет у нашей страны еще одной опорой больше. По правде

---

<sup>1</sup> Ч а р и - с э — четыре и три (перс.).

<sup>2</sup> П а н д ж и — пять (перс.).

говоря, пора уже вам жениться! Не знаю, как бы я мог жить в этом неприступном замке без жены! И как вы эту одинокую жизнь выдерживаете, не постигаю! И еще удивляюсь — ведь вы единственный сын у нашего государя, неужели он не торопится завести внуков? Как же так можно? Дай бог вам долгой жизни и спаси вас от всякой напасти, но что, если стряется несчастье — останемся без вас! Ведь страна совсем осиротеет, останется без главы! Что ж, народ так и должен тогда лишиться всякой надежды? Не один, а пятеро сыновей должны бегать в вашем доме, если не больше! Вот у царя Ираклия, дай бог ему долгих дней, сыновей столько, что он им счет потерял, а внуков — целое войско. А от нас господь отвратил свое лицо! Вам, государь, жениться — это ведь не то же самое, что мне или другому простому человеку! Женюсь я или нет, — от этого ничего не изменится. А ваш брак, дай бог царевичу счастья, — дело государственное, и запаздывать с ним нельзя!

Мераб заметил, что мысль о женитьбе и в самом деле запала в душу царевича. После этого разговора он заметно опечалился и умолк, погрузившись в какие-то свои мысли. Если же во время общего разговора упоминалось имя Эвгена Абашидзе, царевич немедленно оживлялся. Дьявол-соблазнитель в обличье придворного все это видел, и хотя сам он не вмешивался в беседу, чтобы не выдать свою заинтересованность, на лице его то и дело мелькало выражение радости и торжества.

Вскоре у Мераба Нижарадзе появились единомышленники и помощники. Это были сахлт-ухуцеси Давид Абашидзе и сардар Тамаз Месхи, которые одобрили мысль Мераба и не давали царевичу покоя, уговаривая его поскорее завершить это дело, якобы не терпящее отлагательства.

Некоторое время Александр колебался. Он не осмеливался жениться без отцовского разрешения и хотел было направить к царю посланца, чтобы испросить благословение. Но заговорщики, как говорится, подбросили камень и подставили голову.

— Это совершенно невозможно, — сказал Александру Нижарадзе. — Это совершенно невозможно, да минует меня ваш гнев! Если вы спросите государя, он, конечно,

не даст согласия. Мы желаем добиться того, чтобы как-нибудь примирить этот знатный княжеский род с государем — вот почему вы должны обвенчаться, не сообщая ничего вашему отцу. Вы думаете, он вас потом упрекнет? Напротив, государь обрадуется, скажет — вот, мол, какой мудрый у меня сын, враждебного мне вельможу превратил в друга и родича! Впрочем, зачем вы заранее тревожите себя — посмотрим сначала девушку, а потом все решим. Может быть, она вам вовсе не понравится, зачем же мы будем заранее затевать всю эту суматоху? Вот что бы я посоветовал: поедем на охоту, государь, пересечем вот эту гряду холмов, пустим коней вскачь и буд-то бы нечаянно нагрянем к вашему будущему тестю в гости. Поглядим, осмотримся, а там — как повелит господь!

В самом деле, на следующий день царевич Александр отправился на охоту в сопровождении многочисленной свиты. Для вида охотники часа два гоняли собак по пригоркам, а около полудня уже отдохали под огромными орехами во дворе у Эвгена Абашидзе. Хозяин засуетился, словно не знал, что к нему приедет в гости царевич, закудаhtал, как согнанная с гнезда наседка, забегал так, что только полы его чохи развевались во дворе.

— Ну-ка, все на ноги! Колите всю скотину, какая у меня есть, откройте винные кувшины, зажгите тонэ! Другого такого счастливого дня мне в жизни не дожидаться, — приказывал слугам Эвген Абашидзе, тряся рыжей, с первыми нитями седины, бородой. Он делал вид, что только сейчас принимается за приготовление к пиру, между тем как все давно уже было готово: убойна заколота и разделана, все, что нужно изжарить, — изжарено, все, что нужно сварить, томилось в котлах.

Через несколько минут из дома вышли празднично одетые, нарядные женщины и по очереди приветствовали почетного гостя. Почти все были в одинаковых платьях из шелка в широкую полоску и с шелковыми же повязками на головах. Первой подошла к царевичу мать Эвгена Абашидзе. Она благословила Александра, перекрестила его, а затем поцеловала ему руку. Остальные ограничились поцелуем руки, и каждая выразила надежду, что царевич поживает хорошо, и пожелала ему здоро-

вья и счастья. Последней подошла к царевичу дочь Эвгена Абашидзе. Мераб Нижарадзе успел шепнуть Александру:

— Приглядитесь хорошенько, это она! — и, чтобы не догадались, о чем шла речь, громко продолжал: — Да, господин, так и сделаем! Ах, боже мой, да ведь это дочь нашего хозяина!

Дочь Эвгена Абашидзе не могла, собственно, называться взрослой девушкой—она была почти еще ребенок. Но было во всей ее внешности нечто притягательное, от чего обычно у мужчин кружится голова и закипает кровь. Лицо девушки даже не было красиво, но слегка затуманенные миндалевидные глаза и сверкающие жемчужные зубы делали его очаровательным. Царевич без стеснения рассматривал молоденькую девушку. Он тут же объявил своему посреднику и свату, что готов хоть сейчас обвенчаться с нею.

\* \* \*

Предположения Мераба Нижарадзе оправдались. Когда царь узнал, что сын его женился на дочери Эвгена Абашидзе, его обуял такой гнев, что он едва не обезглавил человека, принесшего это известие. Не медля ни минуты, царь послал к сыну гонца с приказом: если царевич хочет, чтобы отец простил его и по-прежнему считал своим сыном, пусть сейчас же разойдется с молодой женой и явится во дворец — да поскорей, а то потом будет поздно.

Александр испугался и, хотя в гостях у тестя жилось сладко, поспешил укрыться в своем неприступном замке. От Соломона можно было всего ожидать, и царевич выставил часовых не только у ворот замка, но даже на дорогах. В Кутаиси он послал письмо, в котором отказываясь развестись с женой, просил у отца благословения и умолял его помириться с Эвгеном Абашидзе. В ожидании ответа царевич пребывал в тревоге и поминутно спрашивал своих новоявленных друзей Мераба Нижарадзе и Тамаза Месхи:

— Что вы посоветуете, как мне поступить?

Тамаз Месхи, человек от природы неразговорчивый и

неуклюжий, сидел, в молчании опустив голову. Длинные усы его свешивались так, как будто он хотел достать концами их до земли. А Мераб кружился по комнате лисцей, прикидывался тихоней, делал вид, что ничего не понимает.

— Разве постигнешь человеческое сердце? Единственный сын, наследник престола, нашел свое счастье, привел красавицу жену, а отец бранит его — как ты осмелился, дескать, на такое дело? Ну, право, можно ли после этого говорить о справедливости? Сам-то ведь, дорогие мои, ни на что не глядел—ни на возраст свой, ни на царскую корону, — понравилась ему женщина, вытащил ее из постели какого-то вшивого дворянчика и посадил над всеми, сделал царицей Имерети! А царевич повел под венец девушку чуть ли не царского рода, писаную красавицу, краше звезд небесных — так, изволите ли видеть, как он, мол, осмелился? Право, стыдно об этом рассказать людям!

Через несколько дней явился к царевичу сахлт-ухуцеси Давид Абашидзе. Он привез неприятную новость: Соломон пожаловал Давиду Георгиевичу село Цирквали и все земли на правом берегу Квирилы, находившиеся до сих пор во владении царевича Александра. Царские ясулы производят передачу всех этих имений уполномоченным царевича-изгнанника.

Известие это словно громом поразило Александра и заговорщиков. Решение Соломона означало угрозу царевичу: «Если будешь противиться моей воле, можешь лишиться и самого престола!»

— До сих пор я думал, что только нам троим нет места в Имерети, а теперь вижу, что и самому царевичу надо бежать куда глаза глядят! — воскликнул, хлопнув себя по лбу, Мераб Нижарадзе. — Господи помилуй, что это такое? Нет, нет, нам ничего уже не поможет; нужно искать приюта у царя Ираклия в Картли, молить его спасти нас, отвратить от нас беду. О себе я не забочусь — за царевича боюсь, как бы не загубил государь своего сына, не выколол бы ему глаза или не придумал казнь еще пострашнее! Да, да, дорогие мои! Тот, кто выжиг глаза над раскаленной тонэ у семилетнего сына Ростомы Эристави, никого не пощадит! Стоит мне вспомнить об этом, как дрожь пробегает по телу! Нужно сразу, пока



еще есть время, скрыться от него. Неизвестно, в какую минуту он пожелает затмить для нас свет ясного дня!

Вечером заговорщики собрались на совет. Царевич вместе с молодой супругой сидел в своей башне за чтением «Витязя в тигровой шкуре». Трое придворных под предводительством сахл-ухуцеси Давида Абашидзе почтительно остановились в дверях комнаты и услышали звонкий голос юной супруги царевича:

«Я хотел покинуть крепость, проложив себе дорогу.  
Но прислал ко мне властитель трех доверенных  
вельмож...»

Мераб Нижарадзе изумленно развел руками и нахмурился:

— Хотел бы я знать, не о нас ли с вами написал мудрый Руставели свою повесть? Поистине, царевич, вы напоминаете мне Тариэля, запершегося в своем замке после убийства наследника Хваразм-шаха. А мы — три знатных мужа, вошедшие к вам, но, увы, не доверенные вельможи государя...

Александр попросил князей сесть и стал внимательно всматриваться в их лица близорукими глазами.

— Ну, что же вы скажете? — спросил он наконец всех троих и удержал жену, которая хотела уйти. — Останься, тебе незачем уходить.

— Что же я еще могу сказать, царевич! — начал медленно Давид Абашидзе. — Отец обращается с сыном как враг! Не понимаю я, что делается на этом свете! А все из-за этого злобного сплетника и пройдохи Бери Цулукидзе! Мало ему того, что царь все делает по его воле, словно околдованный! Сначала сестру свою выдал за государя, а теперь замыслил с вами породниться — уже, говорят, договорился, что вы женитесь на его уродине дочери. Этого только нам не хватало — вторая царица из рода Цулукидзе!

— Нет, дорогие мои, надо скорее бежать, а то плохи наши дела, — вмешался Мераб. — Надо сейчас же сниматься и ехать к царю Ираклию. Быть может, он приютит нас и окажет нам покровительство. Иначе нам несдобровать!

— Как же так, — спросил Александр. — Значит, я должен отступить от отца?

— Какое же это отступничество? Просто вы должны позаботиться о себе. Если не припугнуть немного вашего отца, он с вами худо поступит! Пока что, видите, он отдал вас от себя, заставил забыть дорогу во дворец. Мачеху привел вам такую, что, кажется, лучше на плаху голову положить, чем ее матерью назвать! А теперь разгневался — зачем вы сами выбрали для себя достойную супругу, и лишил вас всех владений, оставил чуть ли не нагишом! И в довершение всего приказывает — пусть, мол, сейчас же разведется с женой и явится ко мне сюда, я женю его на дочке Бери Цулукидзе! А знаете вы эту девушку, государь? Не знаете? Простите мне грубое слово, но только тот, кто женщин никогда не видал, ляжет с нею в постель! Прежде всего, сударь, она стара—ей уж, наверно, двадцать пять лет! Потаскуха, каких свет не видал, с пятюк незаконных детей уже произвела на свет. Чем вы так разгневали вашего отца, почему он вас так преследует? Да нет, вы ни в чем не повинны перед государем, да и как вы с вашей ангельской душой могли его обидеть? Просто государь околдован Папуной Церетели и Бери Цулукидзе и делает все, что они хотят!

— Глаза, говорит, выколю, если не будет повиноваться. Так, оказывается, изволил сказать...— бормоча и запинаясь, проговорил Тамаз Месхи.

— Что ж, так и сделает! — сказал, махнув рукой, Давид Абашидзе.— Исполнит свою угрозу. А потому, господин, нужно, не теряя ни минуты, бежать в Картли. И супругу вашу возьмем с собой. Явимся к царю Ираклию и будем молить его, чтобы он стал посредником между всеми нами и вашим отцом. Пусть спросит царя Соломона, за что он всех преследует — и вас, своего сына, плоть свою и кровь, и нас, кровных родичей царского рода и первейших людей государства! Когда ваш отец узнает, что мы у царя Ираклия, он испугается и непременно будет искать примирения. Да и дядя ваш Арчил находится в Тбилиси. Все вместе мы что-нибудь да придумаем.

— А вдруг отец еще больше разгневается? — нерешительно высказал предположение царевич.

— Куда же больше, чем сейчас!

— Откуда ты знаешь, что он грозился глаза мне вы-

колоть? — повернулся Александр к Тамазу Месхи.— Кто тебе сказал?

— Зурико Нижарадзе присутствовал при этом и клянется, что слышал своими ушами. В тот же час Зурико послал гонца — сообщите, дескать, царевичу, чтобы спасал себя, дела его плохо оборачиваются.

— Невелика корысть выколоть мои подслеповатые глаза, и без того они еле видят,— угрюмо пошутил царевич.

Занятые этой невеселой беседой, они совершенно забыли о юной супруге царевича. Внезапно дочь Эвгена Абашидзе закрыла лицо руками и разрыдалась так горько, что перепуганные мужчины окружили ее и стали успокаивать.

— Боже мой, как нехорошо получилось! — вскричал Мераб.

— Не для ушей нашего ангела все эти разговоры о выжигании глаз, сажании на кол и отсечении головы!.. Разве она может их выдержать? Да она курицу не позволит зарезать перед собой...

— Я... я... боюсь... Скорее уедем отсюда,— всхлипывала супруга царевича.—Я убью себя, если тебе выколуют глаза...

— Молю вас, царевич, припадаю к вашим коленям,— упрашивал Александра Мераб Нижарадзе, вытянув шею и в подкрепление своей просьбы оттянув двумя пальцами кожу на кадыке,—не могу я видеть ее слезы! Уедем сейчас же, не будем время терять. Это ангел говорит устами вашей супруги, предостерегает нас, приказывает позаботиться о себе...

— Правильно говоришь,— поддержал его Давид Абашидзе.— Именно так, правильно говоришь. «Отступает самый храбрый, увидав, что бой потерян». Мы все поедem с вами, государь! Сейчас же разошлю гонцов, и все верные вам князья, какие есть в Имерети, явятся, чтобы вас сопровождать. Пусть царь Ираклий не думает, что вы непокорны отцу и отступаете от него. Как увидит вокруг вас всю имеретинскую знать...— Давид внезапно умолк и стал прислушиваться. Со сторожевой башни на дороге донесся крик часовой.

— Кто идет? — кричал часовой.

Тот, к кому он обращался, по-видимому, отвечал ему, но голоса его совсем не было слышно. Часовой повторял его ответы в новых вопросах. Кто? Царский гонец? Как твое имя? Абашидзе? Какой Абашидзе? Уцуца? Муцуца? Буцуца? Не слыхивал такого имени! Не грозись — я не из пугливых!

Через некоторое время остальные воины крепостной стражи высыпали на стены замка. Раздался звон колокольцев, и поднялась громкая переключка.

Царевич отдал приказ немедленно привести к нему царского гонца, и через минуту в дверях показалась голова Куцуцы. Гонец скрестил ноги, сложил руки на груди и приветствовал Александра. Потом бегающим, лисьим взглядом обшарил комнату, торопясь опознать и запечатлеть в памяти гостей царевича. Остановившаяся перед одним для приветствия, он уже искоса поглядывал на другого и боковым зрением не выпускал из виду третьего. Так, перебегая взглядом от одного к другому и отдавая всем установленное приветствие, Куцуца полез рукой за пазуху и вытащил оттуда лист бумаги, свернутый в трубку.

— Государь приказал передать вам это письмо, ваше высочество! — и Куцуца протянул свиток Давиду Абашидзе: этикет воспрещал гонцу приблизиться к царевичу и вручить ему послание.

— На словах тебе ничего не велено передать? — спросил царевич и взял письмо у Давида, пристально вглядываясь в лицо посланного.

— Государь приказал объявить: пусть царевич прочтет мое послание лично, наедине, а если покажет кому-нибудь, то выжгу глаза и тому, кто узнает, что здесь написано, и тому...

— И кому еще? — переспросил царевич, распечатывая письмо.

— И тому, кто даст заглянуть в письмо постороннему глазу. Так приказано мне доложить вашему высочеству.

Супруга царевича снова испустила стон и закрыла глаза руками, но теперь на нее никто уже не обратил внимания. Все устремили взоры на царевича, который, развернув свиток и придвинув свечу, поднеся бумагу к своим близоруким глазам, стал читать, водя по строкам длинным носом.

— Из каких ты Абашидзе, молодой человек? — заговорил тем временем с Куцуцей Давид.

— Из селения Чала, сударь. Не князь я — просто дворянин.

— Славно выведена порода, клянусь головой! — сказал с улыбкой Давид. — Видно, вместо нас прилучил тебя Церетели на племя, чтобы не говорили, что в его доме не увидишь ни одного Абашидзе!

— Скажи нам по совести, что тебе наказал Папуна? — спросил Куцуцу в свою очередь Мераб Нижарадзе. — Конечно, ты должен перечислить ему всех, кого застанешь у царевича! Так, не правда ли?

— Ах нет, сударь, что вы, клянусь спасением души моих родителей! Будь я проклят, если мне дано такое поручение! Напротив, господин Папуна велел передать всем вам сердечный привет...

Царевич прочел письмо до конца, свернул бумагу и спрятал ее у себя за пазухой. Потом ударил в ладоши и приказал вошедшему слуге:

— Позови начальника крепости!

Слуга вышел. Царевич сидел молча. Гости также не решались заговорить, хотя каждому из них не давало покоя желание узнать содержание письма.

Через несколько минут в узкий башенный покой протиснулся широкоплечий богатырь — начальник крепости Джаджана Чумбуридзе.

— Что прикажете, царевич? — спросил он, остановившись у дверей.

— Уведи вот этого Абашидзе, отбери у него оружие и держи молодца под стражей. Смотри, если убежит, не сносить тебе головы!

— Этого, ваше высочество? — усмехнулся Джаджана, оглядывая Куцуцу с ног до головы. — Ой-ой-ой, вдруг я его не одолею? Что мне тогда делать?

Мераб подошел к царевичу и зашептал ему на ухо, впрочем, так громко, чтобы всем было слышно:

— Зачем нам держать его под стражей? Прикажете отрезать ему язык и отпустить домой. Он Папуной подослан — пусть побесится Церетели, когда вернется к нему лазутчик без языка!

— Нет! — покачал головой царевич. — Пока подер-

жим молодца здесь, а там видно будет. Уведи его, чего ты ждешь? — приказал он Джаджане и, когда тот удался вместе со своим пленником, продолжал: — Если нынче ночью мой замок не будет осажден, наутро, как только рассветет, пустимся в путь... Скорей прочь отсюда — в Картли, в Тбилиси, а то будет поздно!

У Мераба от радости заблестели глаза. Он окинул своих единомышленников победоносным взглядом, выпрямился, расправил плечи и засуетился, захлопотал так, как будто тотчас же собирался в дорогу. А Давид Абашидзе спокойно доложил царевичу:

— Об осаде не беспокойтесь, господин. К замку не подступиться, на всех дорогах я поставил стражу, сюда и муха не залетит без нашего ведома... Но если вы решили ехать, лучше отправляться как можно скорей.

\* \* \*

Долго дожидался Соломон вестей от своего сына, удивляясь, почему посланный Папуной Церетели гонец так долго не возвращается с ответом на царское письмо. Правда, письмо это было очень уж строгим и даже грозным: «И не думай ослушаться отцовского приказа, — писал сыну Соломон, — иначе я забуду, что ты мой единственный сын и наследник, и примерно накажу тебя. Мне донесли, что ты затеваешь заговор против меня и каждодневно совещаешься с моими врагами; если это неправда, то немедленно, как только получишь мое письмо, схвати своего тестя Эвгена Абашидзе, Мераба Нижарадзе, Тамаза Месхи и Давида Абашидзе и приведи их связанными ко мне, тогда я поверю, что ты не предал меня, и прощу тебе все провинности».

Так писал Соломон царевичу Александру, но ему и в голову не приходило послать войско против своего сына.

Наконец к царю явился начальник шорапанской крепостной стражи Хахута Гачечиладзе и доложил ему, что царевич в сопровождении Давида Абашидзе и других знатных лиц отправился в Картли, к царю Ираклию. Соломона вестник нашел в Варцихском дворце; при нем находились только Папуна Церетели и Бери Цулукидзе.

— Что ты сказал? — удивленно взглянул на воина Соломон. — Неужели это правда?

— Осмелюсь ли лгать вам, государь? — сказал Хахута. — Да и зачем мне?

— Когда он уехал?

— В прошлый четверг — так я слышал.

— И столько времени мне об этом никто не докладывал? — загремел Соломон, бросив грозный взгляд на Папуну и Бери, словно это они были во всем виноваты.

— Царевич расставил на всех дорогах своих часовых, — доложил царю Хахута. — И часовые никого не пропускали в эту сторону. Идущим туда не чинили никаких препятствий, а обратно ни одной живой душе не давали пройти. Как дошла до меня весть о бегстве царевича, взял я с собой десять человек, схватил одного из часовых, расспрашиваю — не говорит ничего. Ну, тут вздернули мы его на дыбу — тогда он все выложил. Я сразу, не теряя времени, в Чхери — да разве войдешь в крепость? Зову начальника крепости — не выходит, кричит изнутри: «Мне до тебя никакого дела нет, царевич приказал никого не впускать в замок и ни на чей зов не выходить». Спрашиваю его, где царевич? Отвечает: «Царевич уехал, да только ты кто такой, зачем я буду тебе отчет давать — где ему угодно, там и изволит быть!» Тут я повернул назад — что же еще оставалось делать? В деревне мне все рассказали. Царевич взял с собой свиту — триста отборных молодцов, — и сопровождают его сахлт-ухуцеси Давид Абашидзе, сардар Тамаз Месхи, князь Мераб Нижарадзе, Шошита...

— Не зря пробралась эта хитрая лисица, Мераб, к царевичу... — прервал вестника Папуна Церетели и продолжал, обращаясь к царю: — Говорил я — они составляют заговор! Чужало мое сердце! Извольте сами судить, государь, прав я был или нет?

— В самом деле, лисица! Не унимается, не знает покоя! — присоединился к разговору, в свою очередь, Бери Цулукидзе. — Небось уговаривал царевича, увещевал — пристал с ножом к горлу, поедет, мол, к Ираклию, попросим его свергнуть царя Соломона, станем сами хозяевами в Имерети и будем творить, что нам угодно... И добились-таки своего!

— Так уехали, бежали, а? — вырвалось у Соломона. — Взбаламутили мне семью, запутали дела в госу-

дарстве, а теперь хотят вонзить нож в спину? Уехали — вот ведь как! — он ударил себя кулаком по колену и вскочил в волнении. — А Ираклий-то каков. Присылает мне послов, предлагает жить в мире, а сам роет мне яму!

— Нет, государь, Ираклий здесь, наверно, ни при чем, — смело возразил царю Папуна Церетели. — Мы ведь еще не знаем, как он принял гостей, что сказал царевичу... Трудно заранее что-либо утверждать. Если бы Ираклий замышлял недоброе, ему незачем было вызывать к себе царевича Арчила, — претендент на имеретинский престол, ваш родич Давид Георгиевич, был у него под рукой, в собственном дворце... Между тем Ираклий отослал Давида сюда и просил вас принять царевича под свое покровительство. Нет, государь, единственные виновники всего, что случилось, двоедушные князья, враги Бери Цулукидзе и мои. Удалите меня и Бери от вашего двора, и они завтра же приведут к вам царевича в оковах...

— Правду говорит сахлт-ухуцеси, — поддержал Папуна Бери Цулукидзе. — Ненависть и злоба не дают этим людям спать... Недавно Мераб Нижарадзе хвастался перед членами Клятвенного союза, клялся своими усами — стоит, мол, мне захотеть, и я сделаю так, что государь зарежет Бери Цулукидзе своею рукой...

Тут Бери Цулукидзе остановился. Чуть было не сорвалось у него с языка то, что говорил Мераб членам Клятвенного союза. Наглые речи этого болтуна он, однако, не осмелился повторить перед Соломоном. «Пролаза Цулукидзе подсунил царю свою потаскуху сестру, сделал ее нашей царицей! — кричал Нижарадзе. — А что, если я расскажу государю обо всем, что видел собственными глазами? Куда он денется тогда, этот пройдоха, в какой мышиной норе спрячется от царского гнева?»

Правда, по мнению Цулукидзе, все эти рассказы были чистой клеветой... И все же этот свежеиспеченный вельможа и царский родич был полон опасений. «С этими вдовами ни в чем нельзя быть уверенным, — думалось ему. — Может, и в самом деле сбилась когда-нибудь с пути моя сестра, почем она знала, что станет царицей? Заиграла кровь в жилах вдовицы, подумала: улыбнется мне кто-нибудь, и я ему улыбнусь, кому какое дело, да и кто узнает?.. А там, пожалуй, и согрешила разок — будь проклят весь женский род!»



Цулукидзе смертельно боялся, как бы слухи подобного рода не дошли до царя, и сразу остановился, задержав дыхание и чуть не прикусив себе язык. Потом тяжело вздохнул и продолжал свои сетования.

— Чего он от меня хочет, зачем враждует со мной — я никогда не делал ему зла! Ходит и говорит повсюду: мою наследственную должность, дескать, государь отдал Цулукидзе и мои имения ему же достались... Разве можно этому поверить? Когда это было, чтобы князя Нижарадзе считались первыми царскими слугами? Отец этого Мераба продал всех своих крепостных туркам в неволю и земли свои проел, развеял по ветру родовое достояние... А детей своих подкинул вам, государь, голыми и босыми, словно поросят, чтобы вы их кормили и воспитывали... Что ж, вы их вырастили, обучили, сделали людьми, а им, оказывается, этого недостаточно! Кричат: все, мол, наше! Господи! Да разве так можно?

Соломон слушал, сдвинув брови, хитроумные речи придворных и глядел с широкой террасы дворца своими большими, выпуклыми глазами на обширную низменную долину Риони, покрытую зарослями. Его огорчило, что бегство царевича в Картли, по-видимому, оказалось не связанным с враждебными замыслами Ираклия. Теперь он досадовал на себя — сгоряча он выдал свои тайные мысли, не подумав, поторопился возвести вину на Ираклия, который, очевидно, был здесь ни при чем.

Обуреваемый болезненной страстью соперничества, Соломон всегда втайне радовался, если ему доводилось узнать что-нибудь порочащее картлийского царя. «Я лучше его!» — думал он. Впрочем, в этом в основном были повинны лживые придворные, в особенности беглые картлийские князья. «Далеко Ираклию до вас, государь!» — твердили они в один голос Соломону. Даже услышав что-нибудь хорошее о картлийском царе, они умудрялись перетолковать это во вред ему, а самую малую ошибку Ираклия раздували в целую гору, хватались за головы и благодарили бога за то, что спаслись от беды и оказались под покровительством Соломона.

Соломон был человеком недюжинного ума. Он прекрасно сознавал свои недостатки и, не обманываясь лестью, видел насквозь игру лживых придворных. И все же,

избалованный властью и опьяненный честолюбием, он не всегда находил в себе силу взглянуть трезвым взглядом на дела своего соперника. Поэтому он при каждом удобном случае сам старался доказать свое преимущество перед Ираклием. Часто он говорил: Ираклий считает страну своей личной собственностью, он не понимает, что должен быть покровителем народа, а не только владельцем, заботящимся о благоденствии своей вотчины. Он заселил свои земли пришлыми людьми — Картли и Кахети переполнены турками, греками, выходцами из всяких иных стран. Если и дальше будет так продолжаться, скоро весь край на восток от Лихи нельзя будет назвать Грузией — он и сейчас являет картину вавилонского столпотворения.

Все эти соображения имеретинского царя находили горячую поддержку у Александра Амилахвари, который достаточно подробно описал Соломону положение Картлийско-Кахетинского государства и нарисовал при этом такую ужасающую картину, что от ореола величия, которым был окружен Ираклий, ничего не осталось. Особенно глубокое влияние оказал на Соломона трактат Александра Амилахвари «Мудрец Востока, или размышления его об управлении государством», представлявший собой переработку известного труда Монтескье «Дух законов», произведенную специально для имеретинского царя по русскому переводу.

«Как счастлив и как желанен для подданных государь, — вспомнил Соломон слова, вычитанные в трактате Амилахвари, — который полагает права свои не безграничными и признает равными себе людей, предоставивших ему власть над собой, и который обращается с ними более как старший брат, нежели как себялюбивый повелитель».

— Как мне теперь поступить? Что посоветуете? — обратился Соломон к своим приближенным, направляясь к той же тахте, с которой вскочил, услышав взволновавшие его вести.

Он опустил на мягкое сиденье, отклонился назад, опираясь на локти, — словно повис на костылях, — и взглянул на обоих собеседников.

— Подождем немного, государь! — сказал вкрадчивым, елейным голосом Бери Цулукидзе, заметив, что Со-

ломон несколько успокоился. — Поспешность не принесет пользы. Сначала узнаем все в подробностях — быть может, у царевича не было ничего дурного на уме? Что, если он отправился к кахетинскому царю просто погостить?.. — При этих словах Соломон усмехнулся и произнес: «Гм, гм!», как бы показывая собеседнику, что тот наивен и говорит глупости. Цулукидзе заторопился, продолжал: — Нет, я не то хотел сказать... Царевича подговорили, ввели в заблуждение — он ведь еще дитя, даром что женился...

— Дитя! Мне было всего восемнадцать лет, когда я вззошел на престол!

— Вы, государь, да минует меня ваш гнев, совсем другое дело. Ну что ж, царевич впал в соблазн, ошибся, что делать! Привел жену, а вы в письме ему свой гнев объявили; вот и испугался молодой человек... Должно быть, явился к царю Ираклию и попросил: будьте, дескать, моим заступником, примирите меня с отцом...

Бери Цулукидзе намеренно старался уменьшить вину царевича, найти для его бегства невинное объяснение. Лукавый придворный знал, что чем беспомощнее будут его доводы, тем более убедительными покажутся царю противоположные соображения, тем с большей силой овладеет им гнев, вызванный подозрениями.

— И женился ведь царевич не по чужому совету, — продолжал Бери. — Говорят, Мераб Нижарадзе — хоть он и враг мне, но надо быть справедливым — здесь он ни при чем. Царевич случайно увидел свою невесту и влюбился с первого взгляда.

— Что касается до Мераба Нижарадзе... — Соломон взглянул на шорапанского воина, доставившего ему весть, и приказал: — Ступай. Когда будешь нужен, тебя позвуют. — Воин ушел, и Соломон продолжал: — Этого Мераба Нижарадзе я не обезглавлю, нет, я выколю ему глаза и посажу просить милостыню на паперти храма Архангела...

На дороге за Риони показались всадники. Они скакали во весь опор, приближаясь к парому. Соломон приказал слуге принести подзорную трубу, и все трое склонились к перилам балкона.

— Кто это едет, любопытно? — спросил Соломон.

наставляя подозрную трубу. — Ого, это мой зять Элизбар Эривави жалует к нам. Второу — Габашвили, а третьего не узнаю. Ну-ка, погляди ты, сардар! — сказал Соломон Папуна, протягивая ему подозрную трубу.

Прежде чем Папуна успел наставить трубу и подкрутить ее по своим глазам, всадники скрылись в густом ольховнике на берегу.

Ничто не могло доставить Соломону такое удовольствие, как появление каких-нибудь гостей из дальних местностей. В те времена всякий человек, приехавший в гости или по делу, непременно привозил какие-нибудь новости, и поэтому частые посетители были так же необходимы царю или князьям Грузии восемнадцатого века, как нынешнему образованному человеку газеты и журналы.

— Так мы и не успели разобрать, кто третий! — с досадоу воскликнул Соломон. — Пока ты налаживал трубу, они уже, наверно, переправились через реку.

— Сейчас все узнаем! Бичия! — крикнул Папуна часовому, стоявшему на угловой башне. — Сбегай, дружок, к парому, узнай, что за люди к нам приехали.

— Один из них — Элизбар Эривави, господин, — откликнулся ратник.

— Это мы и сами знаем.

— Второу — новый царский секретарь.

— И это нам известно.

— Третий — моурав царевича Давида, тот, что прибыл из Кахети.

— Молодец! Если правильно угадал, подарю тебе пистолет! — крикнул воину Соломон и провел рукой по усам с довольным видом. — Можно, оказывается, и без подозрной трубы все рассмотреть и разобрать!

Управляющий царевича Давида с тех пор, как год тому назад побывал вместе с Бесики в новом поместье своего господина, Цирквали, целый год не сходил с коня — метался между Тбилиси и Кутаиси и успел примелькаться всей дворцовой челяди. Передача имений оказалась не таким простым делом, тем более, что моураву было приказано держать все дело в тайне до того дня, когда царь поставит свою печать на дарственной грамоте. Помимо этого, моурав, порасспросив в округе,

убедился, что немалая часть земель, пожалованных его господину, — кроме тех, которые принадлежали до сих пор царевичу Александру, — являлась предметом притязаний со стороны многих помещиков. Одни обладали стариннейшими царскими жалованными грамотами, другие заявляли права на смежный со своим владением кусок леса или гору, третьи присваивали виноградник или крепостных, и моурав должен был затевать тяжбы, выяснять обстоятельства дела, составлять протоколы и опровергать перед царем доводы соперников. На это ушли вся осень, зима и весна. Наконец все было закончено, царь засвидетельствовал грамоту, и моурав тотчас же отправился в Картли.

Его сегодняшнее появление означало, что он привез из Картли царевича Давида с семьей и явился во дворец, чтобы доложить царю об этом.

Прошло еще несколько минут, и всадники подъехали к воротам дворца. Царский домоправитель Папуча Абуладзе встретил их у входа, и как только они спешили, повел всех троих к Соломону.

— Слава богу, наконец-то ты решился нас посетить, — сказал Соломон, обращаясь к Элизбару Эристави. — Впрочем, как я могу на тебя сердиться — собственный сын отвернулся от меня, старается держаться подалеже. Чего же я могу требовать от зятя?

— Словно громом поразило меня это известие, ваше величество! До сих пор не могу поверить! — сказал Элизбар, целуя Соломона в плечо. — К счастью, моурав царевича Давида несколько успокоил меня...

— Вот как! — Соломон взглянул на моурава, который тотчас же приблизился к нему и поцеловал полу царской черкески.

— Он там был, государь, когда приехал царевич, и все сам подробно расскажет.

Соломон обратил теперь взгляд на Бесики и, чуть улыбнувшись в ответ на приветствие, протянул поэту руку. Бесики подошел, почтительно поцеловал царскую руку и стал в стороне, а царь снова обернулся к моураву.

— Напомни свое имя, я позабыл, — сказал он картлийцу.

— Бежаном я зовусь, да не лишит меня бог вашей милости, государь. Бежаном Гогиашвили.

— Ну что, Бежан! Устроил царевича в его владениях?

— Нет еще, государь! Царевич и его супруга пока находятся в Кутаиси, желают явиться к вам, поблагодарить вас и воздать вам почесть, если на то будет ваша воля.

— Что ж, пусть приезжают,— сказал Соломон с горькой улыбкой.— Моя собственная плоть и кровь бежит от меня... Остается радоваться, что хоть чужой отпрыск ко мне стремится! Когда вы прибыли?

— Сегодня утром, ваше величество!

— Знаешь ли что-нибудь о моем сыне?

— Как же, знаю, государь! Я был в Гори. И государь наш Ираклий изволил быть там с двором — в Тбилиси оспа, и он увез из города семью. Мы с царевичем готовились выезжать сюда. Тут разнесся слух, что пожаловал имеретинский царевич Александр. Весь двор стал на ноги, вышли встречать его за городские ворота, на Лиахви. Царевич пожаловал с супругой, свита у него была в триста человек. Навстречу ему вышел царевич Леван и повел гостей к государю. Царь Ираклий находился в крепости и встретил царевича в воротах. Ваш наследник объявил — желаю, говорит, принести торжественную клятву, что я не изменник своему отцу и не отступаюсь от него. Я, говорит, всегда был верен отцу, но меня оговорили перед ним, а он не дал мне оправдаться, и я бежал, убоявшись его гнева. Царь Ираклий сказал ему: зачем тебе клятвы, что у тебя загорелось — то есть повашему — никто тебя не заставляет клясться...

— Так и сказал? — прервал рассказчика Соломон и взглянул на придворных.— Слышите? И вы по-прежнему будете утверждать, что Ираклий ни при чем? Мой сын желает поклясться на образах, что он не изменник мне, своему отцу, а Ираклий говорит ему: не клянись, я не вынуждаю тебя... И что же, поклялся Александр?

— Да, государь. Шестого августа он изволил прибить, а восьмого в присутствии царя и царевича Левана принес клятву. Сахлт-ухуцеси Давид Абашидзе и Тамаз Месхи отсоветовали ему, никто, дескать, не требует клят-

вы, зачем вы тревожите себя... Но царевич не послушал их. Я сам там был, слышал своими ушами.

— Хорошо. Спасибо за вести. Передай царевичу Давиду и его супруге, что я буду рад их видеть. Домоуправитель! — обернулся Соломон к Папуче Абуладзе. — Попотчуй, как подобает, этого человека и отправь его в Кутаиси. Сегодня вечером, быть может, мы и сами пожелаем выехать в столицу.

Бежан и Папуча вышли, а Соломон тут же быстро обернулся к Бесики и сказал:

— Ну, мой поэт, собирайся в путешествие — поедешь в Персию, к Керим-хану-Занду... Не миновало тебя сие тяжкое бремя! Что делать, не дают нам спокойно вздохнуть! Ираклий завладел сыном моим Александром; что ж, я привезу из Ирана царевича Александра Бакаровича. Посмотрим, чья возьмет!

\* \* \*

Царевич Давид прибыл в Кутаиси с женой и шестнадцатилетней незамужней сестрой Кетеван. Невестка и золовка были почти ровесницы, и между ними с самого начала завязалась тесная дружба. Анна была поверенной тайн сестры своего мужа, которая делилась с ней всеми своими секретами. Сама же Анна редко открывала сердце золовке — лишь обо всем, что касалось ее отношений с мужем, она рассказывала без утайки. Кетеван знала о неизлечимой болезни своего брата и горячо жалела свою невестку, которую считала несчастной, обреченной женщиной. Жалость ее проявлялась во внезапных вспышках бурной нежности — Кетеван то и дело прижимала к груди и ласкала подругу. Анна была благодарна золовке за это искреннее сочувствие и от души полюбила ее. Но, выросшая во дворце, в атмосфере слезки и доносов, привыкшая постоянно быть начеку, молодая женщина никому не позволяла заглянуть в тайники своей души. С виду она была исключительно близка с Кетеван и, казалось, ничего не скрывала от золовки. На деле же девушка была так же далека от Анны, как и ее брат. Анна не имела ни одного друга, ни одного родственника, настолько близкого ей, чтобы стать поверенным ее сердца. Молодая женщина

была совершенно одинока — едва в шестнадцать лет она оказалась единственным рулевым корабля своей жизни.

Одиночество это закалило Анну, сделало ее твердой, как камень. Это она упростила Ираклия примирить Давида Георгиевича с Соломоном и выхлопотать у имеретинского царя имение для обездоленного скитальца, приютившегося из милости при чужом дворе, безвольного слабоумного царевича. И она же вызвала из Мегрелии свою золовку, имея в виду выдать ее замуж за кого-нибудь из знатных картлийцев и, породнившись с сильным, влиятельным родом, упрочить свое положение. Правда, из всех прелестей, пленяющих мужчин, Кетеван обладала только одной — юностью. Она не была ни красива, ни умна, но она принадлежала к дому Багратионов, и стремления породниться с царским родом было достаточно, чтобы побудить любого из князей взять ее в жены. Анико вначале хотела женить на своей золовке Левана и даже завела об этом разговор с царицей Дареджан, но та только скривила губы: российская императрица предлагает подыскать для царевича Левана невесту среди знатных русских княжон, нельзя же ответить великой Екатерине отказом! Да и сам Леван, узнав о затее своей племянницы, вспылал и прямо сказал ей: «Хватит того, что ты вышла за дурачка—двух слабоумных будет слишком много для нашей семьи!» Поэтому Анико после того, как выхлопотала для своего мужа имение в Имерети, стала присматриваться к имеретинской знати. Породниться с каким-нибудь влиятельным имеретинским родом было, пожалуй, даже выгоднее: нелады Соломона с сыном легко могли обостриться, и тогда Анико могла надеяться, что муж ее унаследует когда-нибудь престол Соломона...

В Кутаиси она нашла своего дядю Элизбара Эриста-ви и Бесики. Лучшего она не могла бы пожелать — один был ее ближайшим родственником, другой — давнишним другом, и Анна возлагала все свои надежды на этих двух придворных. Первая встреча, казалось, оправдала ее ожидания. Элизбар тотчас же представил Анико царице Гулкан. Жена Соломона, возмущенная поведением своего пасынка, оказала подчеркнуто сердечный и почетный прием двоюродному брату своего мужа Давиду, его супруге и его сестре. Для нее большая радость, сказала ца-



рица, что сегодня гостем имеретинского царя оказался сын столь славного отца, царевич, достойный скипетра и короны. Гулкан приказала слугам позаботиться о гостях, а Элизбара Эристави и Бесику попросила поехать в Варцихе и сообщить Соломону о бегстве сына и прибытии двоюродного брата. Отправив послов, царица попросила Анико к себе, заперлась с нею в своей спальне и завязала беседу. Анна должна была рассказать царице со всеми подробностями о прибытии в Картли царевича Александра, а потом и о домашних делах Ираклия, о девере Гулкан, Арчиле, и его жене, царевне Елене. Царица то и дело прерывала рассказ Анико восклицаниями:

— Боже мой! Какая же ты славная, какая красавица! Продолжай, милая, рассказывай все, ничего не пропускай!

Анна продолжала рассказывать, но через несколько минут Гулкан снова прервала ее:

— Поистине, такой красавицы, как ты, на свете не сыщешь! Равной тебе еще не рождалось ни среди Багратионов, ни среди Орбелиани! Клянусь, ты достойна царствовать в Имерети после нас. Да, да, клянусь тобой, дочь моя, достойна, и не будь я Гулкан, если не добьюсь этого. Дальше, дальше, милая, продолжай, извини, что я тебя прервала.

Анна была на седьмом небе от радости. Совершенно неожиданно для себя она нашла в царице могущественную союзницу и покровительницу. Царица Гулкан, понятно, не тешила себя надеждой, что ее собственный сын от первого брака станет когда-нибудь царем. Отпрыск хундордного дворянина Каджая, конечно, не мог рассчитывать на имеретинскую корону. И если Соломон окончательно отвернется от своего сына, единственным наследником его останется царевич Давид Георгиевич. Обстоятельства складывались благоприятно для Анны, в особенности, если учесть раздоры, царившие между самыми влиятельными и знатными родами в Имерети. Вельможи, выдвинувшиеся при Соломоне на первое место, из боязни утратить свое значение, не могли примириться с возвращением царевича Александра, так как он находился всецело под влиянием окружавших его недовольных Со-

ломоном князей. Нынешние любимцы Соломона, конечно, сделали бы все возможное, чтобы возвести на престол человека, при котором они могли рассчитывать на сохранение своего положения. Наиболее удобным для них наследником являлся, разумеется, слабоумный царевич Давид. Все те, кто способствовал бы восшествию этого безвольного царевича на престол, могли надеяться получить в свои руки неограниченную власть. Все эти соображения мгновенно промелькнули в уме Анны, обостренном не по летам. Подчеркнутая ласковость царицы ясно показала ей, что обстоятельства складываются исключительно благоприятно. И Анна решила полностью опереться на супругу Соломона. Она держалась так почтительно, так мило ворковала, осыпая Гулкан лестью и похвалами, что вскоре совершенно очаровала ее. Царица только и делала, что тискала в объятиях эту прелестную юную женщину с сияющими глазами.

К вечеру приехал из Варцихе Соломон. Он ласково встретил Давида и Анну и приказал в честь их накрыть в ярко освещенном зале пиршественный стол. На пиру все с особенным вниманием присматривались к царевичу Давиду, надеясь заметить в его поведении что-нибудь необычное и определить, в самом ли деле он сумасшедший, как о нем говорят. Однако ожидания гостей не оправдались. Царевич держал себя просто, спокойно и достаточно учтиво, не принимал участия в разговоре, а на вопросы, прямо обращенные к нему, отвечал односложно. Пил он очень мало и едва прикасался к кушаньям. Поужинав, царевич подошел к Соломону, извинился и, ссылаясь на усталость, попросил разрешения удалиться в отведенные ему покои. После ухода царевича Соломон и его гости расположились на широкой террасе, с которой открывался вид на Риони, и завязалась беседа. Женщины устроились на одной половине террасы, составив кресла полукругом, и завели свой разговор. Мужчины заняли другую половину балкона. Соломон сидел у перил и молча глядел на обширную низину, озаренную полной луной.

В женской группе, кроме царицы Гулкан и Анны, можно было увидеть сестру Соломона, супругу Элизбара Эристави, Домину, или, как ее называли в домашнем обиходе, Домну, жену Бери Цулукидзе, Ермонию с до-

черью Дареджан, золовку Анны, Кетеван, и еще нескольких придворных дам. Здесь сразу затеялся непринужденный, оживленный и быстрый разговор. Собеседницы, не дожидаясь ответа, перебивали друг друга. Предметом разговора была женитьба царевича Александра и его бегство в Картли. Одни сдержанно, другие посмелей осуждали поведение царевича. Все женщины в один голос объявили, что царевич за свое неповиновение отцу достоин строгого наказания. Исключением являлась лишь царица Гулкан — она не вмешивалась в спор и воздерживалась от резких суждений. Напротив, время от времени и притом так, чтобы слышно было мужу, она приводила какой-нибудь довод в защиту царевича, чтобы этим еще больше распалить спорщиц и усугубить гнев царя.

Соломон долго сидел в молчании, облокотясь о перила и отдавшись течению своих мыслей, не обращая внимания на разговоры, доносившиеся до него как с женской, так и с мужской половины. Впрочем, беседующие, боясь обеспокоить царя, разговаривали вполголоса

— Где Бесики? — спросил внезапно Соломон.

Придворные всполошились, но после недолгих поисков и взаимных расспросов выяснилось, что Бесики нет ни на террасе, ни в зале.

Начальник канцелярии Гогия Абашидзе приблизился к царю и встревоженно спросил:

— Не нужно ли вам что-нибудь написать, государь? Бесики, не спросясь меня, изволил отправиться домой (последние слова Гогия произнес насмешливым тоном).

— Ну и что же? Не ты ли мне напишешь, великий грамотей? — спросил с улыбкой Соломон.

При этих словах царя Анна звонко, неудержимо расхохоталась. Гогия вспыхнул. Смех Анны поразил его в самое сердце.

— Я так с детства слыхивал, государь, — книжки да грамота — женское дело, а не мужское... Не то бы и я научился кропать буковки — дело нетрудное. Прикажете достать писца? Сейчас велю привести Левонтия Нижарадзе.

— Нет, приведи Бесики.

— Да, государь, сейчас! — И Гогия, выпрямившись и расправив плечи, гордо прошел мимо Анны, мысленно говоря ей: «Ну погоди же, не будь я мужчиной, если не добьюсь своего! Станешь еще унижаться передо мной, чтобы я ласково глянул на тебя! Думаешь, я не знаю, что ты каждую ночь меняешь любовников?»

Он вышел на задний балкон и крикнул во двор:

— Эй, кто там? Пошлите ко мне домоправителя!

Тотчас же откуда-то из помещений нижнего этажа донеслось: «Меня зовуте, государь?», и раньше, чем Гогия Абашидзе успел сказать что-нибудь, домоправитель уже взбегал по ступенькам лестницы.

— Ступай, приведи скорей Бесики; государь требует его к себе,— приказал начальник канцелярии домоправителю.— Ушел, никого не спросив, не взяв у меня разрешения. Скажи этому господину, чтобы он в другой раз не смел своевольничать, не то худо ему придется! Старшинства у нас пока еще не отменяли!

Домоправитель ушел, а Гогия долго еще кружил по балкону, не зная, на ком сорвать свою досаду. Насмешливый хохот Анны все еще стоял у него в ушах, не давал ему покоя. Задолго до приезда царевича Давида с супругой среди придворных Соломона пошли самые разнообразные толки об этой чете. У Анны, красавицы из красавиц, похожей на небесную звезду, — слабоумный, никчемный муж, дурачок! Об этом говорили все, а потихоньку добавляли, что царевич в довершение всего — скопец и что, обуреваемая неутоленной страстью, Анна пожирает глазами мужчин. Гогия Абашидзе считал себя неотразимым красавцем. Волосы на его голове еще не успели поредеть, и закрученные спиралью, словно завитки раковины, усы поджимали снизу крючковатый нос, похожий на ястребиный клюв. В оценке его внешности с ним, по-видимому, были вполне согласны многочисленные незамужние девицы из кутаисских дворянских домов, которым этот хорохорящийся, словно петух, князек казался олицетворением мужской красоты.

Непоколебимо убежденный во всепокоряющей силе своей наружности, Гогия Абашидзе заранее, еще не увидев супруги царевича Давида, решил, что непременно завоюет ее сердце. «Каких я дел натворю — удивлю

весь свет! — говорил самому себе Гогия. — Погодите только немного — узнаете меня! Красавица, говорят, палится на каждого, а уж как увидит меня, упадет без чувств, спору нет! Если говорить по-деловому, так она, может, еще и взойдет на престол! А там, если у нас еще родится сыночек... Тогда ты можешь считать себя молодцом, Абашидзе!» Так рассуждал Гогия и с нетерпением дожидался приезда царевича в предвкушении той блаженной минуты, когда он перехватит устремленный на него полный восхищения взгляд Анны.

Но увы! Он жестоко обманулся в своих ожиданиях...

При первой встрече Анна даже не подняла на него глаз. Когда же Гогия попытался подчеркнутой заботливостью обратить на себя внимание прелестной картлийки, она окинула самодовольного князя с ног до головы таким насмешливым взглядом, что бедному Гогии показалось, будто его облили ушатом холодной воды. С этой минуты Анна то и дело поглядывала на своего злополучного поклонника, но что это были за взгляды! Всюду преследовала Гогию ее разящая, насмешливая улыбка. Избалованный легкими победами щеголь впервые почувствовал себя побежденным. Гогия растерялся, пал духом, утратил всегдашнюю бойкость и обходительность. Он сердился на себя, напрягал все силы, чтобы вновь обрести обычную самоуверенность сердцеда, знающего, что один его взгляд приводит в трепет женщин. Но все было тщетно — от былой прыти не осталось и следа, у него самого от робости подкашивались колени.

Когда Анна впервые обратила внимание на Гогию, наглый и вызывающий взгляд Абашидзе, без стеснения устремленный на нее, вызвал в супруге царевича мгновенную вспышку негодования: она почувствовала себя оскорбленной. «Я знаю — мужчины для тебя источник удовольствий; взгляни же сюда, где ты найдешь другого такого, как я?» — ясно и недвусмысленно говорил Анне взгляд Гогии. И молодая женщина внезапно исполнилась презрения к этому наглому придворному щеголю. Анна чувствовала, что разоблачена постыдная ее тайна, несчастье, уготованное ей судьбой, и от этого оскорбление казалось еще глубже. «Какой низкий, безнравственный человек!» — все снова и снова повторяла она про

себя и в мыслях упивалась местию. Услышав шутку Соломона, она рассмеялась с такой уничтожающей насмешкой, что сердце злополучного начальника канцелярии словно пронзили кинжалом.

Когда раздосадованный Гогия Абашидзе вернулся на террасу, там оставались одни мужчины, — женщины, предводительствуемые царицей, ушли внутрь дворца. Вздых облегчения невольно вырвался у посрамленного князя.

\* \* \*

Почти всю ночь совещался Соломон со своими приближенными. Обсуждались детали поездки Бесики; нужно было наметить путь, которым он доберется до Персии, и решить, какие подарки он отвезет шаху Кериму. После долгих споров пришли к выводу, что самое лучшее для Бесики перебраться через хребет Дигори на Северный Кавказ и направиться, проезжая Моздок и Кизляр, на Астрахань. Здесь посол Соломона должен сесть на корабль, который при попутном ветре через несколько дней доставит его в Решт. А уж отсюда до Шираза, шахской столицы, нетрудно добраться: путь надежный и безопасный.

Вопрос о подарках оказалось гораздо труднее разрешить. Папуна Церетели полагал, что вообще ничего не нужно посылать шаху. Едва ли они сумеют найти в Имерети такие драгоценности, чтобы удивить ими иранского повелителя. По мнению Папуны, Бесики следовало тайно, не называя себя никому, прибыть в Шираз и так же тайно, без ведома шаха, увезти оттуда царевича Александра. Однако Соломон отверг совет сахлт-ухуцеси. Конечно, Бесики должен явиться к шаху. Керим-хан разгневан на Ираклия; узнав, с какой целью имеретинский царь вызывает к себе царевича, он обрадуется случаю отомстить картлийскому царю и, может быть, пошлет Александра в Грузию с войском. Поэтому Соломон считал, что Бесики непременно должен представиться шаху, а явиться к Кериму с пустыми руками было бы невежливо. Поднести шаху дары необходимо, надо только решить какие.

— Я думаю, государь, — сказал Бери Цулукидзе, — самое лучшее, если мы пошлем шаху наши грузинские изделия из гишера — четки, ожерелья, серьги и иные украшения. Я слышал, что на Востоке гишер ценится наравне с алмазами, и думаю, что лучшего мы ничего не сумеем поднести. Прикажите нашим мастерам, они вырежут такие четки, что не налюбуеться! На днях Эрмоний Тутберидзе показывал мне нитку своей работы — право, стоит поглядеть: выточил камешки в виде свиных голов, так похоже, что не отличить.

— Вот уж, действительно, лучше не придумаешь: поднести персидскому шаху ожерелье из свиных головок! — расхохотался Соломон.

Решено было спешно заказать ювелирам сто ожерелий и столько же четок из камней разной величины. Сверх того Соломон выделил из своей личной сокровищницы для подарка шаху неограниченные аметисты, величиной с кулак каждый, и два крупных изумруда. Бесики было выдано деньгами сто туманов. Из этих денег он должен был покрыть свои путевые расходы, а что останется по приезде в Шираз, вручить царевичу Александру Бакаровичу.

— И не будем откладывать твой отъезд, — сказал царь Бесики. — Трех дней, думаю, будет тебе достаточно, чтобы уладить домашние дела. Какое число в воскресенье? Двадцать восьмое августа? Так вот, собирайся — в воскресенье выедешь. Об отце и вообще о своей семье не беспокойся. Хотел я подыскать тебе невесту, да ничего не поделаешь — отложим до твоего возвращения. Сколько тебе нужно сопровождающих?

— Немного, государь. Достаточно двух человек.

— Нет, двух мало. Кого пошлем с ним, сахлт-ухуцеси? — обратился Соломон к Церетели.

— Кого он сам пожелает, государь. В этом деле выбор всецело принадлежит Бесариону, — ответил Папуна.

— Я хотел бы взять вашего Садуна, князь, вот уже один из двоих, — сказал Бесики, обращаясь к сахлт-ухуцеси.

— Извольте, сударь, — с радостью согласился Церетели; он и так намеревался приставить к Бесики в путешествии своего человека.

— Вторым пусть будет Датука Гдзелидзе, а больше никого и не нужно,— предложил в свою очередь Цулукидзе. — Человек он надежный, дай бог всякому такого слугу: пойдет за тебя в огонь и воду.

— Вот уже двое. А еще кто? — вопросительно взглянул Соломон на придворных.

— Больше в самом деле никого не нужно, государь,— почтительно сказал Бесики.— До Моздока, если разрешите, я возьму с собой двадцать — тридцать человек. А оттуда до Кизляра и от Кизляра до Астрахани ходит русская почта, там мне ничего уже не страшно. Почтовые тройки...

— Что это такое, молодой человек? — прервал его царь.

— Тройки, государь, — это экипажи, запряженные тремя лошадьми. Так вот, почтовые тройки ездят всегда с конвоем. С ними я и поеду. А в Персии нам придется путешествовать по большим караванным путям, мы пристроимся к какому-нибудь каравану и прибудем в Шираз с миром. Ну, а назад мы поедем вместе с царевичем Александром и его свитой.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — согласился Соломон. — Значит, отправляешься в воскресенье?

— Как изволите приказать, государь!

Бесики вернулся домой на восходе солнца. Он уже успел перебраться со всей семьей в новый дом. Правда, здание было не окончено — в верхнем этаже еще не навесили окон и дверей, не обили потолка досками и не устроили перегородок, но в помещении нижнего этажа можно было уже жить. И Захария не стал задерживаться с новосельем. Так же, как в прежнем, наемном помещении, вся многочисленная семья Габашвили спала вместе, на одной широкой и длинной тахте, занимавшей половину комнаты.

Бесики застал всех своих домашних бодрствующими. Оказывается, никто в доме не ложился спать. Родные Бесики хлопотали всю ночь напролет, собирая его в дальний путь. Невестки пекли гомиджи и хачапури, ошипывали кур и жарили их на сковородках; Родам и Мелано приводили в порядок одежду и белье Беси-



ки. Захария и его сыновья тоже крутились тут же, будто бы помогая женщинам, но мужчины только сбивали с толку хозяек своими советами и путались у них под ногами.

Все были охвачены необычайным возбуждением. Особенно волновался старый Захария. Картины, одна прекраснее другой, рисовались ему в мечтах. Да, да, наконец-то ему доведется вернуться в Тбилиси... Вот он купается в прозрачно-голубой, горячей серной воде, вот он сидит, поджав ноги, на балконе собственного дома и сочиняет шуточные стихи или читает псалом, перебирая янтарные четки... Казалось, дальше этого не шли его желания, и он сам не раз вслух высказывал их перед членами своей семьи. Но в душе Захария лелеял гораздо более честолюбивые мечты. Он хотел полностью восстановить свое прежнее высокое положение, когда он, по существу, управлял всей картлийско-кахетинской церковью и лишь один шаг отделял его от патриаршего престола. Как знать, быть может, ему и удалось бы занять этот престол, если бы он не проиграл битвы против католикаса Антония. В конце концов совсем не обязательно, чтобы духовный пастырь всея Грузии был из рода Багратиони: избрали же в Имерети католикосом Максима Абашидзе!

Почему же Картли и Кахети должны в этом отличаться от Имеретинского царства? Что ж, если счастье, скрывавшее от него доныне свое лицо, повернется наконец к нему и Александр Бакарович взойдет на трон, Захария может ожидать многих радостных событий! Воцарившись в Картли, вечно гонимый, изведавший горечь скитаний, а теперь счастливый и благодарный судьбе Александр, без сомнения, окружит почетом не только самого Бесики, но и его родителя. Захария будет назначен, самое меньшее, настоятелем Сионского кафедрального собора.

— Велика сила господня, хвала имени его! — повторял поминутно Захария, крестясь. — Господь всемогущ! И справедливость восторжествует в конце концов! Чего только не хотел сделать со мной злодей Антоний, адово исчадие! Выгнал меня из дому, расстриг и заставил бежать в Россию, да и там не пожелал дать мне покой,

воспретил входить в храм и отправлять богослужение... Да, да, истребить желал он меня, уничтожить душу, тело и семья мое! Дотянулся до моего сына, оговорил его перед царем, так что мальчику едва не отсекали голову! Но, хвала всевышнему, да святится промысел его, рука господи защитила моего сына, спасла его от гибели, и вот — трепещи, дух мрака, скоро увижу я торжество добра над злом, ибо зло недолговечно...

Бесики едва держался на ногах от усталости. Войдя в дом, он тут же повалился на постель, чтобы вздремнуть хоть часок-другой: после бессонной ночи ломило голову. Но Захарии не терпелось узнать дворцовые новости, и он не давал сыну покоя, приставая к нему с расспросами.

— Что решили на совещании? Едешь? Какой дорогой? Кого с собой возьмешь? Тебе, я вижу, спать хочется, сынок... Спи, спи, я не буду тебе мешать. Скажи только, что сказал Соломон об Ираклии? Ну ладно, ладно, я вижу, ты очень устал. Отдыхай, родной, спи!

Захария отошел от сына, но не вытерпел и через минуту вернулся к нему:

— Об Антонии ничего не говорил государь? Наверное, сказал что-нибудь, но ты теперь сонный, сынок, и ничего не помнишь. Ладно, расскажешь потом.

Наконец Захария оставил сына в покое. Бесики забылся сном, но ненадолго — вскоре его осторожно разбудили и сказали, что какой-то неизвестный человек спрашивает царского секретаря. Бесики пришлось встать. Выспаться он, конечно, не успел, но головная боль рассеялась, и от этого настроение стало лучше.

За дверью его дожидался какой-то коренастый, могучий, как медведь, слегка сгорбленный человек. «Супруга царевича Давида Анна желает вас видеть и просит к себе», — сказал он Бесики.

— Хорошо, сейчас явлюсь. Где она?

— Во дворце, сударь.

— Мне кажется, я тебя где-то встречал. Как твое имя?

— Росто, сударь.

— Ты картлиец или имеретин?

— Имеретин, сударь. Я — молочный брат царевича

и его слуга. Когда царевич приехал в Картли, я сопровождал его. С тех пор вы меня и помните, сударь.

— А ты меня помнишь?

— Да, сударь,— тяжело вздохнул Росто и отвел глаза с виноватым видом,— я вас помню.

— Хорошо, ступай. Доложи госпоже, что я через час буду у нее.

Росто приложил руку к сердцу, низко склонился перед Бесики и стал спускаться с горы неуклюжей, грузной походкой.

• • •

— Я очень огорчена тем, что мне сегодня сказали. А я-то спешила, стремилась сюда всей душой... Ждала, что ты встретишь меня, освежишь, словно журчащий ручей иссохшую от зноя розу... А ты, говорят, уезжаешь в Персию? — Анна откинула за спину черную косу и взглянула в глаза Бесики. В это утро она и в самом деле была похожа на розу. Щеки ее горели румянцем, подобно едва распустившемуся цветку, прозрачные, окаймленные длинными ресницами веки напоминали благоуханные розовые лепестки.— Отвечай, что ты молчишь?

— Жизнь наша напоминает мне бурливое море, госпожа, — волны швыряют нас то в одну, то в другую сторону! — Бесики склонил голову и тяжело вздохнул; он вспомнил монахиню из Мгвиме, промелькнувшую некогда перед ним, как призрак, и оставившую неизгладимый след в его душе...

— Я никогда не видела моря. Оно очень велико?

— Безбрежно и безгранично...

— Как сердце влюбленного,— засмеялась Анна.— Скажи, ты в самом деле уезжаешь в Персию? Когда собираешься в путь? Долго ли еще пробудешь здесь?

Бесики не сводил глаз с Анны и, пристально всматриваясь в ее черты, спрашивал себя: «Люблю ли я еще эту женщину?» Год тому назад, узнав, что Анна собирается приехать в Имерети, он пришел в восторг, но радовался он не потому, что надеялся воскресить старую любовь... В те дни сердце Бесики безраздельно принадлежало прекрасной схимнице, встреченной в Мгвимской

обители. Радуюсь приезду Анны из Картли, он думал только о том, что теперь около него появится близкий человек, верный, старый друг... Позднее, после смерти молодой женщины, сраженный неожиданным ударом судьбы, Бесики погрузился в тоску и всю зиму работал не поднимая головы, с утра до поздней ночи. Даже прекрасная кутаисская весна, насыщенная опьяняющим ароматом цветущих роз, не могла разгладить складки, бороздившие его лоб.

На этот раз, когда Бесики сказали, что Анна с супругом уже прибыли в Кутаиси, его охватила радость. В восторге бросился он во дворец, чтобы встретиться, приветствовать Анну, и, приблизившись к ней, остановился в смущении. После стольких месяцев разлуки он ждал, что взору его предстанет сказочное создание, окруженное ореолом невысказанной красоты. А на самом деле перед ним стояло обыкновенное земное существо, красивая женщина, ничем не отличавшаяся от других красивых женщин. «Неужели и раньше она была не более пленительна, чем сейчас? — подумал огорченный Бесики.— Как будто она несколько не изменилась: те же сияющие глаза, то же покоряющее выражение лица, те же по-детски пухлые губы... Но почему я не ощущаю восторга, как раньше при каждой встрече с нею?» Бесики думал, что, увидев Анну, испытает такое же блаженство, как год тому назад в Мгвимской обители. Возможно, что так бы и случилось, не впусти он себе заранее, что встреча с Анной должна произвести на него какое-то особенное, потрясающее впечатление. Именно поэтому, должно быть, ожидание его и не оправдалось. И все же он попытался настроиться соответствующим образом, убеждал себя, что охвачен неизмеримым восторгом, и даже выдавил из глаз слезы радости, а в душе твердил: «Ах, как я счастлив, сегодня вновь просияло для меня солнце!» Но он прекрасно понимал, что весь этот восторг насильственен и преувеличен и что он напрасно старается обмануть себя...

При первом свидании Анна и Бесики не сумели побеседовать по душам. Они успели только обменяться словами приветия — для разговора наедине не представилось случая. Как только Бесики отошел от Анны, тоска вновь

овладела им, и он, чтобы рассеяться, вызвался сопровождать Элизбара Эристави в Варцихе. Верховая прогулка несколько улучшила его настроение, и, вернувшись в Кутаиси, Бесики уже с нетерпением стремился во дворец, чтобы встретиться с Анной, поддаться очарованию ее улыбки и вновь зажечься огнем прежней страсти. Но надежда его не сбылась и на этот раз.

И Бесики понял, что прежнее восторженное чувство влюбленности погасло в его душе. Теперь, чтобы воскресить свою любовь, он заставлял себя глядеть на Анну совсем иными глазами. Раньше ему достаточно было встретить ее сияющий взгляд, и сердце его начинало сладостно биться. А теперь он не сводил глаз с цветущей, зрелой груди молодой женщины, с ее высоких сильных бедер, и не восторг, а стыд постепенно охватывал его. Он готов был уничтожить себя за свою низость, за то, что старался разбудить самые нежные, уснувшие в сердце чувства, разжигая их плотским вожделением. Весь вечер Бесики избегал Анну и сразу после ужина, как только стало возможно, ушел домой. Когда его вновь вызвали во дворец, он неохотно последовал за посланным, чувствуя, что не в силах разобраться в сумятице своих мыслей и чувств. Убедившись, что ему предстоит провести ночь на совещании в обществе Соломона и немногих его приближенных, Бесики остался чрезвычайно доволен.

Но вот они оказались одни... Смелое, прямое обращение Анны и откровенный, интимный тон, взятый ею в разговоре, вновь смутили поэта. Бесики слегка растерялся, у него закружилась голова.

— Не уезжай, слышишь? — повторила Анна. — Я не хочу, чтобы ты уехал!

Бесики невольно улыбнулся.

— Я говорю серьезно! — сказала Анна протяжно, по-детски, словно дуясь на него. — Как я тут выдержу одна, без тебя. Кстати, как тебе показалось здесь после Тбилиси? Местность, пожалуй, красивей, чем у нас. Правда, город гораздо меньше... Но какая здесь жара — мне просто трудно дышать. Да что на Кутаиси жаловаться, ты подумай, каково мне будет в Цирквали! Моурав сказал, что это маленькая, затерянная в горах деревушка...

— Это чудесное место...

— Да? Рада, если так... Но дом, дом! Это, оказывается, какой-то старый хлев с очагом посреди комнаты! Вот и весь мой дворец. Летом еще куда ни шло, а каково будет зимой? Дворец, говорят, даже без окошек!

— Надо строить новый, царевна!

— Но у меня нет средств! — печально проговорила Анна. — Все, что оставалось от приданого, я уже истратила. Одни служанки сколько мне стоят! А стол, а одежда? Не знаю, как справиться со всеми расходами? Мой муж, даром что наследник престола, гол как сокол. А ты, говорят, уже поставил себе хоромы?

— Ну, до этого еще далеко... Пока только перекрыли дранкой крышу.

— Разве этого мало? Хотела бы я, чтобы и у меня так обстояли дела! Сейчас весна, можно и под деревом постель устроить. Но как быть зимой? Жить в доме без окон, какой ужас! Царица предлагает оставаться у нее, но я не хочу. Да и не годится мне искать у царицы приюта. Пойдут сплетни, скажут, что Гулкан приближает к себе Давида с женой, чтобы отвратить Соломона от его собственного сына. И то уж большая милость судьбы, что мне пожаловали землю и имение, теперь у меня есть хоть собственный угол. А там увидим, что покажет будущее... — Анна притянула Бесику за руку к себе и зашептала ему на ухо: — Если, бог даст, и Папуна Церетели не откажется со мною породниться, тогда... — Анна огляделась и подмигнула своему собеседнику.

— Как? — не поняв, вопросительно поднял брови Бесики.

— Хочу сосватать ему мою золовку...

Бесику откинул назад и устремил на Анну восхищенный взор.

— Простите меня, госпожа! Я не подозревал, что вы так дальновидны! Вы все представляетесь мне тем простодушным ребенком, каким я вас знал... — Бесики встал и в волнении прошелся несколько раз по комнате. — Теперь я верю, что...

— Постой, не торопись делать выводы... Иди сюда, садись, погляди на меня и скажи — любишь ты меня еще или нет?

— Осмелюсь ли я позволить себе такую дерзость?

— Ладно, не говори глупостей! Я вижу, ты полюбил другую. Но я не сержусь. Скажи, кто она?

— Разве мне было до любви все это время? — Бесики попытался уклониться от ответа, но смутился и отвел взгляд.

— Ты меня не обманешь! Кто же она?

— Никто, госпожа! Изгнанный из родного города, лишенный крова, всеми забытый, прибыл я в Мгвимский монастырь... И там, словно яркий светоч, явился моему взору ангел небесный в виде прекрасной монахини... Но, увы...

— Но что?

— Бог, должно быть, разгневался на меня и внезапно погасил эту лампаду...

Невольный вздох вырвался из груди Анны. Почему-то она совсем не чувствовала ревности и прислушивалась к рассказу Бесики с сочувствием и благожелательным интересом. Она заставила поэта подробно рассказать ей обо всем этом и, растрогавшись, со слезами на глазах стала утешать своего друга.

— Как мне жаль тебя! Но полно, перестань горевать! Во-первых, потому, что я здесь, а во-вторых, потому, что я... не разрешаю тебе любить никого, кроме меня.— Анна внезапно залилась краской до самой шеи, но сделала над собой усилие и устремила прямо в глаза Бесики пристальный взгляд. Этот румянец как бы обнажил перед Бесики душу Анны, но самым волнующим было то, что она вовсе и не старалась скрыть эту свою «наготу»... Впервые за все эти дни почувствовал поэт волнение в крови, сладкая дрожь прошла по его телу и подкосила его колени. Анна сразу заметила в его глазах огонь вожделения, и щеки ее вновь загорелись — на этот раз от стыда. Молодая женщина облегченно перевела дух, она испытывала такое же удовлетворение, какое охватывает уличенного грешника, когда он изобличит своего судью в еще более тяжком грехе. В душе ее внезапно мелькнуло желание, чтобы Бесики попытался обнять ее—тогда она вlepила бы ему пощечину или дернула бы его за ус, чтобы покарать его за дерзость и показать ему свое полное равнодушие. Но Бесики стоял

недвижно, в глубоком смущении. Смущилась и Анна, и оба некоторое время прятали глаза друг от друга. Молодые люди чувствовали, что между ними произошло что-то, сблизившее их, как никогда раньше, но не смели вымолвить слово, боясь, как бы эта внезапная близость не исчезла, как мираж...

Со двора донесся какой-то необычный шум — громкие возгласы слуг, ржание и топот лошадей.

Влюбленные наконец пришли в себя. Анна взглянула в глаза Бесики, улыбнулась. Потом показала взглядом на окно и спросила:

— Что там такое?

Бесики словно ожидал этой улыбки... Обеими руками он обнял стан молодой женщины и хотел уже прильнуть к ее губам, но испуганная Анна, упершись рукой ему в грудь, высвободилась из его объятий и рассерженно воскликнула:

— Ты с ума сошел!

Потом подошла к окну, взглянула во двор и сказала, не оборачиваясь:

— Господи, сколько всадников! Кто же это такие? — не получив ответа, она обернулась и строго сказала:

— Ступай сейчас же отсюда!

Бесики послушно склонил голову и направился к двери. По голосу он понял, что это строгое приказание означало не гнев, а только просьбу об осторожности.

На балконе он встретил слугу, который доложил ему, что к царю Соломону приехали в гости владетели Абхазии Зураб и Келешбег Шервашидзе с большой свитой. Бесики тотчас же направился во двор, чтобы вместе с другими придворными встретить гостей.

\* \* \*

Посещение имеретинского царя правителями Абхазского княжества было таким необычным, почти невероятным происшествием, что не только дворец Соломона, но и весь Кутаиси был охвачен волнением. С тех пор как имеретинское царство распалось на целый ряд мелких,



более или менее самостоятельных княжеств, — распадение это происходило постепенно, на протяжении двух или трех столетий, — абхазские князья откололись от имеретинских царей и объявили себя независимыми владетелями. В течение некоторого времени Абхазия представляла собой единое княжество, но с 1720 года, после смерти правителя Зегнаха Шервашидзе, в свою очередь распалась на части, так как была поделена между тремя его сыновьями. Старший сын Зегнаха, Ростом утвердился в северной Абхазии, и владения его простирались от устья Бзыби до ущелья Кодори. Средний сын, Джикешия, получил земли от Кодори до реки Гализга. Младшему досталась остальная часть княжества, южнее Гализги. Эта часть впоследствии получила название Самурзахано — по имени правителя ее Мурза-хана, сына Квапу. Все эти владетели не подчинялись имеретинскому царю, но в то же время постоянно враждовали между собой, так что в Абхазии не прекращалась междоусобная война. Лишь один из владетельных князей Абхазии, Хутуня Шервашидзе, стоявший на целую голову выше своих сородичей, понимал гибельность пути, по которому шла страна. Широко образованный, начитанный человек, он славился также, как неустрашимый воин. Хутуня знал наизусть от первой до последней строчки «Витязя в тигровой шкуре» и собственноручно переписал полностью древнюю грузинскую летопись «Картлис цховреба» — «Житие Грузии». Благодаря этим занятиям сердце его исполнилось глубокой любви к родине. Он ясно видел, что раздробление на все более мелкие части представляет смертельную опасность для Грузии. Владетель Гурии стремился быть царем в своих владениях, владетель Мегрелии следовал его примеру, сванетский князь заперся в своих горах, рачинский эристав Ростом отступился от царя, в Аргвети князь Абашидзе пытался стать правителем. Аджария и Шавшети стонали под турецким игом, и только восточная половина Грузии сохраняла силу благодаря главенству царя Теймураза и сына его царя Ираклия. Когда Соломон взшел на имеретинский трон и с первых же дней своего царствования принялся утверждать свою власть над непокорными княжествами, Хутуня Шервашидзе почувствовал, что страна получила наконец истинного предводителя, заботящегося о ее счастье и благоденствии. Он

немедленно явился к Соломону, заверил его в своей покорности и высказал свои сокровенные мысли и надежды. Владелец Самурзахано мечтал о восстановлении объединенного Грузинского государства в прежних его границах — от Востока до Запада, и если имеретинский царь собирался взяться твердой рукой за исполнение этой великой задачи, он, Шервашидзе, согласен был принести себя в жертву.

Он и в самом деле пожертвовал собой.

Когда Соломон воспретил продажу людей в рабство и отказался платить дань Турции, разгневанный султан объявил ему войну и приказал ахалцихскому сераскиру вторгнуться со своими войсками в Имерети. К Соломону тотчас же явились верные престолу князья, и в числе их правитель Мегрелии Отия Дадиани (сам Отия ввиду преклонного возраста не принял участия в войне, но послал своего сына Кацию) и владелец Самурзахано, Хутуния Шервашидзе. Турецкие и грузинские войска сошлись лицом к лицу у Хресили. После ожесточенного сражения победили грузины. В этом бою погиб геройской смертью Хутуния Шервашидзе. Он врубился в самую гущу турецких войск и в рукопашном бою сразил собственной рукой шестнадцать вражеских воинов, но и собственную жизнь принес в жертву отчизне. Соломон оплакал Шервашидзе, как подобало, и отправил останки героя с почетным эскортом в его наследственные владения.

Неудача у Хресили привела в бешенство турецких правителей. Султан еще несколько раз насылал на Западную Грузию своих сераскиров с войсками, но Соломон неизменно паносил им поражение. Единственной областью, еще не вырвавшейся из-под власти Турции, было Черноморское побережье, где турки владели сильными, неприступными крепостями. Благодаря этим опорным пунктам им без труда удалось справиться с абхазским владетелем Манучаром Шервашидзе, устроив против него заговор. В сражении при Хресили Манучар, правда, не воевал на стороне Соломона, но в душе сочувствовал имеретинскому царю и не препятствовал своему двоюродному брату Хутунии выступить вместе с грузинами. Турки подкупили князей из рода Дзяпшпа, и те подняли восстание против Манучара. Повстанцы победили, взяли в

плен всех трех братьев Шервашидзе — Манучара, Ширвана и Зураба — и доставили их к турецкому паше, который выслал пленников в Турцию. Спустя некоторое время турецкое правительство сумело договориться с Зурабом Шервашидзе, который был возвращен в Абхазию с титулом правителя. Разумеется, турки получили при этом обещание, что новый правитель признает себя вассалом Турции, будет платить султану дань и не станет препятствовать работоторговле. Однако Зураб не пожелал с этим примириться и немедленно приступил к подготовке мятежа. Вскоре под его предводительством в Абхазии вспыхнуло повсеместное народное восстание против турок. Зураба поддержал владетель Самурзахано Леван Шервашидзе. В 1771 году повстанцы овладели Сухуми и сбросили турок в море. Разъяренный султан, однако, сумел вновь занять этот город и посадил в нем правителем Келешбега Шервашидзе — это был сын Манучара и племянник Зураба, принявший магометанство. Келешбег считался правителем Сухуми — власть его простиралась лишь на город и на его окрестности. Борьбу со своим дядей Зурабом он не рисковал, не имея достаточных для этого сил. Он решил встать на путь мирного сотрудничества с соседями и не прерывал с Зурабом родственных взаимоотношений.

Столь очевидное для всех укрепление власти Соломона, в особенности после того, как имеретинский царь уничтожил изменника Ростома, эристава Рачи, и привел к покорности князя Гуриели, заставило абхазских владетелей крепко призадуматься. Князя Шервашидзе прекрасно понимали: если они хотят вести с Турцией борьбу до конца, не идя ни на какие сговоры, — необходимо искренне примириться с имеретинским царем, признать его главенство и покровительство. Быть может, абхазские владетели еще раньше признали бы верховную власть Соломона, но решение их задержалось из-за правителя Одиши или Мегрелии, шурина Соломона — Качии Дадияни. Этот владетель объявил себя независимым, не подчинялся царю и не воспрещал на своих землях продажу людей в рабство. Соломон пока еще воздерживался от решительных действий и старался подчинить непокорного Дадияни мирным путем. Однако ясно было, что чаша

терпения имеретинского царя когда-нибудь переполнится и ему придется поднять меч против самого могущественного из своих владетельных князей.

Все эти обстоятельства, разумеется, не ускользали от внимания Зураба Шервашидзе. По-видимому, Соломон не решается один, без помощи, выступить против Дадиани, рассуждал Зураб. Но, если я поддержу царя, он, возможно, согласится уступить мне в качестве вознаграждения половину Мегрелии, и я утвержусь в моих владениях как независимый властелин... Зураб посоветовался с Бекирбеком и с Келешбегом и, получив одобрение племянников, решил явиться к Соломону для переговоров.

Между тем в Кутаиси совсем иначе объяснили их приезд. По мнению всех, от вельможи до последнего слуги, абхазские владетели прибыли, чтобы признать власть Соломона и объявить ему свою покорность. Вот почему неожиданное посещение Кутаиси князьями Шервашидзе вызвало такое невообразимое волнение во всем городе.

Выйдя во двор, Бесики увидел, что обширная площадь перед дворцом битком набита спешившимися всадниками и встречающими их придворными и слугами.

Сахлт-ухуцеси Папуна Церетели встретил Зураба и Келешбега во дворе. Пока он обращался к ним с витиеватым приветствием, царский домоправитель быстро расставил придворных по местам, предписанным этикетом. От ворот до лестницы дворца выстроились в два ряда придворные — жезлоносцы, на лестнице поместились пожилые придворные — старейшины, на балконе толпились певчие и музыканты, а дамы и высшие сановники собрались в тронном зале. Перегруппировка эта произошла быстро и бесшумно, и когда Папуна Церетели пригласил желанных гостей следовать за ним по направлению к дворцовой лестнице, вся эта пестрая толпа напоминала строго подобранный букет. Зураб и Келешбег, кланяясь направо и налево, прошли по узкому коридору между рядами придворных с жезлами и дворцовых слуг. Певчие грянули торжественный гимн, запели рожки и трубы, зазвенели цимбалы, заговорили литавры. Вслед за правителями шли прибывшие с ними сановники, шествие замыкали придворные Соломона.

Вступив в тронный зал, абхазские владетели опять-таки поклонами приветствовали сначала мужчин, выстроившихся справа (что немало удивило Бесики), а затем разместившихся слева женщин.

Спустя короткое время слуги раздвинули тяжелые занавеси в конце зала, и вошел незнакомый Бесики — поэт видел его сегодня впервые — сановник. Вошедший трижды ударил жезлом об пол и в воцарившейся торжественной тишине объявил:

— Его величество, царь имеров и абхазов Соломон! — слово «абхазов» он произнес особенно громко и отчетливо.

Вновь послышались звуки мощного гимна, и в зал вошли Соломон и Гулкан, оба в парчовых золототканых одеждах и горностаевых мантиях, с царскими венцами на голове.

Абхазские владетели приблизились к царской чете и склонили колени, но Соломон поднял каждого из них по очереди и, по обычаю того времени, поцеловал в плечо. Затем он взошел на трон, усадил рядом с собой царицу и предложил гостям золоченые кресла, бесшумно пододвинутые к ним слугами. Абхазы ответили выражениями благодарности, но остались стоять на ногах.

Бесики обернулся к соседу, начальнику казны Георгию Церетели, и, указывая взглядом на незнакомого придворного, возвестившего перед тем появление царя, спросил:

— Кто это? В первый раз его вижу!

— Неужели не знаешь? — изумился Георгий. — Это Давид Квинихидзе. Он приехал из России вчера вечером.

— Так вот он каков! — Бесики с любопытством рассматривал сановника. — Я о нем много слышал. Говорят, это чрезвычайно образованный человек!

— Да, весьма, — подтвердил Церетели и взглядом показал Бесики: «Помолчим!»

Соломон заговорил.

— Поистине, великой радостью исполнилось сердце мое, когда узрел я под моим кровом украшение царского дома нашего, правителя Абхазети!

Весь зал затаив дыхание прислушивался к словам царя. Абхазские владетели внимали в глубоком молчании, склонив головы и скрестив руки на груди.

— Дом мой считайте своим домом,— продолжал Соломон,— если только вы готовы по зову сердца своего восстать для истребления агарян. И если вы прибыли ко двору моему, подобно тому как древнейший предок ваш Догато Шервашидзе явился к великой царице, повелительнице царей, Тамар, то и мы готовы исполнить любое желание ваше!

Соломон умолк и ждал ответа. Но Зураб Шервашидзе, как бы ожидая продолжения царской речи, молчал со склоненной головой. С самого начала, когда Давид Квинихидзе, перед входом царя, объявил его титул, словно острый шип вонзился в сердце абхазского правителя. По-видимому, не могло быть и речи о том, что Соломон будет держать себя с владетельным князем Абхазии, как с равным себе, независимым государем. Соломон прямо и даже, пожалуй, несколько грубо поставил перед Зурабом вопрос: признает ли он, Шервашидзе, верховную власть имеретинского царя над Абхазским княжеством?

Зурабу до смерти хотелось обменяться взглядом со своим племянником и хотя бы по выражению лица Келешбега сообразить, как им лучше сейчас держать себя. Но он не мог позволить себе оглянуться. От Соломона, разумеется, не ускользнуло бы это его движение. Впрочем, Келешбегу было сейчас совсем не до Зураба и не до государственных дел. Он перехватил взгляд Анны, тайком устремленный на него, и по всему его телу прошел трепет. Правда, Анна быстро отвернулась, но через несколько мгновений Келешбег снова встретился с ней глазами, и сердце его сладко забилося. После этого Келешбег уже ничего не видел и не слышал: он весь был во власти охватившего его чувства. Ясно было, что его восхищенные взгляды приятны Анне. Правда, она не глядела в сторону Келешбега, но чувствовала, как невидимые лучи, исходящие из глаз абхаза, обжигают все ее тело. От этих лучей сначала вспыхнули румянцем ее щеки, потом стала учащенно вздыматься грудь... Наконец они заставили Анну снова взглянуть на молодого Шервашидзе. Но тут же Келешбег смутился, отвел глаза. Анна почувствовала себя смелее. Она радовалась, что одна среди стольких красивых женщин привлекла к себе внимание гордого абхаза, радовалась наконец, что победила и смутила этого кра-

савца. Теперь она уже без стеснения глядела на Келешбега, рассматривая его мужественное, с резкими чертами, лицо, сверкающие глаза под разлетающимися бровями, небольшие юношеские усы и красиво обрамляющую щеки полосу темной бороды.

Зураб решил предпочесть сдачу поражению. Правда, столь прямо и резко поставленный Соломоном вопрос сразу изменил его настроение — он, пожалуй, готов был тут же повернуться и уехать обратно. Однако он постарался придать своему лицу возможно более приятное, учтливое выражение и, низко склонившись перед царем, проговорил:

— Нам многое нужно сказать друг другу, государь! Поверьте, с самого детства над сердцем моим властвует единственное желание: увидеть воскресшим бывшее величие родины нашей, Грузии, и державу дома Багратиони, дома Иесеева, Давидова и Панкратова, распространенной как некогда, от Дербента до Никопсии. Ныне примите от меня скромное подношение — пятнадцать абхазских скакунов — и извините меня за то, что не мог я доставить дар, более достойный вашего величества.

— Приношу тебе благодарность, князь, и в свою очередь прошу не сердиться, если я поднесу тебе лишь двести голов крупного скота, пятьсот баранов и тридцать черкесских коней вместе с чабанами, пастухами и табунщиками. А сверх того, дарю тебе золотые кинжалы и вот эти пистолеты в серебряной оправе.

Соломон повернулся к домоправителю, взял у него из рук подарки, которые тот держал наготове, и своими руками передал их абхазским владетелям.

• • •

В тот же день имеретинский царь устроил пир в честь своих гостей. Со сказочной щедростью угощал он абхазских правителей. Стол ломился от яств — оленьи шашлыки, нежнейшая рачинская телятина, жареные фазаны сменяли друг друга. Отборные вина — «хванчкара» и «аладастури» — вызывали восхищение гостей. Пирующие засиделись до поздней ночи. Соломон объявил, что завтра приглашает гостей на охоту, и предупредил старшего

сокольничьего, чтобы наутро все для этого было в готовности.

Около полуночи гости встали из-за стола, и слуги отвели дядю и племянника Шервашидзе в приготовленную для них опочивальню. Келешбег, изрядно подвыпивший в этот вечер, был в прекрасном расположении духа. Зураб, напротив, сидел на постели с нахмуренным лицом и не собирався снимать одежду.

— Ах, с каким почетом нас приняли!—воскликнул с восторгом Келешбег, когда его личный слуга и молочный брат, стащив с него узкие сапоги, вымыл ему ноги.

— Говори по-абхазски, — сказал Зураб, сдвинув брови и показывая глазами на вытянувшегося у притолоки царского слугу. Потом прибавил, также по-абхазски:

— Можешь считать за почет, если нам удастся унести отсюда наши глупые головы!

— Что?—Келешбег уставился на своего дядю широко раскрытыми глазами.— Чем же мы провинились?

— Ничем! Но разве чем-либо провинился рачинский владетель Ростом Эристави! Завтра Соломон приглашает нас на охоту. Такую же западню расставил он Ростому: выманил на охоту в Гегути, приказал схватить беднягу и выколоть ему глаза...

— Не бойся! — усмехнулся Келешбег. — А наша свита на что? Никто нас пальцем не тронет!

— У Ростома Эристави были с собой молодцы лучше наших! Однако...

— Удивляюсь тебе, право!..—Келешбег вскочил с постели и, как был, босой, прошлепал через всю комнату к Зурабу.— Сам же ты уговаривал меня явиться к Соломону, договориться с ним. Чего же вдруг так испугался? Привез царю пятнадцать кляч, а он тебе подарил взамен тридцать черкесских скакунов да прибавил еще целое стадо скота и отару овец... Чего тебе еще? Не мог же он, в конце концов, передать тебе свою власть?

— В том-то все и дело! Он и Ростому сначала пожаловал и земли, и горы, и деревни, и стада с отарами... А потом отнял у эристава все, что у того было...

— Что удивительного? Ростом столько раз вонзал ему нож в спину! — Келешбег вернулся к своей постели



и с наслаждением растянулся на ней.— Не думаю, чтобы Соломон заплатил такой низостью за заслуги Хутунии Шервашидзе! Беспочвенны твои подозрения.

— Почему же он с первых слов потребовал, чтобы мы немедленно изъявили ему покорность? Не мог подождать немного? Быть может, я сам бы это сделал без приглашения?

— Он сказал так по праву царя.

— Царя? — на этот раз Зураб вскочил в возбуждении.— Подумаешь! Чем он лучше нас? Если он разбил турок под Хресили, так это только потому, что мы ему помогали. И где он был, когда я один заставил удирать, поджав хвост, султанские войска? Русская армия целый год дралась бок о бок с ним, но они даже не смогли взять Потийскую крепость! А мы одни, без всякой помощи, не только покорили Сухумскую крепость, но и всю Абхазию очистили от турок! То-то он теперь хочет пожаловать на готовое, поглотить то, что мы добыли! Как бы рот себе не обжег!

— Когда это ты успел очистить страну от турок? — сказал своему дяде со смехом Келешбег.— А я, по-твоему, кто такой — я, Келеш Ахмед-бег Шервашидзе, магометанин и наместник султана в Сухуми! Правда, я сегодня угощался свининой и запивал ее добрым вином, но это только потому, что...

— Эх, что с тобой разговаривать, тебя хмель одолевает! И, сдаётся мне, эта черноглазая тебя околдовала...

— Тсс! Молчи, не напоминай мне о ней,— застонал Келешбег.— Ради нее я готов хоть сейчас вломиться с саблей в ад...

— Не теряй разума! Она — замужняя женщина, супруга царевича из рода Багратиони и дочь Орбелиани! Завтра, если захочет судьба, она может стать царицей Имерети!

— Тогда... О, тогда, дядя, если даже ты с мечом преградишь мне путь, я все-таки явлюсь к ней, и в знак покорности паду к ее ногам.

— Ого! Да ты не шутишь! Тогда, может быть, самое лучшее для нас — убраться, пока не поздно, подобру-поздорову от этого опасного царя и сделать все возможное,

чтобы твоя черноглазая красавица как можно скорее овладела имеретинским тронem.

— Что?—Келешбег вскочил как ужаленный и сел на постели.

— Тсс! Тише! Давай лучше заснем и пока подумаем о том, как бы нам выбраться невредимыми отсюда.

Зураб погасил свечу и завернулся в одеяло.

Наутро, как сказано, гости были приглашены на царскую охоту. Однако Зураб сослался на нездоровье и попросил отложить ее на день-другой. Днем Соломону передали от его имени, что оба абхазских владетеля желают иметь беседу с государем наедине. Соломон тотчас же приказал привести к себе дядю и племянника. Прежде чем Зураб собрался изложить свои соображения, царь завел разговор о нравственном долге человека и прочел абхазам несколько мест из трактата Александра Амилахвари «Мудрец Востока, или рассуждения его об управлении государством».

Поучения Соломона показались Зурабу весьма своеобразными и привели его в замешательство. Правда, он сам был достаточно образованным человеком—собственно поручно переписал немало грузинских книг, знал греческий язык и во время пребывания в Стамбуле ознакомился с сочинениями древних философов. Но сегодня впервые приходилось ему слышать—и притом из уст коронованной особы,— что сановники или правители, не исключая самого царя, существуют для того, чтобы служить стране и народу. Мысль эта и самому Соломону показалась первоначально странной и непривычной. Но вся его деятельность—запрещение торговли людьми, усилия, направленные к объединению государства,— так хорошо согласовалась с нею, что Соломон охотно принял звание народного слуги и любил, чтобы за ним признавали это достоинство.

Зураб очень быстро разобрался в мыслях и настроениях имеретинского царя. Он так искусно, так красноречиво восхвалял государственную деятельность Соломона, восхищаясь его борьбой против Турции и превознося его за воспрещение работорговли, что совершенно очаровал царя. Наконец он осторожно завел речь о том, что осо-

бенно интересовало его: именно, о необходимости подчинить непокорного правителя Мегрелии.

— Хоть бы он не был вашим шурином!—говорил царю Шервашидзе.—Слыханное ли дело,—такое самоуправство! Говорят, объявил себя царем. Когда это было, чтобы Дадияни именовались царями? Мартвильского епископа называют католикосом. Этак и я могу возвести в католикосы митрополита Питцунды! Отправил послов в Россию, дескать, мегрельский царь просит покровительства. Господи, не введи меня в грех! Поверьте, великий государь, покорность и служба вам — давнишняя, желанная наша мечта. Но что делать — между Абхазией и Имерети вклинилось Мегрельское княжество! Вот и сейчас, чтобы добраться до вас, мне пришлось объехать кругом по морю! На что это похоже. Я приехал сделать вам предложение: если будет на то ваша воля, выступим совместно и положим этому конец, сделаем княжество Одиши покорным вашей власти. Я выведу двадцать тысяч воинов, и вы соберете такое же войско. Ударим с двух сторон и сразу решим дело. За эту службу я у вас не прошу ни одной пяди земли сверх того, что Кацья Дадияни и его отец Отия отняли у нашего деда Мурзахана. Все, что по эту сторону Ингури, пусть будет ваше — жалуйте, кому пожелаете. Впрочем, что за вздор я говорю! Всю Абхазию отдаю под вашу державу — не все ли равно, останусь я за Ингури или перенесу границу на эту сторону? Как вам будет угодно, государь, так и поступайте.

— Иначе говоря, если все это высказать прямо, а не обиняками, — ты предлагаешь мне совместно напасть на Одиши, а потом разделить ее между собой! — Соломон устремил прямо в глаза Зурабу Шервашидзе свой острый, пронизывающий взгляд, встал, — при этом оба абхаза так же поспешно вскочили на ноги, — и прошелся по комнате. После недолгого молчания он снова взглянул на Зураба, потом вдруг обратился к Келешбегу и спросил:

— А ты что об этом думаешь, верный рыцарь султана?

Мысли Келешбега были в это мгновение, по-видимому, далеко отсюда. Он даже не слышал хорошенько, о чем шел разговор. Вопрос Соломона застал его врасплох, он замялся в смущении.

— Что я могу сказать, великий государь? Я вполне согласен с моим дядей.

— Значит, по-вашему, я покарал рачинского владельца Ростома только для того, чтобы присвоить его владения, а Даддани и Гуриели призываю к покорности единственно потому, что никак не могу насытить свою алчную утробу и изнываю от желания поглотить заросшие кустарником Джуматские горы да гнилые болота Квалони?..

— Боже милостивый! Зачем вы изволите, государь, так говорить? — Зураб развел руками, засуетился, чтобы заставить царя переменить направление беседы.— Если я по неведению сказал что-нибудь не так, то...

— Нет, нет, я знаю — не ты один так рассуждаешь, мой Зураб! Так думают все. Дворянин полагает, что земледелец создан для него, ему на пользу. Владетельный князь считает дворянина вместе с крестьянином своей собственностью. А царь убежден, что все они — и князь, и дворянин, и крестьянин — рождены богом в пищу ему... Но господь, слава имени его, создал всех людей на свете равными перед собой и возвысил царя, князя и дворянина лишь для того, чтобы они заботились о своих подданных, защищали их и оказывали им покровительство. Ты отвернулся от евангелия, — обратился царь к Келешбегу, но тут же вновь повернулся к старшему Шервашидзе, — но ты, Зураб, не позабыл его и знаешь, что перед неподкупным оком всевышнего все мы в судный день будем стоять рядом: богач и бедняк, царь и раб. И поэтому наш долг — вести дела наши в сем мире согласно с божьей волей. Мы обязаны заботиться о стране, возвысить, возродить христианское наше государство...

— Для этого мы и явились сюда, государь! Прими уверение в нашей преданности и покорности!

Зураб опустился на колени и коснулся лбом ковра.

\* \* \*

Весть о том, что абхазские владетели изъявили верность царю, быстро облетела город. Все от мала до велика радостно поздравляли друг друга, словно в день пасхального праздника. Пирам во дворце, казалось, не будет конца. Один только Гогия Абашидзе ходил насупясь. Во вре-

мя приема князей Шервашидзе во дворце он заметил, что Анна и Келешбег то и дело бросали украдкой взгляды друг на друга. И этот неграмотный начальник царской канцелярии был мгновенно охвачен чувством жгучей ревности. От ярости он чуть не сломал рукоятку своего кинжала.

— Поглядите на этого щеголя! — воскликнул Гогия, указывая каждому встречному на Келешбега. — Чего он нос задирает, скажите на милость? Хвастается, что принял турецкую веру? Ни одной женщины не пропустил — так и пожирает глазами. Как бы я его не отправил прямо хонько на тот свет!

Улучив удобную минуту, он завел перед царем разговор: стоит ли столько нянчиться с этими Шервашидзе и слушать их бесконечные речи — не пора ли расправиться с ними по заслугам и позаботиться по-хозяйски о их владениях?

Но Соломон так грозно сверкнул глазами, что у Гогия душа ушла в пятки. «Никак не пойму этих царей! — говорил он про себя. — Думаешь угодить ему, а он гневается! И что собственно, я сказал такого?» И обескураженный Гогия постарался убраться подальше от Соломона. Весь вечер он ходил насупясь и не знал, на ком сорвать свою досаду.

На следующий день он несколько раз видел Келешбега и Анну вместе: абхазец чинно беседовал с супругой царевича. В этом, конечно, не было ничего предосудительного. Но для такого самовлюбленного и вдобавок обуреваемого ревностью петуха, как Гогия Абашидзе, повод оказался вполне достаточным: он немедленно выразил величайшее возмущение.

— На что это похоже, скажите пожалуйста? Этот вероотступник, этот басурман не то что женщину, даже мужчину осквернит одним своим взглядом, потом святой водой не очистишься! Чего наши женщины с ума посходили? А особенно удивляюсь супруге царевича Давида! Он ей не родственник, даже не старый знакомый — зачем она любезничает с ним, если не таит дурных мыслей?

Разыскав Бесики, он отозвал поэта в сторону и стал допытывать его расспросами:

— Говорят, если кто-нибудь знает всю подноготную

Анны, так это ты. Заклинаю тебя жизнью твоих стариков, скажи правду: не было ли у этой женщины в Картли дурной славы?

— Почему ты об этом заговорил?—изумился Бесики.

— Не видишь разве, как она вешается на шею этому отуреченному Шервашидзе! С ума что ли сошла? Разве можно так себя вести?

Наблюдение Гогии Абашидзе смутило Бесики. Ревность кольнула его в самое сердце. Правда, он был всецело поглощен приготовлениями к путешествию и недосуг ему было следить за любовной игрой Анны и Келешбега; весь этот шум, поднявшийся во дворце из-за приезда абхазов, едва привлек к себе его внимание. Но нашептывания Абашидзе сделали свое дело. Бесики внезапно вспомнил, что должен надолго расстаться с прелестной женщиной, вновь пробудившей в его сердце погасшее было чувство любви.

Да, да, расстаться на целый год или на полтора года, а то и навсегда... Но пока ведь он еще не вышел за дверь, а его возлюбленная уже кружится около Келеш Ахмед-бега Шервашидзе, словно бабочка над пламенем... Сердце у него упало, несколько мгновений он не мог произнести ни слова.

— Что это с тобой, сударь,— так глубоко ушел в свои мысли? В пятый раз спрашиваю и все никак не удостоюсь ответа! Или я что-нибудь обидное сказал?

— Нет, нет, что ты... Меня свои заботы тревожат. Впереди далекий путь...— солгал Бесики и, покинув Абашидзе, спустился в царскую канцелярию, где должен был встретиться с Давидом Квинихидзе, чтобы с его помощью уточнить маршрут своего путешествия. Мысль об Анне не давала ему покоя, сердце его тоскливо сжималось, но он превозмогал себя и в душе решил как можно скорее выехать, чтобы в долгом путешествии рассеять эту внезапно нахлынувшую кручину.

В дверях канцелярии его нагнал Садуна. Он шепнул Бесики на ухо с таинственным видом:

— Один человек поручил мне тайно передать вам, что желает вас видеть.

— Кто же это?

Садуна огляделся по сторонам.

— Он велел ничего не говорить, если вы спросите. Но я отведу вас к нему.

— Ступай и скажи ему: если имеет дело ко мне, пусть сам соизволит прийти! — ответил Бесики с раздражением и толкнул дверь, чтобы войти, но Садуна загородил ему дорогу.

— Дело, сударь, видимо, не шуточное, зачем же вы изволите гневаться? Пожалуйте со мной, это совсем недалеко — в двух шагах отсюда.

— Чего ты пристал ко мне, словно оса, парень? Мне не до тебя сейчас!

— Ах, господин, этот человек обещал подарить мне золотой, если я приведу вас! А золотой я только раз в жизни и видел — в руках у государя. Чуть не ослепил меня его блеск. Видно, что-то очень важное, иначе не посулили бы мне такие деньги. Сделайте милость, пойдите со мной — для вас это небольшой труд, а меня сразу обогатите! Знаю ваше доброе сердце — вы не откажете в таком пустяке... Я-то ведь собираюсь вместе с вами на край света!

— Ладно, пойду. Ступай вперед! — теперь уже Бесики и сам был охвачен любопытством: кто этот таинственный человек и что у него за дело такое, что он не пожалел золотого для посланца?

Садуна повел Бесики в город, и оба вскоре очутились возле цепного моста, в квартале, населенном по преимуществу грузинами-католиками, или «франгами», как их называли местные жители. Пройдя по узкой пыльной улице, они подошли к невзрачной хибарке, приютившейся около католической церкви. Садуна, не спрашивая разрешения, толкнул входную дверь и показал Бесики взглядом, чтобы тот следовал за ним.

В полутемном помещении их встретил какой-то человек с бритым лицом. Он тут же протянул Садуне обещанную награду и сказал:

— Можешь идти, ты больше не нужен.

Садуна вылетел из комнаты, вертя в руках золотую монету: он был настолько поглощен рассматриванием своей добычи, что споткнулся на пороге и чуть не разбил носа о камни.

Хозяин дома обернулся к Бесики и любезно попросил его сесть.

— Я — миссионер Франческо. Вы, наверное, слышали мое имя.

— Франческо? — переспросил Бесики, наморщив лоб. — Что-то не помню.

— Совсем не помните? Странно. Разве царевич Леван вам не говорил?..

— Ах да, как же, — прервал итальянца Бесики, внимательно оглядывая его, — помню.

— Скоро вы забываете взятые на себя поручения, молодой человек! Я только что приехал из Тбилиси. Царевич Леван...

— Как изволит поживать его высочество? — вновь прервал священника Бесики. — Я слышал, что он женился?

— Очень поздно осведомляетесь вы о его высочестве! Он так сердит на вас, что сомневаюсь, сумеете ли вы его умиловить. Царевич соизволил прислать вам через меня это письмо, с тем, чтобы вы, прочитав, вернули его мне.

Бесики дрожащей рукой взял у Франческо письмо, сорвал восковую печать, вскрыл пакет и развернул вчетверо сложенный листок.

«Я, царевич Леван, подарил тебе жизнь, когда ты, обреченный на гибель, готов был уже к самоубийству. Неужели ты забыл, что жизнь твоя принадлежит мне? Прошел уже год с тех пор, как ты бежал отсюда, а от тебя нет ни одного, хоть самого коротенького, письма. Или почетный прием, оказанный тебе при имеретинском дворе, и пожалованная тебе должность статс-секретаря лишили тебя памяти? Не думай, что ты теперь вне пределов досягаемости и что я и мой отец не сможем, если захотим, до тебя добраться. Если ты еще не выбросил полностью из сердца свою прежнюю любовь ко мне, напиши, как Соломон собирается поступить со своим сыном Александром и с непокорными ему князьями. Эх, недаром говорится: с глаз долой — из сердца вон! Эта пословица в точности о тебе. А мы не раз вспоминали тебя и жалели, что ты не с нами и что мы не слышим во дворце твоего пения! Давид и Тамара шлют тебе привет и самые лучшие пожелания. Чабуа всем твердит, что это он вымолил



милость для тебя у государя. Чем ты его околдовал? Только и знает, что тебя хвалит. Помни о нашем предостережении и скорее отпиши подробно обо всем, если не хочешь, чтобы я исполнил свою угрозу».

У Бесики сперло дыхание и помутилось в голове. Он любил Левана до самозабвения и готов был отдать за него жизнь, но на этот раз надменная, высокомерная беззастенчивость картлийского царевича вывела поэта из себя.

Его попрекали даже тем, что он ходил живой по белому свету!

Почему? В чем заключалась его вина перед Ираклием? На Бесики возвели напраслину, без всякой вины заточили его в крепость, собирались предать смертной казни, а теперь требуют от него рабской преданности за то, что не лишили его жизни!

Почему? Зачем? По какому праву?

Поговорить с любым представителем рода Багратиони — каждый из них представляется бескорыстным слугой и заботливым отцом народа и страны... А на деле они готовы пожрать и друг друга, и народ, и государство...

Отдавшись своим мыслям, Бесики довольно долго молчал. Наконец он поднял голову и, даже не взглянув на патера Франческо, пробормотал, как бы обращаясь к пустоте перед собой:

— В свое время я сам сообщу царевичу обо всем, что найду необходимым. Пусть царевич в конце августа пошлет человека в Моздок, а если пожелает приехать сам—еще лучше. Я буду в Моздоке проездом и увижусь с посланным. Если же мы разминемся — не моя будет вина.

Бесики выехал из Кутаиси так, что, кроме царя и его домашних, никто не узнал о его отъезде. Рано утром, еще до зари, он и его спутники сели на лошадей, обвешанных хурджинами, и пустились в путь, направляясь к хребту Накерала. Накануне отъезда Бесики вновь был вызван к царю. Беседа происходила без свидетелей.

По приказу Соломона, Бесики должен был взять с собой не двух спутников, а свиту по крайней мере из десяти человек. По мнению Соломона, при таком дальнем

путешествии и десяти сопровождающих было едва достаточно для охраны посла и для связи. Кроме того, не приличествовало имеретинскому царю посылать доверенного человека с малой свитой — что подумали бы все те правители и князья, через владения которых должен был проехать Бесики? И самое главное, нельзя было ронять свое достоинство в глазах персидского шаха. И наконец Соломон хотел приучить как можно большее число своих подданных к далеким путешествиям.

Бесики пришлось сразу приняться за путевые приготовления. Кроме первоначально избранных спутников, Датуки Гдзелидзе и Садуны, он решил взять с собой трех своих подчиненных — секретарей Леонтия Нижарадзе, Ивана Амиранашвили и Давида Лашхишвили. К ним присоединил он своего личного слугу и повара, мегрела Иванэ. Но сверх этих шести человек не нашлось ни одного желающего. И эти-то были так напуганы предстоящим путешествием, что по целым дням не разжимали рта. Один только Датука Гдзелидзе чувствовал себя превосходно и с улыбкой спрашивал каждого из будущих спутников:

— Что с вами, чего приуныли? А как же мы, нам что прикажешь говорить?

Иван Амиранашвили ходил, вобрав голову в плечи, словно нахохленный, опечаленный петух. Лоб и щеки его, по цвету напоминавшие петуший гребень, были покрыты капельками пота. Леонтий Нижарадзе кружился, как запертая в клетке лисица, то и дело повторяя:

— Для меня и в свое родное Квйтири съездить не простое дело! Куда мне по чужим странам путешествовать?

Давид Лашхишвили угрюмо молчал. Временами он странно взмахивал обеими руками — казалось, какой-то огромный гусь хлопает крыльями — и точно так же похоже на гуся выкрикивал:

— Ах я несчастный! Вах, вах, вах!

Однажды, когда они таким образом выражали свое огорчение, в царскую канцелярию заглянул Садуна. Внимательно оглядев каждого из троих секретарей, он воскликнул с изумлением:

— Матушка родная! Я думал, вы от радости хоровод

завели, а тут, оказывается, плач похоронный! Какие же вы после этого дворяне? Как бы вас кто-нибудь не увидел — осрамитесь на весь свет! Ступайте скорей, уклады-айте в хурджины провизию и вещи, у кого что есть, — завтра на рассвете выезжаем.

— Ступай, ступай себе! Так говоришь, словно на свадьбу меня приглашаешь! — пролаял в ответ Давид Лашхишвили, высоко вздергивая плечи.

— А как же я? Мне-то разве легче? — возразил ему Садуна. Тут взорвался Леонтий Нижарадзе.

— Пошел вон отсюда, ты... — проговорил он почти без гласных звуков, словно язык вдруг отказался ему подчиняться.— Тебе-то что, у тебя ни кола, ни двора, ни жены, ни ребенка! Шляешься тут (он прибавил еще одно грубое словцо) и забот не ведаешь!

Волей или неволей, но все вынуждены были примириться с судьбой и приняться за приготовления. Была извлечена из глубоких сундуков и запихана в хурджины праздничная одежда. Иные налегли на пищевые запасы,— любитель поесть Иван Амиранашвили так туго набил свою сумку провизией, что два человека едва смогли поднять ее на лошадь. Один Леонтий Нижарадзе не тревожился ни о чем. Одежда и для будней и для праздника у него имелась только одна — та, что была на нем. О провизии на дорогу он тоже не стал заботиться. Все свое жалованье он пропивал в кутаисских погребках — ни разу не принес домой ни одного дырявого турецкого гроша и до сих пор сам не мог понять, как его семья ухитрялась не умирать с голоду. Таким образом, из дому ему нечего было взять. Нисколько не печалась, он выпросил у соседа поношенную бурку, аккуратно свернул ее и привязал к седлу.

Перед отъездом Давид Квинихидзе подробно объяснил Бесики, как ехать, где перевалить через Кавказский хребет, и дал ему карту, на которой подробно был обозначен весь маршрут путешествия.

Был ранний час, когда Бесики со своими спутниками пустился в путь. Но земля все еще дышала зноем, августовская ночь не умерила его, и утро не принесло прохлады. До самого Гелати, пока ехали по хорошо знако-

мой дороге, Бесики не мог отогнать тревожные, горькие мысли. Письмо Левана не выходило у него из головы, разлука с Анной печалила и тревожила его — опасный соперник стремился овладеть сердцем молодой женщины. Вначале ничто не могло рассеять его печаль — ни глубокая синева неба, усеянного маленькими пушистыми облаками, ни курчавые, словно обтянутые зеленым каракулем, лесистые холмы, ни шелест изумрудных кукурузных полей. Лишь когда стройные купола гелатских храмов остались позади, Бесики очнулся от своих невеселых мыслей. Вскоре после того, как проехали Гелати, Садуна остановил лошадь и показал рукой на группу крестьян, добывавших поодаль от дороги гишер из глубины земли.

— Вот так достают эти камни из земных недр, — объяснил Садуна. — Теперь эти куски обложат глиной, чтобы они оставались сырыми, и вынут только перед тем, как вытачивать драгоценности. Если гишер высохнет — из него уже ничего не сделаешь: крошится. Но если правильно обрабатывать, получаются чудесные вещицы: камни для перстней, четки, бусы, образки и кресты — чего только не вырезают из гишера! Вот этот хурджин с подарками для шахиншаха, что навьючили на нас в Кутаиси, битком набит такими игрушками. И все они вот этими людьми сделаны. Еще выше, у подножия Накеральского хребта, — мы его скоро проедем, — целые скалы из такого черного камня, но это уже не гишер, тот камень называют каменным углем. Дивны дела твои, господи! С виду настоящий камень, а поднесешь огонь — загорится! Стоит посмотреть, право. Сколько чудес на этом свете, подумать только — камень горит! Только я видал кое-что и получше: вода вытекает из-под земли и тоже, если зажечь, вспыхивает огнем. Это уже подальше, в горах, в Сацеретло. Но вы послушайте, я расскажу вам совсем удивительные вещи! В Кацхи есть одно такое место — из скалы бьет струей ключ. Подставишь корзину, глядишь, а она полна рыбы! Как будете в наших краях, сведу вас туда, поглядите своими глазами. Есть чему подивиться. Вот мы скоро доедем до Накералы и станем подниматься, а наверху течет по лугам река Шаори — боже, какая там красота! Есть одно место — поток течет, бежит и вдруг уходит в землю, теряется! Еще одна такая река осталась

сейчас позади, справа от нас. Называется Дзвери. Да вы, верно, видели ее, когда ехали из Сацетло в Кутаиси. Течет эта река по своему руслу, вдруг упирается в скалу — и нет ее! А перевалишь через гору, спустишься в долину, она снова тут как тут: бьет струей из скал, низвергается гремучим водопадом!

Садуна болтал без умолку. По временам Датука Гдзелидзе, от которого лишь изредка можно было услышать слово, устав от этой трескотни, выговаривал словоохотливому товарищу:

— Хватит тебе, парень, в ушах звенит от твоей болтовни! Что это ты один трещишь всю дорогу? Дай и нам сказать что-нибудь!

— Говори, кто тебе мешает? — набрасывался на него Садуна. — Врагу не пожелаю дожидаться, пока ты подашь голос! Немой ты, что ли? Если бы я хотел наказать человека, запер бы его вместе с тобой: через неделю наложит на себя руки! Право, ты словно старый бык нашего Гуладзе — хоть лупи хворостиной, не заставишь замычать! Вот спросим нашего Бесики — разве не правду я говорю?

— Рассказывай, Садуна, рассказывай, — подбодрил парня Бесики.

— Старайся только не истратить раньше времени весь свой заряд! Путь перед нами далекий, смотри, не хватит тебе историй!

Чем дальше они продвигались, тем легче и спокойнее становилось на душе у Бесики. Новые, незнакомые места, приветливость гостеприимных хозяев, у которых приходилось останавливаться по пути, постепенно развеяли его грусть, отогнали тревожные мысли. Всюду, где они проезжали, местные жители встречали их с почтением. Как только они показывались вдали, разносился слух: «едут царские люди!» Вся деревня высыпала на дорогу, чтобы поглядеть на них. Выходили белобородые старики, пожилые женщины и молодухи, прибежали боногие, чумазые ребяташки. Одни прятались за оградями и плетнями, другие смело останавливались посреди улицы и жадно рассматривали этих знатных незнакомцев в нарядных, ослепительных одеждах. Молодые девушки громко, без стеснения высказывали свое восхище-

ние при виде холеных, красивых мужчин. «Гляди, девушка, — черненький, а глянет, словно огнем зажжет!» «Пела, Пела, видишь вон того курчавого? Не хочешь, чтобы он посадил тебя на седло и увез с собой?» «Поглядите на этого, откормленного, ишь, как на нас пялится! Не дай бог за такого замуж выйти, навалится — будто дерево на тебя упало!»

Особенно сильное впечатление произвела на Бесики чудесная природа горной области Рача — усыпанные пестрыми цветами луга долины Шаори, красочное ущелье Риони... узкий скалистый коридор прохода Хидискари и сторожевые башни на утесах напомнили ему Дарьяльское ущелье, а величественный храм Баракони изумил своей горделивой красотой. Бесики не ожидал, что встретит здесь, в этих диких горах, здание под стать Мцхетскому или Самтависскому собору. Он задержался, чтобы осмотреть опустевший, заброшенный замок Ростомы Эристави. Ему показали, где у этого надменного владетеля паслись олени стада, где он устроил типографию и в какой башне держал под замком наложницу, которую отнял у Иашвили и впоследствии сделал своей женой. Когда разоряли владения Ростомы, воины царя Соломона волочили за ноги эту несчастную женщину — она была тогда беременна и вскоре умерла от преждевременных родов.

В Они, а потом и в местечке Уцера (раскинувшемся на обоих берегах Риони) Бесики показали место, где струя теплого воздуха с одуряющим запахом вырывалась из расщелины с такой силой, что случайно пролетевшая над ним в небе птица замертво падала на землю. На горе, повыше Уцеры, Бесики увидел большую церковь Сиони, под одним из сводов которой, по словам проводников, была подвешена коса царицы Тамар.

За Уцерой пошли сплошные сосновые и еловые леса. При виде дикой, нетронутой красоты этих мест Бесики позабыл все свои прошлые печали и трудности предстоящего пути. А когда перед его взором предстали, словно ожившая легенда, селения Чиора и Геби с их замками-домами, с круглыми и четырехугольными зубчатыми башнями, он пришел в неописуемый восторг.

Для жителей Геби проезд царских людей был при-

вычным делом — им часто приходилось сопровождать ехавших в Россию послов, чтобы провести их в Дигорию через Гебский перевал. Дорога проходила по ущелью реки Чишуры, ответвлявшемуся около Геби от Рионской долины. Сначала тропа змеилась по дремучему бору. В том месте, где минеральный источник Ведзи вырывается мощным фонтаном из-под земли, образуя кипящее озеро величиной с гумно, путь, или, вернее, не путь, а только едва намеченная тропинка входила в узкую заваленную огромными камнями теснину. Отсюда начинался большой ледник Киртишо. Поднявшись на этот ледник, путник достигал перевала, который дигорские жители называли Геби-Вцек. По этой дороге можно было при большой осторожности провести и лошадей, только путник должен был сам идти пешком, а коня своего поручить опытному проводнику. Поэтому Бесики и его спутники остановились у ключа, сошли с коней, сняли свои узкие мягкие сапоги, надели набитую сухой травой охотничью обувь «бандули» и принялись медленно, размеренным шагом подниматься в гору. Лошадей вели под уздцы взятые в деревне погонщики — чалвадары.

Садуна шел непосредственно вслед за Бесики и время от времени все еще умудрялся весело болтать. Однако чем выше в гору поднимались путники, тем реже он заговаривал. Когда же подъем кончился и Садуна увидел себя на перевале, он испуганно перекрестился и чуть слышно пробормотал:

— Люди добрые, да что же это такое!

— Что, не видал никогда ледника? — спросил его Бесики.

— Господи помилуй! Кто навалил такую громаду! Попробуй рассказать, что видел среди жаркого лета столько снега и льда, — никто не поверит!

Наткнувшись на расщелину и заглянув в нее, он отскочил назад в ужасе:

— Смотрите, смотрите — ледяная бездна! Не дай бог туда провалиться — конец, ничего не поможет! Господи, не гневайся, но если ты пребываешь на таких высотах, дай мне понять, как ты можешь выдержать в этой ледяной пустыне!

Целый день шли они по леднику, усеянному камени-

ми обломками скал. Огромная обледенелая река залегла, словно дракон, между гор и, казалось, хотела когтистыми лапами расцарапать их угрюмое, скалистое чело. А под ногами, далеко внизу, простиралось необъятное море белых облаков, из которого острыми клыками высовывались кое-где горные вершины. Солнце еще не успело сесть, но на востоке уже спокойно сиял на небосводе косою серп луны. Очарованный этой дикой, величественной картиной, Бесики невольно замедлил шаг и, дойдя до открытого места, присел на камень. Необычайная тишина царила вокруг. Резкий холод леденил руки, покалывал щеки. Но Бесики медлил, не в силах оторвать взгляд от величественного зрелища. Спутники его ушли вперед и звали изда-лека, торопили его, чтобы вовремя миновать перевал и к ночи добраться до какого-нибудь удобного ночлега. Бесики наконец вынужден был покинуть понравившееся ему место и пуститься вдогонку спутникам, ускорив шаг, хотя продвигаться по усеянному острыми камнями ледяному покрову было не так-то легко.

Наконец путники миновали перевал, спустились вдоль северного языка ледника и разыскали среди скал укромное место для привала. Проводники нарубили кустов рододендрона на ближних склонах и с большим трудом разожгли костер. Взъерошенный, как сердитая наседка, Садуна лез прямо в огонь и то и дело спрашивал Бесики:

— Далеко еще до того места, куда мы направляемся?

Леонтий Нижарадзе весело щурил глаза и насмешливо поглядывал на Садуну. Сам он, несмотря на значительную усталость, держался молодцом.

— Ну что, тятко пришлось?—поддразнивал он парня. — Это все еще пустяки, посмотрим, что ты дальше запоешь! Вот уж посмеюсь, отведу душу!

— Совсем расслаб, несчастный, руки и ноги не слушаются, — добавил своим странным, похожим на ослиный рев, голосом Давид Лашхишвили и от души рассмеялся. Смех этот состоял из таких невероятных звуков, что обычная азбука бессильна их воспроизвести.

— Я сейчас ослабел, а ты всегда расслабленный ходишь! — огрызнулся Садуна. — А смеешься так, что любо послушать.

— Что, не нравится?



— Говорят, турецкий султан решил обучить всех жен в своем гареме смеху на манер Давида Лашхишвили и послал к нам человека, чтобы перенять образец... Оставь меня в покое, дяденька, советую тебе! Меня не то что ты, сам дворцовый шут не переспорит!

Долго еще продолжалась эта шутливая перебранка, но наконец усталость взяла свое и путники, завернувшись в бурки, улеглись вокруг костра. Не спали только лошади, с хрустом жевавшие траву, набранную поблизости для них проводниками.

\* \* \*

Проснувшись поутру, Бесики и его спутники увидели, что облака, поднявшиеся снизу, из ущелий, вплотную подобралась к их лагерю. Необозримая волокнистая пелена, раскинувшаяся у них под ногами, сияла ослепительной белизной в ярких солнечных лучах.

Проводники оседлали и навьючили лошадей:

Садуна разворошил потухший костер, раскопал в золе тлеющие угли и стал греть руки.

Они уже собирались тронуться в путь, но вдруг с перевала донесся человеческий голос. Кто-то, встав на гребне горы, во всю силу своих легких кричал путникам: «Постойте! Подождите!»

Все в изумлении остановились и устремили взгляд в сторону перевала. Незнакомец, убедившись, что путники слышали его зов, пустился бегом вниз по спуску и вскоре остановился перед Бесики. С лица у него стекал пот, он тяжело дышал.

— В чем дело? — спросил Бесики незнакомца. — Что случилось? Кто ты такой?

— Я, господин, сотский. Царские ясаулы вслед за вами едут. Они послали меня вперед и велели передать, чтобы вы их подождали.

— Далеко они отсюда?

— Да нет, недалеко. Должно быть, уже поднялись на ледник Киртишо.

— Чего им нужно — не говорили?

— Не могу сказать, господин. Посланы, говорят, за вами вдогонку по царскому повелению — выехали дня че-

рез два или три после вас и скакали день и ночь. Приказано им было догнать вас до границы Дигории, а если не нагонят, — возвратиться. Вчера они собирались уже повернуть, но стражники не отступились от них, пока не уговорили ехать до самого перевала.

— Матушка моя! Кого-то собираются схватить! — прерывая посланного, воскликнул опытный в этих делах Леонтий Нижарадзе и в тревоге стал что есть силы крутить усы. Потом окинул взглядом всех своих спутников, словно стараясь угадать, кого из них ищут ясаулы, и спросил сотского:

— Скажи уж сразу, кто им нужен, чтобы нам всем не томиться!

— Не могу сказать, господин! Я ничего не знаю! Может, никого и не собираются брать под стражу.

— Любопытно, за кем они гонятся! — пробормотал как бы про себя Леонтий и снова обвел товарищей испуганным взглядом.

— Пусть тревожится тот, кто знает за собой какую-нибудь вину, — беспечно проговорил Садуна, бросая на Леонтия насмешливый взгляд. — Что с тобой? На тебе лица нет. Уж не ты ли...

— Я тебе покажу, как скоморошничать! — Леонтий Нижарадзе схватился за кинжал и двинулся к Садуне.

Испуганный Садуна спрятался за спиной Бесики.

— Ладно, хватит! — спокойно сказал Бесики обом. — Может быть, ясаулы совсем не затем посланы! Чего вы перепугались?

— Нет, сударь! — покачал головой Иван Амиранашвили. — Раз стражники так усердно преследуют нас, значит, кого-то хотят схватить...

— Почему ты так думаешь?

— Все, что найдется у арестованного, — оружие, деньги, даже одежда, — по закону переходит в собственность стражников. Вот почему они, словно гончие собаки, сломя голову мчатся по следу своей жертвы. Это ведь такие кровопийцы — не то что из-за оружия, а из-за одного медного абаза родного отца не посовестятся зарезать.

— Может быть, нас всех возьмут под стражу? — невесело усмехнулся Бесики.

— Нет, сударь, в этом случае они не выслали бы вперед человека, чтобы нас предупредить.

Бесики пришлось покориться обстоятельствам и подождать. Он нетерпеливо поглядывал на перевал. Все молчали; по-видимому, каждый в душе испытывал страх. Леонтий Нижарадзе беспokoйно кружил по поляне, приглядываясь к окрестностям, — казалось, он выбирает наиболее удобный путь, чтобы спастись бегством в случае необходимости. Иван Амиранашвили поминутно почесывал всей пятерней свою волосатую грудь и всматривался заплывшими кровью глазами в далекий перевал. Давид Лашхишвили, нахохлясь, как курица, разглядывал огромный камень с таким вниманием, как будто рассчитывал найти под ним зерно и прикидывал в уме, как бы этот камень опрокинуть. Датука Гдзелидзе время от времени осенял себя крестным знаменем и шумно вздыхал, причем сквозь эти вздохи привычное ухо ясно могло слышать слова: «Господи, спаси и помилуй!»

Внезапно сотский воскликнул:

— Идут!

Все вздрогнули при этом возгласе и стали еще внимательнее всматриваться в скалы, высившиеся над ледником. Наконец путники различили вдалеке движущиеся по льду черные точки. Казалось, кучка муравьев очень медленно ползет по направлению к ним. Однако впечатление это было обманчиво: стражники подвигались довольно быстро и минут через пятнадцать очутились около лагеря. Впереди шел Куцуца Абашидзе. Он уже издали приветствовал Бесики и отрывисто, с трудом переводя дух от усталости, прокричал:

— Наконец-то мы вас догнали! Ну и забрались — под самое небо!

— Это кто такой? — весело вскричал Садуна и направился навстречу прибывшим. Но прежде чем он успел ступить несколько шагов, Куцуца сделал глазами знак стражникам, и те мгновенно окружили беспечного слугу.

— Че... Чего вам нужно от меня? — заикаясь, с трудом пробормotal внезапно побледневший Садуна и потянулся к Бесики, как бы ища у него защиты; но стражники с быстротой молнии схватили его, сорвали с него ору-

жие, стащили с плеч черкеску и при этом в свалке изорвали в клочья архалук.

Возмущенный Бесики схватился за саблю и кинулся к стражникам, но Куцуца Абашидзе встал перед ним и протянул ему пакет с сургучной печатью.

— Государь приказал передать вам вот это!

Этот простой жест и вид царского письма смутили Бесики. Он выпустил саблю и остановился, молча переводя взгляд с пакета на лицо Куцуцы и обратно. Потом взял письмо, поднес его к губам и ко лбу и лишь после этого медленно сломал печать.

«Нашему прославленному послу Бесариону Габаони царь имеретинский Соломон посылает привет. Повелеваю вам отдать вашего слугу Садуну в руки вручителей сего, наших ясаулов, а если будете испытывать недостаток в слугах, взять с собой посланного нами Куцуцу Абашидзе, если же не пожелаете сего, отправить его обратно. Возношу молитвы к всевышнему, дабы путешествие ваше во владения шахиншаха было счастливым и вы возвратились с миром и удачей. Еще повелеваю вам хорошенько разузнать в Моздоке, не находится ли в Петербурге и не проехал ли туда кто-либо из людей Ираклия, и кто именно. А также не было ли в Моздоке проездом послов от Дадяни или от Шервашидзе. Если что-либо узнаешь, немедленно сообщи нам».

Бесики окончил чтение, еще раз поднес письмо к губам и сказал Куцуце:

— Передай его величеству, что я исполню его приказание и опишу обо всем подробно.— Бесики обернулся к долговязому, сухому, как жердь, ясаулу и бросил повелительным тоном:

— Сейчас же пустите арестованного — он никуда не убежит! Что вы навалились на него вдесятером!

— Я исполняю царский приказ, а ты в мое дело не суйся, не твоя это печаль! — грубо ответил ему ясаул, но не успел он договорить, как Бесики одним прыжком очутился возле него и хлестнул прищельца нагайкой по лицу с такой силой, что тот повалился на колени как подкошенный. Разъяренный Бесики повернулся к стражникам и так гаркнул на них, что они в испуге выпустили Садуну из рук и остановились в растерянности. Не зная,

как действовать дальше, они уставились на ясаула, который все еще стоял на коленях и изо всех сил тер пере-сеченную красной полосой щеку.

— Кто вы — царские слуги или грабители? — гремел между тем Бесики.— Бросьте сейчас же все, что вы на-хватали!

Стражники с давних пор были привычны заниматься грабежом при исполнении полученных заданий, и по установившемуся порядку награбленное составляло их законную собственность. Этот отвратительный обычай появился в те времена, когда турецкие захватчики завели в покоренных ими странах торговлю людьми и принялись тысячами увозить из Грузии пленных юношей и девушек.

Владетели и помещики хватали зачастую целые семьи своих крепостных или неугодных им подданных, а при случае и враждующих с ними соседей, и продавали турецким работорговцам. Мужчины становились невольниками, женщины попадали в гаремы. Дружинники, посылаемые помещиками, чтобы взять этих несчастных, знали, что получают в награду все имущество пленников. Схватив иного горького бедняка крестьянина, они, чтобы хоть чем-нибудь поживиться, раздевали его догола и так, в чем мать родила, тащили к князю. Не раз жители грузинских сел или городов видели, как княжеские дружинники тащили по улицам совершенно голых, связанных по рукам и ногам волосатых мужиков. Женщины обладали тем счастливым преимуществом, что могли хоть частично прикрыть свою наготу распущенными волосами и, так как их редко связывали, заслонять лицо руками, спасаясь от стыда...

Правда, Соломон воспретил работорговлю и виновных в нарушении этого запрета немедленно предавал смертной казни... Однако ограбление взятого под стражу человека осталось в обычае, и об искоренении этого обычая донныне почему-то мало заботились. Однажды обнаглевшие стражники раздели даже никорцминдского епископа и так, голым, представили его царскому судилищу. Люди насмеялись над длиннородым старцем, прикрывавшим руками срамные части, и кричали ему: «Как же ты возьмешь теперь в эти самые руки чашу со святым причастием?» История эта дошла до ушей Соломона, и царь

решил уничтожить позорный порядок. Но это оказалось далеко не так просто. Стражники стали уклоняться от трудных или опасных дел. Поэтому Соломон махнул рукой на своих чиновников и стал смотреть сквозь пальцы на это явное беззаконие. Но Бесики, привыкшему при дворе Ираклия к иным порядкам, поведение стражников показалось настолько возмутительным, что он не мог удержаться и в ярости напустился на них.

Столкновение это могло легко окончиться кровопролитием, потому что отогнать или напугать стражников, натасканных, как злые пастушеские овчарки, было не просто. Но удар плетью по лицу внезапно отрезвил царского посланца. Смелый натиск Бесики произвел такое сильное впечатление на ясаула, что он смиренно попросил прощения у этого знатного сановника и накричал на своих людей:

— Когда я научу вас соблюдать закон и порядок, вы, собаки! Даже к высокому сану не знаете уважения! Пожалуй, при самом царе будете себя так безобразно вести! Взбесились вы, что ли? Всю одежду оборвали на человеке! Куда он от вас убежит?

Куцуца в свою очередь прикрикнул на стражников, и они вынуждены были попросить прощения у Бесики.

Садуне швырнули под ноги его черкеску, но бедняга был так ошеломлен, что и не подумал ее надеть. Он только переводил испуганные, расширенные глаза с Куцуцы на ясаула и с ясаула на Куцуцу и бессмысленно, словно внезапно помутившись в уме, повторял одни и те же слова:

— Что это такое? Что со мной стряслось, ребята, а? Что это такое? Что со мной стряслось, ребята, а? Что это...

Бесики отказался взять с собой в путешествие Куцуцу; он попытался подбодрить Садуну: «Ничего, не бойся, все обойдется хорошо!» — и приказал своим спутникам продолжать путь. Спускаясь по склону, они обнаружили, что исчез слуга — мегрел Иванэ. Начались взаимные расспросы и поиски. Наконец слабый голос Иванэ отозвался на зов. Оказалось, что перепуганный слуга спрятался среди камней и теперь никак не мог оттуда вылезти. Его вытащили и подвели к Бесики.

— Ты-то чего испугался? — спросил его изумленный

поэт.— И когда ты успел ускользнуть так, что мы не заметили?

— Эх, господин... Я ведь бежал из Мегрелии, скрылся от князя... В наше время всего можно бояться, я и подумал, что пришли за мной...

— Дурачина! Неужели из-за тебя послали бы людей за девять гор, под самые облака? — улыбнулся Бесики.

— Не говорите так, сударь,— вмешался в разговор Леонтий.— Не только Иванэ, я и сам подумывал, как спастись, в какую сторону бежать!

— А ты почему?

— Как знать... Разве угадаешь, что тебя ждет в этой превратной жизни? Грех радоваться чужой беде, а вот я, когда схватили этого несчастного, чуть не подпрыгнул от радости, поняв, что не за мной охотились стражники... Видит бог, никакой вины я за собой не ведаю, но, когда служишь при дворе, всего можно ожидать. Я и подумал — не гnevаются ли на меня из-за моего родственника Мераба Нижарадзе? Да и не я один перепугался — ни на ком из нас лица не было! Разве поймешь, где наткнешься на беду? Идешь, идешь, и вдруг запутаешься, как в зарослях колючек, ноги не вытащишь! Раз тебя схватили — потом, будь ты чист как ангел, придумают тебе вину! Эх, пойдём-ка, сударь, вперед, своей дорогой! А все же любопытно знать, в чем провинился этот бедняга?

После ареста Садуны тревожные мысли нахлынули на Бесики с новой силой, хотя он и постарался скрыть свою тревогу. Внезапное подозрение шипом кольнуло его в сердце: ведь это Садуна свел его недавно с патером Франческо! Ясно, что парень замешан в каких-то темных интригах и его ждет печальная участь. Царские чиновники учинят розыск, подвергнут его пытке и заставят выложить все начистоту. Возможно, что потом схватят и самого патера Франческо. И хотя патер сжег письмо Левана на глазах у Бесики, если дело дойдет до пытки, он тоже не будет молчать!

Облачное море поднималось все выше и выше, загромождая одну за другой горные вершины. Бесики и его спутники стали быстро спускаться в долину и вскоре исчезли среди тумана.

Между тем ограбленный, оборванный Садуна, всматриваясь в молочные струи тумана, клубившегося у него под ногами, в душе проклинал судьбу, столь неожиданно оторвавшую его от товарищей по путешествию, и все время бессмысленно повторял:— Что это такое, а? Что со мной стряслось? Что это, а? Хотел бы я знать...

Разъяренный ясаул, убедившись, что Бесики уже далеко, наградил Садуна несколькими крепкими пинками и погнал его впереди себя.

— По твоей милости пришлось мне отведать плетки! Ступай, ступай, скоро узнаешь, что с тобой стряслось!

\* \* \*

Порвав со своим отцом, непокорный царевич Александр скоро попал в весьма затруднительное положение. Свиту из трехсот человек нужно было как-то содержать. Вначале царевич надеялся, что Ираклий отнесется к нему с особым вниманием и окажет всяческую помощь и покровительство, но надежды его не оправдались. Правда, Ираклий оказал почетный прием имеретинскому царевичу. Однако обострение отношений с Соломоном не входило в настоящее время в его расчеты, и поэтому Ираклий не определил к себе на службу ни самого Александра, ни кого-либо из его свиты. Напротив того, он посоветовал царевичу примириться с отцом и вызвался быть между ними посредником. С этой целью он послал в Имерети своему зятю Арчилу письмо, в котором поручал ему любой ценой помирить отца с сыном.

Переговоры затянулись. Между тем Александр израсходовал все, что у него было, и если бы не помощь со стороны сыновей Ираклия, люди его померли бы с голоду. Имеретины испытывали жестокую нужду, так как съестных припасов и убойны, присылаемых картлийскими царевичами время от времени, да и то в дар, не хватало на всех. Беда еще была в том, что Александру пришлось поселиться в Тбилиси в палатах своего дяди Арчила и провести знойное лето и осень в городе. Между тем в летние месяцы Тбилиси был почти пуст — все, кто мог, спасаясь от зноя, покидали город, где оставалось одно простонародье.



На исходе осени ночи в Тбилиси стали уже такими холодными, что пришлось доставать теплые стеганые одеяла. Князья и богатые купцы съезжались в город со всех концов Грузии и привозили самые разнообразные новости. Тбилиси оживился, наполнился суетой; взаимным посещениям не было конца. Большинство приехавших спешило явиться во дворец, гудевший с утра до вечера, как пчелиный улей.

Слухов было много, имелись и весьма важные новости.

Среди недовольных Ираклием картлийских князей замечалось какое-то необычное оживление. Пронесся слух, будто вскоре царевич Александр Бакарович, получив войска от Фатали-хана, вторгнется в Грузию и заставит Ираклия искать спасения за рубежом. К этому присовокупилось известие о поездке Бесики в Персию, переданное царю патером Франческо через армянского купца Гарегина. Ираклий был чрезвычайно встревожен этими новостями. Посольство Бесики могло быть объяснено двояким образом: Соломон или собирался войти в тайное соглашение с персидским шахом, или хотел установить связь с Александром Бакаровичем, а может быть, даже вызвать его к себе в Имерети. Поскольку Ираклий принял и поселил у себя в Тбилиси непокорного имеретинского наследника, Соломон, бесспорно, имел полное основание подозревать картлийского царя в коварных замыслах. Действительно, Ираклий мог в любую минуту, как только это представилось бы ему необходимым, воодушевить царевича Александра Соломоновича на борьбу за имеретинский престол.

Возможно, что Ираклий и в самом деле вынашивал в сердце такие планы, но в настоящее время ему выгоднее было не обострять отношений с имеретинским царем. С востока приходили дурные вести: Ганджийский хан отложился от Ираклия и отказался выплачивать ему обычную дань; Эриванский хан прислал письмо, из которого явствовало, что и он собирается в ближайшее время отложиться. А кубинский владетель Фатали-хан даже обратился ко всем соседним правителям с призывом поднять меч против Ираклия и положить конец владычеству «этого гяура».

Все эти события вынуждали Ираклия стремиться к скорейшему упорядочению отношений с имеретинским царем. Он должен был обезопасить свой тыл с запада. Поэтому Ираклий призвал к себе царевича Александра и решительно потребовал от него немедленного примирения с отцом, пригрозив, что в противном случае отошлет его в Имерети под стражей.

Александр вернулся домой, помертвевший от горя, и тут же подробно передал приближенным содержание своего разговора с царем. Весь дом гудел от плача и причитаний. Особенно подавлены были Давид Абашидзе и Мераб Нижарадзе, которых известие это поразило словно громом. Оба они, не ожидая ничего хорошего от имеретинского царя, дрожали при одной мысли о возвращении в Западную Грузию.

— Боже, боже, что я слышал! — восклицал Мераб Нижарадзе, хватаясь за голову и бегая взад и вперед по комнате. — Оплакивайте меня, устройте уж сразу поминки по мне..

— Пойдем к Ираклию, взмолимся, пусть сам нас покарает, только пусть не предаст нас в руки Соломону, — пробормотал Давид Абашидзе. — Чем мы провинились, почему он посылает нас на гибель? Имеретинский царь укрыл у себя всех опальных картлийских князей и дворян, а этот благословенный Ираклий, кажется, карает нас за их провинности!

— О себе я не забочусь, участь царевича меня тревожит! — качая головой, говорил Мераб Нижарадзе. — Как бы над ним ничего худого не учинили, а со мной будь что будет! Да и чего мне бояться — только и есть у меня, что эта несчастная голова.. Больше мне нечего терять!

— Так не годится, надо что-то предпринять, — выдал наконец с трудом из себя Тамаз Месхи, который сидел до сих пор не разжимая рта и только ворочал глазами, словно ими только и мог разговаривать.

— Что ты посоветуешь? — спросил Мераб.

— Пусть царевич явится к отцу с повинной, а мы поедем в Ахалдixe к паше.

— Ну что ты, что ты! — замахал на него руками Давид Абашидзе: — Будем спасать себя, а царевича —

прямо в пасть льву? Напротив, надо предстать перед Соломоном всем и сообща взять на себя всю вину. Наказания нам не миновать, но если мы разбежимся в разные стороны, будет гораздо хуже. Самое лучшее явиться без страха с повинной. Скажем государю: «Царевич женился без вашего разрешения, испугался вашего гнева и бежал, а мы не решились отпустить его одного и уехали с ним; умоляем вас, простите царевича и накажите нас одних». Поверьте, так будет гораздо лучше,— хитро прищурился Давид и добавил:— Неужели не понимаете? Увидев нас перед собой, лицом к лицу, он ничего не решится с нами сделать, а вот если мы спрячемся, тогда сотрет нас с лица земли, уничтожит с корнем...

— Сказать легко, попробуй сделать,— горько вздохнул Мераб.— Не приведи бог взглянуть сейчас в глаза Соломону! При одной мысли дрожь пробирает, что же со мной станется, как до дела дойдет?

— «Страх от смерти не защита, что печалиться заранее?» Пойдем, посоветуемся с царевичем.

В соседней комнате царевич успокаивал свою горько всхлипывавшую юную жену. Служанки, толпой окружавшие ее, наперебой утешали молоденькую женщину, но своим нытьем только еще больше расстраивали ее. Впрочем, в глубине души служанки радовались предстоящему возвращению домой: жизнь в чужом городе, в постоянной нужде, давно уже надоела им. Только одна старая няня валялась в ногах у царевича, в горе царапала себе лицо и умоляла его:

— Не возвращайся к отцу, сын мой, не губи моего ангела и себя пожалей!

Вошли приближенные царевича. Мераб Нижарадзе окинул быстрым взглядом находившихся в комнате служанок и прикрикнул на них:

— Ну-ка, убирайтесь отсюда! У нас дело к царевичу. Кабы плачем да причитаниями можно было помочь беде! В этом уж мы с вами не сумели бы тягаться!

Женщины покинули помещение. Осталась только супруга царевича, все еще плакавшая навзрыд.

— Что вы решили, ваше высочество? — спросил Александра Давид Абашидзе.

— Как вы советуете?

— Что же нам сказать — выхода никакого не видно! Можно было бы всем попросить пристанища у Ахалцихского паши, но это значит открыто объявить себя врагами государя, вашего отца, а мы этого не желаем. Ни один из нас не питает в сердце своем вражды к царю Соломону. Я хотел бы только раздавить одну змею, отгретую им на своей груди, а самому государю я предан всей душой. Ради него я готов хоть сейчас своей рукой зарезать всех троих моих детей. С божьей помощью, если только бог не отвернется от нас, все обойдется благополучно, нам нечего бояться. Не станет государь губить своего единственного сына и наследника. Я возьму всю вину на себя.

И Давид взглянул прямо в глаза царевичу. Растроганный Александр со слезами на глазах обнял придворного.

— А с женой моей что я стану делать?

— И это не беда! По дороге мы проедем через владения ее отца и оставим княгиню там. Потом явемся к государю, будем молить его о милости. Может быть, он смягчится и позволит представить ко двору вашу супругу. При виде ее красоты, я думаю, смилостивится даже каменное сердце!

Царевич все еще колебался. Он взглянул на Мераба Нижарадзе. Мераб молчал, погружившись в свои мысли, и только мотал головой, словно чему-то удивляясь.

— А ты что скажешь, Мераб?

— Я?— вздрогнул Нижарадзе.— Что ж, поедем, ваше высочество, поедем домой. Если мы не покинуты богом, то останемся невредимы, а если бог от нас отвернулся, все равно нам не спастись, даже если убежим за тридцать земель. Ох, и обрадуется же Бери Цулукидзе, когда узнает о нашем возвращении! Скажет: «Наконец-то они все вместе попали ко мне в руки!» Поедем! Протяну ли я здесь ноги с голодухи или там, в Кутаиси, сложу голову на плахе по приказу вашего отца — все одно! Лишь бы вы, царевич, были благополучны!

— Ну, а ты как думаешь, Тамаз?

Тамаз Месхи сидел некоторое время молча, не шевелясь. Потом поднял взгляд на царевича и пожал плеча-

ми, как бы говоря без слов: «Больше нам ничего не остается!»

На этом совещание окончилось, и немедленно приступили к дорожным приготовлениям. Слуги, телохранители, сокольничие и стрелки чуть не плясали от радости. Тотчас же пригнали полтора десятка лошадей, еще оставшихся у царевича, большую часть навьючили домашним скарбом, остальных оставили под седло — для царевича с супругой и для трех князей.

На следующее утро царевич со всеми своими людьми выступил из Тбилиси. Провожать его явились только царевич Леван и Давид Орбелиани. Леван вручил Александру от имени Ираклия два письма — одно для Соломона, другое для Арчила — и посоветовал явиться к отцу не иначе, как в сопровождении дяди. Кроме того, Леван привел с собой конный отряд в двести человек, который должен был по приказу Ираклия проводить царевича от городских ворот до границы имеретинского царства.

Александр простился с Леваном и приказал своим спутникам трогаться. Всадники Левана окружили путников. Горожане изумленно спрашивали друг друга, что случилось, не ведут ли арестанта? Свита имеретинского царевича в самом деле походила на толпу пленников. Босые, одетые в лохмотья женщины, взвалив на спину кто тяжелый узел, кто старый хурджин, тащились по пыльной дороге. Мужчины шагали, подоткнув полы чохи и засучив рваные шаровары до колен. Одни несли на плече длинные тяжелые ружья, другие, не имевшие ружей, заменили их дубинками. Тяжело нагруженные лошади были едва видны под огромными вьюками. Казалось, несчастных животных каким-то непонятным способом заставили втиснуться под огромные горы из матрасов и одеял, и они, с трудом приподняв этот груз, кое-как волюют его. На вершине одного из таких вьюков восседала старая няня.

Самыми оживленными были в это утро собаки — весело и беспечно, свесив языки, бежали они по дороге, по видимому, уверенные, что их ведут на охоту. Не обращая внимания на окрики псарей, они оглашали окрестности радостным лаем.

— Клянусь богом, эти собаки гораздо счастливее нас с тобой, — со вздохом сказал Тамазу Месхи Мераб Ни-жарадзе. — Почему всемогущий господь не создал меня собакой? Кормили бы меня, поили, водили бы на охоту, и жил бы я себе припеваючи. А провинился в чем-нибудь — пнули бы раза два хорошенько ногой, и дело с концом: вот тебе и все несчастья. А теперь я человеком называюсь, еду к себе домой, должен бы радоваться, а у меня душа уходит в пятки. Хоть бы я знал, что со мной сделают! Как бы не пришлось, словно быку на бойне, положить голову на плаху! Подумать только — человек, венец творения, созданный богом по своему образу и подобию, должен завидовать собакам!

Тамаз Месхи кинул на Мераба взгляд из-под сдвинутых бровей и пробормотал вполголоса:

— Говорил я вам — едем в Ахалцихе. Не захотели — теперь пеняйте на себя.

\* \* \*

Папуна Церетели с самого утра не знал покоя. Одного за другим высылал он людей на дорогу посмотреть, не едет ли царь. Была последняя скромная неделя, с понедельника начинался рождественский пост, и свадьбу уже больше нельзя было откладывать. Сахлт-ухуцеси собирался венчаться с сестрой царевича Давида, Кетеван, и все залы и палаты его дворца, весь двор и даже соседские дома были битком набиты съехавшимися гостями. Готовилась необычайно пышная свадьба: такой еще не видали в Саццеретло. Не только обычную убоину — коров и баранов, рачинских телят и ягнят из Саванэ — запасали к свадебному столу: кухня была полна самой разнообразной дичи — оленей, кабанов, туров, лесных индеек и всякой другой битой птицы.

По расчету Папуны, царь должен был прибыть в субботу, но его не было и на следующее утро. Перевалило уж за полдень, а он не присылал о себе никаких вестей. Больше ждать было невозможно. Папуна согласился послать дружек, чтобы они сопровождали невесту до церкви, затем приготовился сам, и как только во дворе послышались топот их лошадей и пистолетные выстрелы,

направился к храму, где должно было происходить венчание.

Во дворе храма и на окрестных полях роилась многочисленная пестрая и шумная толпа. Все с нетерпением ожидали появления свадебного поезда. Накануне распространился слух, что на свадьбу приедет сам царь Соломон, и вся округа, кроме тех, кто не мог стоять на ногах, сбежалась к храму. Не считая двух или трех крестьян, которым случалось в походах издали видеть Соломона, никто из собравшихся здесь не знал в лицо царя. Крестьяне стояли небольшими группами и весело разговаривали. Особенно многочисленной была одна группа, собравшаяся вокруг крестьянина с длинной, как у попа, козлиной бородой. Крестьянин этот, по имени Наримана Гудадзе, рассказывал что-то такое, от чего слушатели покатывались со смеху. К этому кружку подходили все новые люди. Они старались протиснуться в передние ряды и с интересом расспрашивали соседей:

— Что, что он сказал? А? Что сказал Наримана?

— Ах, чтоб ему пусто было! Чего только не придумает этот бедовый человек!

— Не могу больше, уморил!

— И как только он ухитряется сочинять все эти истории? — слышалось со всех сторон в то время, как то один, то другой из слушателей заливался смехом.

Между тем Наримана не говорил ничего особенно смешного. Он рассказывал самые обыкновенные истории, но так искусно подчеркивал в них смешные стороны, придавал такой неожиданный поворот рассказу, что неизменно вызывал смех, даже если речь шла о похоронах и покойниках. Сейчас он рассказывал одну историю такого рода:

— Пошли мы на погребение, — продолжал Наримана свое повествование. — Вижу, идет наш Силион. Ого, говорю про себя, погляжу, как он станет плакать, покойник-то ведь столетний старик, давно выжил из ума, а этот чудака даже над гробом родного отца слезинки не выронил. Вошли мы в комнату, а он хватя себя по лбу и ревет: «Горе мне, горе, до чего пришлось дожить», — и слезы катятся из глаз, катятся, да как — хоть бы в нашем роднике было столько воды. Плачет, плачет, никак не

может слезы удержать. Ну ладно. Вынесли покойника, похоронили. Сели мы за поминальный стол, а этот несчастный все плачет, слезы текут, и не видно им конца. «Помоги мне, говорит, Наримана. Когда я, говорит, выходил из дому, жена положила мне в карман головку лука, натри, дескать, себе глаза, безбожник, хоть из вежливости прослезись около гроба, а то осрамишься, что люди скажут! Натер я себе веки и — видишь — весь изошел слезами, не знаю, как их унять!» «Где ты, говорю, достал такой злой лук, как у нас говорится, посаженный бабой без исподних?» «Дурья ты голова, отвечает, когда это было, чтобы жены Церетели и Абашидзе возились на огороде? В том-то и дело, что его моя жена сажала!..»

Другая группа собралась вокруг сумасшедшей женщины по имени Васаси. Она сидела на куче сухих листьев, перебирала по одному желтые мертвые листья и совала их себе за пазуху, бессмысленно бормоча при этом. Никто не знал, откуда появилась эта Васаси, чья она дочь и где проводит ночи. Зимой и летом бродила она по деревням, выпрашивая себе хлеб или иную еду. Это была тихая помешанная, притом такая наблюдательная, что от ее взгляда ничего не могло укрыться.

— Что это ты суешь себе за пазуху, Васаси? — спросил ее кто-то.

— Не твое дело! — ответила поглощенная своим занятием безумная женщина.

— Верно, думает, несчастная, что это сладкие лепешки! — проговорил какой-то оборванный парень, стоявший рядом и глядевший с разинутым ртом на эту сосредоточенную и бессмысленную работу.

Но вот народ заволновался, вдали показались скачущие всадники — свадебный поезд приближался. Послышалась громкая, торжественная свадебная «макрули». Крестьяне, с любопытством разглядывая поезжан, спрашивали друг друга, кто из них царь Соломон? Но при виде всего этого множества блестящих всадников у людей разбежались глаза. Дружки и гости спешили перед церковными воротами и привязали коней к остроконечным кольям ограды. Скоро на всем протяжении забора не осталось ни одной свободной пяди земли, чтобы втиснуть в этот тесный ряд еще одну лошадь. Здесь



можно было увидеть коней любой породы и масти. Рядом с проворными, гибкими, как кошки, мегрельскими лошадами высились угловатые, тощие осетинские жеребцы, по соседству с горделивыми, стройными, как олень, карабахскими скакунами фыркали и поводили ушами чуткие кабардинские иноходцы. Но больше всего было здесь беспородных, вислозадых мерингов, которых вечно, и на ходу, и в стойле перед полной кормушкой, клонит ко сну.

Деревенские ребяташки высыпали толпой из церковного двора и, разбившись на кучки, принялись издали разглядывать лошадей. Старшие же выстроились вдоль дороги и почтительно приветствовали каждого из проходивших мимо знатных гостей. Первыми в церковь вошли женщины. Крестьяне с любопытством всматривались в их красочную толпу, ища глазами невесту. Сначала все приняли Анну за молодую, но потом, когда выяснилось, что эта красавица только посаженная мать, а невеста — невзрачное, темнолицое существо, робко выступающее со стыдливо опущенной головой, разочарованно переглянулись. Женщины поправили на головах платки и зашептали:

— Ну и замухрышка!

— Вот что значит одежда! Наряди вот так нашу Татию — засияет, что твое солнышко!

— Ишь, черненькая! Что ж, некоторые предпочитают темных женщин. Значит, вот кто будет теперь нашей госпожой!

— Замолчи, несчастная! Это ведь царская дочь, не кто-нибудь!

— Ах! Царская дочь! Я думала — она писаная красавица!

Мужчины высказывали свое мнение смелей. Балагур Наримана провел рукой по своей бороде и пробормотал, будто бы про себя:

— Нет, дружок, будь я такой важный человек, как Папуна, сумел бы уж положить к себе в постель девицу получше!

— Не говори глупостей,— возразил ему седобородый крестьянин, который стоял тут же рядом, опираясь на кизилковую палку и рассматривая живыми, внимательными глазами гостей Церетели.— Женщин Папуне и так

кватает! Этот бессовестный человек всех девок перепортил, какие ему по вкусу прились — нет такого села, где бы не бегал прижитый от него ребенок! А на царской дочке он женится для того, чтобы всегда быть в милости и увеличить свои владения. Ради такого дела он не то что дурнушку — черта положит к себе в постель!

— Молчи, как бы кто не услышал!

— Пусть слышит, я не из пугливых! Из наших никто не донесет, а сам Папуна нас не услышит!

— Жениться на женщине из царского рода, что там ни говори, очень почетно, — подтвердил Наримана и добавил шутливым тоном: — Хотел бы я только знать, есть ли какая-нибудь разница между нашей крестьянской девушкой и царской дочкой?

— Тьфу, чтоб тебе провалиться, чего только ты не скажешь! — усмехнулся старик, поворачиваясь к нему спиной.

Вскоре и сам Папуна прошествовал мимо выстроившихся рядами крестьян в сопровождении шафера, посаженного отца, моурава и нескольких родственников. Не обращая никакого внимания на приветственные возгласы своих подданных, он вошел в храм и с нахмуренным лицом остановился около аналая. Он никак не мог объяснить себе, почему царь не приехал на его свадьбу. Самые разнообразные предположения возникали в его голове. «Может быть, на нас напали турки?» — мелькала тревожная мысль. Но в этом случае его известили бы без промедления. Потом вдруг сердце его сжималось от страха: что, если Соломона восстановили против него, внушили, что он, Папуна, женится на царской родственнице для того, чтобы предательски свергнуть царя с престола? Мысль эта была тем более мучительной, что Папуна и в самом деле замышлял нечто подобное. Он был дальновиден в своих расчетах. Поскольку Соломон вызывает из Персии Александра Бакаровича и собирается выступить против Ираклия, без сомнения, картлийский царь в свою очередь постарается низложить Соломона и с этой целью использует беглого царевича, подслеповатого Александра. Если Соломон окажется победителем, он, разумеется, лишит своего сына наследства и тогда после Соломона будет царствовать муж Анны Орбелиани, Да-

вид Георгиевич. Но если Соломон будет побежден? И в этом случае сомнительно, чтобы Ираклий возвел на имеретинский трон царевича Александра: если бы он даже принял такое решение, Папуна и Бери Цулукидзе никак не могут на это согласиться. Заклятый враг их, любимец царевича Александра, опальный сахлт-ухуцеси Давид Абашидзе сживет тогда обоих со света! Вот из каких соображений решил Папуна Церетели жениться на сестре Давида Георгиевича: он стремился упрочить свое положение, сделать его навеки непоколебимым. Соломон одобрил решение Церетели и обещал присутствовать на свадьбе, но...

Вот уже венчание подходит к концу, а из Кутаиси нет никаких известий.

Папуна очнулся от своих тревожных мыслей, только когда священник закончил обряд и родственники стали поздравлять молодых. В эту самую минуту снаружи слышался шум, и в церковь ворвался царский гонец.

Папуна вздрогнул, обернулся к нему:

— В чем дело?

Курьер взглянул на иконостас, перекрестился и лишь после этого протянул Папуне свернутое письмо:

— Государь велел передать вам послание.

— Что случилось?

— Вчера царевич Александр изволил прибыть из Картли.

— Что ты говоришь! — воскликнул Папуна так громко, что все присутствующие встревожились. Потом поглядел по сторонам, схватил гонца за локоть и потащил его в боковой придел церкви. — Иди сюда, расскажи мне подробно все, как было.

— Вчера, мой господин, государь уже собрался выезжать к вам, и мы все были наготове. Вдруг, гляжу, кто-то влетел на коне в дворцовый двор, кричит: царевич едет! Мы чуть не обезумели, все сразу смешалось. Что же государю оставалось делать? Вышли мы все во двор. Глядим — едут.

— Царевич был один?

— Триста человек сопровождало его.

— Да нет, я не о том. Кто из князей с ним приехал?

— Давид Абашидзе, Мераб Нижарадзе и Тамаз Месхи.

Папуна прикусил губу. Между тем гонец продолжал:

— Государь поспешил навстречу. А царевич преклонил колени и говорит: изъясляю вам, государь, покорность.

— Жена была с ним?

— Нет.

Папуна снова прикусил губу, потом развернул письмо. Царь просил его немедленно приехать.

С минуту Церетели стоял молча, глядя на каменные плиты пола перед собой. Потом быстро повернулся, вошел в храм и приблизился к только что обвенчанной с ним супруге.

— Прошу прощения за то, что судьба помешала мне провести первый день супружества вместе с вами за свадебным столом. Я должен немедленно выехать в Кутаиси. Я надеюсь, что вы окажете гостям достойный прием, как госпожа и хозяйка всего моего дома. Отныне мои поместья, мой дом и мои крепостные являются вашей собственностью, и я убежден, что вы будете управлять ими, как подобает отпрыску рода Багратиони.

Потом Папуна обернулся к Анне и Давиду.

— Простите меня, госпожа! Прошу извинения, царевич! Возлагаю на вас все свои надежды. Пусть никто из гостей не заметит моего отсутствия на свадебном пиру!

Анна уже давно догадалась о том, что случилось. Она сразу все поняла и теперь, узнав, что Папуна сразу отправляется в Кутаиси, засуетилась в радостном возбуждении:

— Будьте спокойны, господин сахлт-ухуцеси! Правда, свадьба получается у нас весьма необычная, и молодая, пожалуй, будет немного грустить, но такова участь царей и везиров: часто приходится им покидать свой дом среди пира ради государственных дел!

— Лошадей! — приказал сахлт-ухуцеси и вышел из храма. По пути он дал кое-какие указания моураву, взял с собой человек двадцать вооруженных телохранителей, потом вскочил на своего неутомимого скакуна и пустил его с места вскачь. Охрана последовала за ним, вздымая клубы пыли на дороге. Вскоре вся кавалькада скрылась

из виду. Через несколько минут она вновь показалась на отдельном пригорке: Папуна скакал во главе своей свиты, погоняя коня что было сил.

\* \* \*

Царский шут Табика Циплариани и палач Хосия, не имевший фамилии, были неразлучными друзьями. Табика был маленький человечек, мужичок с ноготок. Его безволосая, как колено, голова, трясущаяся козлиная борода и забавно противоречившая внешности важная, степенная повадка неизменно вызывали улыбку у каждого. Хосия, напротив, был статный молодец огромного роста, косматый и неуклюжий, как медведь, — при одном взгляде на него людей бросало в дрожь.

Друзья часто встречались и проводили время вместе. Табика развлекал своего друга дворцовыми новостями. Хосия не имел права входить не то что в самый дворец, но даже в дворцовый двор, и величайшим наслаждением для него было слушать рассказы о том, что творится в доме у царя — какие являются посетители, кто что говорит.

— Счастливым ты человек, дружок, — говорил однажды Хосия карлику. — Если бы бог хотел наградить меня счастьем, то создал бы таким вот крохотным человечком и научил бы твоему ремеслу.

— А что в нем хорошего?

— Как, что хорошего? Еды и питья у тебя вдоволь — сыт, одет, обут. Даже женщину тебе привели — вдвое выше тебя ростом! От работы, слава богу, не надорвешься. Смеси государя, и все тут!

— Ты думаешь, царя рассмешить — шуточное дело?

— Какая же в этом трудность?

— А вот поди, попробуй, развесели, раз ты такой храбрый! Если государь не в духе, он не только не рассмеется, а, пожалуй, еще поддаст тебе так, что проклянешь день своего рождения. Ремесло, брат, золотое у тебя — лучшего не придумаешь! Живешь на всем готовом, ни о чем не заботишься — дается тебе полный паек, хоть утром сиди за чаркой, хоть вечером. Дрова, и те не обязан сам для себя доставать! А как понадобится наказать

кого-нибудь, засучишь рукава и тоже много труда не тра-тишь. Инструментов всяких у тебя тысяча — только при-коснись ими к человеку, заорет, как бык под топором!

— Почему это всякий человек завидует чужой судь-бе? Что хорошего в моей жизни — день-деньской кручусь в вонючих гемницах да в сыром подвале! Думаешь, при-ятно хватать руками заживо гниющих арестантов — на каждом по полпуда вшей! Нет, брат, оставь ты меня в покое! Сам ходит по начищенному полу, да еще ковры повсюду, чтобы, не дай бог, ног не простудить или не по-ранить, кругом — холеные женщины, белые, нежные, пухлые, что твое дрожжевое тесто... И завидует моей жал-кой участи! Лучше! Ну не дурень ли ты после этого?

— Лучше, друг, лучше моей твоя участь! Не зна-ешь ты, какие дела творятся на этих начищенных полах, среди этих холеных женщин! Да вот хотя бы третьего дня... Но тебе разве можно что-нибудь рассказать?

— Знаю я, куда ты клонишь! Пока не выдуешь кув-шин старого красного вина, язык у тебя не развяжется.

Хосия, ворча, снял крышку с врытого в землю боль-шого винного сосуда, наполнил до краев кувшин почтен-ных размеров и пригласил своего друга к очагу.

— Иди сюда, садись поближе к огню, мой Табика, — сказал он, шумно дыша, и сам устроился тут же рядом. Подставив к огню измазанную в золе кукурузную лепеш-ку, он стал шарить вокруг себя длинными руками, ища обычный свой сосуд для питья — старый, искривленный рог с обгрызанными краями. Этот рог ему никогда не уда-валось сразу найти — то он, бывало, валяется где-то под тахтой, то прячется в дальнем углу на полке, то прова-лится в кучу хвороста возле очага, а то, посмотришь, болтается на гвозде под самым потолком.

— Куда этот чертов рог запропастился? — вздыхал Хосия. — Ну, выкладывай, коли собираешься что-нибудь рассказывать, кувшин от нас никуда не убежит!

— Так-то, мой Хосия, — чирикал развеселившийся з предвкушении выпивки Табика, — выходит, что нам с то-бой принадлежит весь белый свет. Я смешу людей, ты за-ставляешь их плакать, так приказал господь бог, так он распределил между нами сладости и горести жизни...

— Слушай, как это получается у тебя, что люди, слу-

шая твои речи, лопаются от смеха? Скажи хоть раз и мне что-нибудь смешное, дай посмеяться!

— Ничего особенного я не говорю, мой Хосия. Просто я сам смешной — маленький, уродливый, ничтожный. Когда меня в первый раз привели во дворец, я думал, что заставлю людей смеяться до изнеможения, но не тут-то было! Если царь не засмеется, думаешь, хоть один человек выдавит на своем лице улыбку? Как же, жди! Все смотрят царю в глаза. Если он улыбнется — значит, все в порядке, удалась Табике шутка. Да вот на днях я сказал что-то такое смешное, что впору в книги записать. Гляжу на придворных — прямо-таки задыхаются, так разбирает их смех, но ждут, глядят на царя. А царь сердитый, как нахмурится — чего, мол, лопочет этот дурак, вытолкайте его вон. Поддали мне коленом и спустили кувырком по лестнице. Вечером, когда все сидели за ужином, я стоял скучный тут же в уголке. И вдруг чихнул. Что особенного? Кажется, ничего, с кем не случается, стоит простудиться — и будешь чихать без перерыва. Ну так вот, чихнул я и сказал сам себе спокойно — «на здоровье!» И вдруг как засмеется царь, заливается, держится за бока. Ну, тут надо было поглядеть на придворных! Ух, и хохотали же они — чуть не задохлись от смеха, старались один больше другого. «Право, государь, Табика заслужил, чтобы ему пожаловали дворянство!» — говорит Бери Цулукидзе. Дворянство не дворянство, а здоровенный кус мяса из рук царя я получил, и уж повеселился в ту ночь за чаркой — дай бог!

— Выпей вот это, — протянул ему наполненный рог Хосия. — Вино тебе дают пить?

— Ну как же! Пройдет мимо виночерпий, я и подставляю чашу. Сколько я там выпил отборного чхавери и оджалеси — не сосчитать! — Табика взял рог. — Будь здоров, Хосия, и желаю тебе успехов в твоём деле. Пусть орут под твоей рукой и правые и виноватые — это все равно, цена всем одна. Лишь бы только тебя самого не заставили орать, в этом все дело. Но не бойся, этому-то уж никогда не бывать. Тебя никто не тронет, хоть весь свет перевернись вверх дном. Ты ведь самый нужный для царя человек, другого такого нет во всем государстве!

Табика долго примеривался к своему рогу, погляды-

вал на него то так, то этак, наконец приложил его к губам, запрокинул голову и долго с шумом тянул вино — казалось, ему предстоит опорожнить бездонный сосуд.

— И ты очень нужный человек — не меньше, чем я! — ответил обрадованный похвалой Хосия. — Поверь мне, это так.

— Кто, я? Дай-ка мне кусочек мчади. А лобио у тебя нет?

— Есть, как же. Вон оно, в горшке.

— Не могу пить без закуски, — сразу тошнит, — сказал Табика, потянулся за горшком, обмакнул в похлебку кусочек лепешки и стал с аппетитом жевать. — Что правда, то правда! Без шута на этом свете нельзя было бы жить! Поглядеть на этих знатных царских людей — сойдешь с ума! Поедом едят друг друга, готовы каждую минуту сцепиться, как злые собаки. Не знаешь, кто первый успеет слопать другого. Вот, например, вчера изволил приехать из Картли царевич. Бывает, что поссорятся отец с сыном, ну что ж — как поссорились, так и помирятся. Но поглядел бы ты, какой поднялся переполох! В субботу утром приехал царевич, и в тот же день поскакал голец в Сачхере, к сахлт-ухуцеси Папуне Церетели. А тот, оказывается, в эту самую минуту венчался. Прочел письмо, оставил невесту перед аналоем и — какой сегодня день? — в понедельник на рассвете влетел к царю во двор со всей свитой. Всю ночь, оказывается, скакал без роздыху. Спросишь почему? Царевича сопровождал прежний сахлт-ухуцеси Давид Абашидзе и везиры Тамаз Месхи да Мераб Нижарадзе. Они тоже явились к государю. Вот Церетели и обезумел, как бы место свое не потерять! Тут еще заволновались Бери Цулукидзе и Гогия Абашидзе — забегали, захлопотали и добились того, что царь в тот же день заточил всех трех князей в темницу... Сегодня их судят. За тобой пока не приходили?

— Я ничего не знаю.

— Ну так еще придут, не бойся! Так вот, скажу тебе — я знаю, ты меня не выдашь, нигде не сболтнешь, — таких хороших людей, как эти трое, больше нет среди наших знатных господ. Да только, если кто-нибудь услышит от меня такое, оторвут голову, как цыпленку! Обвинили их, будто бы они изменники. Хотели, дескать, свергнуть Со-



ломона и возвести на престол его сына. Придумать обвинение — на это наши придворные мастера!

— Значит, придется мне ломать им кости!

— Придется, дай бог нам с тобой здоровья! Да, вот оно как! Сколько раз я смешил Давида Абашидзе и Мераба Нижарадзе! О Тамазе уж и не говори! Очень любили меня все трое — всякий раз, бывало, подарят что-нибудь! А какие ученые, какие начитанные люди! А теперь вот пришлют за тобой, и ты должен схватить их, и будут они кричать под пытками... Эх, выпей, дружок, и мне дай выпить, а то раздражил, возбудил жажду, а теперь пить не даешь! Я потому и убрался сегодня из дворца, что не хочу мозолить людям глаза. Испортилось у меня настроенье с утра, а Гогия Абашидзе заметил и сразу говорит: «Ах ты, птичий помет, огорчаешься, что схватили царевых врагов? Вижу, тебе шутить неохота!» Разве есть совесть у этого пройдохи? Бога он позабыл, вот что! Сам-то может радоваться — приберет к рукам имения своего дяди. Да ради этого он не то что дядю, сына своей рукой зарежет!

Табика хмелел быстро. После третьего рога язык у него развязался, он потерял и страх и стеснение.

— Сам царь, по правде говоря, неплохой человек. Только вот болен падучей болезнью, как найдет на него, грянется оземь, как тыква.

— Что ты? Неужели правда?—удивился Хосия.

— Разве ты не знал? Впрочем, может, до тебя и не доходило. Держат это дело в страшной тайне, если сболтнешь где-нибудь, можешь остаться без головы. Так вот, я говорю, царь-то человек хороший, да придворные... Ох, чтоб им всем пропасть, они-то и есть источники всякого зла! Нашептывают, нашептывают царю — то так его распалят, то этак. Обманывают царя на каждом шагу. Льстят ему и угрождают наперебой, чтобы только отвести глаза. Когда схватили и осудили в Гегути Ростома Эристави, все придворные разом кинулись выкалывать ему глаза, чтобы доказать царю свою преданность. Уж и мучили они несчастного Ростома, таскали и так и этак — не могут выколоть глаза, да и только! Потом он сам научил их: «Надрежьте, говорит, мне веки, тогда глаза сами вывалятся». Придумали — нетерпеливые

какие! Разве не могли тебе поручить это дело? Привели бы эристава к тебе, ты человек искусный: взмахнул рукой — и все кончено без мучений. Нет! Раз, мол, царь на нас смотрит, будем стараться наперебой, авось угодим. Наливай, не тяни — этот кувшин так или иначе мы должны прикончить!

— Да ты весь меньше этого кувшина! — буркнул Хосия, наполняя еще раз рог до краев. — Слушай, дружок, ежели ты можешь шутить во дворце, пошути разок и передо мной, чтобы я тоже посмеялся. Как сядешь да начнешь трепать языком — устали не знаешь. Неужели нельзя и мне хоть раз посмеяться над твоими шутками?

— Я, мой милый Хосия, ничего смешного во дворце не говорю. Рост у меня маленький — вот все эти дураки и думают, что ума мне тоже не хватает. Потому-то они и помирают со смеху, что я хожу, как все люди, и ничего особенного не говорю. Взглянут на меня — и закатываются, дескать, что это за чудо? Безмозглые — чему здесь смеяться? Таким уж я уродился, что тут смешного? Иной орех величиной с кулак, а пустой! Если кто вдвое длиннее меня, так разве вдвое и лучше?

И Табика снова принялся тянуть с присвистом вино из рога. Но тут вошел в комнату царский ясаул и сказал Хосия:

— Вставай, пойдем со мной. Зовут тебя.

— Дело какое-нибудь? — неуклюже, как медведь, поднялся Хосия и уставился на посланного.

— Нужно выколоть глаза Мерабу Нижарадзе. А этому шуту что здесь понадобилось? Эй ты, малыш, сам-то меньше этого рога, а как присосался!

Табика оторвался от вина и поглядел на ясаула.

— Что ты сказал? Мерабу выколоть глаза?

— Что, жалко? — ясаул уставился на него сверху с насмешливой улыбкой.

— Знаю я, что ты за пес! — сказал ему Табика в сердцах, вскакивая с места. — Хочешь услышать от меня, что мне его жалко, а потом побежишь доносить царю — Табика, мол, жалеет изменников? Ступай, наушничай, не боюсь я ни тебя, ни царя.

— Эх ты, птичьи мозги! Зачем мне на тебя доносить — должности твоей, думаешь, завидую? Сам весь

высохший, сморщенный, как дикая груша в жаркое лето! Кому ты нужен, чтобы тебя оговаривать! — и Ясаул повернулся к Хосии, который подвязывал тем временем кожаный передник. — Погляди на этого чертенка, тоже хочет в люди затесаться! Ну, ты готов? Пойдем!

Хосия глянул на Табику и спросил:

— Останешься или пойдешь со мной?

— Пойду, если возьмешь с собой и дашь поглядеть. Может, даже понадоблюсь тебе, помогу чем-нибудь.

\* \* \*

На берегу Риони, возле башни городской огады, там, где должны были привести в исполнение приговор над осужденным, собрались судьи, сардары и придворные. Все сидели рядом на длинном бревне и с каким-то странным насильственным оживлением вели беседу. Папуна Церетели рассказывал собравшимся о чем-то смешном, приключившемся с его старой кормилицей, а сам смеялся больше всех.

На покрытом галькой берегу реки два человека устанавливали шест.

На противоположном берегу собрались любопытные. Здесь были, в основном, жители Верхнего Кутаиси и крестьяне из окрестных деревень, оказавшиеся сегодня случайно в городе. Они часто присутствовали при подобных зрелищах, и поэтому приготовления эти не вызывали в них особого удивления. На то самое место, где сейчас должны были исполнить приговор над Мерабом Нижарадзе, выводили обычно осужденных на казнь людей, и палач Хосия быстро и ловко делал свое дело. Здесь отрубили головы похитителям монахини из Мгвимской обители, здесь же отсекли руки схваченным в городе ворами и подвергли пытке крестьян, перешедших на сторону Дадиани.

Вскоре толпа, собравшаяся на обоих берегах реки, заволновалась. Ясаулы и стражники вели Мераба Нижарадзе, у которого руки были связаны за спиной. Позади шествовал палач Хосия, зажав под мышкой страшные инструменты своего ремесла, и в хвосте, семени, словно собачонка, плелся Табика.

Пленника подвели к месту казни и крепко привязали к столбу. Мераб старался не глядеть на придворных— вывернув шею, насколько было возможно, он жадно смотрел на небо, на горы и на развалины Багратова храма, как бы прощаясь с прекрасным зрелищем, которое видел в последний раз. Судья развернул свиток и стал читать приговор. Придворные стояли молча и глядели на осужденного. Все они были заметно взволнованы. Папуна Церетели остановил судью и крикнул Мерабу:

— Гляди сюда, о тебе речь!

Мераб повернул на мгновение голову, обвел всех взглядом, полным презрения, и вновь стал вглядываться в горные дали.

— Тебе говорят! — повторил Папуна.

Мераб не обратил на его слова никакого внимания. Он весь отдался чувству восприятия света и жадно впитывал сияние дня, казалось, не только глазами, но всем своим существом. На мгновение он крепко зажмурился, чтобы ясно представить себе, каким станет для него мир после потери зрения. Постояв так, с закрытыми глазами, он вдруг раскрыл их и при этом, словно всплыв из глубины моря на поверхность, тяжело перевел дух. То страшное, что ожидало его, стало ясным, осязаемым, близким. Желание спастись, бежать, уйти от казни внезапно охватило его с огромной силой — он словно взорвался, как бочка с порохом, и отчаянно рванулся вперед, натянул веревки, попытался разорвать путы, освободиться... Но усилия его были тщетны, и вскоре он снова повис на веревках в изнеможении, обливаясь холодным потом. Дикий, растерянный взгляд его блуждал по сторонам, в глазах светилась безумная надежда — вдруг что-нибудь совершенно неожиданное придет ему на помощь, принесет избавление... И, убедившись, что ничто его не может спасти, несчастный вновь напрягся всем телом, завыл, как раненый зверь, замотал головой, колоотясь ею в отчаянии о столб, к которому был привязан. Во время этой борьбы одежда его местами разорвалась, на ободренных руках выступила кровь.

Судья прекратил чтение приговора и с чувством тягостной неловкости оглянулся вокруг себя. Все сидели,

смертельно побледнев, ни на ком из присутствующих не было лица.

— Нет, это зрелище не для меня! — пробормотал Элизбар Эристави и быстрым шагом направился ко дворцу.

Остальные последовали за ним, и вскоре около осужденного остались, кроме его стражей, только Папуна Церетели, судья Хелтуплишвили, палач Хосия и дворцовый шут Табика.

Бегство зрителей как будто несколько успокоило Мераба, хотя он все еще напрягался всем телом, стараясь разорвать свои путы.

— Хватит, что с тобой, или ты не мужчина? — сказал ему Папуна. — Не теряй человеческого подобия!

Эти слова произвели на Мераба неожиданное действие. Он весь обмяк и повис на своих веревках.

— За что на меня гневается царь, Церетели? — бормотал несчастный, словно взывая к земле, на которой стоял. — Если я посоветовал его сыну жениться — ведь царевич прогнал жену по отцовскому приказу! Зачем же царь выкалывает мне глаза? Это все козни Бери Цулукидзе. Хочет подсунуть царевичу свою потаскуху дочку! Что ж, дело у него уже сметано! Сначала сбыл с рук свою веселую вдовицу — сестру, теперь за дочкой очередь...

— Ну что, читать дальше приговор? — спросил Папуна судья.

— Не надо, на это уйдет целый час, а тем временем преступник бог знает чего наболтает! Хосия, делай свое дело!

Палач стоял рядом, понурив голову, с угрюмым видом, и глядел из-под густых бровей на свою жертву. Слова Папуны вывели его из задумчивости. Он медленно приблизился к Мерабу и стал отвязывать его от столба.

— Не трись, — шепнул он на ухо бедняге. — Ты и не заметишь, как все будет кончено. Теперь уж ничем беде не поможешь. Если не будешь сопротивляться, сделаю так, что даже боли не почувствуешь. Опускайся на землю, садись, вот так, обопришь затылком об мои колени... Сейчас я тебя отпущу...

— Хосия! — простонал Мераб.— Дай мне на белый свет поглядеть, еще раз небо увидеть...

Столпившиеся за забором женщины с визгом разбежались в разные стороны, словно испуганные куры. И здесь, за рекой, остались только пожилые мужчины. Они наблюдали казнь до конца и видели, как поднялся палач, как он собрал свои инструменты и ушел. Стражи развязали руки Мерабу и тоже ушли, оставив его лежащим без движения на земле. Все разошлись. Один Табика долго не двигался с места. Потом приблизился к ослепленному, опустил около него на колени и тихонько погладил его по голове.

Было уже довольно поздно, когда Табика просунул голову в дверь хижины палача и негромко спросил:

— Ты спишь, Хосия?

— Входи, входи. Где ты был до сих пор?

Хосия спустился с тахты, покрытой плетенкой из новых ивовых прутьев, уселся, поджав ноги, возле очага и пододвинул Табике трехногую скамейку.

— Садись, рассказывай, что там было дальше. Что сделали с этим несчастным?

— Да ничего больше. Так и валялся — кроме меня, никто о нем не позаботился. Молчал, слова не мог вымолвить. Я подсел к нему, приголубил беднягу. Он попросил воды, напился, потом стал рассказывать. Оказывается, это он похвалил царевичу девушку, на которой тот потом женился. Вот государь и повелел — выколоть, мол, Нижарадзе глаза, раз они видят то, что обращается нам во зло.

— Он все еще там?

— Нет. Приехали родственники, положили его на арбу и увезли. А теперь я тебе расскажу забавную вещь. Помнишь. Садуну — был такой слуга у Папуны Церетели?

— Помню. Пришлось мне и с ним повозиться — кричал несчастный так, что его рев до самого неба доходил. Но так и не сознался.

— Не в чем ему было сознаваться! Оказывается, это его сначала обвиняли в том, за что наказали несчастного Мераба. Куцуца Абашидзе донес царю — дескать, слуга Церетели, Садуна, хвалил царевичу дочку

Эвгена Абашидзе и даже устроил смотрины. Государь разгневался без меры, приказывает — тащите его сюда! А как его притащить — он отправился в Персию в свите Габашвили. Немедленно выслали погоню — настигли посольство уже в Дигории, схватили беднягу и приволокли в Кутаиси. Что тут с ним было, тебе лучше моего известно. Сегодня он, оказывается, прислал к Церетели человека из тюрьмы: за что, мол, меня держите взаперти, ведь доказано, что я ни в чем не виновен! Папуна пошел спрашивать царя. Тем временем, гляжу, Куцуца просит своего господина: отпусти меня в мою деревню, привезли мне вести, что отец мой при смерти. А отец тут ни при чем, он просто хочет бежать подальше от Садуны. Ну, отпустили его, сел он на коня и теперь небось миновал уже Скандэ. Прошло еще немного времени, и выпустили Садуна. Явился он на дворцовый двор — выглядит так, что взглянуть страшно. Лицо землистого цвета, волосы всклокочены, борода отросла по грудь — ни дать ни взять леший или черт! Ясаулы не пускали его — не узнали! На счастье, случился рядом Папуна, тотчас распорядился, чтобы приглядели за ним, приказал поднести бедняге вина...

Табика остановился и стал оглядывать комнату.

— Кстати, раз уж к слову пришлось. Где тот кувшин?

— Вон он стоит. А рога не могу найти. Пей прямо из кувшина. — Хосия подал приятелю вино и подкинул хворосту в огонь. — Рассказывай дальше.

— Так вот, осушил Садуна чашу и спрашивает: где Куцуца Абашидзе? Не скрылось от него, кто его погубитель... Погоди теперь, увидишь, что этот безродный Садуна сделает с лисицей Абашидзе! Оттого и убежал Куцуца из Кутаиси, но куда он скроется? Этот Садуна такой пронырливый парень, что настигнет врага хоть под землей! Да и везет молодцу! Сначала вышел к нему сам Папуна, сказал парню ласковое слово, приказал слугам вымыть его с мылом, причесать, очистить от вшей и переодеть в чистую одежду. Потом пришел царский домоправитель. Государь прислал Садуне чоху и архалук и пожаловал ему обувь со своей ноги. Раз, говорит, он ни в чем не повинен и перенес ради нас столько муче-

ний, поднесите ему эту одежду и обувь и скажите, что мы назначаем его личным слугой царевича! Вот какое счастье привалило парню!

Табика прильнул к горлышку кувшина, запрокинул голову и долго тянул вино. Наконец он опустил кувшин, перевел дух и провел рукой по усам.

— Одно только я скажу тебе, Хосия,— чем бы человек ни занимался, а нужно хорошенько знать свое ремесло. Знаешь, о чем это я? Глядел я на твою работу сегодня и диву давался! Как это ты сумел выколоть Мерабу в одно мгновение оба глаза! Уж как я всматривался, думал, увижу, как он это делает — куда там, все равно не уловил, ничего не заметил!

\* \* \*

Между Соломоном и католикосом Максимом возникло несогласие. Царь хотел развести своего сына с женой по закону и попросил соизволения католикоса. Но Максим ответил ему отказом. Тогда Соломон заставил католикоса созвать церковный собор и вынес свое требование на суд всего имеретинского духовенства. Царь надеялся, что епископы убоятся и встанут на его сторону, но неожиданно встретил и здесь твердое противодействие. Церковный собор решительно отказался дать свое согласие на царскую просьбу. Это значило бы нарушить все установления святой церкви и прогневить бога, — ответили царю епископы.

Ожидали, что царь низложит католикоса и отберет у епископов епархии, но обычно настойчивый и упрямый Соломон не решился вступить в открытую вражду с церковью, так как был глубоко верующим, набожным человеком. Он оставил в покое отцов церкви, вызвал к себе своего придворного священника и приказал ему обвенчать царевича Александра с дочерью Бери Цулукидзе. Священник не осмелился оспаривать повеление царя, но повалился ему в ноги и взмолился: «Государь, не губите меня — католикос расстрижет и отлучит от церкви непокорного иерея!» Тогда Соломон обещал священнику: если он, исполнив волю царя, будет за это расстрижен,



то получит такую должность при царском дворе, что одно его имя будет наводить ужас на всех попов в Имерети.

В конце декабря царевича Александра обвенчали с дочерью Бери Цулукидзе и отправили в Гегути — село, пожалованное ему царем по этому случаю и расположенное недалеко от Кутаиси. Здесь, на берегу Риони, посреди поля, стоял старый, заброшенный дворец. По преданию, это обширное здание было воздвигнуто еще царицей Тамар, но с тех пор как Гегути во время одного из турецких нашествий подвергся разорению, во дворце уже никто не жил. Крыша на нем местами провалилась, окружающие хозяйственные строения пришли в полную негодность. Некогда Соломон подарил этот дворец рачинскому владельцу Ростому в знак своего первого примирения с ним. При этом он обещал произвести в ближайшее время на свой счет все необходимые работы по восстановлению здания. Однако Ростом даже не приехал посмотреть на свое новое поместье и бежал в родные горы. Позднее Соломон пожаловал Гегути князьям Шервашидзе, но и они предпочли держаться подальше и поспешили уехать в Абхазию. И вот наконец Соломон решил утвердить злополучное имение за сыном и опять обещал восстановить здание не позднее будущей весны, а пока что предложил Александру поселиться вместе со своими слугами и служанками в бревенчатом доме около дворца. Вернуться в замок Чхери Александру не было дозволено — Соломон упразднил дарственную грамоту своего сына на все Чхерское владение. Царевичу пришлось примириться с судьбой, и он, не возразив отцу ни слова, переселился в Гегути вместе со своей новой женой.

Несмотря на возвращение сына, Соломон не отказался от борьбы против Ираклия. Вскоре в Картли был послан с особым поручением Элизбар Эристави. Посланец Соломона должен был объехать край, тайно посетить всех враждебных Ираклию князей, сплести и раскинуть по всей стране паутину заговора и подготовить почву таким образом, чтобы тотчас по приезде царевича Александра Бакаровича из Персии в Картли повсеместно вспыхнуло восстание.

Казалось, обстоятельства складывались благоприят-

но для замыслов Соломона. Дела Ираклия шли в последнее время из рук вон плохо. На пороге весны ему пришлось выступить в поход против непокорного Ганджийского хана. В этой войне его союзником был Карабахский владетель Ибреим-хан, с которым Ираклий подерживал прочные дружеские отношения. Правда, Ираклий быстро овладел Ганджой, выколол глаза ее правителю Махмед-хану и вновь угвердил за собой это васальное ханство, но тотчас же вслед за этим отложился от Грузии Эриванский хан, и картлийскому царю опять пришлось приниматься за военные приготовления.

Элизбар Эриванский беспрепятственно объездил Картли, посетил недовольных князей и призвал их выступить против Ираклия. Большинство крупных картлийских помещиков повторяло одно и то же: пусть только появится царевич Александр Бакарович, и вся Картли немедленно встанет под его знамя. Элизбар непредусмотрительно раздувал возможности и силы Александра Бакаровича — утверждал, что персидский шах посылает с ним огромное войско, что черкесский владетель, готовясь поддержать царевича, призвал в ополчение всех мужчин, способных носить оружие, и что имеретинский царь собирает целую армию. Возможно, именно хвастовство Элизбара Эриванского было причиной того, что окрыленные надеждой картлийские князья принялись в свою очередь за необходимые приготовления. Элизбар вернулся в Кутаиси в восторге от своей удачи и привез с собой нескольких картлийских владетелей, которые подтвердили Соломону свою готовность выступить против Ираклия.

Таким образом, ничто, казалось, не препятствовало успешному осуществлению замыслов Соломона, и имеретинский царь с нетерпением ожидал возвращения Бесики из Персии. Одно только заботило его: он не был уверен в безопасности своего тыла. Гурийский владетель, правда, был приведен к покорности, но он мог изменить в любую минуту. Дадиани правил в Мегрелии своевольно и не признавал над собой власти Соломона. Шервашидзе в Абхазии, по-видимому, снова отложились — лазутчики доносили, что они сами готовились к походу. Соломон узнал также, что Ираклий установил тесную связь как с Дадиани и Гуриели, так и со всеми тремя Шерва-

шидзе, и можно было думать, что он подговаривает западногрузинских владетелей в случае необходимости напасть на имеретинского царя. Выходило, что не так-то легко будет Соломону решиться собрать войско и вступить в Картли, чтобы поддержать Александра Бакаровича. В довершение всего брат Соломона, царевич Арчил, неотлучно находился в Тбилиси и был всей душой предан Ираклию. По всей видимости, он узнал из какого-то тайного источника обо всех замыслах и действиях своего брата — одно за другим приходили от него к Соломону письма, наполненные упреками.

Наконец одно из этих писем вызвало в Соломоне сильнейший гнев. Он тут же приказал Папуне Церетели во что бы то ни стало обнаружить лазутчика, сообщающего Ираклию все его дворцовые тайны, и обещался примерно его покарать.

— Что это за беда, право, — горячился Соломон, — чихнуть не могу так, чтобы в Тбилиси немедленно об этом не стало известно! Кто-то приставлен ко мне и не дает покоя, как дупло в зубе! Уж не в самой ли душе у меня сидит лазутчик — стоит мне подумать о чем-нибудь, как уже летит к Ираклию весть!

По мнению Соломона, Бесики должен был вернуться из Персии в середине лета. Царь даже послал в Дигорию людей, чтобы они встретили возвращающееся с картлийским царевичем посольство. Арчилу он послал письмо с приглашением приехать в Кутаиси на свадьбу их брата, царевича Баграта. Этот брат был безумен, и его держали запертым в башне. Бери Цулукидзе посоветовал Соломону женить царевича, в надежде, что к нему после этого вернется разум. Он же сам нашел невесту для Баграта — тридцатилетнюю незамужнюю дочь одного из Нижарадзе, которая согласна была пойти не только за сумасшедшего, но даже за самого черта, лишь бы выйти замуж. Вскоре сыграли свадьбу — скромную, в узком кругу самых близких людей. За свадебным столом уже сама молодая сдерживала своего супруга, который то шарил вокруг себя руками, пытаясь стащить с блюда самый большой кусок, то строил гримасы женщинам и болтал всякий вздор.

Арчил, однако, не присутствовал на этой свадьбе.

Он прислал брату еще одно письмо, в котором обещал никогда больше не возвращаться в Имерети, если Соломон не откажется от своих замыслов против Ираклия. При этом Арчил сообщал имеретинскому царю, что в минувшем феврале повелитель Ирана, векил Керим-хан Занд, скончался и что Александр Бакарович вряд ли приведет из Персии вооруженные полки и навьюченных мулов. В Иране сейчас до него никому нет дела.

Известие это заставило Соломона серьезно задуматься.

Итак, претендент на картлийский престол не мог уже рассчитывать на помощь со стороны Ирана. Россия не только не поддерживала, но даже преследовала Александра Бакаровича, так как Екатерина еще не забыла дружбы его с Петром Третьим. Именно по этой причине картлийский царевич был изгнан из России и лишен всех отличий. Александру оставалось надеяться на помощь Кубинского владетеля Фатали-хана, но и она была крайне сомнительна, так как у Фатали-хана имелось немало своих забот и, кроме того, он в настоящее время старался наладить взаимоотношения с Россией. Вряд ли Фатали-хан решился бы оказать поддержку изгнанному из России царевичу.

Таково было общее положение, когда к Соломону явился гонец от Бесики. Посланный доложил, что Александр Бакарович уже перевалил через Кавказский хребет и вскоре, проехав через Сацалике и Шкмери, придет в Сачхере.

Соломон пожелал выехать далеко вперед навстречу картлийскому царевичу. Взяв с собой большую свиту во главе с Папуной Церетели, он отправился во владения последнего, в Сачхере.

Был уже конец июля. Покинув Кутаиси, царь заехал в Гегути, чтобы повидать своего сына. Пока Соломон беседовал с царевичем, Садуна разыскал своего прежнего господина, отозвал его в сторону и взволнованно зашептал:

— Спасите меня, господин, умоляю вас, помогите!

— Что случилось, парень? Что с тобой?

— Что это за человек! Видно, бог от него отвернулся!

— О ком ты? — изумился Папуна.

— О царевиче, господин мой добрый, о ком же еще? Что за зверь, что за дьявол! Крови нашей, правда, он еще не пьет стаканами, но скоро и это будет, сдается! Никто от него живым не уйдет. Уж лучше бы я заживо сгнил в темнице. Господи... Что это за палач!

— Да скажи толком, что у вас творится?

— И говорить тошно! И чего он так обезумел, право, не знаю! Раньше он ведь не был таким злодеем, напротив, говорят, добрей и набожней не было никого на свете! А теперь, боже мой! Из-за каждого пустяка выходит из себя, от ярости становится желтее шафрана! Схватит, что под руку попадется, и набросится на человека — никого не пощадит! Вчера изрезал ножом горничную девушку — вон, несчастная, валяется в кустах, не знаем, долго ли еще протянет! А со мной что сделал, поглядите, сударь, — Садуна распахнул рубаху на груди. — Видите — это он раскаленное железо приложил ко мне, хочу, говорит, тебя заклеить!.. У сына Хатуны уши отсек. Спасения нет от злодея! Ей-богу, если так пойдет и дальше, кто-нибудь его отравит...

— Тсс... — сверкнул глазами Папуна, схватил парня за руку и потащил его по направлению к лесу. — Иди сюда, как бы нас не услышали! Отравят! Глупости! Чем его отравят, что ты городишь?

— Трудное ли дело, господин, подумашь! Подбросит ему кто-нибудь ядовитый гриб в еду, и конечно, в одну минуту протянет ноги. Помогите мне, сударь, возьмите с собой, увезите отсюда!

Папуна стоял некоторое время задумавшись и словно вовсе не слышал того, что говорил ему Садуна. Наконец он поднял голову и вполголоса спросил:

— Скажи-ка, уж не он ли посылает письма в Тбилиси? Может, ты видел, как он отправлял кого-нибудь с письмом? Или, может, тебе самому пытался дать такое поручение?

— Нет, господин, этого я не видел. Это не он, нет, это кто-нибудь другой. Ох, знаю! — хлопнул себя по бедру Садуна. — Знаю, кто это! Куцуца Абашидзе вечно шнырял вокруг супруги царевича Арчила. А однажды пристал с ножом к горлу — узнай, мол, мне, по какому

делу Бесики отправляют в Персию. Даже денег обещал, лишь бы я все разведal. А когда мы разошлись, я поглядел ему вслед — от меня ведь ничего не скроется! — и вижу, он прямо к княгине Елене пробирается, что твоя лисица...

— А ты не врешь, негодник? — гневно глянул Папуна сверху вниз на Садуна.— Смотри у меня, все, что ты перенес, пустяки в сравнении с тем, что тебе предстоит, если ты солгал!

— Будь я проклят, провалиться мне на этом самом месте, если я не говорю чистейшую правду! Господин мой добрый, молю вас и колени ваши обнимаю — возьмите меня отсюда! На любую службу согласен — хоть жернова вертеть буду, только спасите меня, увезите от этого безбожника!

— Подожди еще! Ты пока нужен здесь. Думаешь, зря я тебя определил на службу к царевичу? Когда придет время, я сам возьму тебя к себе. Ну, а если станет уж очень туго...— Папуна быстро огляделся вокруг, потом дотронулся до слуги рукояткой плети. Пойдем со мной, я тебе кое-что скажу!..

Садуна сразу, чутьем хорошо натасканной охотничьей собаки, угадал, что сахлт-ухуцеси собирается дать ему какое-то тайное, сугубо важное поручение, и радостно последовал за Церетели, извиваясь всем телом — не хватало ему только виляющего хвоста, чтобы довершить сходство с преданной ищейкой...

★ ★ ★

Сачхере было переполнено верховыми. С утра до вечера по длинной улице этого маленького местечка носились с топотом взад и вперед ясаулы, стрелки, телохранители, слуги, курьеры.

Дело было в июле, стояла сильная жара, и копыта лошадей вздымали клубы пыли. Голые еврейские ребятишки с отвислыми животами бежали с протянутой рукой за всадниками и кричали:

— Царский человек, подай милостыню!

Но никто не обращал внимания на их неотвязные просьбы и хныканье. Все с деловитым видом бегали в

разные стороны, словно изнемогая под бременем трудных и важных поручений. Одни куда-то гнали убойную скотину, другие вели господского коня к ковачу, третьи тащили седло к шорнику для починки — почти каждый был занят каким-нибудь подобным незначительным делом. Но одна общая черта ясно проглядывала во всей торопливой суетне дворцовой челяди. Каждый хотел щегольнуть своим значением, показать, что и он является участником того большого события, которое происходит сейчас в Сачхере. Впрочем, о том, что именно происходило в Сачхере, никто из слуг не имел никакого понятия. Известно было, что царь встретил здесь картлийского царевича, но ни челядинцы, ни местные жители не знали, что это за царевич и зачем он приехал в это маленькое местечко. Главное было то, что этот картлийский царевич прибыл из Персии, что одет он был в какой-то удивительный златотканый кафтан, что на голове у него красовалась витая шелковая шапка персидского образца, а на лбу горели крупные алмазы и что он ослеплял всех этим богатым нарядом. Сачхерцы издали разглядывали необъятный двор Папуны Церетели, где на каменных плитах под раскидистыми тенистыми орехами сидели, разбившись на группы, имеретинские саванники и беглые картлийские князья. Александр Бакарович и Соломон поместились у подножия одного особенно большого ореха, на каменной скамье, покрытой ковром.

Соломон устроил Александру Бакаровичу торжественную встречу. Чтобы особенно оттенить важность значения этого события, он приветствовал вновь прибывшего царевича с подчеркнутой почтительностью, как младший — старшего, поцеловав его сначала в плечо, а потом в грудь. Затем Соломон пригласил Александра Бакаровича следовать за собой и повел его во дворец своего сахлт-ухуцеси Папуны Церетели. Здесь царевича встретило у порога духовенство в полном облачении. В домашней церкви отслужили молебен.

Соломона несколько встревожило то обстоятельство, что царевич не привел с собой из Персии никакого войска. Он ведь поручил Бесики передать Александру, чтобы тот во что бы то ни стало выпросил у шаха хотя бы

пятьсот человек. Это должно было иметь решающее значение — картлийские князья, увидев, что царевич привел чужеземное войско, сразу примкнул к нему. Александр и сам хорошо понимал это и, возможно, сумел бы получить от персидского шаха достаточно сильный отряд, но внезапная кончина Керим-хана спутала все его расчеты. Обманувшись в своих надеждах в Ширазе, он надеялся добиться помощи от Фатали-хана, но владетель Кубы сам искал вспомогательных войск для борьбы с Карабахским ханом Ибреимом и ничем, кроме добрых пожеланий, не мог услужить Александру. Претендент на картлийский престол мог бы, правда, прибегнуть еще к одному средству — именно, собрать в Дагестане наемное войско, но в кошельке у него были только остатки присланной Соломоном небольшой суммы... Впрочем, даже если бы денег было много, он и здесь потерпел бы неудачу: все лезгинские наемные войска были уведены Ираклием и воевали под его началом против Эриванского хана. Александру оставалось возложить все свои надежды на имеретинского царя. Поэтому картлийский царевич с волнением ожидал беседы с Соломоном, во время которой должна была определиться его судьба.

Между тем Соломон не торопился с решительной беседой. Он хотел сначала подробно расспросить Бесики, ознакомиться со всеми обстоятельствами, взвесить все доводы и лишь после этого договориться с царевичем Александром о том, как им действовать против Ираклия. Во время короткого разговора во дворе у Папуны Соломон ограничился тем, что справился о здоровье почтенного гостя, спросил, как прошло путешествие, изъявил сожаление по поводу смерти иранского властителя и отозвался о нем с большой похвалой. Затем царь приказал Папуне отвести гостя в дворцовые покои и дать ему отдохнуть с дороги, а сам позвал Бесики и залерся с ним в отдельной комнате.

Сахлт-ухуцеси отвел Александра Бакаровича в ту самую комнату, где когда-то пришлось провести ночь Бесики. Слуги проделали над царевичем тот же обряд — дали ему вымыться с ног до головы, принесли чистое белье и уложили гостя на шелковых подушках, под шелковым



одеялом. Пока слуги занимались своим делом, Папуна не выходил из комнаты и развлекал высокого гостя разговорами. Согласно придворному этикету, Папуна сам должен был прислуживать Александру и для вида подавал ему то мыло, то полотенце, то белье. Сахлт-ухуцеси покинул комнату только тогда, когда усталый от путешествия и разморенный горячей ванной царевич сомкнул глаза.

Во дворе Папуна тотчас же окружили придворные и засыпали вопросами: о чем разговаривал с ним Александр Бакарович? Какое впечатление произвел на сахлт-ухуцеси соперник Ираклия? Особенно настойчиво расспрашивал Папуна Бери Цулукидзе — он не был приглашен присутствовать при беседе царя с Бесики и не последовал своевременно за Церетели, так как все надеялся, что царь с минуты на минуту позовет его к себе.

Картлийские князья, собравшись вместе под одним из деревьев, оживленно беседовали между собой. Особенно весел был Элизбар Эристави. Приветствуя Александра Бакаровича, он расцеловал ему не только плечи и грудь, но даже колени, и от радости разрыдался. Не меньше его радовался и Александр Амилахвари, который присоединился к поезду царевича еще в Моздоке и теперь, окрыленный надеждой на будущие успехи, был на седьмом небе от счастья.

Радостна была и Анна, хотя совсем по другой причине. Она с нетерпением ожидала возвращения Бесики, но не только потому, что жаждала его любви. Ею завладела честолюбивая мечта стать царицей, и она рассчитывала среди всей этой суматохи многое узнать от своего друга. При разговорах с глазу на глаз Папуна открыто сулил Анне корону: «Не выдавайте только меня, ваша светлость — не будь я Церетели, если не возведу на престол вашего мужа и моего шурина», — говорил он. Дело в том, что Папуна не на шутку тревожило возвышение Бери Цулукидзе, приобретавшего все большее влияние на царя. Правда, на глазах у всех Церетели чуть ли не обнимался с Бери, как с любимым братом, но в душе он задыхался от злости, видя, как простодушный Соломон пляшет под дудку этого лукавого царедворца. Дважды породнился Цулукидзе с царской семьей — теперь уже и

царевич Александр стал его зятем. Похоже было, что после смерти Соломона вся власть в государстве окажется в его руках.

Каким образом рассчитывал Папуна Церетели осуществить свои замыслы и возвести на престол царевича Давида Георгиевича, об этом Анна не имела ни малейшего представления. Но она не сомневалась в том, что этот могущественный и волевой сановник не зря породнился с ее семьей. И к самой Анне он неизменно относился с подчеркнутым вниманием — приглашал ее на всю осень и зиму в свой дворец, засыпал подарками.

Другой вельможа, поддерживавший в Анне надежду овладеть имеретинским престолом, был дядя Анны и зять Соломона Элизбар Эристави. Правда, ему сейчас было, пожалуй, не до Анны — развернувшиеся события всецело поглотили его, — но все же он не забывал свою племянницу и постоянно заботился о ней.

— Как тебе понравился будущий царь Картли, двоюродный брат твоей бабушки? — спросил Элизбар Анну, когда молодая женщина подошла и села рядом с ним. — Не правда ли, не похож на этого дракона Ираклия? Давеча я глядел на него и совершенно явственно увидел сияние вокруг его головы, как у святого... Не знаю, почудилось или на самом деле так было...

— Прости мне, дядя, глупый вопрос, но как царевич собирается справиться с царем Ираклием? Ведь у него, оказывается, совсем нет войска!

— Пусть это вас несколько не заботит, ваша светлость! — ответил вместо Элизбара Александр Амилахвари. Анна даже не взглянула в его сторону: это обезображенное, безносое лицо внушало ей ужас. — Ираклий сейчас в походе — отправился усмирять Эривань, — продолжал Амилахвари. — Но Эриванский хан не даст выколоть себе глаза, как Ганджийский — борьба будет не на жизнь, а на смерть. Более благоприятного случая нам никогда не представится. Как только мы появимся в Картли, все наши князья встанут на сторону Александра Бакаровича. Если каждый владетель приведет с собой только сто человек, и то уже наберется самое меньшее десять тысяч. А там и наш великий Соломон пришлет подмогу, и мы без боя овладеем Тбилиси..

— Охрану Тбилиси Иракий поручил царевичу Георгию,— фыркнул Элизбар Эристави.— Ух! Вот это — герой, вот это — военачальник! Случалось ли вам когда-нибудь поднять пинком свинью из лужи? Сначала она обозленно завизжит. — зачем, мол, меня потревожили,— а потом потихоньку поднимется, хрюкая и ворча. Вот так же, наверное, будет вести себя этот молодчик, когда мы вдруг подступим к городу. Право, стоящее будет зрелище! Ох, увижу ли я наконец улицы Тбилиси? Поверишь, минуты на пальцах считаю!

— Значит, вы совсем скоро собираетесь отправляться? — спросила Элизбара Анна.

— Завтра же, милая племянница. Медлить незачем.

Анна не смогла удержать вздох. Итак, она опять должна будет расстаться с Бесики; он, конечно, поедет вместе с заговорщиками в Картли. С минуту она еще сидела около своего дяди, как бы внимательно прислушиваясь к разговору, а на самом деле думая совсем о другом. Потом встала, извинилась перед мужчинами и направилась к дому. Тут она отыскала свою золовку и объявила ей, что не сможет быть за ужином, потому что спешно собирается уехать в Цирквали. Молодая хозяйка дома была ошеломлена: «Куда ты, я ведь на тебя надеюсь — гостей полон дом, нужно за всем присмотреть, я одна никак ни справлюсь!» Но Анна успокоила Кетеван: завтра утром она вернется в Сачхере, а сейчас она просто нездорова, разболелась голова, и ей нужно провести хоть несколько часов в покое. До Цирквали недалеко, всего часа два пути верхом, так что Кетеван недолго придется ждать ее возвращения. Потом Анна разыскала мужа и внушила ему, чтобы он ни за что не пил ни одной капли вина, если не хочет, чтобы над ним смеялись. Наконец Анна отозвала в сторону своего слугу Росто, поглядела по сторонам и шепнула ему:

— Я уезжаю.

— Догадываюсь, госпожа.

— Приведешь его в мою охотничью хижину, в Натуди.

— Кого, госпожа?

Анна бросила на Росто испепеляющий взгляд. Он

с виноватым видом отвел глаза в сторону и чуть слышно пробормотал:

— Да нет, я-то знаю, о ком речь, но вы все же скажите.

— Ты вообще слишком много разговариваешь! Торопись и смотри, как бы тебя никто не заметил. Ночь лунная, будете ехать быстро. Не зря же я тебе обещала дворянство! Да только как исполнить обещание, если я не стану царицей!

— Я готов служить вам, государыня!

— Ты думаешь, это так просто — втащить твоего безумного молочного брата на престол? Поезжайте так, чтобы вас живая душа не заметила. Осторожность никогда не бывает лишней. Отсюда отправитесь в противоположную сторону, объедете кружным путем. Ночью гостей будут разводить по всему Сачхере для ночлега, и никто в этой сумятице не сообразит, куда вы держите путь, — подумают, что ведешь его к кому-нибудь ночевать.

— Хорошо, госпожа, это все нетрудно. Лишь бы только государь отпустил его до ночи. Видите, до сих пор держит у себя, в запертой комнате. Никто не знает, о чем у них беседа.

— Отпустит. Ступай теперь!

Росто склонился перед госпожой и собирался уже уйти, но приостановился и спросил:

— А все же я должен спросить вас, государыня, для спокойствия. Ведь вы Бесики имели в виду, не правда ли? Как бы мне не ошибиться.

Анна не могла удержать улыбку.

— Да! Ступай теперь, присмотри за моим мужем, как бы он не вытворил какой-нибудь глупости, не опозорил нас!

\* \* \*

Бери Цулукидзе кружил по двору в самом скверном расположении духа и крутил свои длинные усы с таким ожесточением, как будто хотел вырвать их с корнем. Он охотно отдал бы полжизни, лишь бы очутиться сейчас в той комнате, где царь беседовал с Бесики. Наконец,

чтобы как-нибудь рассеяться, он подошел к спутникам Бесики и попросил их рассказать о своем путешествии.

Леонтий Нижарадзе приложил руку к груди и низко поклонился царскому родственнику:

— Правда, у меня уже челюсть перекосилась, столько раз пришлось описывать наши приключения... Но вас, господин Бери, я сам должен просить оказать мне честь и внимание...

— Ладно, начинай уж, зачем такие церемонии! — сказал Цулукидзе, присаживаясь тут же на камне и расправляя полы чохи у себя на коленях. — Верно, немало повидали?

— Скажите лучше, сударь, чего мы там не видали, а что мы повидали, того и не перечесть!

Гости, стоявшие неподалеку, рассмеялись и окружили беседующих. Вскоре вокруг Нижарадзе и Бери собралось столько народу, что стоявшие в задних рядах поднимались на цыпочки, чтобы увидеть Леонтия, и поминутно, не расслышав чего-нибудь, спрашивали друг у друга: «Что, что он сказал?»

— Где-то в той стороне мы перевалили через эти снежные горы, — протянул руку к северу Леонтий. — Есть там деревня Геби — через нее проехали.

— Знаю, бывал в тех краях, — сказал Цулукидзе.

— Вам, господин Бери, как не знать! Так вот, миновали мы перевал... Тут как раз Садуну от нас увели. Кстати, раз уж к слову пришлось, как его дела?

— Хороши, — успокоил его Цулукидзе. — Начисто оправдался.

— Слава богу! Жалко мне стало беднягу. Миновали мы перевал, спустились в Дигорию — там нас с большим почетом принимали осетины. Хороший человек их правитель! Вышли мы из гор, сударь, и открылась перед нами равнина — ни конца ей, ни краю. Господи, ну и велик же белый свет! Едем мы едем — утро, полдень, вечер, один день, другой, третий, десятый, пятнадцатый, а мы все едем и кругом по-прежнему равнина, плоская, голая, вот как моя ладонь. Прибыли мы наконец в Моздок, оттуда двинулись в Кизляр и наконец кое-как добрались до Астрахани. Ну, думаю, тут уже край света! Куда там! Течет у Астрахани река, да такая, что корабли по ней

ходят. И какие корабли — паруса на них такие, что целую деревню накроешь одним таким полотнищем. А церкви в городе, как башни, видно за десятки верст. Думаешь, вот она, в двух шагах, да не тут-то было: идешь, свалишься замертво, пока доберешься. Тамошние знатные люди, сударь, имеют на царских дорогах дома, поставленные на колеса. Запрягут лошадей и ездят в своих домах, куда хотят. А какие дома! Окна из хрустала, внутри — сиденья завалены шелковыми подушками...

— Ну уж это ты выдумываешь, молодой человек! — заметил кто-то.

— К лицу ли нам с вами тешиться выдумками? Так вот, в Астрахани, сударь, договорились мы с хозяином корабля и отплыли в сторону Персии. Сначала плыли по реке, только она такая широкая, что я думал, — это и есть море. Оказывается, это все пока еще пустыки! На другой день вышли мы в настоящее море. Господи, что я увидел! Всюду, куда не достанет глаз, вода, берегов не видно. Ну, тут я перекрестился, взмолился богу: «Выведи меня отсюда, господи, дай только ногу на сушу поставить и требуй чего хочешь!» Поглядел я на наших людей — ни на ком лица нет. Только Бесики расхаживает, точно все ему непочем. Откуда мне знать, что наши несчастья только еще начинаются! Прошло, сударь, день или два, поднялось на море волнение, да какое! Катятся волны высотой с эти горы, вот-вот перевернут наше судно. Оказывается, от качки тошнота начинается у человека! Как подступило мне к самому горлу, прошу у вас прощения, чуть наизнанку не вывернуло, даже материнское молоко в себе не мог удержать! Валяюсь на палубе полуживой-полумертвый, еле двигаю головой и одного только боюсь, как бы кишки не изрыгнуть! А буря бушует — не видно ей конца! Проходит день, другой, третий, четвертый, пятый — погибаем, явно погибаем! Сидим голодные, да разве дотронешься до еды? Только вонючей теплой воды попьешь изредка, вот и все. Наконец на десятый день стих ветер, да мы уже обессилели — ни двинуться, ни кусок ко рту поднести нет мочи. Но вот потихонечку выползли мы на солнышко и стали, словно весенние мухи, мало-помалу набираться сил. И поели чего-то. Ладно, ветер стих, море успокоилось, да только теперь и мы ни с места! Стоит ко-

рабль, не шелохнется, паруса повисли, как тряпки. Оказывается, пока не поднимется ветер, так и будем качаться на волнах!

— А если бы целый год не было ветра? — заметил Бери Цулукидзе.

— Так бы и остались посреди моря. Но только на третий или четвертый день подул ветер, и мы тронулись. Прошло еще дня три — усилился ветер, покатались опять огромные волны. Спустились мы внутрь корабля, и началось снова наше мучение. Но, представьте себе, на этот раз было уже не так трудно! Ко всему привыкает человек! Тридцать девять дней плыли мы так по морю и наконец добрались до приморского города по названию Решт. Стоит он не совсем на берегу, а немного поодаль. Очень красивый город! Вся эта страна называется Гиланским княжеством. От Решта мы шесть дней ехали до города Казвина, но раз уж мы оказались на твердой земле, мне все было нипочем! От Казвина четыре дня пути до иранского города Саба. Здесь мы провели день, отдохнули и еще через три дня прибыли в Кум — это тоже такой город...

— А каковы там города и места какие? Похожи на наши края или нет? — спросил Бери Цулукидзе.

— Поближе к морю, там, где мы высадились, очень хорошо, ничего не скажешь — кругом лесистые горы, красивая местность. Но дальше, в глубь страны — не спрашивайте! Дивился я, каким огнем опалило и иссушило всю ту землю? Но города, доложу я вам, получше наших. Замки такие, что любо поглядеть, а дворцы увидишь — спросишь, какая рука их выстроила? Мечети, минареты — взглядом до верха не достанешь, все голубой эмалью облиты. Глаз слепит — такая красота! Богатых людей множество, но нищих еще больше! Ну, что долго тянуть, проехали мы немало городов, и названий-то всех не упомяну, и наконец прибыли в Шираз. Вот это, доложу вам, город так город! Одним он, пожалуй, похож на наш Кутаиси — там, как и у нас, много роз. Куда ни глянешь — всюду розы, весь город в розах, можно подумать, больше там ничего не растет. Но разве вспомнишь о розах, глядя на эти дворцы? Сколько я дворцов там видел — лучше бы мне вовсе их не видеть! Улицы выло-

жены каменными плитами и кирпичом, ног не замараешь, не то что у нас, как пойдет дождь да раскиснет грязь на улицах — подковы с лошади срывает! Тамошные жильцы не знают иной обуви, кроме комнатных туфель без задников. Богатый, бедный—все одно, сунут ноги в туфли—и расхаживают по этим начищенным улицам. Народ очень чистоплотный — этим тоже на нас похожи. А богомольные какие, вечно на молитве: утром, в полдень, вечером... Станут на колени на маленьком коврикe — у каждого есть такой,— поднимут руки и бормочут молитвы. Явились мы в тамошнюю гостиницу, разместились. Наш Бесики, оказывается, разговаривает на их языке, как на своем родном. На следующий день отвели нас к царевичу Александру. Он чуть с ума не сошел от радости, обнял и расцеловал каждого из нас. С большим почетом он, оказывается, был принят у покойного Керим-хана — пусть издохнет пес на могиле нечестивца! Определено было царевичу полное содержание, и сверх того каждый день ему посылались еще деньги. Этот златотканый кафтан, что надет на царевиче сейчас, и алмазы у него на шапке, все это дары Керим-хана. Через неделю царевич и наш Бесики явились к самому шаху. Нас, конечно, к нему не допустили. Оказывается, шах давно знает Бесики, и очень обрадовался, когда его увидел. Восемьдесят лет было Керим-хану, а слух и зрение, как у молодого. Он бы еще лет десять прожил, если бы не подавился куском во время еды. От такого пустяка жизни лишился! Ну вот, как я вам докладывал, пришли царевич и наш Бесики к Керим-хану, попросили — дайте нам, дескать, войска, помогите свергнуть царя Ираклия. Ладно, говорит шах. Пошлю с вами три тысячи человек — больше я сейчас дать не могу, да и то придется вам три месяца дожидаться, потому что это войско я послал под началом Али-Мурада в Кандагар, а когда оно вернется, забирайте его с собой. Мы чуть не заплакали от радости. Ждем, полные надежды, а тем временем шах приказал долго жить. Нас словно громом поразило. Царевич бросился к одному, к другому — куда там, разве кому-нибудь есть до нас дело? Все перепуталось, не известно, кто теперь будет шахом. Все это огромное государство рассыпалось в пыль, как пустотелый гриб. «Эх, нам уже не на что надеяться,— сказал



царевич,— поедем искать счастье в другом месте! Ну и поехали. Где только мы не побывали, к кому только не обращались за помощью, сколько княжеств повидали на пути... От жирного плова брюхо у нас распухло, извините за такое замечание. Об одном только и мечтал я: чтобы довелось еще отведать нашего «кежера-пхали». Как завидел издали корабль, забыл про все злоключения, чуть не запел от радости: теперь-то уж верю, что попаду домой. Сели мы на корабль, подул ветер, и мы поплыли. На этот раз все легко обошлось — море не очень волновалось, и нам уже не было так худо, как в первый раз. Долго ли, коротко ли, прибыли мы в этот чертов Дербент к Фаталихану, а оттуда уже ехали все сушей, пока не добрались до родных краев,— закончил Леонтий и обернулся к Датуке Гдзелидзе: — Ну теперь ты рассказывай, если что осталось, а то у меня сейчас челюсть отвалится — тогда уж ее к месту не прикрепишь!

— О чем же рассказывать, вы все смолоти, что было,— ответил Датука.

Среди слушателей послышались смешки.

Дворцовые слуги и чиновники низших должностей с завистью глядели на спутников Бесики, на их красивые чужеземные одежды: дорогие персидские шелковые халаты, не менее дорогие шапки и цветные шелковые сапоги. Еще тогда, когда Леонтию Нижарадзе, Ивану Амиранашвили, Давиду Лашхишвили, Датуке Гдзелидзе и Ивану Мегрелу приказали собираться в путь вместе с Бесики, каждый из дворцовых служащих возносил богу благодарственные молитвы за то, что не ему выпало на долю бросить дом и отправиться за тридевять земель. Но теперь, когда уехавшие вернулись домой невредимыми, да еще разряженными в дорогие заморские шелка, все эти люди чувствовали острую зависть. «Почему не я поехал в Персию с царским послом?»—думал каждый с досадой. Вряд ли кто из них мог надеяться раздобыть себе когда-нибудь такую щегольскую одежду—большинство ходило в грубой, язившей тело домотканной шерсти. Кроме того, все были уверены, что спутники Бесики навезли из чужих стран много и всякого иного добра.

На каждом шагу доносились до слуха путешественников ядовитые замечания:

— Хо, хо, хо! Погляди-ка на Леонтия, теперь, когда сам царский шурина заговорил с ним, разве его оставишь? Будет до вечера молоты!

— Ты думаешь, он хоть одно слово правды говорит? Ничему нельзя верить! Все они врут напропалую!

— Глянь-ка на Ивана Амиранашвили! Ишь, раздулся, словно мех у волынщика! Даже поздороваться со мной не соизволил — забыл, как валялся на земляном полу да почесывался от грязи!

— Датука Гдзелидзе каков, а? Смотри, на человека стал похож! Немало, видно, натворил, небось хватал, что попадало под руку!

Так злословили о каждом из спутников Бесики, хотя всему свету было известно, что Датука Гдзелидзе не вор, Иван Амиранашвили — не гордец, а Леонтий Нижарадзе — не болтун и не бахвал. Этими пороками скорее отличились те самые, полные яда и желчи царские челядинцы, которые поносили таким образом своих удачливых сотоварищей. Завистливые, привыкшие кланяться и живущие надеждой на чужую милость дворцовые слуги только так и могли отвести душу.

Солнце уже склонилось к закату, когда картлийский царевич, отдохнув и освежившись сном, появился на балконе. Соломон уже окончил беседу с Бесики и, увидев, что Александр Бакарович проснулся, тотчас же приказал эджибу накрывать пиршественный стол, сам же присоединился к царевичу, учтиво осведомился: «Как отдохнули?» и спустился вместе с гостем во двор. Здесь, под сенью огромного ореха, были расстелены ковры, и слуги уже раскладывали на скатерти горячие хлебы, хачапури и гомиджи.

\* \* \*

Александр Бакарович впервые в жизни увидел Картли, ту из грузинских земель, которая была его родиной. Покинув Сачхере, царевич по совету своих спутников поехал вверх по ущелью реки Квирилы и скоро, миновав деревню Чала, очутился на вершине горы Перанга, покрытой тучными летними пастбищами. Отсюда открывался широкий вид на прекрасную Картлийскую долину, пере-

сеченную серебристой лентой Мтквари и теряющуюся в туманной дали. На юге громоздились одна над другой лесистые горы—казалось, они завернулись в зеленые бурки и нахлобучили на лбы облачные шапки. На севере и на северо-востоке высились вдали ледяные вершины Кавказского хребта. Небо было усеяно курчавыми белоснежными облаками — словно стадо белоснежных ягнят паслось на лугу.

Дорога круто поднималась в гору. Наконец путники достигли вершины, и перед ними внезапно открылось это величественное зрелище. Все разом остановились, словно завороченные. Восторженный возглас вырвался у каждого из груди. Александр Бакарович сошел с коня, опустился на колени и, поцеловав землю, зарыдал, как ребенок. Приближенные окружили его и стали успокаивать. Многие из них были так растроганы, что и сами не могли удержать слез. Один Бесики стоял в стороне с каменным лицом. До сих пор ему казалось, что Александр Бакарович, вступая в борьбу с Ираклием, думает лишь о счастье родной страны, стремится облегчить грузинскому народу гнетущее его тяжкое бремя, добиться того, чтобы человеческие судьбы не приносились больше в жертву честолюбию сильных мира сего, окружить почетом знания и науку, возвысить незаслуженно униженных и ограничить вознесшихся и надменных. Прежде всего, думал Бесики, царевич Александр не пожалеет усилий, дабы возродить былое могущество Грузии. Именно эти высокие стремления, по мысли Бесики, руководили Александром Бакаровичем... Но вот царевич в Грузии; прошло уже сколько дней, как он перевалил через Кавказский хребет, впервые услышал степенную речь крестьян, живущих в долине Риони... Царевич пересек Рача-Имеретинские горы, взглянул так же, как сейчас, с высоты на чудесное ущелье Квирилы, залюбовался пестрым ковром угодий Сацеретло, и ни разу не вырвался из его груди возглас радости по поводу того, что он наконец ступил на грузинскую землю... Лишь тогда расчувствовался он и пролил первую слезу, когда увидел вдали свои родовые владения. Но эти земли больше не принадлежали ему. И Бесики вдруг ясно понял, что царевич, за которым он ездил в далекий Иран, был всего лишь жалким ничтожеством, помещиком, охо-

тящимся за именьями, а не государственным деятелем. И Бесики, считавший себя врагом Ираклия, внезапно исполнился чувством почтения к картлийскому царю, этому неутомимому воину и труженику на троне. Много личных недостатков было у Ираклия, но как государственный деятель он стоял неизмеримо выше Александра и, бесспорно, гораздо лучше этого изгнанника понимал, что требуется для благоденствия страны. Одного его военного гения,— а ведь он прославился как полководец на всем Востоке и даже на Западе,— было достаточно, чтобы сделать его достойным царского венца. А этот... этот глядел с горы на Картли, как землевладелец на утраченное поместье, и плакал!

И Бесики с презрением отвернулся от царевича. Да, напрасно подружился Бесики с Александром Бакаровичем—царевич не стоил его любви. Неужели это тот, кому предстоит заменить Ираклия?

Пока Элизбар Эристави и другие князья успокаивали царевича, Бесики незаметно отошел в сторону, пересек покрытую высокой травой лужайку и, присев на открытом месте, стал рассматривать окаймленную горами, убегающую вдаль картлийскую равнину. Местами поля были уже сжаты, и темные полосы жнивья прорезали золотистые массивы низин и плоскогорий. Бесики вспомнил, что стояла страдная пора. Сомнительно, чтобы в такое горячее время восставшие князья сумели выступить в поход. Почему-то об этом до сих пор никто не удосужился подумать — ни одному человеку не пришло в голову, что дело, начатое Александром Бакаровичем, может потерпеть неудачу из-за этого нешуточного препятствия. Беда была еще в том, что всех пригодных для войны людей увел сам Ираклий в поход против Эриванского хана. А те, что оставались дома,— даже если они могли носить оружие,— конечно, не явились бы по призыву князей, пока урожай не был убран.

Бесики решил поделиться с кем-нибудь своими соображениями и направился на поиски Элизбара Эристави.

Царевич и его свита уже двинулись в путь. Отряд растянулся длинной вереницей по горной дороге, спускавшейся в долину. Элизбар ехал рядом с царевичем впереди, и Бесики не нашел его на плоскогорье.

«Проиграно наше дело! — подумал Бесики. — Напрасно мы едем в Картли. С самого начала не везет этому несчастному! Ни от Керим-ха́на, ни от Фатали-хана войска не получили. Хитрый Соломон тоже решил держаться в стороне: сначала, дескать, подними восстание в Картли, собери ополчение, а я уж потом помогу. Что это за помощь? Если хотел поддержать царевича, дал бы ему войско — тысяч десять человек. Разве кто-нибудь захочет встать под его знамена? Правильно говорит народ: «На чужих людей надеясь, не раскидывай шатра!»

Ночь провели в лесу. На следующий день, поздним утром, поезд царевича уже въезжал в картлийское селение Никози. Здесь находилась епископская кафедра и рядом с большим соборным храмом виднелись каменные палаты епископа Афанасия. Храм был обнесен высокой оградой — во время лезгинских набегов здесь укрывалось все население деревни.

Когда епископу доложили о прибытии внука царя Вахтанга, старик сразу догадался, что царевич собирается поднять восстание против Ираклия, и сначала не знал, как ему поступить. Наконец, укрепив свой дух размышлением, Афанасий решил, что духовное лицо не обязано вникать в мирские дела, но что зато его долг — возлюбить ближнего, как самого себя. Придя к такому решению, епископ созвал клир и устроил царевичу торжественную встречу: пригласил его в храм и отслужил благодарственный молебен по случаю его благополучного возвращения в Картли.

Александр решил остановиться в Никози и отсюда разослать гонцов по стране, призывая картлийских князей явиться и объявить его царем.

Написав пространное воззвание, Александр приказал переписчикам размножить его в десятках копий и послал во все уголки Картли, после чего стал спокойно дожидаться прибытия восставших.

Прошло несколько дней. Ниоткуда не было никаких вестей.

Однажды утром на колокольне Никозского собора зазвонили колокола. Царевич в тревоге спрашивал то одного, то другого из своих приближенных, в чем дело. Вскоре все стало ясно. Из Тбилиси прискакал гонец с

письмом и пространным воззванием католикоса Антония. Глава картлийской церкви посылал Александру свое благословение, признавал его законным наследником картлийского престола и призывал всех картлийских владетелей объявить его своим царем.

Письмо это вызвало среди заговорщиков невообразимый восторг. Они радостно обнимались и считали свое дело почти уже выигранным. Обуреваемый нетерпением царевич хотел было направиться прямо в Тбилиси, не дожидаясь прибытия своих единомышленников. Но Бесики и Элизбар Эристави удержали его; они знали, что благословения католикоса Антония недостаточно для того, чтобы взять Тбилиси. Нужны были войска, а войск не было видно...

Две недели ожидали заговорщики прибытия восставших князей. Наконец явились братья Палавандишвили и привели с собой тридцать пять человек. Из этих тридцати пяти только пятеро имели ружья. Еще сорок восемь человек явились через несколько дней к Александру Амилахвари из его бывших поместий. Эти, правда, все имели огнестрельное оружие, но только из двух или трех ружей можно было стрелять, а остальные ни на что не годились: у одних курок был не в порядке, у других отваливался приклад, у третьих ствол разъела ржавчина. Да и пороха с пулями имелось не больше, чем на два-три выстрела.

Больше ни один человек не явился к царевичу. Зато каждый день приходили убийственные для заговорщиков известия. Цхинвальский моурав сразу после приезда Александра Бакаровича отрядил в Тбилиси вестника с просьбой о помощи. Вскоре стало известно, что царь Ираклий разбил Эриванского хана и возвращается в Тбилиси со своими войсками. Еще через день прискакал в Цхинвали курьер: государь уже прибыл в Тбилиси и назавтра спешно выступает в сторону Гори, ведя с собой бесчисленное войско.

Заговорщики растерялись.

Элизбар Эристави отозвал Бесики в сторону и сказал ему с огорчением:

— Кажется, пора нам спасать свои головы и убираться назад в Имерети!

— Я еще в Ширазе почувствовал, что нас ожидает неудача,— отозвался Бесики.— Не знаю почему, у меня было дурное предчувствие. Несчастливо все сложилось.

— Как нам поступить?

— Посоветуем царевичу скорее уехать. Не сражаться же с двумястами плохо вооруженными воинами против Ираклия! У царя войско в двенадцать тысяч, он раздавит нас в одно мгновение!

Элизбар заскрежетал зубами.

— Пойди и надейся после этого на наших никчемных трусов князей! Обещали мне, клялись — пусть только приедет царевич, выйдем, мол, все поголовно! Где же они, чтоб их...— Элизбар прибавил грубое ругательство.— Кричали: «Ираклий нас душит, со света сживает, дайте нам напиться его крови!», а теперь попрятались по своим норам, как мыши от кошки? Да, брат, колдовская вещь сила и власть! Недаром сказал Руставели, что страх рождает любовь! Небось, явись царевич сюда с десятью тысячами кизилбашей, все сбежались бы к нему, позабыв второпях шапки надеть!

— Как знать! Вчера я прислушался к разговору крестьян. Спрашивали друг друга, что это за царевич, так, мол, его и так, зачем сюда притащился и чего ему от нас нужно? Оспаривает, мол, престол у нашего государя, а на каком основании? Почему он не владеет нашим царством по закону, если имеет право? Разве кто-нибудь отнял у него царский венец? Пусть убирается туда, откуда приехал, не то худо ему придется! Вот так рассуждают наши крестьяне. Они ведь даже не знают, кто такой Александр Бакарович. Дед его покинул Картли пятьдесят или шестьдесят лет тому назад — кто теперь помнит царя Вахтанга или его сына Бакара? Да и чем наш царевич может привлечь на свою сторону народ? Недостаточно ведь опираться на одних князей, надо чтобы и народ пошел за ним, а народу, во-первых, сейчас не до него, а во-вторых, он и не знает, что за человек этот приезжий царевич! Чем он прославился — мудростью, мужеством, добротой или хотя бы красноречием? Или, может быть он великий полководец, несравненный воин? Нет, он только внук Вахтанга шестого. Но в Картли не только крестьяне, сами князья уже не помнят Вахтанга.

Давай-ка, мой Элизбар, позаботимся о своем спасении, пока есть время, не то попадем в-руки Ираклия, и с нас живьем шкуру сдерут. Поспешим укрыться в Имерети и примиримся с судьбой.

— Неужели мой шурин не пришлет войска нам на помощь? — сказал Элизбар как бы про себя и украдкой взглянул на Бесики.

— Нет, он умнее нас с тобой! Давеча, когда мы беседовали наедине, он подробно расспросил меня обо всем. Потребовал, чтобы я рассказал о царевиче все без утайки. «Ты, мол, и раньше знал Александра, а теперь проделал вместе с ним такой долгий путь — ведь человека лучше всего узнаешь в путешествии». Заставил рассказать о царевиче такие мелочи, что поверг меня в изумление. Я, как мог, отвечал на его вопросы... А потом Соломон задумался и наконец сказал: «Видно, мой Бесики, напрасно мы с тобой потрудились, ничего не выйдет из этого дела!» По правде говоря, я и сам в душе это чувствовал, но не верил себе, считал, что могу ошибиться... А Соломон сразу понял, что Александр не годится в цари и что с таким львом, как Ираклий, не справиться неопытному гепарду. И все же Соломон решил попытать счастья, считая, что при поддержке картлийских князей дело царевича все еще может увенчаться успехом. Он сказал мне так: «Если Александр соберет хоть три тысячи человек, пока Ираклий воюет в Эриванском ханстве, может быть, он даже успеет взять Тбилиси. Тогда Ахалцихский паша отрежет Ираклию обратный путь, а я пошлю отсюда помощь. Но до тех пор, сказал Соломон, пусть Александр не рассчитывает на меня — если в Картли не вспыхнет восстание, я не стану ради него воевать с Ираклием».

— Он и нам так говорил... Но зачем же Соломон вызывал царевича из Ирана, если не собирается его поддерживать?

— Разве он обещал, что сам отнимет царство у Ираклия и поднесет гостю на блюде? Знаешь басню — человек тонул и молил бога о помощи, а бог говорит ему: взмахни рукой, вот и выплывешь. Так и с нашим царевичем. Соломон поддержал бы его, если бы увидел, что народ идет за ним. Но что получилось? Притащились два-три князя, и те все время озираются в испуге, как



бы кто их не увидел, и готовы спрятаться в кустах! «Словно сон ночной мгновенный, завершились их деянья!» А нам нужно нынче же ночью убраться отсюда, не то завтра будем окружены.

В самом деле, вечером разведчики принесли известие, что картлийское войско во главе с царевичем Леваном приближается к Тквиави.

Царевич Александр в тот же вечер спешно покинул Картли и направился по Джавской дороге в Дигорию. Александр Амилахвари последовал за ним, а Бесики и Элизбар Эристави вернулись в Имерети.

\* \* \*

Осенью Анна поехала в Кутаиси, где собиралась провести зиму. Она носила в себе ребенка и хотела разрешиться от бремени в городе. Царица Гулкан послала к ней в Цирквали своего сына Максима Каджая с письмом, в котором приглашала на зиму к себе в город молодую женщину, изнемогающую, по ее мнению, от скуки в деревенской глуши.

Беременность Анны возбудила в Кутаиси всяческие толки. Она так давно замужем, говорили сплетники, почему же до сих пор не рожала детей? Гогия Абашидзе божился, уверяя всех и каждого, что ребенок, ожидаемый Анной, не от царевича Давида. Ну да, конечно, он готов прозакладывать голову, что здесь замешался кто-то посторонний. И Гогия загибал пальцы на руках, считая месяцы. Если родится в феврале — значит, отец его Келешбег Шервашидзе. Почему? Гогия имел верное известие, что абхаз прошлой весной тайно проезжал через Кацхи! Если же роды произойдут в марте, тогда ребенок навсрянка принадлежит русскому послу: он проезжал через владения Давида Георгиевича месяцем позже Шервашидзе и гостил три дня у Анны. Но если ребенок увидит свет в апреле, тогда Гогия не может точно указать отца; в конце июня приехал в Имерети Александр Бакарович, и в Сачхере толкалось в те дни столько народу, что сам черт ничего не разберет.

Осень и зима выдались в этом году удивительно сухие и безветренные, а это было редкостью в Кутаиси.

Имеретинская знать по большей части оставалась все эти месяцы в городе, и при дворе царило оживление. Сам Соломон почти не покидал своего дворца. Лишь изредка он выезжал на охоту—соколиную или с борзыми,—а остальное время безвыходно сидел у себя дома и вызывал к себе каждого вновь приехавшего в Кутаиси человека, чтобы узнать от него последние новости. Особенно интересовало его, что делалось в Тбилиси, — любого приезжего оттуда, будь это хоть простой нищий, он подробнейшим образом расспрашивал обо всем виденном и слышанном. Правда, Соломон имел в Тбилиси своих осведомителей и временами получал от них донесения, но зачастую приезжие купцы или католические миссионеры сообщали ему больше, чем эти лазутчики.

Узнавать обо всем, происходящем в Тбилиси, помогали Соломону Бесики и Элизбар Эристави. Они оба часто бывали в городе, имели обширное знакомство среди купечества и миссионеров и ежедневно приносили Соломону какие-нибудь известия.

Однажды католические патеры сообщили Бесики ужасную новость. Ираклий, по их словам, разгневался на католикоса Антония за то, что тот послал благословение Александру Бакаровичу, и сбросил верховного пастыря Картли с высокой башни. Антоний скончался на месте, а царские слуги распустили слух, будто старец сам, случайно оступившись, свалился с высоты.

Бесики немедленно доложил об этом Соломону. Царь сначала отнесся к его рассказу с большим сомнением, чуть ли не приняв его за выдумку отца Бесики, старого Захарии. Но вскоре пришло письмо от тбилисского лазутчика, в котором говорилось слово в слово то же самое. Еще через несколько дней приехали из Картли купцы и повторили тот же рассказ, добавив, что в Тбилиси за простой разговор об этом деле отрезают виновному язык, не делая различия между знатным князем и простолюдином.

Вечером Соломон позвал к себе Захария Габашвили и, притворно нахмурясь, спросил старика:

— Слышал, преподобный отец, какая судьба постигла твоего неусыпного врага? Как мог Ираклий решиться на такое дело?

— Нет, государь, Ираклий тут ни при чем,—отвечал Захария, шумно переводя дух (его мучила одышка).— Антоний свалился в пропасть от тяжести собственных грехов. Слава всесильному богу, воздал грешнику по его делам! Теперь мне уже не о чем печалиться. Надеюсь, убедился Ираклий, кого он сделал главою церкви своей страны! Разве мог хранить верность царю тот, кто изменил богу? Вот он и предал Ираклия — занес над ним сзади кинжал!

Бесики показывал знаками отцу, чтобы тот не говорил лишнего, так как Антоний, поддержав Александра Бакаровича, оказался как бы союзником Соломона, и подобный отзыв о нем был по меньшей мере непредусмотрительным. Но старый Захария не замечал ничего и, шамкая, молчал, как испорченная мельница.

— Может быть, Ираклий теперь примирится с тобой? — сказал Соломон.

— Ах, нет,—развел руками Захария. — Это невозможно! Мой сын привез Александра Бакаровича из Персии — разве Ираклий когда-нибудь это забудет? Если он и вправду сбросил Антония с башни, то меня поднимет на самую высокую скалу и спустит оттуда головой вниз... Я Ираклия знаю. Но ты, государь, ты должен примириться с Ираклием. Незачем тебе с ним враждовать. Пошли к нему послов, пусть скажут, что ты в мыслях не имел помогать его противникам. Александр Бакарович не оправдал надежд — что ж, теперь нужно искать примирения.

Соломон уже принял в душе такое решение, и совет Захарии пришелся ему по душе. Морщины на его лбу разгладились, он с улыбкой взглянул на придворных, присутствовавших при этой беседе, и сказал своему шурину Бери Цулукидзе.

— Кажется, прав этот старец!

— Прав, совершенно прав, пусть господь продлит ваши дни,—охотно подтвердил Цулукидзе.— Нужно сразу позаботиться об этом и незамедлительно отправить послов в Картли. Пошлем нашего высокоученого мдиванбега Давида Квинихидзе, а если пожелаете, я сам с ним поеду и все объясню царю Ираклию. Как бы он в самом деле не подумал, государь, что вы принимали в этом деле участие! О том, что вы посылали Бесики в Иран, Ира-

кий, наверное, вовсе не знает. А когда царевич проезжал через ваши владения, вы приняли его, как гостя,— не могли же вы его прогнать! Если Ираклию известно о поездке Бесики — тоже не беда! Не за царевичем же вы посылали посла, мало ли дел бывает у государей к правителям других стран! У вас, ваше величество, были свои намерения — вы желали договориться с султаном и просили посредничества у шаха, а для этого послали в Иран человека. Если царевич Александр увязался оттуда за Бесики,— не ваша вина! Разве вы помогали ему войсками или давали ему денег? Нет, государь, не так обстоит дело! Пошлите меня к Ираклию, и я сумею его убедить. Разве можно двум грузинским государям сейчас враждовать? Я примирю вас, ваше величество, с царем Ираклием, не беспокойтесь об этом!

— Как бы только бога не прогневить! Если он в самом деле сбросил католика с башни, с нами крестная сила, то, значит, он — не христианский царь, а ставленник дьявола! Что за страшное дело он совершил! С таким человеком не мириться надо, а бороться насмерть! — сказал Соломон и окинул своих придворных испытующим взглядом.

— Не говорите так, государь! — возразил Бери Цулукидзе.

После того как Соломон разлучил своего сына с первой женой и женил его на дочери Цулукидзе, католикос Максим стал чуть ли не открытым врагом имеретинского царя. Но особенно возненавидел католикос Бери Цулукидзе. Он проклинал этого удачливого придворного и называл его лукавым змием, околдовавшим государя, — змием, по наущению которого Соломон совершает один смертный грех за другим. Цулукидзе знал все это и не жалел усилий, стремясь поколебать положение опасного противника.

— Не говорите так, ваше величество! — продолжал Бери.— Волк останется волком даже в патриаршем облачении. Что сделали мы с вами католикосу Максиму, почему он посылает нам проклятия каждый день, моля бога уничтожить и вас и меня со всем нашим потомством? Не захотел развести с женой вашего сына, царевича и престолонаследника! Почему? Даже самую царицу

Тамар святая церковь разлучила с супругом и обвенчала во второй раз, когда выяснилось, что так будет лучше для государства! Или Максим считает себя святее тогдашних патриархов Грузии Микела Мириановича и Феодора второго и думает, что должен строже их соблюдать церковные законы? Впрочем, ничего другого нельзя было ожидать, ваше величество! Удостоили мы представителя рода Абашидзе царских почестей, вот он и сел нам на голову! Максим попросту заступился за своего родственника Эвгена Абашидзе. Будь у жены царевича другая фамилия, он бы не упрямылся!

— Ну, развязал бездонный мешок!— с улыбкой сказал царь своему шурину.— Нет, давай не будем гневить святую церковь—бог нам не простит. А ты лучше готовься к поездке в Картли.

Решено было не откладывать посольство; Бери Цулукидзе должен был через два дня выехать в Тбилиси. Приготовления уже подходили к концу, но накануне отъезда послов царь получил ужасное известие: единственный сын его, наследник Александр, скоропостижно скончался.

Царь сидел в большом зале дворца перед камином и беседовал с придворными. При нем находились сахлт-ухуцеси Папуна Церетели, мдиванбеги Бери Цулукидзе и Давид Квинихидзе, начальник царской канцелярии Гогия Абашидзе, сардар Зураб Церетели, статс-секретарь Бесики Габашвили и еще несколько придворных чиновников. Вдруг со двора донеслись громкие возгласы и отчаянные вопли. Кто-то кричал охрипшим, срывающимся голосом. Во дворце поднялась суматоха; шум встревожил беседующих.

— Что это значит? Не случилось ли какое-нибудь несчастье? — сказал Соломон.

Послышался женский плач, вскрики и вопли. Дверь зала распахнулась, и показался Садуна; едва переступив через порог, он повалился на колени. Лицо его было расцарапано в кровь, рубаха разодрана на груди.

— Убейте меня, похороните заживо! Зачем мне суждено было дожить до этого черного дня? Царевич, мое солнце, свет очей моих...— хрипел Садуна, и всем сразу стало ясно, что случилось.

Словно гром разразился в тихом зале Соломонова

дворца. Царь и придворные онемели, никто не мог выговорить ни слова. Бери Цулукидзе побледнел и сидел, не шевелясь, словно окаменев. Страшное известие словно ножом полоснуло его по сердцу. Дочь его Дареджан несколько раз жаловалась отцу на мужа. «Убью его или наложу на себя руки, не могу больше терпеть эту пытку. Даже кошка не мучает пойманную мышь так, как этот палач издевается надо мной!» «Уж не отравила ли мужа в самом деле проклятая девчонка?» — мелькнуло в голове у Цулукидзе. Побледнел и Папуна Церетели. Он не сомневался, что царевич не умер своей смертью, а был убит, что Садуна поторопился и раньше времени исполнил полученное им тайное задание... Встревожилась и царица Гулкан, которую все считали возбудительницей ссоры между отцом и сыном. Несмотря на то, что Александр примирился с отцом и женился на племяннице Гулкан, многие из придворных упорно твердили, что царевич когда-нибудь дождетсся беды от своей мачехи. Эти толки достигли в свое время ушей царицы Гулкан, и сейчас, когда пришло известие о смерти наследника, у нее подкопились колени от страха: она была уверена, что враги припишут ей это неожиданное несчастье...

Но не меньше других был перепуган и Гогия Абашидзе. Он единственный из всего своего рода не только не враждовал с Соломоном, но даже служил при дворе. Несмотря на это, на него со всех сторон были устремлены подозрительные взгляды. Да и сам царь не скрывал своего пренебрежения к нему, и Гогия должен был каждый день пролезать через игольное ушко, чтобы доказать свою преданность Соломону. Поэтому, услышав вопли Садуны, он похолодел от мысли: «Что, если тут замешаны мои родичи, Абашидзе? Как бы и меня не запутали в это страшное дело!»

Обуреваемые подобными страхами, придворные рыдали, причитали, царапали себе лицо и разрывали на себе платье, выставляя напоказ притворное горе и стараясь убедить царя в своей безграничной преданности. Особенно убивались Бери Цулукидзе, Папуна Церетели, Гогия Абашидзе и царица Гулкан. Бери Цулукидзе хлопал себя по голове, вырывая при каждом ударе клочок волос. Гогия Абашидзе колотил себя кулаком в грудь с такой силой, точно хотел проломить себе ребра, бегал по залам, тер-

расам и двору и, встретив кого-нибудь, принимался вопить:

— Слышали, какое несчастье? Солнце померкло, свет погас!..

В течение нескольких часов во дворце стоял всеобщий плач. Наконец царь сел на коня и поехал в Гегути. За ним потянулся чуть ли не весь Кутаиси.

Среди этой сумятицы Папуна Церетели только о том и думал, как бы поговорить наедине с Садуной. Наконец он ухитрился затащить своего бывшего слугу в пустую комнату и спросил его напряженным шепотом:

— Говори, пропащий человек, твоих рук это дело?

— Клянусь матерью, я ничего не знаю! — ответил с полной искренностью Садуна. — Как это случилось, что с царевичем стряслось, — понятия не имею!

— Может, царевич был болен?

— Да нет. Утром, как проснулся, разочек дал нам жару по-своему, а потом ничего... Среди дня, вскоре после обеда, ему вдруг стало плохо. Закричал: «Умираю!» Бросились мы все к нему, смотрим — кончается человек, еле дышит. Забегали мы, кричим: «Врача!» Да где врача найдешь — и в Кутаиси-то его нет, а тем более поблизости. Вспомнили, что есть за Риони старуха, умеет заговаривать... Погнали туда человека, да пока он вернулся, несчастного не стало...

— Кого ты подозреваешь?

— Будто бы отравили царевича? — спросил как бы сам себя Садуна и взглянул на господина. — Впрочем, разве поймешь что-нибудь? Боли он не чувствовал. Все время был здоров. Правда, тошнило его сначала. А потом отнялись руки и ноги, и стал бедняга трястись всем телом.

— Не свалила ли его падучая?

— Не знаю. Раньше никогда не бывало, с чего бы теперь приключилось?

— Не жена ли его отправила на тот свет, впала в смертный грех?

— Как знать? Покойник всех замучил и запугал... Может, и в самом деле кто-нибудь прикончил его... Да, ясно, это так! Если б он над кем-нибудь одним особенно измывался, ну, тогда можно было бы кого-то подозре-

вать. Но для царевича все были равны, одинаково истязал он и жену, и служанок, и моурава, и слуг. Разберись теперь, кто с ним свел счеты.

— По лицу никого нельзя было уличить?

— Ну что вы, мой господин! Все так и распухли от плача — как бы, мол, нас не заподозрили... На самом-то деле, по правде говоря, каждый на седьмом небе был от радости...

— Тсс!.. — зажал ему рот рукой Папуна, грозно сверкнув глазами. — Или тебе надоело ходить по белу свету?

\* \* \*

Между царем и католикосом возникла непримиримая вражда. Когда тело царевича Александра перевезли в Кутаиси, католикос не только не разрешил внести покойника в церковь, но даже воспретил священникам служить по нему панихиды. По давнему обычаю, царевича должны были замуровать под полом храма Архангела, перед самым алтарем. Но католикос не позволил похоронить Александра даже в церковном дворе, внутри ограды. «Останкам кощунствующего еретика и нарушителя Христовых заветов нет места в освященной земле», — так сказал патриарх Максим.

Несколько раз посылал Соломон человека к католикосу, умоляя его изменить решение; и обещал во искупление греха царевича пожертвовать церкви тысячу душ крепостных крестьян, лишь бы ему дано было право похоронить сына по христианскому обряду хоть на общем кладбище, только внутри церковной ограды. Но Максим был непоколебим и ответил решительным отказом. Все духовенство Имеретии точно сговорилось — ни один священник не нарушал приказа католикоса и даже близко не подошел ко дворцу. Пришлось в конце концов прибегнуть к помощи того же дворцового попа, который венчал царевича и за это был лишен Максимом своего священнического сана. Этот расстриженный священнослужитель и отпевал царевича, исполняя над ним уставленный обряд...



Александра похоронили за оградой церковного двора, с южной стороны церкви. Столкновение с католиком привело Соломона в такую ярость, что он даже забыл о своей горе. Молчаливый и суровый, шел он за гробом царевича и ни разу даже не смахнул слезинки с глаз, а только глядел с недвижным, словно окаменевшим, лицом в пространство, и если случайно останавливался на ком-нибудь свой пронзительный взор, у того подгибались колени от страха.

Поступок католика вызвал оживленные толки в городе. Большинство было на стороне Соломона; почти все осуждали упорство архипастыря. Само евангелие, говорили люди, учит нас, что бог прощает раскаявшемуся грешнику все его прегрешения, а католикос своей непримиримостью сам нарушает заветы спасителя.

Особенно разъярился Бери Цулукидзе. Еще вчера он чувствовал себя на вершине счастья — имеретинский царь и сын его, наследник престола были оба его зятьями, и настоящее и будущее принадлежали ему. Пока жил Соломон, Бери был настоящим правителем Имерети. Сам Соломон не раз говорил: «Царь— не я, а Бери Цулукидзе!» После смерти Соломона, при его наследнике Александре, Бери рассчитывал окончательно стать вершителем судеб Имерети. Да, Цулукидзе наладил все свои дела, как безошибочный часовой механизм, но вот кто-то вырвал будущее одним взмахом из его рук... И бог знает, чем еще грозит ему настоящее!

Растерянный и ошеломленный, бродил Бери по залам дворца. То он присаживался около камина и часами смотрел в огонь, то устраивался на тахте, поджав ноги, и со злостью бил себя рукой по колену. Однажды вечером он подошел к Соломону и, словно спустив курок, внезапно выпалил:

— Что ты теперь намерен с ним сделать?

— С кем? — изумленно взглянул на шурин Соломон.

— Как с кем? С этим Иудой Максимом! С тем, кого ты посадил на патриарший трон. Собираешься ждать, пока и тебе придет конец от его руки? Говорил я — волк всегда останется волком! Вот и оправдались мои слова. Видишь, Максим с тобой совсем не захотел

считаться, точно ты не царь, а самый последний бродяга! Что ж, так это ему и сойдет? Что ты молчишь? Скажи мне что-нибудь, а то я больше не в силах терпеть, к самому горлу подступило! Если ты боишься божьего гнева, то я ничего не боюсь! Небо не разгневается, если я уничтожу волка! Он нас столько проклинал, что в конце концов добился своего! Не верь, что царевич умер своей смертью, голову даю на отсечение — это Максим подослал к нему отравителя! Скоро это станет ясно для всех, дай только Давиду Квинихидзе закончить розыск!

В первые дни после смерти царевича все были так растеряны, что никто не догадался взять под наблюдение его слуг. Когда же прошла первоначальная суматоха и началось расследование причин внезапной смерти Александра, вдруг выяснилось, что исчез слуга Сосэ, беглый крестьянин из Картли, несколько дней тому назад явившийся к царевичу и попросивший пристанища. В те времена подобные случаи были очень часты, и никто не удивился появлению во дворце этого оборванного, голодного крестьянского парня. Моурав поручил ему рубить дрова на кухне. И вот теперь этот Сосэ бесследно исчез. По-видимому, парень испугался, как бы на него не пало подозрение в убийстве царевича, и вовремя спасся бегством. Но царские приближенные и сам Соломон объяснили это исчезновение иначе. Они готовы были поверить, что Сосэ подослан самим Ираклием. Но тут оказалось, что не досчитывается еще двенадцати человек из челяди Александра. Все запуталось. Между тем, на самом деле, слуги попросту спаслись бегством, боясь, что их обвинят в убийстве царевича и подвергнут пыткам.

Царь поручил Давиду Квинихидзе провести тщательное следствие и, если выяснится, что царевич на самом деле был отравлен, во что бы то ни стало обнаружить виновного. Тем временем он вызвал к себе католика из Гелати. Однако гонец вернулся ни с чем: католикос Мясим, послушавшись совета доброжелателей, уехал в Картли.

Бери Цулукидзе получил новый повод для нападок на Максима.

— Если он ни в чем не виновен, почему не соизволил явиться, а заблаговременно сбежал в Картли? Где

след, там и медведь, как говорится! Чего искать других виновников? Максим и есть голова всему делу!

Папуна Церетели для вида соглашался с каждым словом Бери Цулукидзе и даже, казалось, всей душой сочувствовал ему, но в душе ликовал. Это он тайно подслал к католикоосу человека, сообщил, что царь собирается разделаться с ним, и посоветовал бежать. А теперь Папуна всячески поносил Максима и изо всех сил старался распалить Бери Цулукидзе.

— Правду изволишь говорить, мой Бери! Как возненавидел нас католикос—просто диву даюсь! Недостоинно служителя церкви такое поведение! Из-за своих родичей Давида и Эвгена Абашидзе от всех нас отвернулся! Да что уж мы,—самого государя не пощадил, и вот его единственный сын, наследник престола, лежит в неосвященной земле...

Так говорил Папуна Бери Цулукидзе в присутствии царя. Зато встретив где-нибудь в сторонке Анну или Элизбара Эристави, он весь расплывался в торжествующей улыбке и сквозь зубы, еле слышно цедил:

— Любуйтесь теперь потехой! Увидите—с ума сведу беднягу!

Вскоре во всем дворце стало заметно, что придворные, льнувшие до сих пор к Бери Цулукидзе и всячески старавшиеся заслужить его благоволение, понемногу покидают этого царедворца. Теперь они стлались под ноги Папуне Церетели, заглядывали ему в глаза и, чтобы угодить сахлт-ухуцеси, наперебой наушничали друг на друга, ежеминутно сообщая ему какие-нибудь новые дворцовые сплетни.

Бери Цулукидзе скоро понял, что влияние и могущество понемногу уплывают у него из рук. До сих пор он считался первым человеком при дворе, а теперь должен был уступить это место Папуне Церетели. Цулукидзе было совершенно ясно, зачем сблизился сахлт-ухуцеси с опальными картлийскими князьями и почему он решил породниться с царевичем Давидом Георгиевичем. Отныне Папуна Церетели мог уже твердо надеяться возвести когда-нибудь на имеретинский трон своего шурина и забрать в руки всю власть в государстве.

— Не будь я Бери Цулукидзе, если вы добьетесь

своего! — грозил Папуне и его приспешникам царский шурин.

Очень скоро он частично исполнил свою угрозу. На сороковой день после кончины царевича приехал из Картли брат царя, Арчил, со своей супругой, дочерью Ираклия, и с двенадцатилетним сыном Давидом. Бери Цулукидзе немедленно подступил к царю и стал уговаривать его тут же, под горячую руку, усыновить и объявить престолонаследником своего малолетнего племянника. Это был верный путь к примирению с Ираклием. В самом деле, если бы Соломон возвестил, что передает после себя имеретинскую корону внуку картлийского царя, все сомнения, которые могли оставаться у Ираклия относительно его намерений, были бы рассеяны.

Соломону эта мысль пришла по душе, и он не стал долго колебаться. Наступил сороковой день. Во дворце справили поминки, после чего сняли траур, побрили бороды и отменили пост. На следующий день Соломон созвал весь свой двор и объявил, что усыновляет своего племянника Давида Арчиловича и назначает его наследником имеретинского трона.

На этот раз удар попал в цель: Папуна Церетели и его сторонники были ошеломлены. Конечно, Папуна ничем не выдал себя — напротив, он горячо одобрил решение царя, выразив радость по поводу восстановления дружеских взаимоотношений с Ираклием. Но, оставаясь наедине с Бесики и Элизбаром Эристави, Папуна метал громы и молнии.

— Как ловко нас подсидел этот негодяй! — говорил он своим тайным единомышленникам. — Ах, какой пройдоха! Значит, решил: «Не мне, так и не вам!» А может быть, совсем иное задумал: такой мошенник, что, пожалуй, сумеет женить малолетнего царевича на своей овдовевшей дочери! Голову дам на отсечение — он вынашивает какие-то планы! Опять хочет все прибрать к рукам! Нет, шалишь, сбрей Папуне Церетели усы, если он не разрушит твоих хитрых замыслов! Пусть-ка сначала Давид Квинихидзе завершит следствие. По моим сведениям выходит, что дочка Бери Цулукидзе и есть отравительница!

— Это совершенно невозможно! — воскликнули разом Бесики и Элизбар Эристави.

— А вот посмотрим, господа! Ждать недолго.

Следствие кое-как пришло к концу, но ничего утешительного для Папуны не выяснилось. Давид Квинихидзе одних допрашивал под пыткой, с другими дружески беседовал, третьих запугивал угрозами, четвертым обещал подарки, а в конце концов позвал католических миссионеров, пользовавшихся славой искусных врачей и после беседы с ними пришел к выводу, что царевич умер своей смертью. Скорее всего с ним случился удар; таким образом, никто не был его убийцей и розыск можно было прекратить. Правда, бежавшие слуги царевича исчезли без следа, но нельзя же было предположить, что все эти двенадцать или тринадцать человек состояли в заговоре и сообща совершили преступление! Это было совершенно невероятно, тем более, если вспомнить, что первым бежал картлиец Сосэ, появившийся в доме царевича всего за два дня до его смерти. Уж он-то, разумеется, не мог сразу стать участником такого заговора. Несомненно, исчезнувшие слуги разбежались только потому, что боялись быть обвиненными в убийстве, на самом же деле никто из них не сделал ничего дурного.

Папуна Церетели все же не мог успокоиться и однажды при разговоре с Давидом Квинихидзе прямо упрекнул его:

— Ей-богу, ты, наверное, нарочно выгораживаешь дочку Цулукидзе! Вон личный слуга царевича Садуна божится, ручается головой, что царевич отравлен!

— Эх, сейчас нам лучше всего перестать в этом копать, — сказал Папуне Давид Квинихидзе. — Есть у нас другие, гораздо более важные заботы! Пришло известие, что Келешбег Шервашидзе, подстрекаемый турками, собирается идти походом на Одиши. Если мы немедленно не уладим все споры с Ираклием и не обезопасим себя с тыла, дела наши будут плохи! Помощи ждать неоткуда. Если бы нас поддерживала Россия — другое дело, но сейчас, когда русских войск здесь нет, надеяться нам не на кого.

— Но может быть, Келешбега натравливает на нас сам Ираклий!

— Не удивлюсь, если так. Это ж ведь мы привезли из Персии Александра Бакаровича и пытались натравить на Ираклия его же подданных... Думаешь, он так легко простит нам?

— Жалею, что мы отпустили тогда домой обоих Шервашидзе,— сказал с досадой Папуна.— Впрочем, сказать по правде, они попросту ускользнули. Надо было взять заложников.

— Теперь уже поздно кусать себе локти!

\* \* \*

Зима выдалась долгая, тоскливая. С запада непрерывно дул холодный ветер, шел мокрый снег, дороги были покрыты непролазной грязью. Иногда подмораживало, и тогда вода в колеях и лужах покрывалась корочкой льда. Жизнь во дворце замерла. Царь был в трауре и редко выходил в зал, чтобы побеседовать с придворными или развлечься. Большую часть времени он проводил в молитве или за чтением книг. В последнее время у него участились припадки падучей болезни. Всякий раз, почувствовав приближение припадка, он с утра запирался в своей опочивальне. Единственный человек, оставшийся тогда при нем, был Бери Цулукидзе. Больше он никого не допускал к себе.

Бесики проводил почти все свое время дома и только изредка спускался во дворец. Анна всю зиму оставалась в городе, и Бесики жаждал встречи с нею всей душой, но оба они вынуждены были соблюдать крайнюю осторожность и, чтобы не давать повода сплетням, почти не заговаривали друг с другом. В течение всей зимы Анне лишь несколько раз удалось встретиться с Бесики и обменяться с ним двумя-тремя словами. При первой же встрече она схватила поэта за руку, положила его ладонь к себе на живот и с какой-то восторженной улыбкой подняла на него глаза, полные слез.

У Бесики от волнения захватило дух, сердце его учащенно забилось. Он все понял без слов — опустился на колени и благоговейно поцеловал край платья Анны. Молодая женщина запустила пальцы ему в волосы, отклонила назад голову и, глядя ему в глаза, прошептала:

— Противный! Разве ты стоишь того, чтобы я из-за тебя столько страдала?

— Божество мое, мы должны вести себя здесь так, как будто между нами ничего нет.

— Знаю.

— На нас устремлены тысячи любопытных взглядов. Один Гогия Абашидзе чего стоит! Попастся в паутину его сплетен... хуже смерти!

— Да, знаю! О, если бы ты знал, как он мне отвратителен, этот гадкий сытый кот! Дважды заводил он со мной любовный разговор: умолял меня сделать его своим рабом и обещал исполнять все мои приказания, даже жизни для меня не пожалеть. Я сказала, что приказываю ему держаться в границах приличия и встречаю первым заговаривать со мной. А позднее я узнала, что он угрожал мне и притом хвастался своей победой! Мало того, твердит, оказывается, всем и каждому, что я не от мужа забеременела! Ох, если я стану когда-нибудь царицей...

— Тише! — Бесики вскочил и поглядел в тревоге по сторонам. — Молчи! Возьми себе здесь за правило: лучше слушать других, а самой помалкивать...

С этих пор они обставляли свои редкие встречи такими предосторожностями, что ни разу ничем не выдали себя.

Наступила весна — ранняя и удивительно теплая. В марте уже зацвела алыча, а в апреле наступила настоящая жара. Бесики теперь часто бывал во дворе, так как неожиданно накопилось много дел. В конце апреля к Соломону приехали несколько одишских вельмож; они привезли царю письмо от мегрельского правителя. Качия Даднани писал Соломону: «Келешбег Шервашидзе собирается идти на нас войной, и если я могу еще считать себя подданным имеретинского царя, прошу оказать мне помощь».

К этому времени Соломон успел уже наладить дружественные отношения с картлийским царем. Ираклий настойчиво советовал ему помириться с Качией Даднани. Соломон решил послушаться совета и оказать поддержку своему шурина и непокорному вассалу. Начались военные приготовления. Соломон разослал гонцов во все кон-

цы Имерети и объявил о созыве войска. Был послан курьер и к Гуриели, которому приказывалось собрать полки и явиться с ними в Бандза, чтобы там присоединиться к имеретинским войскам. Послам Кации Дадиани Соломон наказал распространять слух, будто имеретинский царь собирается в поход против турок, засевших в Кобулету, и поэтому отказал в помощи правителю Мегрелии.

Сбор войска был назначен на первую неделю мая. Секретари с утра до вечера писали и рассылали приказы. Каждому князю необходимо было послать особое письмо на его собственное имя. Обойденный личным царским посланием и носу не высунул бы из дому.

Бесики достал списки имеретинских дворянских родов и по ним диктовал секретарям имена князей, которым следовало отправить извещение. Время от времени в царской канцелярии появлялся Гогия Абашидзе. Он собирал и уносил к Соломону уже приготовленные письма, чтобы скрепить их царской печатью. Затем Гогия приносил эти послания обратно, и Бесики раздавал их специальным курьерам.

— Слышал новость? — спросил Гогия Абашидзе Бесики однажды вечером, входя к нему с ворохом подписанных писем.— Анна, супруга царевича Давида, родила сына.

И он язвительно засмеялся.

— Когда?—спросил в свою очередь Бесики, подняв бровь с равнодушным видом, хотя сердце у него подскочило в груди и трепет прошел по всему телу.

— Сегодня.

Гогия хотел еще что-то сказать, но Бесики, взяв у него готовые письма, повернулся к ожидавшим тут же курьерам.

— Кто едет в сторону Квители? — спросил он, беря из стопки первое письмо. — Это письмо надо вручить Ростому Нижарадзе.

Когда Бесики назвал это имя, поднялся общий хохот. Бесики с удивлением глядел на присутствующих. Гогия Абашидзе надрылся от смеха.

— Так вот кому это письмо! Жаль, что я не знал!



Этому, конечно, нужна личная царская просьба, иначе его на войну не заманишь!

Бесики несколько раз приходилось видеть Ростому Нижарадзе, и его восхитил мужественный вид этого человека. Высокий, широкоплечий, с аршинными усами, Ростом выглядел настоящим богатырем. Любо было посмотреть на него за столом—он держался с таким достоинством, так умно разговаривал и так хорошо пел, что Бесики в душе сравнил его с Давидом Орбелиани и подумал, что другого такого доблестного мужа, наверно, нет во всей Имерети. Но сегодня Леонтий Нижарадзе вывел его из заблуждения. Оказалось, что Ростом был редчайшим трусом. Во время битвы под Хресили он все время от начала до самого конца, прятался в кустах где-то в тылу, позади царской свиты. В этом памятном бою, в решающую его минуту, когда счастье начало изменять грузинам и турки чуть было не взяли в плен самого Соломона, один крестьянин из Окриби, по фамилии Брегвадзе, великан и обладатель громового голоса, влез на высокое дерево и закричал на все поле:

— Победил имеретинский царь! Туркам конец!

Этот возглас произвел поразительное действие на воинство Соломона и в одно мгновение изменил весь ход сражения. Ободренные грузины устремились с новой силой на турок и разбили их наголову. Когда бой окончился, Соломон велел привести к нему этого крестьянина, пожаловал ему дворянство, а потом приказал снова влезть на дерево и объявить во всеуслышание:

— Победили агарян Христовы слуги! Каждый христолюбивый воин покрыл себя славой, позор и стыд одному Ростому Нижарадзе!

— Осрамил, с грязью смешал весь род Нижарадзе, — закончил Леонтий свой рассказ. — И ведь так орал этот проклятый Брегвадзе, чтоб ему сгореть, что до самого Сацуре было слышно!

— И что же, государь не разгневался на Ростому за трусость?

— Разгневался? Что ты, государь так любит этого богом забытого болтуна, что готов на ладонь к себе посадить! Посмотрим, может, пустомеля хоть теперь будет вести себя, как мужчина! — Леонтий взял у Бесики пись-

мо, подозвал знаком босоногого курьера с исцарапанными икрами и посохом в руке:

— Отнеси Ростому Нижарадзе. Знаешь его дом?

— Господи, как не знать?

— Так ступай!

До вечера с рассылкой извещений было покончено, и Бесики, прежде чем пойти домой, отправился навестить Элизбара Эристави.

Зять Соломона жил в нижнем городе, в собственных палатах возле висячего моста, на самом берегу реки. Здесь часто собирались картлийские и кахетинские князья, еще не потерявшие надежды когда-нибудь вернуть себе свои поместья. В доме Элизбара они держали совет, измышляя способы поколебать положение своего могущественного врага. С волнением дожидались они приезда Александра Бакаровича. Правда, надежды их рухнули и претендент на картлийский престол вынужден был бежать к осетинам, но Элизбар Эристави и его единомышленники все же не теряли надежды и цеплялись за него, как утопающий за соломинку. На этот раз они узнали, что царевич Александр пробрался в Ахалцихе и собирается оттуда вторгнуться в Картли. Известие это, привезенное католическим миссионером Джулиано, вновь всполошило единомышленников Элизбара Эристави. И поэтому, когда Бесики, поднявшись по каменной лестнице, открыл дверь просторного зала, он остановился в изумлении: сегодня у Эристави собралось множество народу. Здесь находились и отец Бесики Захария, и братья его Осе и Николай, и даже сестра Мелано. Все были охвачены радостным возбуждением.

— Что произошло? — вырвалось у Бесики.

— Два радостных события, сын мой, — отвечал поэту вместо хозяина дома старый Захария. — Первое — это то, что царевич Александр изволил прибыть в Ахалцихе. Быть может, мне все же будет дано еще раз преклонить колени на пороге Сионского храма. А второе — то, что нашей надежде и утехе, Анне, господь даровал сына.

— Неужели царевич в Ахалцихе? — удивился Бесики, обходя молчанием известие о рождении ребенка у Анны. — Напрасно он изволит стараться. Теперь, когда

Соломон и Ираклий заключили мир, Ахалцихский паша не сможет помочь царевичу!

— Почему?! — почти одновременно воскликнули Элизбар и Захария.

— Слышали — Ахалцихский паша велел передать Соломону: обещай не впускать русских в свою страну и проси у меня чего хочешь, как у родного отца, — все исполню!

— Ну и что же? — спросил Элизбар.

— А то, что Соломон, заботясь о прочности своего тыла, должен остерегаться ссоры с Ираклием. Если Ахалцихский паша натравит Александра на Картли, пока мы будем воевать с абхазскими владетелями, Ираклий подумает, что это вновь происки Соломона, и налетит на нас, как коршун...

— Эх, я вижу, ты совсем отвернулся от царевича Александра, — сказал сыну Захария. — Не порть нам настроения, мы все тут готовы петь от радости. Или ты зря объехал чуть ли не весь свет, рискуя собственной головой, чтобы привезти сюда царевича? Что ж ты растерялся от первой же неудачи?

— Оставьте всякую надежду на Александра, — сказал угрюмо Бесики, устремив взгляд в землю, и продолжал, как бы разговаривая сам с собой: — У царевича нет счастья и...

Он хотел добавить — «и нет ума», но удержался.

— ...он никогда не овладеет картлийским престолом. Если счастье на твоей стороне, будь ты нищ и одинок, как перст, скитайся бос и наг посреди пустыни, — все само поплывет тебе в руки: из земли забьют ключи, с неба посыплется манна и царства земные прострут у твоих ног. Все улыбалось этому несчастному — иранский шах собирался дать ему войско, но накануне протянул ноги. Фатали-хан забрасывал царевича письмами, звал, сулил несметные полки, а потом отпустил ни с чем. Наконец Соломон, сами знаете, пригласил его из Персии, обещал все взять на себя — и вот... Все, все уплыло у бедняги между пальцев. А вы думаете, что Ахалцихский паша ему поможет! Если бы Ахалцихский паша имел достаточно силы, он сам давно пристроился бы к пирогу!

Войско стало собираться в воскресенье с утра. Был солнечный день. В небе плавали редкие белоснежные облака. Солнце припекало не по времени года; лишь изредка, когда облако на минуту закрывало его, наступала приятная прохлада.

Призванные собирались на площади. К беседке на восьми столбах, возвышавшейся над каменным цоколем, подходили все новые и новые отряды. Предводительствующий ими князь или дворянин докладывал дежурному сардару:

— Явился к государю со столькими-то и столькими-то верховыми и пешими воинами.

Или гораздо чаще так:

— Явился к государю со столькими-то и столькими-то моими сыновьями и зятьями,—и называл свое имя и фамилию.

Секретари тут же записывали в книги, какой именно князь или дворянин прибыл и со сколькими пешими и конными людьми.

Все без исключения—и князья, и дворяне, и в особенности крестьяне—явились в поношенном, изодранном и чиненном платье. Все это множество людей напоминало скорее толпу нищих, нежели воинское ополчение. Крестьяне по большей части попросту не имели никакой иной одежды, а князья и дворяне нарочно нарядились в старье, так как колючие кустарники Мегрелии и Абхазии все равно превратили бы все надетое на них в лохмотья. Лишь немногие были хорошо вооружены. Князья, правда, все имели и саблю, и кинжал, и ружье, и пистолет, но из дворян победней лишь редко у кого можно было увидеть огнестрельное оружие, а среди крестьян наиболее вооруженным считался тот, у кого висел на поясе кинжал. Большинство крестьян явилось с заткнутыми за пояс топорами. Многие вырезали себе длинные палки, чтобы сделать из них пики—наконечники они рассчитывали получить в Кутаиси. И в самом деле, кутаисские кузнецы, по приказанию Бери Цулукидзе, целый день ковали острия для копий.

С самого утра сардары начали распределять людей по полкам, или, как говорили тогда, по знаменам. Пло-

щадь была разделена на три части. На одном краю строилось правое крыло, на другом—левое, а посредине разместились воины передового знамени. У каждого знамени был свой полководец—сардар, у каждого сардара—свои минбаши и узбаши (начальники тысяч и сотен). Сардары знали наизусть, кто к какому знамени принадлежал, и сообразно с этим немедленно направляли вновь прибывших на свои места.

Бесики весь день провел на площади, где, кроме него, находились начальник конного войска Папуна Церетели, начальник пеших полков Бери Цулукидзе, мдиванбег Давид Квинихидзе и три или четыре секретаря.

Давид Квинихидзе диктовал секретарям, кого в какие книги записывать, и тут же, на ходу, рассказывал Бесики о подъезжающих дворянах.

— Вон приехали члены клятвенного союза. Видишь там впереди высоких, лысоватых людей? Это — Лордкипанидзе, владельцы Ахалбедисеули. А вон те, коренастые и длинноусые,—дворяне Месхи из Цхукури. Там, подалее, гвиштибские Авалиани и владельцы Чунеши Иоселиани. Они живут в Цхалтубо, в их владениях находятся источники целебной воды. Вон беспечные кутилы Гогоберидзе и забияки Микаберидзе. Не советую в праздник садиться вместе с ними за стол — испортят все веселье. А это—Кипиани, они славятся своим пением, но буйны во хмелю. Вон приехали Коркашвили из Опичхети, люди серьезные и степенные. А вот и братья Яшвили, первые в веселье, знающие себе цену. Вон молодой Угрехелидзе с лихо закрученными усами; вон большеголовые Григорашвили и выходцы из Сванети Чабукиани...

— Почему их называют членами Клятвенного союза?

— Все эти люди собираются каждый год пятнадцатого мая вместе со своими крепостными и с духовенством под одним древним дубом в Лекерца и приносят перед образами торжественную клятву соблюдать верность царю. Члены Клятвенного союза имеют отдельное знамя, предводитель их — вон тот седой человек, Бери Лордкипанидзе. Он получил от царя княжеский титул, отличившись во время взятия Кутаисской крепости.

К полудню почти все войско было в сборе. Запоздали только рачинцы, но уже получено было известие, что они перевалили через Накеральские горы и можно ожидать их появления с минуты на минуту. Воины разошлись по отведенным для них местам и расположились группами на земле. Одни с аппетитом ели, другие прилаживали к ногам поудобнее обувь—каламаны или бандули, третьи мастерили пики, прикрепляя острия к длинным, чисто обструганным палкам, четвертые шарили в сумках, туго набитых провизией. Местами воины, собравшись в кружок, заводили песни и плясали. У многих ополченцев не было ни провизии, ни оружия и даже почти никакой одежды, но зато они были полны надежды все себе раздобыть в походе.

На колокольне храма Архангела зазвонили колокола. Все встали, и вдруг стало ясно, что собралось многочисленное войско. Целый лес остроконечных пик поднялся над запруженной людьми площадью. Из храма вышла группа священнослужителей в облачении, предводительствуемая кутаисским митрополитом. Одновременно в воротах дворца показался царь в сопровождении своего брата Арчила, высших сановников и придворных. Соломон приблизился к митрополиту, преклонил колени и принял его благословение. Затем он поднялся на возвышение, а митрополит обошел ряды воинов и окропил их святой водой. К возвышению подскочил царский знаменосец—Отия Лордкипанидзе из Сачинс. Он держал в руках государственное знамя, обернутое вокруг древка и обвязанное шнурами. Знаменосец развязал шнуры, крутя древко, развернул полотнище и высоко взметнул царское знамя. Все войско во главе с самим царем, осеня себя крестным знаменем, опустилось на колени. Митрополит благословил знамя и отслужил краткий молебен. Началась переключка, по площади разнеслись приказания военачальников:

— Отряд Георгия Цулукидзе — в дорогу! За ним — Зураб Микеладзе со своими людьми. Вслед за Микеладзе выступает Кайхосро Чачиашвили.

— После Чачиашвили выступать Константину Копадзе.

— Гегелашвили, следуй за Копадзе!

— Чикваидзе, не отставай от Копадзе и, смотри, не гоняйся за кошками по дороге!

Услышав это, Давид Квинихидзе расхохотался и обернулся к Бесики, следившему за передвижениями войска.

— Знаешь, зачем этому Чикваидзе напомнили про кошек?

— Не знаю.

— Когда члены Клятвенного союза брали Кутаисскую крепость, Чикваидзе участвовал в штурме вместе со своим гостем Авалиани. В самом разгаре боя, ворвавшись во двор крепости, он увидел вдруг на дереве кошку ангорской породы. Эти кошки у нас очень ценятся. Знаешь их, наверное.

— Ну как же, с длинной шерстью и пушистым хвостом.

— Вот именно. Так вот, забыл наш Чикваидзе, что он в бою, и в этой кровавой толчее погнался за кошкой. Тут навстречу ему попался какой-то турок, спасавший свою шкуру. Чикваидзе и начал упрашивать турка: поймай, дескать, мне эту кошку, и я заплачу тебе, сколько скажешь, не поскоплюсь. Турок-то в душе считал себя погибшим и думал только, как бы найти лазейку и удрать. Но от этих слов он сразу отрезвел, схватился за свой кривой нож, и пропал бы наш Чикваидзе из-за кошки, да на его счастье случился тут же русский солдат и проткнул турка штыком...

Понадобилось немало времени для того, чтобы все пешее войско в походном порядке выступило в путь. Тем временем построились и тронулись конные части. Наконец, когда солнце склонялось уже к западу, площадь опустела. Последним отправился царь со своей свитой, состоявшей в основном из сановников и дворцовых служащих. В свите царя находился и Бесики.

Прежде чем Соломон миновал Огаскура, его нагнал слуга, посланный из дворца. Царский домоправитель общал, что прибыли послы из России и никто не знает, как с ними быть,—во дворе не осталось ни одного человека, владеющего русским языком.

— Послы из России?—удивился Соломон и взглянул на Давида Квинихидзе.—По какому же делу? Это или

очень хорошо, или очень плохо. Возвращаться с дороги не годится, я это по опыту знаю. Господин Давид, скачите в Кутаиси и привезите послов. Мы поедем медленно и будем ждать вас у Губис-Цхали.

Давид Квинихидзе предложил Бесики ехать вместе с ним, и оба повернули лошадей назад, к Кутаиси.

— Любопытно, что под этим кроется?—спрашивал Давид своего спутника. — Может, смилостивился бог, и Россия снова вспомнила о нас?

— Наверное, императрице понадобилась наша помощь в борьбе против турок, а то она не стала бы ради нас беспокоиться.

— Ты так думаешь?

— А скорее всего в Петербурге вспомнили, что не имеют у нас ни одного наблюдателя, и прислали своего человека. Так было и в Тбилиси. Там у Ираклия сидел некто Рейнеггс — он назывался собственным врачом царя.

— Знаю, он и у нас побывал.

— После ахалцихского похода Ираклия этот Рейнеггс уехал вместе с Тотлебенем, а теперь, я слышал, вернулся в Тбилиси и снова состоит при дворе. На этот раз он приехал в качестве доверенного лица князя Потемкина.

— Так, так... Я уже догадываюсь, кто к нам приехал. Ты прав, должно быть, из России прислали к нам медика. Соломон уже давно писал императрице, прося предоставить ему опытного врача. Он ведь в любую минуту ожидает припадка падучей болезни, да и без этого у государя немало недугов... Около него постоянно должен находиться врач. Наверное, это он и прибыл.

В самом деле, как только Давид и Бесики появились в Золотом Шатре, к ним подошел светловолосый человек среднего роста, в форменном русском сюртуке и треугольной шляпе.

— Николай фон Виттенбург, придворный лекарь ее императорского величества, — представился он обоим придворным.—Прибыл ко двору царя Соломона по повелению императрицы.

— Очень, очень приятно!—сказал ему Давид.—Наверное, устали с дороги. И все же я вынужден вновь потревожить вас. Прошу поехать вместе с нами вслед за



государем. Его величество ждет вас с нетерпением. Мы быстро нагоним его.

— Ничего не подслаешь! — сказал со вздохом Виттенбург.—Хотя, должен вам сказать, я так утомлен, что, если меня не подсадят, не смогу взобраться на лошадь. Шутка ли сказать—ведь я проделал такой огромный путь!

Виттенбурга сопровождал десяток слуг, которых Давид поручил царскому домоправителю, приказав разместить их и обеспечить им все необходимое. Затем все трое сели на коней и пустились рысью по Квитирской дороге.

Был уже вечер, когда они догнали царскую свиту, и Давид представил Соломону лекаря, присланного Екатериной.

\* \* \*

В Бандза Соломона поджидал правитель Гурии со своим войском. Гуриели привел с собой всего около двух тысяч человек, и отряды его мало чем отличались от полков Соломона как по вооружению, так и по одежде. Одни только князья щеголяли в хорошо скроенных, затянутых гурийских чакурах, и головы их были красиво повязаны башлыками, обшитыми по краю позументом. Зато все остальные — как крестьяне, так и дворяне — были одеты одинаково бедно, с единственной разницей, что у дворян на ногах все же можно было увидеть мягкие сапоги или хотя бы каламаны, тогда как крестьяне были все поголовно босы. Впрочем, гурийцы, были вооружены лучше, чем имеретины. У многих на плече висели очень красивые, выложенные перламутром турецкие ружья, и из-за пояса, на животе, торчали рукоятки тяжелых, неуклюжих пистолетов.

Соломон объехал на своем белом коне, в сопровождении Гуриели, ряды гурийских воинов, похвалил их оружие и снаряжение и отдал приказ о выступлении. По совету Гуриели, имеретинский царь избрал короткую дорогу—от Накалакеви он повел войска прямо через холмы и, миновав Лесечине, сразу достиг столицы Одиши, города Зугдиди.

Соломон хотел нагрянуть к Дадияни без предупреждения и, внезапно появившись перед его дворцом, шутиво пожурить правителя за плохое гостеприимство. Но весть о приближении Соломона поразительным для него образом летела впереди войска. Он еще не выступил из Лесечине, а в Зугдиди уже было известно, что приближается имеретинский царь с бесчисленным войском. Качия Дадияни немедленно в сопровождении тысячи человек поскакал навстречу Соломону. С плачем и горестными восклицаниями, колотя себя кулаком по голове, выразил мегрельский владетель Соломону соболезнование по поводу смерти единственного сына и наследника и извинился за то, что не присутствовал на похоронах царевича.

— Нет, не помощь, а примерное наказание заслужили мы, государь! Позор мне, не сумел приехать, чтобы отдать последний долг сыну моей сестры! Но это все, государь, вина злобных и коварных людей, разлучивших и рассоривших нас, единую плоть и кровь! Не щадите меня, государь, ничего мне не прощайте!—воскликнул престарелый Качия Дадияни, проливая горячие слезы на плече у Соломона.

Обмен приветствиями и любезностями продолжался несколько часов. Мегрельские и гурийские князья подходили один за другим к царю, целовали его в плечо, затем низко кланялись царевичу Арчилу и его двенадцатилетнему сыну Давиду и наконец здоровались с приближенными и сановниками Соломона. Качия Дадияни приветствовал каждого из представителей имеретинской знати отдельно и почти всех подробно расспрашивал о их житье-бытье. Когда ему представили Бесики, он порывисто заключил поэта в объятия и засыпал его восторженными похвалами:

— Я так много о тебе слышал! Поистине, счастлив я, что вижу наконец тебя собственными глазами. Говорят, ты — слагатель прекрасных стихов и мудрец-златоуст!

Впрочем, Бесики был не единственный, кого Дадияни встретил с таким неумеренным восторгом. Мегрельский правитель лисицей увивался вокруг тех, кто был близок к царю Имерети, и почти каждому поднес ценные по-

дарки. Даже дворцового шута Табику он принял с немалым почетом и подарил ему такого огромного коня, что все войско сбежалось посмотреть на чудо-всадника. В самом деле, лошадь была ростом с верблюда, и, увидев на таком чудовище карлика, ни один человек не мог удержаться от смеха.

Кация Дадиани не зря так заискивал перед приближенными Соломона. Правителя Одиши мучил страх, как бы имеретинский царь не переменял решения и не помирился с Келешбегом Шервашидзе. Лазутчики Дадиани свободно входили в абхазский лагерь и осведомляли своего господина обо всем, что там творилось. Кация было известно, что абхазские правители решили, если Соломон окажет поддержку Дадиани, во что бы то ни стало заключить мир с имеретинским царем и даже в крайнем случае признать его власть над собой. Среди абхазов издавна распространился слух, будто у имеретинского царя дурной глаз и один его взгляд сваливает всадника с коня, а пешего сшибает с ног. Подобные рассказы настолько запугали суеверных абхазов, что они в один голос твердили: «Если Соломон явится на помощь к Дадиани,—нам конец!» Таким образом, победа абхазов становилась весьма сомнительной, хотя войско у них было немалое—свыше двенадцати тысяч человек—и вооружением они превосходили имеретин. У них имелись пушки и сверх того до сотни крепостных ружей. К тому же воины, не обладавшие ружьями, наладили себе старинные луки со стрелами, считая это оружие более надежным. В ближайшем бою ружье оказалось совершенно непригодным: после каждого выстрела надо было заряжать его через ствол и насыпать на полку порох, а на все это уходило много времени. Между тем, чтобы вытащить стрелу из колчана и натянуть лук, требовалось одно мгновение. Стрелы у всех были железные или со стальными наконечниками и так заострены, что пронзали человека насквозь, если на нем не было панциря или кольчуги.

Князя Шервашидзе, естественно, надеялись, что Соломон не придет на помощь к Кации Дадиани и они легко расправятся со своим соперником. Но вот дошли до них тревожные слухи, и все четверо правителей не-

медленно собрались, чтобы решить сообща, как поступить, если Соломон выступит на стороне Дадияни. Изумленный, привыкший к бездеятельности Келешбег был сторонником примирения. Правда, турки его не поблагодарили бы за это, но и в случае поражения он не мог ждать от турок ничего хорошего. За мир с Соломоном высказались также Зураб и Леван, поставив, впрочем, условием, чтобы Дадияни окончательно отказался от притязаний на Самурзахано. Один только Бекирбег, знаменитый своей отчаянной храбростью, утверждал, что меч, выхваченный из ножен, должен непременно обогреться кровью.

Все это было известно Кации. Он боялся мира между Шервашидзе и Соломоном, так как знал, что при этом утратит всю свою власть и независимость: договорившись с абхазами, имеретинский царь сразу достигнет заветной цели, которой так долго старался добиться. А если Кация Дадияни попробует заупрямиться, грозный царь свернет шею непокорному вассалу, точно цыпленку.

Кация пригласил Соломона на пир, но царь с улыбкой отвечал ему, что хотел нагряться неожиданно, а поскольку шутка не удалась, предпочитает отложить пир до победы,—тогда это будет более уместно.

И Соломон отдал приказ к выступлению.

От Зугдиди до крепости Рухи путь недалекий. К вечеру имеретинские войска разбили лагерь рядом с мегрельскими, вблизи Энгури, образующего на этой равнине целую сеть разветвлений. Абхазские полки еще днем подступили к Энгури с противоположной стороны, перешли через основной его поток и расположились на обширном поле, представлявшем собой остров, омываемый двумя рукавами реки.

Соломон сделал смотр войскам Дадияни, прибывшим сюда еще раньше. Мегрелы сидели группами и беспечно напевали. Увидев приближающегося царя, все с живостью вскочили на ноги и приветствовали Соломона низкими поклонами. Они были одеты так же бедно, как имеретины. Тело каждого воина покрывала длинная, мешковатая рубаха, достававшая до колен и похо-

жая скорее на женское платье. Многие вовсе не имели на себе шаровар—их заменяли высокие ноговицы. Мегрелы так же, как имеретины, были за редким исключением босы, но зато у каждого висел на плече башлык из шелка или из домотканного полотна. Соломон знал, что одежда и головные уборы абхазов не отличаются от мегрельских. Поэтому он приказал мегрелам завязать башлыки, перекрестив концы их на груди, чтобы имеретины и гурийцы легко могли отличить союзника от вражеского воина.

Затем Соломон приказал разбить войска по знаменам, разместить полки поодаль друг от друга и зажечь как можно больше костров, чтобы численностью их навести страх на неприятеля.

Абхазы, по-видимому, стремились не отставать от имеретин. Они также разожгли множество костров и во всю мочь распевали свое «Вай-да-варира». Но веселье их продолжалось недолго. Лагерь Соломона разрастался, линия костров уходила все дальше на север и на юг, дугой окружая неприятеля, и песни абхазов звучали все слабее и слабее. Вскоре абхазы вовсе умолкли. Объятые тревогой, глядели они на россыпь мерцающих в темноте огней.

Кация Дадиани все же поставил на своем: он устроил пышное угощение в честь царя на свежей зеленой луговой мураве. Поодаль от пирующих пылали три огромных костра, и в поле вокруг них было светло, как днем. Рядом с царем сидели представители наиболее знатных мегрельских родов — князя Чиквани, Пагава, Сабахтарашвили и многие другие, а Дадиани был окружен имеретинскими и гурийскими вельможами. Слуги сломя голову бегали во все стороны, ежеминутно поднося гостям новые кушанья — зажаренных целиком баранов, вареную говядину, тушеный ливер, шашлыки из филея на длинных вертелах. Виночерпии ходили вокруг стола с огромными кувшинами, полными старого оджалеши, и поочередно наполняли пирующим огромные роги. Вместо хлеба гостям поднесли куски гоми (крутой просяной каши) на ореховых листьях. Только царю в виде исключения подали один продолговатый грузинский хлеб, но и тот он, улыбаясь, велел поднести своему зятю Элиз-

бару Эристави и Бесики, как картлийцам, не привыкшим к гоми.

Хозяину хотелось, чтобы пир продолжался как можно дольше, но царь рано встал из-за стола и направился к своему шатру.

Лагерь погрузился в сон. Бодрствовали только часовые, не сводившие глаз с неприятельского лагеря.

Ночью Качия Дадияни послал к абхазам разведчиков. Он хотел узнать, какое впечатление произвело на них прибытие Соломона и каковы намерения Шервашидзе.

Разведчики вернулись перед рассветом и рассказали Дадияни обо всем, что делалось в абхазском лагере. Известие о приближении имеретинских войск, словно гром поразило всех четверых Шервашидзе; они, как этого и боялся Качия, решили вступить в переговоры с Соломоном.

Дадияни, нахмурысь, выслушал донесение и тотчас же созвал своих приближенных.

— Посоветуйте, что делать?—спрашивал с растерянным видом он то одного, то другого из князей.—Такой удобный случай больше не повторится. Если мы сегодня не рассчитаемся с Шервашидзе, бог знает, как еще обернется для нас будущее!

— Не будем ждать замирения! Как только рассветет, мы сами и начнем сражение—царю останется только присоединиться к нам! — посоветовал сахлт-ухуцеси.

— Нет, это невозможно! Государь находится в лагере, если я осмелюсь опередить его, он совсем от меня отвернется!

— Почем знать, может, они еще не договорятся, — сказал брат Качии, сардар Георгий Дадияни.

— Договорятся, в этом нет никаких сомнений. Им выгоднее прийти к согласию. Тогда они крепко свяжут и стиснут меня! Соломону стоит только сделать знак этим Шервашидзе, — они тотчас же разорвут меня на части, как коршун цыпленка! Господин мой зять только затем и просил помощи у русских, чтобы я, Дадияни, покорился ему! Теперь он спешно прибыл сюда, будто бы на помощь, а на деле хочет подобраться сзади и связать мне руки за спиной! Да что это за царь, чем он лу-

чше меня? Разве он богаче, чем я? Или владения у него обширней моих? Схватил беднягу Ростома Эристави, ослепил, отнял все, что у него было, и гордится этим! Нас он не надеялся одолеть, а то мне пришлось бы еще хуже! — Кация поглядел по сторонам и приказал своему слуге:—Ступай, приведи сына моей кормилицы, Кици Эшбайа.

Потом обратился к приближенным:

— А вас прошу,—почивайте, отдохните!

Все ушли. Скоро в шатер вошел Эшбайа — чернобородый человек со сверкающими глазами. Вошел и сел у погасшего очага.

— Пойдешь на тот берег,—сказал Кация шепотом молочному брату, готовому броситься за него в огонь.— Вот возьми кошелек — в нем десять золотых. Разущи Левана, пушкаря Шервашидзе, мужа твоей тетки. Если завтра пришлют оттуда к нам человека для переговоров, дай Левану эти деньги и скажи, чтобы он взял на прицел царский шатер. Как только посол Шервашидзе выйдет из царского шатра, пусть он выстрелит из пушки...

— В кого? В царя? Ох!—вырвалось у изумленного Эшбайа.

— Замолчи! — рассерженный Кация не то что прошептал, а прошипел это слово, опустив гласные звуки, так что получилось «змлч!».—Будешь тут мне разводить охи и ахи! А узнаешь ты царский шатер?

— Как не узнать! Я же его видел. Цветной флаг над ним развевается.

— Он стоит на пригорке.

— Знаю. Не ошибусь.

— Ну ладно. Так вот, смотри: на башне крепости Рухи я поставлю человека. После того как наведете пушку на царский шатер, смотрите на эту башню. Оттуда вам дадут знак—махнут башлыком. Тогда и стреляйте.

— А если попадет в государя?

— Какое твое дело, в кого попадет? Из такой дали не то что человека поразить, а по шатру не промахнуться—и то большое дело!

— Ух, он такой меткий наводчик—в муху угодит!

— В муху! Может, в комара? Иди, много не разговаривай!

Эшбайа исчез в темноте, как призрак. Качия позвал слугу, приказал расстелить бурку и прилег, чтобы хоть немного поспать.

Проснувшись поутру, он услышал какой-то громкий протяжный крик, доносившийся со стороны неприятельского лагеря. Это муллы сзывали на молитву черкесов, аланов и абхазов-мусульман. Мегрельский сардар Георгий Дадияни немедленно прибежал к брату и торопливо проговорил:

— Если хочешь верной победы, надо напасть на них вот сейчас, когда они на молитве. Всех возьмем голыми руками.

— Пока царь не двинет войска, мы не имеем права схватиться с врагом,— ответил Качия.— Во-первых, это недостойный поступок—нападать на молящихся. А во-вторых, если мы первыми бросимся на абхазов, царь может и совсем не вмешаться в бой. Что, если он предпочтет смотреть со стороны на потеху? На каждом шагу необходима крайняя осторожность! Почему знать, может быть, он тайно договорился с Шервашидзе и обещал не мешать им, когда будут со мной расправляться?

— Очень уж ты подозрителен, так не годится! — упрекал брата Георгий. — Пойдем, явемся к государю, посоветуемся с ним.

— Он сам нас должен позвать. Зачем я буду пороги у него обивать?

В самом деле, скоро явился царский посланный и пригласил Дадияни на совещание к царю.

Качия тотчас же созвал своих приближенных и вместе с ними направился к шатру Соломона. Лагерь уже был на ногах; мегрельские крестьяне почтительно приветствовали своего правителя.

Когда мегрельские вельможи приближались к царскому шатру, со стороны Энгури раздался крик. Оглянувшись, Качия и его спутники увидели трех человек. Один из них, встав на пень, размахивал башлыком и кричал по-грузински: «Не стреляйте, я посол! Не стреляйте, я посол!»



Кация вздрогнул, заволновался.

— Смотрите! Я говорил!

От стоянки Соломона поскакало навстречу парламентам несколько всадников. Они спешили и повели посла к царскому шатру. Остальные два абхаза, по-видимому, слуги, остались около лошадей.

Кация сделал знак своим спутникам и быстрым шагом направился к царскому шатру.

Здесь, перед шатром, уже собрались все военачальники имеретинского войска. Тут же находился и Гуриели.

Кация поздоровался с имеретинами и спросил Папуну Церетели:

— Государь желает с нами совещаться?

— Так он повелел, но тем временем от Шервашидзе явился посланный, по имени Учардия. Этот Учардия сказал, что ему приказано переговорить с государем наедине, и просил, чтобы при беседе никто не присутствовал.

— Может, бог даст, все кончится мирно? — сказал Кация простодушным тоном. — Но как вы допустили, чтобы он остался с государем наедине? Что, если он замыслил злодейство?

— Об этом не заботьтесь — он безоружен, мы обыскали его. Кроме того, царевич Арчил находится при государе.

— Не обманывают ли нас Шервашидзе? Может быть, они хотят только выиграть время?

— Ясно, они хотят нас обмануть, — поддержал брата Георгий Дадиани: — Не верю я, что они желают мира! Откуда только не привели войска — есть у них и черкесы, и аланы, и крымские татары, и кемурги, и кипчаки, не говоря уж о самих абхазах. Не может быть чтобы они ушли домой, не сразившись.

— Напрасно теряет время государь! — зашумели мегрельские князья. Каждый из них обращался к кому-нибудь из имеретин, и около шатра поднялся такой гомон, что сахлг-ухуцеси вынужден был попросить всех соблюдать тишину. Говорившие притихли, зашептались, но скоро вновь постепенно повысили голос, и опять стало шумно. Церетели во второй раз заставил их замолчать.

Высокий, чуть сгорбленный в плечах Учардия предстал перед Соломоном, низко склонив голову. Царевич Арчил сидел рядом с царем, и абхазский посланец несколько растерялся. Он не знал, который из двоих царь, и поэтому постарался произнести приветствие так, чтобы не ясно было, к кому оно обращено.

— Слава и почет царю Имерети от повелителя моего, Келешбега Шервашидзе.

— Да продлится жизнь правителей Абхазети, красы моего царства! — ответил Соломон.

На этот раз Учардия узнал царя. Он скрестил руки на груди, склонился еще ниже.

— Я прислан к вам для переговоров, великий государь!

— Кто ты такой?

— Меня зовут Учардия, великий государь!

— Веруешь в Христа или тоже, как твой господин, стал мусульманином?

— Ах нет, государь, как можно! Я христианин, клянусь илорским святым Георгием! — и Учардия перекрестился.

— Это хорошо. Сегодня утром, когда ваши муллы подняли крик, я не знал, куда деться.

— Муллы призывали к молитве черкесов и аланов, государь. Есть и у нас мусульмане, но их немного.

— Говори же, зачем ты явился?

— Великий государь, когда наши правители узнали, что вы изволили прибыть с войсками, они очень огорчились: с царем Соломоном нам незачем враждовать, сказали господа Шервашидзе. Затем и послали меня, чтобы я доложил вам об этом.

— И я так думаю. У нас нет причин для вражды. Мы должны обо всем договариваться мирно и жить в дружбе между собой. Хватит с нас и внешних врагов.

— Мои повелители приказали доложить вам: Кация Дадияни один во всем виноват. Он сеет смуту, не дает нам покоя, грабит и разоряет наш народ, угощает у нас стада. Знает Кация, что мы признаем вашу власть и желаем всегда подчиняться вам! Вы помните, государь, о верной службе Хутунии Шервашидзе! В Абхазии не за-

были его примера—как мы все, так и его сыновья Леван и Зураб. И сейчас они оба умоляют вас, государь, как родного отца: не отдавайте нас в руки Кациа Дадиани, прикажите ему вернуться домой и требуйте от нас любой службы! Дадиани твердит, что Самурзахано принадлежит ему. Господи помилуй! Как же это может быть, когда само название Самурзахано дано этому краю по имени Мурзахана Шервашидзе! Чего от нас хочет этот выскочка Чиквани, присвоивший имя и титул Дадиани? Умоляем, государь, избавьте нас от него! Если вы дадите господам Шервашидзе обещание остановить Кацию Дадиани, они немедленно отзовут и распустят свои войска, а сами явятся к вам с изъявлением покорности. — Тут Учардия понизил голос: — Если мы договоримся без кровопролития, государь, то Дадиани будет у нас в руках; в страхе перед нашей общей силой он и слова не посмеет сказать вам наперекор! Кациа смертельно боится, как бы мы не договорились о мире. Если угодно, пригласите его, государь, и будем разговаривать при нем. Увидите — он заупрямится, подбросит камень и подставит голову!

— Чего же хотят Шервашидзе? Они не называли своих условий?

— Чего им еще желать, кроме вашего долголетия, государь! То, что нам нужно, мы будем требовать от Дадиани, с ним у нас другие счета. Воевать не будем, но с вашей помощью договоримся и с ним, великий государь! Что еще мы можем сказать?

— Хорошо, я согласен заключить мир, но только выслушай внимательно мои условия и передай их пославшим тебя. Нет для меня цели более высокой, нежели та, к которой стремлюсь: восстановить могущество и величие нашей страны. Я требую покорности от Шервашидзе не ради стяжания богатств и почестей, а для того, чтобы возросли силы нашего государства. Я хочу положить конец насилиям турок в нашей стране, прекратить их разбойничий разгул, чтобы Грузия могла свободно вздохнуть. Нам ничего не нужно от князей Шервашидзе — ни их владений, ни дани, ни заложников, ни повинностей. Я требую только одного: чтобы они признали власть нашу над собой, как признавали ее их предки, чтобы считали

врагов наших за своих врагов, как и я сочту врагов их своими врагами. Пусть дадут клятву верности, и когда я позову их на войну, пусть пожалуют с войском и будут свершать вместе с нами бранный труд во имя благоденствия страны. Если господина Шервашидзе согласятся на мои условия, пусть пожалуют все четверо к нам — я встречу их на берегу Энгури, и сегодня они будут гостями в моем шатре, а завтра я сам приеду как гость в ваш лагерь.

Учардия взглянул на царя просиявшими глазами. Он не ожидал, что дело сразу примет такой удачный оборот.

— Скажи им еще, — продолжал Соломон, — что я пожалую всем четверым первые должности в государстве, а бичвинтского епископа сделаю верховным пастырем всей Имерети и Абхазии.

— Боже всемогущий! — перекрестился и воздел руки Учардия. — Благодарю тебя за то, что столь благополучно завершил дело наше и избавил нас от пролития братской крови! Заранее поздравляю вас, государь! Правители Абхазии, разумеется, примут ваши условия без всяких оговорок.

Соломон ударил в ладоши и приказал вошедшему воину позвать к нему Дадиани, Гуриели, Папуна Церетели, Бери Цулукидзе, Элизбара Эристави и статс-секретаря Габашвили. Когда все приглашенные вошли в шатер, Соломон предложил Учардия повторить условия мира перед сановниками и попросил каждого в отдельности высказать свое мнение.

Учардия, разумеется, и не заикнулся о требованиях, предъявляемых абхазами к Дадиани, и это возбудило в Качии сильнейшую тревогу. Поэтому он, почтительно поклонившись царю, сказал:

— Не считите за дерзость, но я доложу вам, государь, что слово Шервашидзе не заслуживает веры. Они затаили какой-то коварный замысел и нарочно прислали к нам посредника, чтобы выиграть время.

— Что скажет Гуриели? — обратился царь к правителю Гурии.

— О чем тут еще говорить, государь? Ночного вора изловят среди дня, гласит пословица; если тут обман, то он скоро раскроется. Этот человек обещает нам, что гос-

пода Шервашидзе перейдут через Энгури и явятся к вам. Подождем — если придут, встретим их, как друзей. Что может быть лучше, чем покончить дело миром? Зачем братьям воевать друг против друга? А если Шервашидзе не придут — что ж, меч у нас в руке, сразимся! Я с трудом сдерживаю свои войска, так и рвутся молодцы в бой! Кровь кипит в жилах у людей, еще немного, и хоть в цепи их заковывай, не удержишь!

— Каково мнение Церетели?

— Гуриели прав, государь! Нет ничего желаннее мирного окончания дела. Довольно с нас и бед, причиняемых турками, зачем еще на своих же братьев меч поднимать? Поистине, нас можно поздравить со столь счастливым исходом дела.

— Как думает Цулукидзе?

Бери Цулукидзе был глубоко уязвлен тем, что Соломон не спросил его мнения в первую очередь, и в сердцах, пожалуй, совсем бы не ответил царю, будь это возможно. Несколько мгновений он стоял молча, насупясь и вперив взор в потолок, словно обдумывал ответ.

— Что я еще могу добавить? Все уже сказано, и сказано правильно, — проговорил он наконец.

Царь догадался о причине досады Цулукидзе, и отсвет затаенной улыбки блеснул в его глазах. Потом он обратил выжидательный взгляд на Элизбара Эристави, спрашивая без слов его совета.

— Мое мнение — в полном согласии с вашим желанием, государь! — сказал Элизбар.

— Ну хорошо, — Соломон оглянулся, увидел Бесики, задумался на минуту, вспоминая, зачем приказал его позвать, но так и не вспомнил и, ничего не сказав поэту, обратился к Учардия. — Ступай же и повтори все, что слышал, перед твоими господами. Я буду ждать час. — Соломон вынул из кармана часы и отметил время. — Если в течение часа от вас не будет никаких известий...

— Зачем так долго, государь, мои повелители будут здесь гораздо раньше!

— Пусть сардары разойдутся по своим местам и будут наготове, — приказал Соломон.

Сановники поклонились царю и вышли из шатра. Первым удалился Даднани, за которым потянулись мег-

рельские князья. По дороге Дадиани вынул из кармана шелковый платок, махнул им, как бы встряхивая, и отер пот с лица.

— Обманывают нас абхазы! — крикнул он так, чтобы как можно больше людей слышало его. — Лгут они, я хорошо их знаю!

И, сказав это, встряхнул еще раз свой пестрый платок перед тем как вытереть лоб.

Внезапно со стороны абхазского лагеря донесся грохот пушечного выстрела, и около самого царского шатра ударилось ядро.

— Вот! — вскричал Качия. — Я же говорил!

— Измена! Измена! — зашумели мегрельские князья, и весь лагерь сразу всполошился, объятый волнением.

Учардия уже приближался к Энгури. Здесь его ждали двое слуг с лошадьми. Выстрел был для него совершенно неожиданным, и он, пораженный ужасом, на мгновение застыл на месте.

Изумленно взглядывался он в абхазский лагерь.

Прежде чем несчастный успел догадаться, что случилось, Качия Дадиани закричал: «Скорей за этим негодем! Не выпускайте его живым!» Правитель Мегрелии сообразил, что вся его хитрость раскроется, если только Учардия попадет к своим. Он приказал своим людям во что бы то ни стало расправиться с абхазским послом и обещал щедрую награду тому, кто принесет его голову.

Слуги Дадиани тотчас же достали тяжелые, длинноствольные ружья и осыпали Учардию градом пуль. Бедняга попытался спастись бегством, но не успел ступить и нескольких шагов, как его настиг выстрел и он упал, хватаясь за кусты. По-видимому, он был убит наповал, так как лежал не шевелясь, но мегрельские стрелки, состязаясь друг с другом, всаживали в него пулю за пулей.

Абхазы ответили выстрелами на выстрелы, и войска их задвигались, готовясь к атаке. Они строились в боевые порядки и разворачивали знамена. Пронзительно визжали флейты и роги, гремела боевая песня «Вай-да-ва-рира».

Соломон и Качия находились в выгодной позиции — их войска стояли как бы на невысоком плоскогорье, ко-

торое господствовало над обширным руслом Энгури, разделенным на многочисленные островки узкими рукавами реки.

По замыслу Соломона, в сражение должны были сначала вступить пешие части. Конные войска он собирался бросить в бой позднее, когда выяснится, где выгоднее нанести ими удар.

Бесики вместе с другими придворными оказался в запасном конном отряде, которому была дана задача преградить путь бегущему неприятелю. Этот отряд должен был стоять в тылу и принять участие в битве только в том случае, если на каком-нибудь участке из-за перевеса врага возникнет напряженная обстановка. Поэтому почти все время он и Давид Квинихидзе наблюдали за ходом сражения издали, причем Давид подробно объяснил Бесики все, что происходило на поле боя.

Соломон как будто и не торопился атаковать. Когда пушечное ядро ударило возле самого царского шатра так, что земля затряслась у Соломона под ногами, царь вышел и с удивлением спросил, что случилось.

К нему мгновенно подскочили мегрельские князья—держались они почтительно и оставались в некотором отдалении, но в волнении не давали друг другу говорить—и засыпали Соломона возмущенными возгласами:

— Ведь говорили мы, государь!..

— Ох, ох, что же это такое? Мыслимо ли такое коварство?

— Едва дождались конца переговоров!

— Говорю вам, этот Учардия приехал, чтобы указать пушкарю шатер государя!

— Правильно! Нельзя выпускать этого Учардия! Убить надо негодяя!

— Спыхватился! Его уже убили!

— Господин Качия сам его застрелил.

— Поднимайте, государь, войска! Приказывайте, а то опередят нас эти безбожники, эти басурманы!

Бери Цулукидзе, не вытерпев, в сердцах прикрикнул на них:

— Займитесь лучше своими делами! А мы тут и без вас знаем, что делать!

Соломон глядел в подозрную трубу на абхазский

лагерь, наблюдая за движениями войска противника, и коротко отдавал приказания:

— Бери Цулукидзе! Прикажите передать Дадиани— пусть больше не медлит.

Через несколько минут в лагере Дадиани поднялся шум. Мегрельские знаменосцы вырвались вперед, и войско Одиши с оглушительным боевым кличем рассыпалось по каменистому руслу реки. В то же мгновение сорвалась с места лавина верхнеимеретин, предводительствуемых Кайхосро Церетели, и поплыло вперед развевающееся знамя.

— Скажите Агиашвили, чтобы обошел врага со стороны того большого дуба,—бросил Соломон, и гонец со всех ног помчался передавать приказание.

Вскоре около дуба взвилось желтое знамя Агиашвили, как бы летевшее над ольховыми зарослями. Воинов не было видно.

Среди абхазов вначале произошло небольшое замешательство. Причиной его был неожиданный пушечный выстрел, прогремевший в их лагере. Бекирбег в изумлении спросил Келешбега, что случилось и кто приказал стрелять? Накануне, во время совещания со своими родичами, Келешбег предлагал установить, где находится царский шатер, и ударить по нему из пушки: гибель Соломона обеспечила бы абхазам легкую победу. Но Бекирбег разбранил племянника и сказал, что такой способ выигрывать битвы достоин лишь труса и предателя.

Сейчас он решил, что выстрел произведен по приказу Келешбега, но тот поклялся, что ничего не знает. Тогда Бекирбег вскочил на коня, подскакал к пушкарю и в ярости гаркнул на него:

— Кто тебе велел стрелять?

Пушкарь побледнел. Лишь сейчас он понял, что совершил что-то ужасное и что проступок может стоить ему головы. «Ну конечно, кто же мне дал бы ни за что ни про что пять золотых? — мелькнула горькая мысль у него в голове. — Погубил меня проклятый свойственник!»

— Кто приказал, слышишь или нет? — загремел снова Бекирбег.

— Кто мог приказать, господин? — упал на колени



пушкарь. — В неприятеля полагается стрелять, как же иначе?

— Эй, корчибаш! Возьми его и заставь рассказать все без утайки! — бросил Бекирбег появившемуся словно из-под земли слуге с налитыми кровью глазами, а сам повернул коня и во весь опор понесся назад.

\* \* \*

Бесики и Давиду Квинихидзе не было видно целиком все поле битвы, хотя они сидели на лошадях и находились на возвышенном месте. Низина Энгури казалась издали кишашей суетливыми муравьями; они бегали во все стороны, сходились и расходились—казалось, что происходит не сражение, а какая-то забавная игра. Квинихидзе смотрел на поле битвы через подзорную трубу. Но и без нее он с легкостью определял наметанным глазом, что делалось на каждом участке, какие части где сражались и каков был общий ход сражения.

— Верхнеимеретины молодцы! — говорил он Бесики.— Их удар приняли на себя черкесы и аланы, но, видишь, наши задали перцу врагу и уже погнали его перед собой. Нижнеимеретинам и мегрелам приходится туговать. Видишь вон там всадника в красном, что скачет во весь опор? Это Бекирбег Шервашидзе. Вот, погляди в трубу. Нашел его?

Но прежде чем Бесики успел навести подзорную трубу и отыскать в поле зрения Бекирбега, тот уже скрылся за какими-то деревьями.

— Кто это там так смело ведет в бой свой отряд? — спросил Бесики, указывая на группу всадников, предводитель которой гнал коня во весь опор, размахивая саблей над головой.

— Это, должно быть, Чичуа. Да, молодцом дерется! А вон видишь — Георгий Дадиани. Любо посмотреть на него в бою — крепок, как скала, ростом всего-то с вершок!

Бесики не сумел поймать в поле зрения трубы ни Чичуа, ни Дадиани. Зато перед ним проходили одна за другой отдельные картины битвы, и он с напряженным вниманием следил за столкновениями бойцов. Длинная

раздвижная подзорная труба была очень неудобна, луч зрения сбивался от малейшего дрожания руки, и потому трудно было навести его на прежнюю точку, но Бесики все же успевал взглядеться в происходящее и увидеть во всех подробностях роковую схватку враждующих людей. Правда, он не мог отличить воина своей стороны от неприятельского. Ему видно было только, как схватывались между собой бойцы, как один одолевал другого, как потом на помощь упавшему спешил третий, замахиваясь кинжалом или пикой. Мимо этой группы пробегали другие, навстречу скакали всадники... Особенно густо роились люди вокруг знамени.

Внезапно прискакал гонец и крикнул:

— Верховые, вперед, за государем!

Давид и Бесики хлестнули коней и вместе с другими понеслись вскачь по спуску.

Особый конный отряд царя скакал, вытянувшись цепочкой по лесу, в неизвестном направлении.

— Куда мы едем? — спросил Бесики, но ему никто не ответил. И он невольно влился в эту лавину скачущих всадников. Обернувшись, он неожиданно увидел рядом с собой Садуна, восседавшего с самодовольным видом на рыжем жеребце.

— Садуна! Откуда?! — воскликнул Бесики.

— Ах, это вы, господин мой дорогой? — отозвался радостно Садуна. — Я вас видел издали, когда вы стояли около государя, но не осмелился подойти.

— Куда мы направляемся, не знаешь?

— Обходим абхазов с тыла. Так приказал государь. Что творится, господин, что творится! Убивают люди друг друга, режут, точно свиней...

— Война, ничего не поделаешь! — сказал Бесики.

Садуна что-то ответил, но Бесики уже не слышал, так как передовые, хлестнув коней, пустили их во весь опор, и он таким же резвым аллюром понесся за ними. Вскоре отряд вынесся на какое-то обширное поле, на полном скаку повернул направо, миновал низкий, редкий ольховник и неожиданно ударил сзади на абхазов. Атака была столь неожиданной, что абхазы, прежде чем успели опомниться, были уже смяты. Этот удар сломил наконец их упорное сопротивление и решил судьбу

боя. Бекирбег носился, как барс, среди дрогнувших рядов абхазского войска, подбодряя бойцов и руководя отступлением с таким искусством, что всюду, куда он поспевал, замешательство прекращалось и полки отходили в полном порядке. Бекирбегу удалось вывести большую часть своих войск из боя невредимой и спасти все пушки, кроме одной, которая попала в руки воинам Чичуа и Пагава. Мегрелы с торжеством подкатили трофейное орудие к ногам Соломона.

Бесики уже не помнил, куда его мчал конь, над чьей головой просвистела в воздухе его сабля, мимо кого он проскакал, чуть не столкнувшись... В глазах у него рябило, все смешалось в сознании — виденное и испытанное. Словно во сне, он увидел, как какой-то абхаз натянул лук и пустил в него стрелу. Бесики отклонился в сторону, и стрела просвистела над его головой. Абхаз вскочил и понесся прочь вприпрыжку, словно заяц. Но Бесики и не думал его преследовать. Его внимание было теперь привлечено другой стычкой. Какой-то имеретин в папанаки, не успев отклонить своим клинком занесенную над ним саблю противника, получил удар, рассекший ему грудь. Кровь хлынула струей из раны. Алан замахнулся саблей во второй раз и снес бы голову имеретину, не подоспей в эту минуту Бесики. Поэт что было силы ударил клинком, раздался звон стали, и алан выронил саблю из рук. Пока Бесики сдерживал и поворачивал коня, алан улучил минуту и поскакал прочь от этого места. Бесики повернулся к имеретину, уже съехавшему набок с седла и готовому вот-вот упасть с лошади.

— Леонтий, ты! — воскликнул поэт в изумлении, узнав в раненом всаднике своего помощника. — Тяжело ранен?

— Нет, нет,— с трудом пробормотал Леонтий, он был бледен как мел.— Кажется, не насмерть. Скачи за аланом, зачем ты его отпустил? Скачи, обо мне не тревожься, мне не так уж плохо.

— Что за вздор, как это— не так плохо!— ответил Бесики, соскочил с лошади и ссадил Леонтия. Рана Нижарадзе и в самом деле на первый взгляд не казалась опасной: кончик сабли прочертил его грудь от плеча до середины и рассек мышцы. Бесики вынул шелко-

вый платок и туго перевязал кровоточащую рану Леонтия.

— Вовремя ты подоспел, брат! — сказал Леонтий. — На меня сразу двое налетели. Одного я сумел отправить к праотцам. Вон он валяется, посмотри!

Бесики оглянулся. В самом деле, тут же рядом, около большого камня, валялся в траве раненый алан, готовившийся испустить дух.

— А где его лошадь?

— Что тебе лошадь? — сказал Бесики. — Ступай скорее в лагерь, к лекарю Турманидзе, пусть он перевяжет тебе рану. Или разыщи русского врача, он, наверное, в шатре у государя.

— Постой! Дай хоть оружие сниму с убитого — все же моя добыча! А вон и та самая сабля! — не унимался Леонтий.

И в самом деле, хотя рана сильно беспокоила его, он кое-как поднялся, подошел к алану и стал одной рукой снимать с него оружие.

Бесики волей-неволей пришлось помочь ему. Наконец он с большим трудом посадил обвешанного трофеями Леонтия на коня и отправил в лагерь, а сам опять вскочил в седло и поскакал в ту сторону, откуда доносились шум и крики. Бесики казалось, что он сразу ворвется в самую гущу яростного боя, но на самом деле он не скоро увидел впереди знамя своего отряда и догнал передние ряды. Сражение уже близилось к концу. Обширное поле, открывшееся перед глазами Бесики, оказалось каменистым руслом реки, заросшим травой. Конь Бесики, споткнувшись на полном скаку о булыжники, чуть не переломал себе ноги, а сам он едва удержался в седле. Множество пеших воинов сновало по полю. Одни собирали добычу, другие куда-то гнали пленных, опутанных веревками, третьи перевязывали себе раны. Битва уже успела перекинуться на противоположный берег Энгури. Имеретинские и мегрельские всадники переправились через реку, и Бекирбег со своими бойцами из последних сил отражал яростные атаки противника.

Бесики прищпорил лошадь, пересек вброд несколько рукавов Энгури и, выбравшись на противоположный берег, увидел поодаль, под высоким дубом, группу всад-

ников. Узнав среди них Папуну Церетели, он поспешил туда. Всадники еле сдерживали коней, беспокойно переминавшихся на месте, и глядели вдаль, следя за чем-то.

— Это тигр, настоящий тигр! — подъехав к дубу, услышал Бесики голос царя.

Соломон только что прискакал сюда на своем белом жеребце и наблюдал за полем битвы. Разгоряченный скачкой конь рвался вперед, бил копытом в землю.

— Настоящий тигр! — повторил Соломон. — Не будь у абхазов этого Бекирбега, мы захватили бы в плен все их войско!

Он обернулся к Папуне.

— Прикажи трубить сбор и отозвать назад верховых! Долго ли еще они будут преследовать неприятеля в этих зарослях? Этак потом дороги назад не отыщут!

Через минуту со всех сторон донеслись пронзительные звуки труб, и войско начало понемногу собираться вокруг своих знамен.

Соломон поднялся на пригорок, откуда хорошо была видна вся местность. Вскоре к нему подъехал Кация Даддани. Он поздравил царя с блестящей победой и добавил со смехом:

— Когда вы уехали куда-то с вашими всадниками, государь, я решил, что покинут вами, и, по правде говоря, чуть не умер со страху! А вы, оказывается, вот как замечательно придумали — обойти абхазов слева! Но как я мог догадаться?

Через несколько времени примчался на своем скакуне и Гуриели. Начали собираться сардары, приехал и царевич Арчил. Каждый из подъехавших поздравлял царя с победой и коротко рассказывал, как воевала сегодня его часть, в каких стычках ей пришлось принять участие, какие потери она понесла и какие одержала победы. Понемногу из всех этих рассказов стала вырисовываться общая картина минувшего боя. Правда, некоторые военачальники сдабривали свое повествование изрядной долей хвастовства, и особенно бахвалились те, кто на самом деле потрудились меньше всех. Но Соломон хорошо знал всех своих соратников и по большей части безошибочно определял, кто из них говорил правду, а кто приукрашивал свои заслуги. Многие приводили к царю плен-

ников, взятых в бою. К таким воинам Соломон проявлял особое внимание и неизменно награждал их каким-нибудь подарком.

Внезапно ряды людей, окружавших царя, расступились, и Ростом Нижарадзе подвел к Соломону пленника со связанными за спиной руками.

— Это кто такой? — спросил с улыбкой царь.

— Пленный, государь, схвачен мною в битве живым. Я привел его пред ваши царские очи.

— Такого одолеть — поистине геройство! — сказал Соломон.

Пленный и в самом деле был человеком могучего сложения. Рослый, статный, широкоплечий, он вызвал всеобщее восхищение своим богатырским видом.

— Пусть теперь кто-нибудь посмеет сказать, что я трус! Затвердили—не место Ростому среди мирян, надо постричься в монахи! Выйди вперед, нечестивец! — гаркнул Ростом на своего пленника и ударил его в бок ружейным прикладом.

По-видимому, Нижарадзе плохо рассчитал свой удар, так как пленный взревел от боли и грузно осел на землю.

— Ох! Убил меня, проклятый! — вскрикнул он по-грузински. — Селезенку отшиб!

— Что такое? — изумился Соломон и взглянул с подозрением на Ростом. — Откуда твой абхаз научился грузинской речи?

— Из Квители я, государь, Ахобадзе по фамилии, — сдерживая стон, еле выговорил «пленный». — Разве я похож на абхаза? Договорились мы с ним... Свяжу, говорит, тебе руки и отведу к царю, будто ты пленник мой... Обещал наградить меня, да почему я знал, что он мне селезенку отшибет? Абхазы со мной ничего не могли поделать, зато теперь свой убивает.

— Посмотрите на этого негодяя! — вскричал Ростом, побледнев. — Посмотрите на этого негодяя!

Он так растерялся, что больше ничего не мог придумать, и только без конца повторял эти бессмысленные слова.

Чувство мучительной неловкости охватило собравшихся. Все молчали, не зная, как выйти из положения.

ния. Выручил царя и сановников шут Табика. Он въехал в круг на своей огромной лошади и закричал:

— Кто тут христианин? Ссадите меня с этого верблюда, помогите, люди добрые!..

Поднялся общий хохот, и во время веселой суматохи Ростом и его пленника быстро увели из круга. Царевич Арчил наклонился к брату и сказал умоляющим тоном:

— Если ты любишь меня, отдай в мое распоряжение этого Ростом!

— Зачем? — удивился Соломон.

— Через два месяца верну его тебе. Но тогда он будет в самом деле героем. Баловали парня с детства, рос на коленях у матери—и получился из него трус! Видишь, опозорился, несчастный, на весь свет. Но я буду не я, если не сделаю его храбрцом!

— Пожалуйста, забирай его! Только боюсь, что двух месяцев будет мало,—сказал Соломон со смехом.

Бесики отошел от группы, окружавшей царя. Его внимание привлек шум, доносившийся с берега реки. Кто-то изо всех сил пытался вырваться из тесного кольца обступивших его людей и выкрикивал бранные слова.

Бесики узнал голос Леонтия Нижарадзе и побежал вниз по косогору к реке.

Левая рука Леонтия висела на груди, подвязанная башлыком, правая сжимала кинжал, которым он размахивал перед собой.

— Пустите меня, я прикончу этого бесстыдника, позор на его голову!—кричал Леонтий в ярости.—Откуда в нашем роду взялся такой... (Тут Леонтий ввернул крепкое слово). Плюю на такого мужчину! Пустите, дайте мне напиток его крови.

— Что с тобой, Леонтий, кто тебя так рассердил?—сказал Бесики, преграждая дорогу товарищу.

Нижарадзе кусал себе губы и отворачивал лицо в бессильном гневе. Потом он повернулся к Бесики и сказал хриплым голосом, со слезами на глазах:

— Зачем ты спас меня, зачем подарил мне жизнь? Лучше бы убил меня тот алан! Опозорил, осрамил весь наш род этот проклятый, богом покинутый человек! Все

равно я с ним расправляюсь, хоть сегодня и удержали меня...

— Ладно, успокойся, довольно тебе!—Бесики со смехом обнял Леонтия за плечи, вывел его из круга и заставил вдеть кинжал в ножны.

— Иду, спешу, радуюсь, хочу поздравить государя с победой,—сказал Леонтий немного более спокойным тоном,—и вдруг, извольте,—слышу, что Ростом опять покрыл наше имя позором! В чем дело, спрашиваю,—рассказывают все, как было... Ну что с ним теперь делать? Нет, право, я чувствую—ему суждено умереть от моей руки!

\* \* \*

Две недели оставался Соломон в гостях у Дадиани. Правитель Мегрелии принял своего высокого гостя с неслыханной пышностью. В первый день Кация посадил пировать все имеретинское войско и каждому предложил вдоволь вина и гоми. Да и мяса было в изобилии—зарезали множество крупного и мелкого kota. Правда, люди Дадиани волками рыскали по деревням и во многих крестьянских домах раздавался плач— у того отняли корову, у другого вычерпали вино из кувшинов, у третьего выскребли просяную муку для гоми из ларя—но об этом никто не заботился: угостить целую армию было несущеточным делом! К счастью, Соломон предусмотрительно распустил на следующий день свои полки. При нем остались только сановники, придворные, знатнейшие из князей и царские дворяне—все те, кто составляли его свиту. Но все же при царе находилось около тысячи человек, и содержать их в течение двух недель было не такто просто. Посланцам Дадиани приходилось в поисках провизии уходить все дальше и дальше от Зуглиди, так как в ближних селах у крестьян больше ничего не оставалось. Правда, из всей царской свиты за пиршественный стол садилось не более ста человек, потому что, согласно обычаю и придворному этикету, право присутствия за царским столом без особого к тому приглашения имели только правители областей, мдиванбеги, сардары и знатнейшие князья, притом со строжайшим соблюдением



старшинства. Правители и владетельные князья должны были прислуживать за столом царю, князья высшего ранга — правителям, и так по последовательности. Остальные, то есть князья низшего ранга, дворяне и придворные служащие невысокого чина, должны были стоять на ногах и издали наблюдать за времяпрепровождением государя и вельмож. Иногда кто-нибудь из них попадался царю на глаза и получал приглашение к столу в ознаменование каких-нибудь своих заслуг. Это считалось большой милостью, и поэтому все те, кто присутствовали, стоя при царской трапезе, изо всех сил старались привлечь к себе внимание царя. Но подобное приглашение выпадало на долю лишь немногих счастливых, уделом же большинства оставалось глотать слюну до конца пиршества и потом ублажать себя объедками. Впрочем, и тут каждый должен был проявить немалую ловкость, так как голодное дворянство, в течение долгих часов облизывавшееся при виде вкусных яств, теряло всякую меру и с такой жадностью набрасывалось на остатки пира, что через одно мгновение на столе не оставалось ни крошки. Многие так и оставались голодными. Поведение всей этой благородной челяди под взглядами господ могло служить примером учтивости и хороших манер. Пир мог продолжаться три дня без перерыва, и ни один из них не показал бы, что он хоть немного проголодался. Зато освободившись от стеснительного присутствия старших, они с быстротой молнии уничтожали остатки кушаний, глотали куски не пережевывая, словно стервятники, и хрустели обгладываемыми костями...

Для Бесики, воспитывавшегося при царском дворе, в этих обычаях не было ничего нового или удивительного. Сам он, правда, не имел громкого титула, а был простым дворянином, но благодаря своей высокой должности всегда получал за царским столом почетное место. Однако сейчас он был так завален работой, что не мог присутствовать на пирах у Даднани. Он принялся за сочинение большой хвалебной поэмы; эту поэму он собирался прочитать в Зугдиди на специально устроенном для этого пиру. Кроме того, немало времени уходило у него на писание царских грамот. Соломон пожаловал разнообразные награды отличившимся в бою князьям,

дворянам и крестьянам. Одни получили титул, другие — имения, третьи — вольную. Награжденные спешили утвердить за собой свои отличия, боясь, как бы царь не позабыл о них, и надоедали секретарям: «Скорей напишите нам грамоты, чтобы мы поднесли их государю и попросили скрепить печатью, а то, не дай бог, государь забудет о нас, и мы пропали!» Бесики пришлось собрать всех подчиненных ему секретарей, в том числе и раненого Леонтия Нижарадзе, и засадить их за работу. Во время изготовления этих грамот Бесики узнал, кто отличился в недавней войне и какие у кого заслуги. Каким-то безошибочным чутьем догадался он, кто из награждаемых на самом деле совершил доблестное деяние и кто приукрашивал или выдумывал свои подвиги. Настоящий герой держал себя просто, скромно, спокойно рассказывал ему о происшедшем с ним; если свидетели неумеренно хвалили его, изобретая всяческие подробности, он отнекивался и говорил, что ничего особенного не совершил. А иные лжегерои, быть может, ничем себя не показавшие, едва войдя в дверь, принимались рассказывать о своих немыслимых подвигах, божились, требовали от свидетелей подтверждения своих слов и показывали испачканные кровью полы черкески, о которые будто бы много раз вытирали окровавленную саблю. Садуна клялся Бесики, что своими глазами видел, как Гогия Абашидзе обмазывал саблю кровью какого-то убитого воина. А теперь этот самый Гогия Абашидзе прожужжал всем уши, хвастаясь, что убил десять человек!

Бесики хотел отдать должное в своей поэме лишь тем, кто проявил в битве с абхазами настоящее героичество, но, поразмыслив, убедился в невыполнимости этого намерения. Поэма должна была читаться за пиршественным столом, в торжественной обстановке. Если бы Бесики не назвал в ней героями наиболее влиятельных и знатных сановников, он только сделал бы их своими врагами. Поэтому Бесики вынужден был восхвалять, как героя, в первую очередь самого царя, затем Кацию Дадиани и его брата Георгия. Вслед за этими тремя шли Папуна Церетели, Георгий Цулукидзе, который, впрочем, и в самом деле поразил всех своей доблестью, Элизбар Эристави и наконец после всех — князь Чичуа, который

и был настоящим героем: многие говорили, что равного ему воина и предводителя не видели с давних пор.

Возможно, что Бесики посвятил бы по несколько строк и другим участникам битвы, но у него не было на это времени. Ему передали слова государя: «Слышали мы, что Бесики взялся описать битву при Рухи, и ожидаем с нетерпением того дня, когда нам доведется услышать стихи прославленного поэта». Соломон хотел поразить собравшихся стихами Бесики и похвалиться перед своими подданными, в особенности перед Дадиани и Гурнели, тем, что при его дворе живет и творит такой выдающийся поэт. Поэтому Бесики пришлось ограничиться тем, что уже было написано. Он немедленно явился на пир и развернул исписанную тетрадь. Воцарилось такое молчание, что можно было услышать жужжание пролетающей мухи. Почтение, которое внушал слушателям Бесики, углублялось тем, что он не говорил наизусть, а читал по писаному. Бесики предварил свои стихи тем самым кратким обращением, которое он произнес в прошлом году под пасху в Кутаиси. Как тогда, так и теперь, слушатели не поняли ни единого слова из этого введения, но впечатление было тем более сильным. Каждый держал себя так, как будто для него речь Бесики была яснее ясного, и с восторгом внимал туманному и непонятному красноречию поэта.

— «..И поелику отпрыск его,—читал громко и торжественно Бесики,—мудрый сей, олицетворение мудрости и рука разума, тебя ради простирает днесь длань свою, дабы на пергаменте начертать хвалу тебе, окуная перо в чернила тумбутуровые...»

Точно так же осталась непонятной для гостей и вводная строфа, хотя мысль в ней и была выражена несколько ясней. Но потом, когда Бесики перешел к описанию событий, в котором хоть и не все казалось понятно, но кое-что можно было уразуметь, лица гостей прояснились и на душе у них стало легче.

В битве грозной узнается настоящий человек.

— Истина! Бесспорная истина! — подтвердил Кация Дадиани и взглянул на Соломона. Но тот сделал ему знак «не мешай!»

Одoleвший силы ада славен меж людей навек,  
Хвастуна же мир забудет, словно прошлогодний снег.  
Скромность украшает мужа, — мудрый в древности изрек.

Кация опять хотел было сказать, что поэт возвещает в этих строках бесспорную истину, плод мудрости, но, взглянув на Соломона, убедился, что тот слушает с напряженным вниманием, и передумал. А Бесики продолжал:

Жаждали войны абхазы, безрассудным вняв советам,  
Все четыре Шервашидзе день и ночь пеклись об этом,  
Отовсюду рать сзывали и готовились к победам.  
Войско грозное слетелось в бой вступить хоть с целым  
светом!

— Нет, это ты неправильно изволишь говорить! Какое там грозное войско, мы погнали их, точно зайцев! — беззастенчиво прервал поэта Гогия Абашидзе. Сердце начальника царской канцелярии глодала зависть: ему невыносимо было видеть, что внимание всех этих знатных лиц и самого царя приковано к Бесики.

— Значит, по-твоему, мы против зайцев молодцами себя показали? — сверкнув глазами, бросил ему Соломон.

Абашидзе прикусил язык и извинился, сказал, что не имел этого в виду.

— Не мешал бы ты нам, право, так будет лучше! А то, смотри, за усы оттаスカю! — полушутливо, полусерьезно сказал ему Соломон и обратился к Бесики:— Продолжай!

У дворца князей абхазских адская сбиралась сила,  
Горцы шли в своих кольчугах, ясаулы били в било.  
Глаз сверканье лат слепило, войско ужас наводило.  
За добычею спешило, но ждала его могила.

Соломон расхохотался. Лицо его выражало удовольствие. Остальные из почтительности тоже громко смеялись, хотя многие даже не понимали, что именно вызвало веселость царя. Почти все эти знатные люди были непривычны к восприятию сложного, образного стихотворного языка. Всякий раз, когда им приходилось слышать речь,

отличную от повседневной, они должны были долго вдумываться, а иногда даже нуждались в особом пояснении, чтобы понять смысл сказанного. Были и такие, которые от природы не выносили стихов и, слушая их, вместо удовольствия испытывали головную боль и тошноту. Так и сегодня — для большинства слушание этих растянутых, непонятных стихов было настоящей пыткой. Но все они вынуждены были вооружиться терпением и время от времени даже высказывать во всеулышание свое восхищение. А если царь выражал восклицанием или смехом одобрение по поводу какой-нибудь особенно удачной строки, то слушатели буквально сходили с ума.

В Крым, к черкесам и аланам за подмогою послали.  
И кипчаков в битву звали, Магометом заклинали.  
Клятву верности абхазы господам своим давали —  
Всласть испить мегрельской крови вероломные желали.

Кация ударил себя в грудь кулаком и несколько раз покачал головой. Мегрелы последовали примеру своего правителя, и у всех вырвалось: «Ох! Ох!»

Поэма постепенно становилась все понятней, и слушатели понемногу вошли во вкус стихов. Правда, иные из гостей продолжали мучаться и в душе молили бога, чтобы он ниспослал им такое счастье—заставил Бесики поскорее замолчать,— но никто из них не показывал виду. Один лишь сильно захмелевший начальник Шорапанской крепости Отия Мачавариани не мог скрыть своего нетерпения — он морщился, вращал своими выкаченными глазами, бессмысленно улыбался и время от времени шумно вздыхал.

Первая глава поэмы заключала в себе историю военных приготовлений Шервашидзе, прибытия послов Кации Дадзиани к имеретинскому царю, выступления Соломона в поход и появления имеретинских войск у крепости Рухи. Во второй главе рассказывалось о посольстве Учардии, о предательском пушечном выстреле с абхазской стороны и о начале битвы. Далее в этой главе были перечислены героические деяния отдельных лиц. Первым был восхвален Соломон: в поэме описывалось, как имеретинский царь встретился один на один с Бекирбегом, отклонил саблей пушечную абхазом стрелу и погнался за ним; однако

этот несравненный храбрец предпочел уклониться от схватки с царем и бесследно скрылся. Остальные абхазы последовали его примеру, и

Побежали агаряне перед грозным властелином,  
В ужасе моля аллаха: «Избавление пошли нам!»  
Рассыпал булат удары по согбенным в страхе спинам,  
Окровавленный, кружил он летом яростным, орлиным.

В последующих строфах поэт повествовал о том, как созвездия Зодиака покровительствовали царю, когда он ворвался в одиночку во вражеские ряды, кося их своим мечом, и как все двенадцать небес обрушили свой гнев на головы агарян.

Снова слушатели ничего не могли понять, но вскоре Бесики перешел к строфам, в которых описывались подвиги Кации Дадиани и его брата Георгия.

Слушатели сразу оживились.

Молнией разил абхазов Дадиани, ясный ликом,  
Мудрый князь и славный воин, в гневe яростном,  
великом.  
Налетел он, вражьи рати ужасая львиным рыком.  
Под мечом его валились нечестивцы с жалким криком.

Восторженный стон вырвался из груди мегрельских князей:

- Ооо-ах!
- Великолепно сказано!
- И по заслугам!

Бесики упомянул Георгия Дадиани, прославляя его доблесть, и обратился к Папуне Церетели:

Восхвалить тебя хочу я, полководец Церетели!  
Равного тебе героя не видали в ратном деле,  
Словно гром, гремел ты в сече, и ряды врагов редели.  
От очей твоих горящих стрелы-молнии летели.

Папуна слушал с напряженным вниманием, а в душе повторял: «Горе тебе, если ты столь же красноречиво вознесешь до небес Бери Цулукидзе. Никто не поверит тогда твоим красивым словам! Лишь бы ты до-

гадался обойти молчанием этого бездельника — тогда можешь хоть поносить меня, я согласен».

А Бесики между тем, не удовлетворившись стихами, произнес краткую хвалебную речь:

— И был ты подобен льву из львов, отцу твоему, в тот миг, когда узрел царя, входящего в битву и свершающего бранный труд в одиночку, и, по обычаю рода вашего, незримый пламень охватил преданное сердце. Ибо сказано мудрыми: «Пред очами достойного приятна герою смерть!» И хотя ты не повествовал нам о горестях своих, мы, повествователи радости, скажем о долге исполненном, в краткие строки влагая многое:

Слава мужу! Все награды, рыцарь, для тебя малы!  
Видел я, как жаркий огонь твой жег могучие стволы.  
Меч твой промаха не знает, нет верней твоей стрелы —  
Заслужил ты славословье, высочайшие хвалы!

— Воистину! — воскликнул Соломон. — Воистину, справедливы эти слова, и я не забуду никогда твоих заслуг, Церетели!

Папуна весь просиял от удовольствия. Он с юношеской живостью вскочил на ноги, низко поклонился царю и произнес:

— Не достоин я, государы!

Бесики сделал короткий перерыв и, когда слушатели вновь сосредоточили на нем свое внимание, продолжал чтение. На этот раз предметом его похвал был Георгий Цулукидзе.

Гости все более напряженно вслушивались в стихи. Стопка непрочитанных страниц в руках у Бесики становилась все тоньше, и каждый с трепетом ждал, будет ли упомянуто и его имя. Но Бесики не оправдал надежд большинства присутствующих. Воздав должное доблести Элизбара Эристави, он посвятил несколько заключительных строк князю Чичуа и на этом закончил чтение.

— Поистине, после Руставели никто не создавал столь сладостных стихов! — сказал Качия царю. — Счастливы вы, государь, что ко двору вашему явился подоб-

ный мудрец и златоуст! Удивляюсь делам моего родственника, царя Ираклия! Как мог он расстаться с таким человеком, как мог наказать и изгнать его?

Папуна Церетели что-то зашептал на ухо царю. Соломон слушал его, играя бровью. Потом повернулся к Давиду Квинихидзе и приказал:

— Статс-секретаря нашего Бесариона Габашвили возводим в княжеское достоинство и жалуем ему имения: в Кутаиси, к югу от города — гору и пашни вплоть до Огаскури, в Раче, в Тола и в Бугеули — виноградники, на горе Хвамли — пастбища и в Чома — лес на дрова.

\* \* \*

Мягкая, ласковая осень пригревала холмы и доли Верхней Имерети. Алели скалы, покрытые багряной листвой желтинника, пестрым ковром застилали склоны лесá.

Прошло пять месяцев с тех пор, как Анна в последний раз видела Бесики. В конце мая, когда Соломон повел свои войска на помощь Кацин Дадияни, Анна вернулась в свое Цирквали и провела в деревне все лето. Она хотела было отправить мужа в поход вместе с Соломоном, но потом передумала — опасалась, что царевичу Арчилу будет неприятно присутствие Давида Георгиевича около царя. Впрочем, муж не причинял ей никаких неудобств. Почему-то он пристрастился в последнее время к полевым работам — научился пахать и сеять и даже перекапывать почву мотыгой. Все свое время он проводил в поле. Крестьяне осуждали его: не подобает представителю царского рода держать в руках мотыгу; они сбегались поглядеть на царевича, идущего за плугом, и потихоньку смеялись.

Анна пыталась бороться со скукой, вышивая и читая книги. Время от времени она отправлялась в Сачхере и отводила душу, сплетничая с женщинами в доме Церетели. Ребенок ее не тревожил: он рос, по старинному обычаю, в доме у кормилицы, и Анна лишь изредка навещала его.

Анна страстно жаждала видеть Бесики и с нетерпением ожидала его возвращения из похода. Она была уве-



рена, что поэт тотчас же навестит ее и проведет в Цирквали хоть несколько дней.

Но вот война кончилась. Папуна Церетели по пути в свои владения посетил Анну и рассказал обо всем, что случилось во время похода. От него узнала Анна, что Бесики получил княжеский титул.

Прошло лето, наступила осень, а Бесики все не было видно. И царица Гулкан не приглашала Анну к себе в Кутаиси. С тех пор как Соломон усыновил и объявил престолонаследником маленького сына своего брата Арчила, Гулкан считала неудобным принимать у себя жену обойденного царевича Давида, а сама Анна не решалась поехать к ней без приглашения.

Так проходили недели, месяцы, и Анна потеряла надежду увидеть Бесики этой осенью, а может быть, даже зимой... Но вот однажды вечером перед большими воротами ее нового дома послышался лай собак и во двор въехал красивый всадник в богатой одежде.

Это был Бесики.

Анна давно уже решила встретить его с равнодушным видом, чтобы показать свою обиду. Но от радости она позабыла обо всем на свете и в восторге бросилась навстречу возлюбленному.

— Бесики! Ах ты, ветреник! Не впускайте этого негодника, прогоните его прочь!—со смехом восклицала она, сбегая по лестнице.

— Что это за Бесики?—раздался голос Давида Георгиевича; в дверь высунулась взлохмаченная, как у овчарки, голова, показалось давно не бритое лицо.—Ах, это ты? Здравствуй! Слышал я, что тебя сделали князем, поздравляю!

Бесики удивился: он не ожидал от царевича таких разумных речей. Почтительно приветствовал он мужа Анны и вошел вместе с хозяевами в дом.

— Говорят, вы одержали над Шервашидзе решительную победу,— сказала Анна.

Бесики горько усмехнулся:

— Да, довелось и мне пролить кровь своих братьев. Позвал нас Даддани: «Помогите, Шервашидзе напали на меня». Что ж, мы помогли. Но не прошло и двух недель после нашего возвращения, как разнеслись еще

худшие вести. Теперь абхазские правители перессорились между собою: Зураб Шервашидзе явился к своему вчерашнему врагу Каци Дадани и попросил помощи против Келешбега. Дадани, разумеется, не отказал ему в этом, созвал войско и выступил вместе с Зурабом в поход. Вся Верхнюю Абхазию сожгли и разорили они дотла! Потом подступили к Цхумской крепости, и Георгий Дадани овладел ею. Город сожжен; Келешбег, говорят, успел сесть на корабль и бежал в Турцию. Кация Дадани и Зураб Шервашидзе породнились: сын одного женился на дочке другого.

— Может быть, хоть теперь воцарится мир между Абхазией и Одиши?

Бесики махнул рукой.

— Какой там мир! Келешбег приведет из Турции войска, и все начнется сначала.

— Как я обрадовался, узнав, что ты теперь, по милости государя, князь, — сказала Анна.

— Князь! — горько улыбнулся Бесики. — Это только на словах, на деле я пока ничего не вижу!

— Как это так?

Бесики опять усмехнулся.

— Вспоминается мне по этому поводу одна история о мулле Наср-Эддине... Слыхали ее? Однажды к Наср-Эддину явился какой-то человек и неумеренными похвалами прожужжал ему уши. Довольный Наср-Эддин сказал своему гостю: «Приходи завтра утром, я дам тебе сто туманов». Лыстец обрадовался и наутро спозаранок явился за обещанным. Мулла изумленно воззрился на него через окошко и спрашивает: «Зачем ты пришел?» «За теми ста туманами, что ты собирался мне подарить», — отвечает гость. «А за что я обещал тебе сто туманов?» — снова спрашивает Наср-Эддин. «За то, что я доставил тебе удовольствие своими речами». «Что ж, — отвечает Наср-Эддин, — я тоже доставил тебе удовольствие своим обещанием, вот мы и квиты!» Точно так же случилось и со мной. Я доставил государю удовольствие своими стихами, а он мне — обещанием возвести в князья.

— Ничего не понимаю. Но ведь он объявил об этом! Разве слово государя не имеет силы?

— Да, князем я объявлен, но все поместья, пожало-

ванные мне государем, оказались спорными. До этого трие других получили княжеский титул, и все свободные земли, которые имелись у казны, оказались розданными. Так что я должен ждать, пока где-нибудь отыщется для меня поместье—без него одно княжеское звание не имеет никакой цены. Даже грамоту я еще не получил.

— Но почему?

— Потому что надо сначала найти свободные земли, а потом уж закрепить их за мной в жалованной грамоте. Иначе неизвестно, что в нее вписывать. Казенными имениями ведаёт Бери Цулукидзе, а он, по-видимому, сердит на меня и не торопится. Ах, если бы вы знали, госпожа, что творится при царском дворе! Когда придет нам избавление! Не радуют меня ни княжеский титул, ни имения! всюду царят зависть и вражда. О, как я сожалею, что родился на свет в печальную пору упадка и измельчания Грузии! Когда же воспрянет наша страна, когда возвысится она до прежнего своего величия?

Бесики поглядел по сторонам, понизил голос:

— Как бы меня не услышали! Если мои слова дойдут до ушей Соломона, не миновать мне виселицы!

— Не бойся, здесь, кроме нас, никого нет, — успокоила его Анна.

— Очень хорошо, если так, — еще больше понизил голос Бесики. — Я приехал к вам по очень важному и большому делу. Слушайте меня оба внимательно!

И муж и жена обратились в слух.

— Папуна поручил мне известить вас, что имеретинский престол перейдет по наследству к царевичу Давиду. Он берет это на себя.

У Анны вспыхнули щеки от радости.

— Пока еще рано об этом говорить, — сказала она Бесики.—Государь еще в полном здравии...

— О нет, совсем не так, государыня!—прервал ее Бесики.— В последнее время у государя было несколько столь жестоких припадков, что мы уже не надеялись на его спасение. Правда, из России прислали ему лекаря, но и этот лекарь не берется излечить падучую. Напротив

того, он тайно сказал нам, что государю недолго осталось жить.

— Ну и что же,— Анна так взволновалась, что язык не слушался ее.— Что может сделать один Папуна, если другие не согласятся с ним?

— Прежде всего, Папуну поддержит Элизбар Эристави. Члены Клятвенного союза также будут на его стороне. Можно рассчитывать и на Дадияни: он заявил, что Давид Георгиевич — единственный наследник имеретинского престола и что права его неоспоримы.

— О господи! Неужели я стану царицей? — вырвалось у Анны.

— Почему же не станешь? Разве ты не достойна короны?—сказал ей муж.

— Ты только нигде об этом не заикайся,— сердито глянула на него Анна.— А то ничего не получишь, так и будешь в золе копать всю жизнь! Держи себя так, будто ничего не знаешь. Понял?

— Понял, отчего же не понять?

— Ну так вот, ни перед кем ни слова!

— Знаю, знаю! Давай-ка лучше накормим нашего гостя ужином—наверное, он проголодался и устал с дороги.

Анна приказала служанке накрыть на стол, а после ужина Бесики отвели в небольшую дощатую комнату, где его ждала постель.

На следующий день царевич пригласил Бесики с собой на охоту. Однако Анна воспротивилась этому. Она посоветовала мужу самому настрелять дичи и угостить ею гостя, так как Бесики, и так уже утомленному путешествием, скачка без пути-следа по горам и лесам вряд ли могла доставить удовольствие. А охота предстояла утомительная—царевич собирался травить оленей на Сацалике и, значит, целую неделю гоняться за зверем по заснеженным горам. Давид согласился с женой и ускакал вместе со своими егерями на охоту, оставив гостя на ее попечении. А Анна предложила Бесики поехать с нею в Мгвимский монастырь и отстоять там службу, а по дороге заглянуть к кормилице и повидать ее маленького сына.

Бесики согласился, хотя разговор о Мгвимском монастыре пробудил в душе у него горькие воспоминания...

Гость и хозяйка сели на лошадей и поехали по спуску. От дома Анны до монастыря было не очень далеко, и путники двигались шагом. Стоял солнечный осенний день, сухие, желтые листья дождем сыпались с деревьев, трепеща, кружились в воздухе, медленно опускались, устилали землю золотистым ковром... Скоро Анна и Бесики въехали в густые заросли орешника и мушмулы. Ветки наполовину обнаженных, осыпавшихся кустов орешника были все еще плотно усеяны плодами и выглядели так привлекательно, что Бесики, не вытерпев, соскочил с лошади. Анна последовала его примеру, и оба весело принялись собирать орешки. Молодая женщина наткнулась на куст мушмулы, ветки которого были отягчены спелыми ягодами. Анна потянулась за ними, сорвала несколько ягод, потом подошла к Бесику. Выбрав самую крупную и спелую ягоду, она приложила ее сначала к своим губам, как бы целуя, а потом к губам Бесики.

— Ешь!—приказала она поэту, который удивленно смотрел на нее, не разжимая губ.

— Что это—плод дерева познания добра и зла?— рассмеялся Бесики.

Листья все плыли по воздуху, кружась, и желтый покров, устилавший землю, шуршал под ногами.

\* \* \*

На лужайке, покрытой зеленой муравой, босоногие девочки пасли гусей. Их было четверо. Трое сидели, поджав ноги, на траве и играли в камешки. Четвертая, самая маленькая, стояла над ними и следила за игрой. Время от времени та или другая из играющих бросала стоявшей девочке:

— Эй, ты, присмотри за гусями!

— Эй, коротышка, перегони гусей на эту сторону, если хочешь, чтобы и тебе дали поиграть!

А гуси беспечно щипали траву, примериваясь клювом то справа, то слева, и лениво болтали между собой на своем гусином языке. Вдруг они всполошились, загоготали, захлопали крыльями. Девочки бросили игру и вскочили на ноги.

— Что это с ними приключилось? — сказала одна из

них, по виду самая старшая, и вдруг увидела всадника и всадницу, медленно спускавшихся по склону горы.

— Ой! Госпожа едет! — воскликнула она и сломя голову помчалась под гору, к видневшимся внизу домам. По-видимому, ей было наказано, как только она заметит едущих к деревне царевича и его супругу, тотчас же сообщить родителям.

Шлепая и скидывая босыми ногами, девчонка добежала до огородов на краю деревни и сразу закричала: — Едут! Едут!

В маленькой деревеньке было всего пять или шесть домов. Все здешние крестьяне были близкие родичи — члены большой разделившейся семьи, братья, дяди и племянники. У каждого рядом с крепким бревенчатым домом стояли маленький, как сундучок, амбар, аккуратно сплетенный из ивовых прутьев кукурузник на столбах и крытый камышом марани — винный погреб с врытыми в землю кувшинами. Иные устроили даже около кухонной пристройки саманник.

Возгласы маленькой гусятницы вызвали в деревеньке всеобщий переполох. Из домов высыпали женщины в платках и, оправляя на ходу платья, побежали навстречу гостям. Кое-откуда, опираясь на палки, выглянули почтенные старики.

Из одного дома — это был самый лучший дом, в котором, очевидно, и жила кормилица, — девочки вынесли ковер и расстелили его под большим орехом. Белобородый старик, дедушка Абесалом, стоял рядом, подсунув костыль под мышку, и отдавал распоряжения.

— Стулья принесите, дочки, стулья скорей! — и, увидев входящих во двор, окруженных толпою женщин Бесики и Анну, засуетился: — Ну-ка, быстрее, Гогита, Ангия, возьмите коней у госпожи и ее гостя!

Кормилица, молодая сноха Абесалома, отличалась от всех суетившихся девушек только тем, что была одета в длинное платье и голову ее украшал лечаки, из-под которого свисали два длинных закрученных локона. Молодая женщина вышла во двор, подхватив под мышку колыбель маленького царевича. Потом поставила люльку на ковер и побежала навстречу Анне.

Анна крикнула ей еще издалека:

— Ну как мой сын, Гулчина?

— Храни вас бог от всякой печали, госпожа, так хорошо, что не налюбишься!—ответила Гулчина, поцеловав подол платья Анны, и повела ее к колыбели. Остальные женщины почтительно остановились поодаль.

Старый Абесалом указал Бесику на стул:

— Пожалуй сюда, господин, садись!

Бесику с любопытством рассматривал двор и строения: рядом под навесом он увидел два ткацких станка, на которых были натянуты наполовину готовые ткани: на одном — шелковая, на другом — шерстяная.

Старику, по-видимому, до смерти хотелось поговорить. Он не сводил глаз с незнакомого гостя.

— Тебе, господин, по сравнению с городским тонким сукном и атласом домотканые шерсть и шелк навряд ли понравятся... А наши женщины все же ткут помаленьку, — сказал с улыбкой старик, обращаясь к Бесику. — С тех пор как царь Соломон очистил нашу землю от басурманов, мы немножко перевели дух, авось теперь совсем хорошо заживем!

— А раньше вы разве не ткали? — спросил Бесику.

— Ткали, сударь, как же не ткать... Но все уходило из дому. Часть забирал господин—это само собой. Потом наезжали турецкие ясаулы и накладывали повинность — на подношение, мол, падишаху. Вот мы и ткали на них. Так для себя ничего и не оставалось — разве что, бывало, нарядут наши женщины немного сырца... Ну потом, сударь, как тебе известно, государь наш загнал турецкую рать в теснину Чхеримелы — я тогда еще был здоров и тоже находился при них, — и тут пришел турку конец. — Абесалом заговорил тоненьким голосом: — Посыпались вражеские головы, как тыквы!..

Словоохотливый старик долго еще собирался занимать гостя своими рассказами. Он уже устроился поудобней, переместил костыль справа налево, кашлянул, чтобы прочистить горло, и уже начал было о том, что случилось с ним в бою под Чхери, как вдруг во двор въехал на коне моурав Анны, Леван Гамкрелидзе, и старик сразу умолк. Гамкрелидзе соскочил с лошади, приветствовал всех общим поклоном и, не выпуская уздечки, направился прямо к супруге царевича.

— Что случилось, Леван? Не привез ли ты дурных вестей?

— Вы должны немедленно ехать со мной, государыня.

— В чем дело?

Управляющий отвел Анну в сторону, и разговор продолжался вполголоса. Бесики не разбирал слов и только старался по выражению лица и по движению губ Анны угадать, о чем шла речь. Это удалось ему: он уловил почти все содержание разговора.

— Он не назвал своего имени? — спросила Анна.

— Нет, госпожа, не назвал.

— А ты не узнал его? Кто он такой?

— Не знаю, госпожа, я вижу его в первый раз. Сначала по одежде я принял его за турецкого пашу, но потом, когда он заговорил со мной на чистом, книжном грузинском языке, я подумал—не приехал ли кто-нибудь из Картли?

— Может, он дал тебе письмо?

— Нет, госпожа, но велел вручить вот это,—моурав вытащил из-за пазухи большой шелковый платок, развязал стянутый узлом уголок, и перед глазами Анны сверкнул алым лучом крупный лал, вставленный в массивный золотой перстень.

Подарок был царский, и его мог прислать только очень знатный, равный царю вельможа. Анна, не притронувшись к перстню, велела моураву спрятать его и знаком показала, чтобы ей подвели коня. Потом она высыпала в подол кормилице горсть серебряных монет, вскочила в седло и уехала в сопровождении Бесики и моурава. У ближайшего перекрестка Анна извинилась перед Бесики и попросила его поехать в Цирквали и ждать там, а сама, последовав за моуравом, свернула на боковую дорогу. Госпожа и управляющий поехали в гору узкими тропинками, петлявшими по довольно крутому склону, и вскоре увидели перед собой каменную башню, высившуюся на вершине скалы. Перед башней сидели на камнях три незнакомца в чужеземной одежде. Все трое были вооружены до зубов. При виде Анны незнакомцы вскочили на ноги и низко поклонились ей, после чего один взял у нее коня, а двое других встали перед



дверьми башни и почтительным жестом пригласили ее войти. Моурав остался снаружи.

В башне было темно, и Анна сначала ничего не могла разобрать. Она различила перед собой лишь темный силуэт рослого, статного человека, вскочившего при ее появлении. Незнакомец опустился перед Анной на колени, коснулся лбом земли и долго оставался недвижимым в этом положении.

— Благодарение аллаху и господу моему Иисусу Христу!.. — глухо начал незнакомец, и Анна сразу поняла, что перед нею Келешбег Шервашидзе.

Появление абхазского правителя для Анны было совершенно неожиданным. Правда, после первого знакомства в Кутаиси молодые люди настолько сблизились, что Келешбег даже объяснился в любви супруге царевича, но Анна сумела скрыть свои чувства и дала понять красивому абхазу, что ему придется не раз наколоться на острые шипы, прежде чем он сумеет сорвать вожделенную розу. После отъезда из Кутаиси Келешбег долго не давал о себе знать; наконец однажды приехавший из Стамбула купец тайно вручил Анне его подарок—зеркало в серебряной шкатулке для рукоделия, а вместе с ним коротенькую записку, в которой абхазский владелец почтительно обращался к Анне с приветом.

У Анны от радости учащенно забилося сердце. Она не осталась равнодушной к мужской красоте Келешбега и была очарована его рыцарской любезностью и вкрадчивыми манерами — повадками, свойственными вообще женолюбивым мужчинам.

И вот этот прекрасный рыцарь здесь, он простирается перед нею, как перед божеством!

— ...Благодарение богу, ниспославшему мне счастье вновь лицезреть ваше высочество...

— Откуда вы, князь?—спросила Анна с улыбкой.— Встаньте, не подобает вам лежать на полу...

— Простите, государыня, мою дерзость... Но если вы разрешите мне дать волю моим глазам и один-единственный раз взглянуть на вашу красу, то считайте меня своим преданнейшим рабом,— продолжал Келешбег, не поднимая головы.

— Довольно, перестаньте надо мной насмехаться! Встаньте. Сядем вот здесь на тахте, и расскажите, откуда вы появились. Вы ведь были в изгнании, в Стамбуле!

Келешбег встал, прислонился спиной к стене и устремил на Анну жадный взгляд. Казалось, никакие земные мысли не властны сейчас над ним.

— Поедьте ко мне, князь! Почему вам вздумалось тайно пожаловать к нам в гости? — сказала Анна и двинулась к двери

— Ах, ради бога, не обрекайте меня на гибель! — умоляюще воскликнул Келешбег, преграждая ей путь. — Ни одна живая душа не должна знать, кто я такой и почему приехал. Я потому только и решился приехать, что здесь меня никто не знает!

— Как вы разыскали меня в этих горах?

— В Ахалцихе я видел кутаисских купцов, и они рассказали мне, где находится ваша светлость... или ваше высочество... извините, я еще не привык к этим новым титулам. Там меня научили, как добраться сюда — сначала в Корбоули, потом в Цирквали. По пути я встретил вашего моурава, и он привел меня в эту башню. Я сказал ему, что прибыл из Картли, и взмолился, чтобы он помог мне тайно увидеться с вами.

— Что же привело вас сюда?

— Любовь к тебе, царица! — почти прошептал Келешбег. — Падишах предоставил мне пятьдесят военных кораблей, дабы я мог возвратить себе отнятое у меня княжество. Я должен был вернуться из Стамбула на одном из этих судов, но предпочел путешествие по суше, через Ахалцихе. Отсюда я переправлюсь в Дигррию, проеду через владения черкесского князя, спущусь в Бзыбское ущелье и раньше, чем корабли султана подойдут к Сухуми с моря, появлюсь в тылу города. Вскоре все абхазское княжество будет в моих руках. Но ничто не имеет для меня цены... пока я не знаю, согласен ли ваше высочество считать меня своим рабом.

— Вы слишком многое позволяете себе, князь! — Анна сдвинула брови, пытаясь принять гневное выражение лица.

— Царица!

Называется минджнуром у арабов тот влюбленный,  
Кто стремится к совершенству, как безумец

исступленный:

Ведь один изнемогает, к горным высям устремленный, —

Келешбег на мгновение остановился и закончил тихим голосом, с еле заметной улыбкой, —

А другой бежит к красоткам, сластолюбец  
развращенный.

Анна некоторое время безмолвно глядела на Келешбега, стараясь придать своему взгляду испепеляющую силу.

— Поскольку вы знаете наизусть «Витязя в тигровой шкуре», князь, вам должны быть известны и эти строки:

О любви, ты, верно, помнишь, что апостолы гласили,  
Как в кимвалы ей бряцали, как в писанье возносили:  
Возвышает человека лишь любовь, они твердили.

— 'Знаю, царица! — ответил Келешбег, прерывая ее. — Но знаю также, что

То, что богу не угодно, не случится на земле:  
Вянут роза и фиалка, коль останутся во мгле.  
Всякий взор к добру стремится, нет достоинства во зле:  
Как могу терпеть разлуку, с тяжелой думой на челе?

У Анны не хватило силы сохранить грозное выражение лица, улыбка мелькнула в ее глазах. Выдав себя таким образом, она смутилась, отвела глаза и с минуту по привычке рассеянно теребила кончик своей косы. Потом она медленно поднялась с тахты и сказала Келешбегу чуть дрожащим голосом:

— Пожелаю вам счастливого пути, князь! Если судьба удостоит меня имеретинской короны, не сомневайтесь, что я вам верный друг и покровитель...

Келешбег медленно ступил вперед на один шаг. Из-за этой женщины оставил он свою эскадру и пересек всю Анатолию, из-за этой женщины, чей образ не давал ему покоя, преследовал его днем и ночью, дома и на чужбине. И вот сейчас он стоит перед ней и трепещет, как лист осины. Неужели ему не хватит решимости переступить

эту последнюю, такую ничтожную преграду, стряхнуть робость, сковывающую его? Неужели он не сможет пре-возмочь себя, приблизиться еще на один шаг, заключить в объятия это прекрасное создание?

Келешбег нерешительно сделал второй шаг. Анна стояла, окаменев, и смотрела на него, словно заворо-женная.

\* \* \*

Анна вернулась домой поздно. Вся челядь в ее доме уже легла спать. Бодрствовала только ее горничная. Она рассказывала сказки Бесики, сидевшему на балконе на тахте и скучавшему в ожидании Анны.

Огромные сторожевые псы, заслышав конский топот, подняли лай, но потом с веселым повизгиванием броси-лись навстречу въехавшим во двор Анне и моураву.

Анна поднялась по лестнице и с удивлением взгля-нула на Бесики, вставшего при ее появлении.

— Ты еще не спишь? — спросила она гостя и повер-нулась к горничной: — Постель готова?

— Да, госпожа. Ужинать не будете?

— Нет. Спокойной ночи, Бесики!

— Того же вам желаю, — ответил Бесики, удивлен-ный этой неожиданной холодностью.

Анна быстро скользнула в глубину террасы и скры-лась за дверью своей спальни. Бесики проводил ее взглядом.

На балконе появился моурав.

— Еще не изволили ложиться спать? — спросил он, поклонившись Бесики.

— Что-то не спится! — ответил Бесики вполголоса, чтобы не беспокоить Анну громким разговором.

— Очень уж ночь хороша. Уже поужинали?

— Нет, но я и не голоден.

Бесшумно, словно привидение, появился слуга и ска-зал моураву:

— Внизу в большой комнате накрыт стол возле ка-мина. Ждали, ждали вас, а вы все не приезжали. Если желаете кушать, пожалуйста!

— Пойдемте, сударь, хоть ради меня, — попросил

моурав. — Не могу один сидеть за столом — кусок в горло не лезет!

Все трое спустились в нижний этаж. Слуга зажег свечи в свечницах и поставил их на каминную полку. Бесики и моурав сели за стол и принялись за ужин.

Слуги наполнили чарки вином.

— Господи, помилуй меня! — перекрестился моурав, поднося чарку ко рту.

— Далеко вы ездили? — осторожно начал расспрашивать его Бесики. Ему не терпелось узнать, куда отлучалась Анна и с кем она встретилась столь тайным образом.

— Нет, зачем нам было далеко ездить? — моурав провел рукой по мокрым усам и стал есть.

— Мы тут встревожились, подумали, не случилось ли с вами что-нибудь? — не отставал от моурава Бесики в надежде что-нибудь выведать.

— Что же с нами могло случиться — здесь, в наших собственных владениях? Отведайте-ка вот этого хачапури!

— Спасибо. Анна, по-моему, чем-то огорчена.

— Огорчена? — моурав взглянул на гостя с удивлением. — Ничего плохого не случилось, зачем ей огорчаться? Показалось, дай бог вам здоровья!

— Возможно.

Слуга снова наполнил чарки. Бесики охотно выпил и стал осушать одну чарку за другой, предлагая моураву следовать его примеру. Но тот беззаботно потягивал вино, вытирая мокрые усы ладонью, и видно было, что он может пить, не пьянея, хоть до рассвета. Сам же Бесики так охмелел, что слуга с трудом довел его до постели.

На следующий день Анна ни утром, ни в обед не вышла к Бесики. Она заперлась в своей комнате и, казалось, совсем забыла, что у нее в гостях человек, которого она ждала с таким нетерпением, ее возлюбленный...

Оскорбленный Бесики решил уехать в Кутаиси и сообщил хозяйке об этом.

Через час слуга вручил Бесики два письма — одно к царице Гулкан, другое к Папуне Церетели — и передал ему слова Анны: она извиняется за то, что не может

с ним проститься, и просит передать оба письма в Кутаиси по назначению; через неделю она сама придет в город и тогда объяснит ему все.

Ревнивые подозрения шевелились в душе у Бесики, не давали ему покоя, душили его. Молча, с хмурым лицом вскочил он на коня и так хлестнул его, что испуганное животное одним скачком перенеслось через перелаз на дорогу. Бесики не знал, что Анна следит за ним в окошко. Когда разъяренный всадник скрылся за поворотом дороги, Анна выбежала на балкон и крикнула своему преданному моураву:

— Леван, проводи его до равнины, как бы он не сорвался где-нибудь с обрыва!

Моурав мигом оседлал лошадь и пустился следом за Бесики.

Анна не приехала в Кутаиси не только через неделю, но и через месяц и в течение всей зимы. За все это время она ни разу не написала Бесики. В конце декабря вернулся из России Зураб Церетели; он навестил царевича Давида Георгиевича. Зураб Церетели занимал при дворе Соломона должность сахлт-ухуцеси. Во время его отсутствия обязанности Зураба исполнял по совместительству его брат Папуна. По возвращении из России Зураб должен был вновь вступить в свою должность, но сначала он решил объездить свои поместья и заодно побывать у нового свойственника, царевича Давида.

Зураб привез в Цирквали множество новостей — среди них известие о том, что изгнанный из Абхазии владетель Келешбег Шервашидзе вновь при помощи турок и черкесов овладел своим княжеством.

\* \* \*

Примирение с Дадияни и победоносный абхазский поход укрепили Соломона в давнем намерении — начать войну против турок с целью освобождения Аджарии и Кобулету. Поскольку турецкое господство на севере, во всей Абхазии, было в корне подорвано и можно было не бояться нападения с этой стороны, Соломон не сомневался, что новый поход его будет также победоносным.

В самой Оттоманской империи, по-видимому, также хорошо понимали это, и поэтому стамбульское прави-

тельство спешно прислало в Поти своего чиновника — капучи-баши. Этот чиновник тотчас же по приезде попытался установить тайную связь с Дадияни и с Гуриели и принялся возводить укрепления вдоль всей береговой линии от Поти до Батуми.

Все складывалось благоприятно для Соломона. Правда, Келешбег Шервашидзе сумел вернуть себе потерянное княжество, но он, по-видимому, не собирался враждовать с имеретинским царем. Напротив, он прислал Соломону подарки и просил его о поддержке. Поэтому Соломон считал, что настала пора перейти в решительное наступление против турок с тем, чтобы расстроить все планы и окончательно укрепить свое положение. Впрочем, Соломон принял это решение не без колебаний: он считал рискованным выступление против султана без поддержки со стороны России. Но придворные так уговаривали его, так вскружили ему голову лестью и неумеренными хвалами, что Соломон наконец решился и назначил поход на ближайшие, весенние, месяцы.

Этот шаг был подсказан ему и присланным Екатериной лекарем Николаем фон Виттенбургом. Петербургский медик объяснил царю, что, поскольку императрица заключила мир с султаном, ей неудобно сейчас посылать в Имерети русские армии. Однако, если Соломон вступит в войну с Турцией, Екатерина получит возможность, придравшись к какому-нибудь случаю, обвинить султана в нарушении мирного договора и немедленно окажет Соломону действенную поддержку.

Так говорил Виттенбург, но, разумеется, было бы опрометчиво опираться на столь туманные обещания. Однако дела государства, казалось, шли так хорошо, положение выглядело таким прочным, что Соломон отбросил все сомнения. Как утверждал сардар Папуна Церетели, имеретинский царь мог собрать войско в пятьдесят тысяч человек, в том числе не меньше пятнадцати тысяч всадников.

Осень и зима выдалась в этом году в Кутаиси удивительно теплые. Один солнечный день сменялся другим, пирам и приемам во дворце не было конца. Каждый имеретинский князь, даже если он не имел никакой

придворной должности, считал своим долгом явиться к царю с подношением и пробыть у него в гостях два или три дня. Не было ни одного человека, который не упражнялся бы во время дворцовых приемов в искусстве лести и лицемерия и не осыпал бы царя подобострастными хвалами. Особенно отличался князь Ростом Микеладзе. Он давно уже добивался какой-нибудь должности при царском дворе и не жалел для этого никаких усилий.

— И погода благоприятствует вашим замыслам, государь!—воскликнул он.—Да не падет ваш гнев на мою голову, наверное, бог в небесах решил: раз царь Соломон изгоняет самую память о турках из своей страны, превращу Имерети в рай! Разве кто-нибудь упомнит такую зиму? Выпал было снег—да такого приятного снега я никогда не видел! Ночью чуть-чуть подмораживает, а днем такое солнце, что кажется, на дворе лето. Выедешь на охоту—зайцы, косули, птица так и сбегаются к тебе отовсюду, только стреляй! Если изволите пожаловать в гости в наши края, клянусь, государь, мы набьем столько дичи, что хватит на всю Имерети!

— Какая там охота в Кулаши! Разве что за евреями заставишь гоняться, больше у вас ничего нет! — шутил царь.

Тут откуда-то, словно из-под шапки-невидимки, появился царский шут Табика. Он степенно провел рукой по бороде, поклонился царю с важным видом и бросил искоса взгляд на Ростома Микеладзе.

— Этот бедняга поймал, государь, и силком одного несчастного дрозда и откармливает его всю зиму кукурузной кашей, чтобы отличиться, когда вы пожалуете к нему в гости, — начал Табика, стараясь говорить басом.—Вот чем он собирается угощать своего государя. Князя Микеладзе ни одного несъеденного воробья не оставили в своих владениях—разве от их утроб спасется что-нибудь?

— Эх, мой Табика! До того как бог послал нашей имеретинской земле царя Соломона, мы не то что воробьев, друг друга пожирали без пощады! — ответил Ростом дворцовому шуту.—Ты сейчас балагуришь, в этом твое ремесло, и никто не обижается на твои слова, но разве не так было? Сколько парней и девушек из крепостных крестьян продано нами в рабство!



-- И вы продавали!

— Да, и мы, не буду отрицать. И над нами, как над всеми остальными, тяготел гнев господен! Но кто отверз нам глаза? Наш великий царь Соломон. Кто переломил хребет непокорным и изменникам? Соломон. Кто теперь посмеет попытаться поколебать могущество нашего государя? Обнимаю его колени, целую след его ноги! Кто может с ним помериться силами? Сказано великим Руставели: «Души тех, кто умирает за царей, — блаженны в небе!» Смерть за такого великого царя, за героя, под державой которого воспряла наша обессилевшая христианская страна,—это не смерть, а вечная жизнь!

Подобные восхваления приходилось выслушивать Соломону каждый день, каждый час, каждую минуту. Эти славословия убедили его, что имеретинское дворянство единодушно в своей преданности и что, следовательно, задуманный им поход является вполне своевременным.

Но, увы, предстоящая война должна была стать роковой для него; призрачными оказались могущество и прочность его государства...

Несчастья Соломона начались с того, что осенью скончался его брат Арчил, зять Ираклия. Царевич находился в это время в Тбилиси, в гостях у тестя. Почувствовав себя плохо, он решил отправиться в свою деревню и выехал верхом. В дороге ему стало хуже, он не мог удержаться в седле. Домой его привезли уже умирающим.

Потеря брата глубоко огорчила Соломона. Он был надломлен. Худо ли, хорошо ли, но Арчил играл роль моста, переброшенного между Картли и Имерети; он старался, как мог, утвердить дружбу между Ираклием и Соломоном и многого сумел добиться. Правда, после Арчила остался преемник—маленький сын его, царевич Давид, которого Соломон несколько раньше даже усыновил и объявил наследником престола... Но разве малолетний царевич мог заменить Соломону преданного друга, зрелого, умного, доблестного мужа, каким был его брат Арчил?

Потрясенный тяжелой утратой, Соломон хотел было даже отменить поход против турок, но не мог противостоять настойчивым просьбам Дадиачи и Гуриели. В се-

редине февраля он разослал гонцов по всей стране и назначил сбор войск на первую неделю марта. Соломон рассчитывал, что поход продлится не более двух-трех недель и к апрелю призванные вернутся по домам, так что крестьяне не пропустят весенней пахоты и сева.

В начале марта в Кутаиси стали стекаться со всех сторон войска. По приказу царя все должны были явиться в один и тот же день, но многие опоздали — одни ссылались на весенние паводки, другие — на дальность пути.

Численность собравшегося войска также оказалась несравненно меньшей, чем ожидал Соломон. Когда пересчитали прибывших, оказалось, что явилось всего три тысячи пятьсот человек. Среди них конными были только одни дворяне — всего восемь или девять сотен. С такими незначительными силами, разумеется, никаких громких дел нельзя было совершить, но Соломон все же решил выступить. Он надеялся, что Дадиани, так неотступно упрашивавший его начать войну против Турции, приведет по крайней мере две тысячи человек, да и Гуриели соберет тысячи полторы. С семью тысячами воинов можно было уже рассчитывать на успех.

Но Соломон не знал, что как только его полки двинулись по направлению к Кобулету, Кацья Дадиани спешно погнал курьера к туркам, предупреждая их, чтобы они готовились к встрече имеретинского царя, а Гуриели хотя и собрал войско, но не для помощи царю, а с тем, чтобы в удобную минуту нанести ему предательский удар в спину.

И Дадиани и Гуриели были заранее подкуплены прибывшим из Стамбула капучи-баши, который послал им щедрые подарки и обещал султанский фирман, подтверждающий их право на безраздельное и самовластное владение своими княжествами.

Таким образом, Соломон, ни о чем не подозревая, направлялся прямо в ловушку, расставленную ему турками.

\* \* \*

Войско медленно двигалось вперед, растянувшись по узкой дороге на несколько верст. Всадники ехали бок о

бок с пешими воинами. Бесики попал к воинам из Сацетло и с удовольствием подтягивал им, когда они заводили походную песню. Верхнеимеретины были самыми веселыми во всей войске. Почти все они, как пешие, так и конные, прихватили с собой вино в маленьких бурдюках и по дороге, на каждом привале, потягивали его из маленьких чинчила — кувшинчиков-чарок, по очереди угощая друг друга.

Около Орпири, у берега Риони, пришлось довольно долго ждать переправы — воинов перевезли через реку на лодках. Садуна разыскал Бесики и привел его к своим землякам.

— Вот пришел к вам в гости знатный человек! — сказал Садуна молодым воинам, которые при виде Бесики вскочили и почтительно сняли шапки.

— Пожалуйте, господин!

— Благодарим за то, что не побрезгали нами!

— Присаживайтесь! Шошита, наполни чинчилу и подай господину.

— Отведайте, пожалуйста, хачапури!

— Не откажитесь от этой куриной ножки!

Молодые воины наперебой хлопотали вокруг Бесики, желая оказать особое уважение приближенному царя.

Бесики с удовольствием уселся, поджав ноги, в их кругу. Он разломил хачапури, взялся за чинчилу, и струйка вина долго булькала в горлышке кувшинчика, стекая к нему в рот.

Между тем Садуна знакомил его с молодыми воинами.

— Вот эти девять парней, что сидят перед вами, — родные братья. И вон те шесть — тоже дети одного отца и одной матери. Войдешь к ним в дом, посмотришь на их семью — порадуешься! Крепкие, зажиточные крестьяне.

Бесики окинул молодых воинов внимательным взглядом. Парни были как на подбор — один лучше другого. У самого младшего над верхней губой и на подбородке курчавился первый, чуть заметный юношеский пушок. В их словах и жестах было столько предупредительности, речь их была так выразительна и красива, что казалось, эти крестьянские юноши получили воспитание, подобающее детям знатных родителей.

— Из Картли изволили приехать, господин? — спросил Бесики самый старший из них, чернобородый крестьянин.

— Как ты об этом догадался? — улыбнулся ему поэт.

— Я, сударь, легко распознаю уроженцев всех частей нашей грузинской земли. Я и в Тбилиси бывал, числился в свите царевича Арчила, царство ему небесное!

— Как твое имя?

— Гогита.

— Понравилось тебе в Картли?

— И спрашивать не надо! Куда нашей Имерети до Картли! Там хлеб родится — любо посмотреть! У нас раньше сеяли его, потом, как завезли из чужих земель эту кукурузу, за нее принялись и ею одной живы. А пшеница у нас плохо идет — нужно каждый второй год земле отдых давать.

— Зато вина у нас много.

— Это верно, вина хватает. Вино и дает нашему народу силу! Поставим перед собой миску лобис, припадем к такой вот чинчиле — и больше нам ничего не надо! Налей-ка, Шошита, раз уж так к слову пришлось! — протянул свой сосуд молодому воину Гогита.

— Что это вы все запаслись вином? — спросил Бесики.

— Здесь, господин дорогой, без вина не обойтись: вода стоячая, гнилая — станешь маяться животом, да и ноги протянешь! Вот у нас в деревне родник: дай мне воды из него — откажусь и от вина и от меда. Холодная, чистая — мертвого оживит!

— А у нас есть ключ Ведза — вот из него стоит воды испить! — заметил какой-то посторонний воин, случайно подошедший к этой группе и прислушивавшийся к разговору.

— Что ж, прикажешь в Рачу ехать за девять гор воды пить? — рассмеялся Гогита и протянул незнакомцу чинчилу: — Выпей лучше вина за наше здоровье!

— Не такие, как ты, приезжают испить этой водички! — ответил с улыбкой рачинец, богатырского сложения детина, беря у Гогиты чинчилу. — Наша Ведза — лекарство. Нет такой хвори на свете, чтобы она не исцелила.

— Об этом и мне приходилось слышать, но ты лучше

вот что мне скажи, добрый человек,—Гогита поглядел на рачинца с лукавой улыбкой,—ружья на тебе нет. Сабли и кинжала тоже не вижу. Как же ты будешь турка бить—волынккой своей?

— А коли не было у меня дома ружья да сабли, что же делать?—простодушно ответил рачинец.

— Как твое имя?

— Белия, добрый человек. Жена говорила—возьми хоть топор. Но я решил, что дубинка лучше. Вот она. Покажите мне турок, а там уж я добуду себе и саблю и ружье!

— Тебе, кажется, и в самом деле не трудно будет оружие достать. По руке видно. Бороться умеешь?

— Ох, нет, господи упаси, с нами крест! — перекрестился рачинец.—Хватит и того, что однажды ввел меня в грех нечистый—буду каяться до конца дней! Был как-то в гостях у Амилахвари мой господин, и я вместе с ним. Вывели там одного борца и пристали ко мне — поборись, мол, с ним. Отказываюсь, божусь, твержу, что не умею бороться. Не вводите, говорю, в грех, как бы мне его не повредить... Нет, говорят, лучше сам держись, как бы не грохнутья лопатками оземь. Ну, вышли мы в круг, гляжу на парня, где ему меня с места сдвинуть! Обхватил он меня вокруг пояса, потом подножку подставил. Я только легонько схватил его, вдруг как хрустнуло в нем что-то... — Белия снова перекрестился.— С нами крест, царство небесное несчастному! Говорили мне тамошние, он сам, мол, виноват, ты тут ни при чем, кабы он поддался, ничего бы с ним не случилось. Ты, дескать, не убивайся, такая, значит, его судьба... Э-эх! Пусть господь успокоит его душу, а вам долгой жизни пожелаю!

Белия поднес чинчилу к губам и от блаженства закатил глаза.

— Что, лучше, чем твоя Ведза? — спросил его с улыбкой Гогита и обратился к Бесики: — Этот вояка, сударь, наверно, захватил с собой свою волынку. Если вы не слышали рачинских шаири, то давайте скажем ему, пусть нам споет!

— Ну-ка, послушаем твои шаири!—весело сказал рачинцу Бесики.

Белия опорожнил чинчилу, отвернул короткую бурку, которая была у него на плечах, и собравшиеся в самом

деле увидели под мышкой у него дудку и мех. Надув через особую трубку свою волынку, Белия заиграл на дудке и обратился к Бесики:

— Как ваше имя, господин?

— Бесарион, Бесики.

Белия вновь стал дуть в свою волынку, потом, обдумывая частушки, несколько раз повторил на дудке одно и то же коленце и наконец степенно, размеренно начал:

По горам и долам шел я,  
Пересек в пути Рион.  
Человек, видать, ученый  
Господин Бесарион.

— Теперь обо мне стих сложи, я зовусь Садуна.

Белия внимательно поглядел на него, подул в волынку, сыграл одно колено на дудке и пропел:

Бiju я насквозь, Садуна,  
Весь твой нрав — чему дивиться?  
Как лиса — куренка, нюхом  
Чуешь издали вдовицу!

Шаири этот вызвал общий хохот, и все стали наперебой упрашивать рачинца:

— Ну-ка, про Гогиту спой!

— Поддень-ка нашего Шио!

— Вот этого зовут Какуца. О нем скажи!

— Придумай шаири на имя Тандарух—вот тогда мы скажем, что ты умеешь стихи складывать!

Белия усмехнулся в густые усы.

— Начнем с Гогиты,—сказал он слушателям.

Снова Белия стал надувать мех и при этом морщил лоб так, как будто ему трудно было придумать частушку. Этим он еще больше разжигал любопытство слушателей.

Эх, Гогита, поневоле  
Гостя примешь в чистом поле.  
Видишь — мы проголодались.  
Поднеси нам хлеба-соли!

— Я вижу, ты скоро плату за свои песни запросишь! — сказал рачинцу со смехом Гогита.

Вонны собирались долго еще развлекаться песнями волынщика, но тут послышались крики джарчи — распорядителей войска. Подоспела очередь, верхнеимеретин звали на переправу.

Все стали поспешно собираться. Рачинец сдал свой мех и спрятал его где-то далеко под мышкой. Имеретины нагрузились торбами и хурджинами, вскинули ружья на плечи и направились к парому.

На площадке парома, устроенного из двух связанных вместе лодок, помещалось тридцать человек и четыре лошади. Четыре паромщика, упираясь длинными баграми в дно реки, сдвинули этот своеобразный корабль с места. Воины помогали им. Когда паром оторвался от прибрежной осыпи, гребцы ухватились за канат, протянутый поперек реки, и стали перебирать его так, словно старались перетащить дальний берег Риони на эту сторону. Канат, скрученный целиком из свиной щетины, был толщиной с человеческое запястье. Бесики попробовал вместе с другими схватиться за него, но сразу выпустил, вскрикнув от внезапной боли: жесткие волоски, торчавшие из каната, кололи, как иглы, и сдирали кожу с непривычной руки.

— Нет, нет, вы не прикасайтесь, господин!—сказал ему Садуна.—Эту штуку я и сам боюсь рукой тронуть!

— Крепкий канат! Откуда взялось столько щетины?

— Щетину, сударь, из года в год собирают у нас по деревням. Евреи-разносчики, правда, свинины не едят, но щетину берут охотно. Наберут отовсюду и продают в Кутаиси по пять грошей за яйцо.

— Как — за яйцо?

— Это значит, за столько, сколько весит одно яйцо. В Кутаиси на берегу Риони живут особые мастера, которые занимаются этим делом—они скупают щетину и вяжут канат. Впрочем, делать эти веревки у нас в каждой семье умеют. Бечевка из щетины прочнее пеньковой—не рвется и не перетирается. А кроме того, если кому придется заночевать в поле, на земле, достаточно окружить себя такой бечевкой и можно быть спокойным: ни ползучий гад, которого у нас по имени никогда не называют\*, ни скорпион к спящему не приблизится. Я, когда отправляюсь в дальний путь, непременно беру с собой бечевку из щетины.

Паром подошел к противоположному берегу. Паром-

---

\* Имеется в виду змея.

щики, подоткнув штаны, прыгнули в воду, поднялись на берег и перекинули оттуда на паром мостки, плетенные из прутьев. Воины пропустили вперед Бесики и последовали за ним с веселым смехом и шутками. Некоторые, не дожидаясь очереди, попытались прямо спрыгнуть с парома на берег, но двое упали в воду и вызвали взрыв смеха среди товарищей.

Переправа войска продолжалась целый день. Да и за день не удалось бы ее закончить, если бы после обеда лодочники не привели из Варцихе пять больших барок, после чего дело значительно ускорилось.

На ночь войска Соломона расположились лагерем в Джумати.

\* \* \*

Правитель Гурии дожидался Соломона в Озургети с двумя тысячами воинов. Среди них были тысяча двести лезгин, присланных к Гуриели Ахалцихским пашой Сулейманом. Именно с помощью этих лезгин собирался Гуриели выполнить свой предательский замысел. В те времена воюющие правители часто пользовались наемными войсками и самому Соломону не раз приходилось водить в поход черкесов и лезгин. Поэтому имеретинский царь несколько не удивился, увидев под знаменем Гуриели иноземных воинов. Напротив, он даже одобрил распорядительность гурийского правителя и обещал возместить его расходы. Но особенно приятны были Соломону и его сановникам исключительная предупредительность и щедрое гостеприимство Гуриели. Коварный правитель, как верный пес, заглядывал в глаза имеретинскому царю, стараясь угадать малейшее его желание. Разумеется, трезвый взгляд опытного человека легко мог заметить истинную подоплеку лстивой любезности Гуриели, но в эти роковые дни никому и в голову не приходило сомневаться в верности правителя, тем более, что он изъявил желание двигаться со своим отрядом впереди имеретинского войска и первым сразиться с турками. Гуриели посоветовал Соломону не дожидаться мегрельского правителя, а сразу напасть на врага в Чакве, овладеть Каджетской крепостью и ворваться в Батуми, а когда Даддани отрежет отступление Потийскому паше, повернуть



на север и одним ударом очистить от турок все Черноморское побережье.

Соломону понравился этот план. Он приказал Гуриели окружить Каджетскую крепость, а сам направился по узкому ущелью к Чакве. Соломон торопился оставить позади эти опасные теснины. Вокруг вздымались холмы, правда, невысокие, но покрытые таким непроходимым, густым кустарником, что в случае необходимости невозможно было бы ни пройти через него, ни воспользоваться им, как укрытием. Ни вправо, ни влево от тропинки не было пути, и если бы враг сумел зайти в тыл имеретинам, все войско могло попасть в плен. Правда, присланные Гуриели проводники успокаивали царя, уверяя его, что знают множество боковых тропинок и могут в любую минуту вывести войско из опасности. Но испытанный в походах Соломон прекрасно видел, что по этим тропинкам могут двигаться одновременно лишь по два-три человека, а провести по ним целое войско так же трудно, как заставить верблюда пролезть через иглыное ушко.

Вскоре высланные вперед разведчики вернулись и доложили, что цель почти достигнута: с ближайшего пригорка виднелось море и широкая полоска побережья. Соломон тотчас же созвал сардаров и изложил им план предстоящих действий. Имеретинские войска, разбившись на отряды, должны были одновременно атаковать длинный ряд деревень вдоль побережья, чтобы не дать туркам возможность забить тревогу и подать сигнал султанским войскам, засевшим в крепостях Поты и Батуми.

— Пусть никто не смеет врваться в дом, где говорят по-грузински! — приказал Соломон. — Всех же остальных язычников, поселившихся на нашей земле и завладевших ею, уничтожайте без пощады. Рубите головы всем, кто попадет в ваши руки!

Войска сгруппировались по знаменам, и каждое подразделение последовало за плывущим в воздухе полотнищем своего штандарта. Растекаясь в разные стороны, подобно рукавам разветвляющейся у устья реки, потоки людей скрылись в частых, еще не покрывшихся весенней листвой зарослях. Бесики оказался в царской свите. Соломон и его приближенные поднялись на высо-

кий холм, с которого вся полоса побережья была видна как на ладони, и стали следить оттуда за передвижением войск. Царь смотрел в длинную раздвижную подзорную трубу. Такие же подзорные трубы были в руках у Бери Цулукидзе и Элизбара Эристави. Один Папуна Церетели смотрел вдаль невооруженным глазом и, по-видимому, видел все лучше любого из них.

— Эге, рачинцы уже ворвались в Чакву!—говорил он, потом спокойно вглядывался куда-то левее.—Где до сих пор Агиашвили? Чего он мешкает? Ага, вот и он показался. Смотрите, турки встретили его стрельбой.

— Где ты это видишь, сардар? — изумленно спрашивал его Соломон.

— Бросьте вы эту штуку, государь!—сказал Папуна, указывая глазами на подзорную трубу.—Пока вы, глядя в нее, разыщете вдали что-нибудь, десять раз все переменится. Вон, видите, на берегу то и дело взвиваются облачка дыма, словно распускаются цветы алычи?

— Да.

— Там-то и засел враг. Но вот наши — окружили их, напустились толпой, точно муравьи. Молодцы, ребята!

Соломон снова приставил к глазам подзорную трубу и наконец поймал в поле зрения свои войска, атакующие врага. Имеретины проворно взбежали по склону. Кое-где блеснули обнаженные сабли, и воины скрылись из глаз. Ясно было, что воинство Соломона погнало врага перед собой.

Вскоре начали прибывать гонцы от военачальников, и каждый приносил радостную весть. Сардары выполнили задание, деревни были заняты, где ни встретили турок — всех уничтожили или захватили в плен, тех же, кто говорил по-грузински или по-мегрельски, не тронули.

В полдень войска стали собираться перед царским шатром. Подходили и подъезжали пешие и конные воины. Один вел пленного, другой нес добычу, третий гнал скот. Весенний луг кишел людьми и был похож на суетящийся муравейник.

Соломон созвал сардаров в свой шатер для совещания. Он собирался как можно скорее двинуться на Ба-

туми, но это можно было сделать только после прибытия Даднани с его войсками. Подступы к Батуми были преграждены сторожевыми башнями. Часть нападающих войск должна была окружить эти башни, а другая часть пересечь холмы и, обойдя Батуми издалека, ворваться в город. Все это не трудно было исполнить, но мегрельское войско запаздывало, да и о Гуриели ничего не было слышно.

— Подождем до вечера,—сказал царю Бери Цулукидзе.—Если даже Гуриели и Даднани не появятся до тех пор, то хотя бы вернутся наши гонцы, мы все узнаем и сможем решить, что делать.

Царь согласился с ним и отправился в сопровождении свиты обходить вернувшиеся с боя войска.

Джарчи побежали вперед и возвестили войску:

— Государь идет! Государь идет!

Воины — пешие и конные, крестьяне и дворяне — встречали царя, опустившись на одно колено, и по обычаю того времени подносили ему всю свою военную добычу, что бы это ни было — пленный, оружие или какое-нибудь имущество. Царь забирал только такие трофеи, как пушки, крепостные пищали и оружие, если оно явно было лишним, и тут же вознаграждал доставившего добычу щедрым подарком. Всю же остальную добычу, в том числе и пленных, царь возвращал тем, кто ее доставил.

— Кто это там прячется в кустах? — спросил царь.

— Это, государь, люди Церетели, — отвечал ему Кайхосро Агиашвили. — Хотят подойти к вам, но не осмеливаются.

— Чего им нужно?

— Их, государь, девять братьев — все дети одного отца и одной матери. Самый младший еще не женат. Парень — красавец, любо посмотреть. Плечи — вот такой ширины, — Агиашвили раскинул руки. — Глаза сверкают; если взглянет вот на этот пень, пожалуй, подожжет. Вступили они в деревню, слышат грузинскую речь — никого не трогают. Идут себе вдоль улицы. Вдруг слышит этот младший, что за ним кто-то бежит, задыхается. Обернулся он, видит — перед ним женщина в чадре. «Кто ты?» — спрашивает. А та молчит, еле дух перево-

дит. Наконец кое-как заговорила. «Ты грузин?» — спрашивает. «Да, грузин», — отвечает парень. «Крестьянин или дворянин?» «Крестьянин». «Так похить меня, если ты смелый человек!» — говорит вдруг девушка и поднимает чадру.

— Красивая? — спросил с улыбкой Соломон.

— Словом не описать, государь! Зачем только я ее увидел! Такой красавицы и в жизни не встречал. Ну прямо звезда, упавшая с неба. Что за глаза, что за ресницы и брови, какое лицо! Ее бы, государь, в церкви перед алтарем поставить, как икону, клянусь богородицей, стану ей молиться! Так вот, парень наш растерялся, не знает, что делать. Смотрит на девушку во все глаза, а руки и ноги не слушаются: окаменел, да и только! Хочет кинуться к ней, подхватить на руки, да разве посмеет к ней прикоснуться? Может быть, это и не земное существо, а ангел...

— Приведите ко мне обоих, — приказал Соломон, прерывая сардара, и направился к своему шатру.

Агиашвили сам пришел к братьям и объявил, что им выпало большое счастье: государь требует их к себе, хочет видеть увезенную девушку и, наверное, благословит и наградит их.

Братья испугались — как бы девушка не приглянулась царю и он не отобрал невесту у жениха и его братьев. Старший из братьев, Гогита, сверкнув глазами, встал тяжелой каменной глыбой перед Агиашвили.

— Ты, князь, человек знатный, — сказал он Кайхосро, — а я простой крестьянин и должен почтительно разговаривать с тобой, но знай, что девушку эту мы, пока живы, никому не отдадим. Бог послал ее моему младшему брату. Мы этого мальчика на ладони вырастили и, если понадобится, бросимся ради него в кипящую смолу, ни на минуту не задумаемся. Сделай нам такую милость, доложи царю, что мы у него ничего не просим — пусть только оставит нас в покое! А мы ему готовы служить, как он захочет.

— Ты, видно, вырос в лесу, невежа! Что глаза на меня выкатил — забыл порядок, старшинства не знаешь? Государь приказал тебе явиться — думаешь, сосед к себе в дом зовет?

Слова эти были сказаны таким убедительным, гневным тоном, что братья поняли: дело нешуточное, отказ невозможен. И они покорно последовали за сардаром, окружив со всех сторон девушку, лицо которой было закрыто чадрой. Лишь младший брат остался на месте — он даже не поднял глаз на уходящих.

Перед царским шатром собрались сардары и сановники. Длинный и сухой, как жердь, Элизбар Эристави допрашивал пленных. Гогия Абашидзе и Бесики Габашвили вместе со своими подчиненными составляли списки трофеев. Коренастый, кряжистый Бери Цулукидзе рассматривал оружие, целый ворох которого громоздился перед Соломоном; он вытаскивал из кучи то саблю, то пистолет и говорил царю:

— Это — хорасанская сталь. Отличное оружие, лучше не найдешь. Это ружье — стамбульской работы, исключительно дальнего боя. Вот эта пищаль наверняка из Крыма, там делают такие крепостные ружья. Я его предпочитаю пушке.

Тут же находились члены Клятвенного союза, которые считались хранителями особы государя и никогда не отлучались от него.

Агиашвили привел братьев и велел им остановиться поодаль.

Соломон улыбнулся подошедшим и сказал девушке, чтобы она подняла чадру.

— И вправду ты хороша собой, дочь моя, — сказал царь, когда девушка скинула покрывало и взглянула на него своими огненными глазами. — Как твоя фамилия?

— Цецхладзе, — смело ответила девушка.

— А имя?

— По-турецки меня зовут Эмине, а по-нашему мать называет Пиримзе.

— Ты пришла по своей воле или тебя похитили?

Девушка опустила глаза: она не знала, какой лучше дать ответ.

— По своей воле, — решила она наконец сказать. — Отца у меня нет, отчим собирался продать меня в Стамбул. Я подумала — уж если мне суждено покинуть родные места, лучше буду в своей стране...

— Где же твоя страна?

— Вон там, в той стороне,— девушка показала рукой на восток и добавила после недолгого раздумья:— Грузия.

— А ты разве знаешь Грузию? — спросил, улыбаясь, Соломон.

— Как же мне христианскую Грузию не знать? И мы были в ней, но потом пришел султан и турки нас заставили перейти в свою веру. Моя бабушка была христианка и молилась в церкви. Я спрашивала ее, почему мы стали мусульманами, а она сказала: всякого, кто не принял ислам, султан облагал таким огромным налогом, что турки уносили весь урожай; что же было делать бедным людям, не помирать же всем с голоду? Одолели грузинского царя, говорила бабушка, не хватает у него силы, чтобы нас защитить...

Придворные, окружавшие Соломона и девушек, увидели в ее последних словах оскорбление государя: как она посмела заявить, что у грузинского царя не хватает силы защищать своих подданных и что враги одолели его? Со всех сторон послышались восклицания:

— Что за вздор мелет эта девчонка!

— Кому это не хватает силы?!

— Болтает языком...

Соломон одним строгим взглядом заставил умолкнуть разошедшихся льстецов. Он не только не был оскорблен — напротив, искренность и прямота простодушной девушки растрогали его, так как из ее слов он мог заключить, что грузины, принявшие мусульманство, не утратили любви к своей родной стране.

— Парня мне покажите, где он? — сказал Соломон.

— Парень, государь, стесняется; если позволите, явится к вам потом.

Соломону и это понравилось.

— Хорошо. Ступайте и возьмите с собой девушку. Желаю ей счастья. Пусть она примет крещение, прежде чем обвенчаться. Крестными назначаю супругу царевича Давида Анну и сахлт-ухуцеси Зураба Церетели. Если, даст бог, вернемся с этой войны благополучно, жалую всему вашему семейству вольную.

— Да не лишит нас бог ваших милостей, государь, целуем ваши колени, — по-крестьянски поблагодарили царя братья и по очереди воздали ему почести, коснувшись лбом земли. Подойти ближе к царю они не имели права.

Соломон подарил девушке кошелек, полный серебряных монет. Братья жениха снова окружили свою будущую невестку и увели ее. У них словно выросли крылья от счастья.

\* \* \*

Никто не знал, откуда пришла эта ужасная весть, но по грузинскому лагерю внезапно с быстротой молнии разнесся слух, что Соломон вместе со всем своим войством попался в ловушку и что турки отрезали ему все пути к отступлению. Это роковое известие произвело на грузинское войско, все еще опьяненное утренней победой, такое же уничтожающее действие, как струя ледяной воды на раскаленный стеклянный или глиняный сосуд. Войство, до этой минуты сплоченное единым порывом, внезапно раскололось, распалось, развалилось. Каждый воин думал теперь только о том, как бы уцелеть, убраться из этих мест невредимым, достичь живым своего дома... Никто не хотел повиноваться ни сардарам, ни распорядителям войска, ни начальникам сотен. Возможно, что царь и его военачальники сумели бы лучше распорядиться в этом тяжелом положении и спасти войско от разгрома, если бы сами они не растерялись и не упустили последней представлявшейся возможности спасения. Растерянность же была вызвана тем, что к Соломону вдруг со всех сторон пришли донесения об измене Дадиани и Гуриели и о том, что он в окружении. От Махинджаури приближались турки; дорога на Озургети была отрезана правителем Гурии; со стороны Кобулету двигались войска капучи-баши и Дадиани; наконец на море показались белые паруса турецких военных кораблей. Вскоре оттуда донеслись орудийные залпы. Таким образом, враги почти одновременно атаковали войска Соломона со всех сторон. Правда, они не пытались сразу ворваться в грузинский лагерь, а действовали осторожно, издали, но это-

го оказалось достаточно, чтобы вызвать замешательство в рядах имеретинского воинства.

Соломон поспешно собрал все свои конные части,— о пехоте никто уже не заботился, она была предоставлена самой себе, имущество, трофеи и даже шатры были оставлены в лагере, — и бросил этот кулак на лезгинский отряд, преграждавший Озургетскую дорогу. Однако, несмотря на неоднократные отчаянные атаки, прорвать здесь кольцо не удалось. В узком ущелье невозможно было развернуть войско, а при прямой атаке грузины, хотя и оставили на поле боя двести человек убитых, не добились успеха.

Тогда Соломон переменял направление удара и попытался разорвать кольцо в другом месте, близ Аламбари. У реки Хино его встретили, но не могли остановить, войска Гуриели. Здесь Соломон совершенно оторвался от основного ядра своих войск; пехота его была отрезана, и лезгины ловили разбежавшихся воинов арканами, словно овец.

Всадники Соломона переправились через неширокую реку и с отчаянной смелостью бросились на отряды капучи-баши и Дадиани. Завязался ожесточенный неравный бой; казалось, немногочисленное конное воинство Соломона все поляжет в нем. Торжествующие враги, по-видимому, решили во что бы то ни стало взять в плен имеретинского царя и дрались с остервенением. Многие турки и многие их союзники сложили свои головы, пытаясь достичь этой цели, но и ряды грузин, охранявших Соломона, неуклонно таяли... Наконец имеретинам удалось пробить брешь в сомкнувшейся вокруг них грозной стене и вырваться из губительного круга. Из восьмисот всадников, окружавших Соломона в начале битвы, осталось едва полсотни. Папуна Церетели был тяжело ранен и удерживался в седле только благодаря Садуне, который подсел к нему сзади и поддерживал князя, просунув руки ему под мышки. Не было ни одного человека среди уцелевших грузин, не исключая самого царя, кто не имел бы хоть легкой раны.

К вечеру беглецы добрались до высоких холмов в окрестностях Ланчхути. Здесь они устроили привал, дали лошадям попасть на зеленом склоне и с наступле-



нием темноты вновь пустились в путь. Долго задерживаться они не могли, хотя и засыпали на ходу — за ними скакала вражеская погоня.

На рассвете Соломон и его всадники достигли Орпри и переправились через Риони. Здесь наконец они почувствовали себя в безопасности. Папуну Церетели положили на носилки, и четыре человека понесли его на руках. Соломон и остальные его спутники уехали вперед.

В течение всего этого времени царь ни разу не проронил ни слова. Все распоряжения—о привалах и дальнейшем пути—отдавал вместо него Бери Цулукидзе. Лишь после переправы через Риони, когда беглецы наконец остановились в глухой деревушке и повалились все вместе, как снопы, чтобы заснуть в бревенчатой хижине какого-то крестьянина, Соломон нарушил свое молчание. Он присел на трехногой скамеечке возле очага, и из груди его вырвался сдавленный стон:

— Господи!—проговорил он голосом, полным муки.—Не дай мне умереть, пока я не воздам изменникам отечества Дадиани и Гуриели по их делам!..

И Соломон разрыдался, как ребенок. Никто не пытался его утешить, ни один из беглецов даже не оглянулся на него. Нечеловеческое напряжение минувших боев, долгая скачка и бессонные ночи так утомили, измотали всех, что никто даже не подумал предоставить царю отдельное место на длинной тахте. Даже преданный Бери Цулукидзе, забыв о государе, повалился, как срубленное дерево, на общую постель и через мгновение погрузился в глубокий сон. О лошадях, брошенных беглецами без присмотра на дворе, позаботились хозяин хижины, полунищий крестьянин, и его жена. Они пустили усталых животных на свежую траву ближней лужайки и приставили к ним деревенских мальчишек. Но и лошади были так утомлены, что даже не могли есть. Свесив головы, едва переступая, бродили они по лужайке. Несколько лошадей было ранено—на их лоснящейся от пота шерсти виднелись черные струпья запекшейся крови.

Сон бежал от глаз Соломона. Свинцовая усталость сковывала его, ему трудно было ступить шаг... Но обуреваемый гневом, полный глубокой тоски, он даже не подумал о том, что необходимо хоть ненадолго уснуть...

Молча сидел он у огня, не сводя взгляда с пылающих сучьев. По щекам его струились слезы.

Хозяин хижины, оборванный крестьянин с всклокоченными волосами и бородой, ломал себе голову, не зная, как раздобыть еду для стольких гостей. Он остановился около очага, подбросил хворосту в огонь и повесил над ним на крюке лоснящийся от копоти котелок. Крестьянин даже не подозревал, что у его бедного очага сидит сам царь.

— Верно, дым вас беспокоит, господин? — спросил он, заметив слезы на глазах у Соломона. — Тогда пересядьте лучше вот сюда.

Царь махнул рукой, не говоря ни слова, и не двинулся с места.

— Говорят, наш государь пошел войной на турка. Как-то обернулись его дела, хотел бы я знать! — продолжал крестьянин и неожиданно спросил: — Не оттуда ли вы изволите ехать? Или, может, охотились тут, пониже, в зарослях? Верно, кабана травили? Очень утомительна охота на кабанов!

В дом вошла босоногая крестьянка, жена хозяина. Голова у нее была повязана платком, закрывавшим лицо до половины. В руках она держала деревянную чашку с кукурузной мукой. Затенив глаза ладонью, женщинаглянула на котелок, висевший над огнем.

— Чем понапрасну разговаривать, спроси этого почтенного человека... У нас в доме ничего нет, кроме кукурузной муки. Если им угодно иметь обед, пусть дадут немного денег, а мы походим по деревне, купим для них чего-нибудь, — сказала крестьянка своему мужу. — Потом поставила чашку на пол, разворошила хворост в очаге и стала дуть в огонь, поднимая тучу пепла.

— Как же у гостей деньги просить, — замялся крестьянин.

— А как нам быть? Нашелся богач, царю Соломону ровня, — сейчас зарежет молодых бычков!

Погруженный в свои горькие мысли, царь не замечал ничего происходящего вокруг. Лишь услышав собственное имя, он невольно вздрогнул и поднял голову.

— Что такое? Что вас беспокоит? — спросил он.

— Ничего, господин! Жена моя чего-то болтает без толку. Все прилегли, чтобы поспать, устроились бы и вы отдохнуть,—вот тут, сударь. А то, я вижу, устали вы очень.

Женщина сердито поглядела на своего мужа.

— Поглядите на этого простофилю! Можно ли быть таким растяпой, ты, несчастный! Этот почтенный человек, наверное, моурав всех этих знатных господ, иначе его не посадили бы караулить, пока они сами почивают.

Она повернулась к Соломону, развязала платок на голове, завязала его поудобнее и продолжала:

— Очень уж глупый человек достался мне в мужья, господин. Не хватает у него мозгов в голове. Такая, видно, моя судьба, ничего не поделаешь.— И добавила другим деловым тоном:— У нас в доме, господин, пусто, нечем гостей накормить. Может, пожалуете денег... Будь проклята наша бедность, но что поделаешь, извините...

— Знаю, знаю,—прервал ее царь.— Ступай, поищи в деревне и, если найдешь, купи нам немного сыру и муки для гоми. Больше ничего не нужно. Мы скоро уедем.

Он протянул женщине деньги и снова погрузился в невеселую думу. Сначала Соломон намеревался ехать в свой летний дворец Варцихе. Но Бери Цулукидзе уговорил его отправиться к нему в Хони, чтобы там немного отдохнуть и привести себя в порядок — являться сразу в столь истерзанном виде в Кутаиси или Варцихе в самом деле не стоило. Соломон согласился с Бери еще и потому, что надеялся добраться до поместий Цулукидзе незамеченным; он не хотел показываться народу сразу после столь жестокого поражения, еще не избыв своего позора.

Но Соломон обманулся в своих ожиданиях.

Пока он отдыхал вместе со своими спутниками в бедной крестьянской хижине, известие о поражении опередило его и с быстротой молнии облетело города и села Имерети... Правда, войско Соломона было разгромлено и почти целиком попало в плен к врагу, но некоторые отряды и отдельные воины из числа самых храбрых все же сумели вырваться из окружения. Эти спасшиеся воины

шли по коротким горным тропинкам так быстро, что обогнали всадников и раньше их достигли внутренних областей страны.

Они и рассказали о несчастье, постигшем грузинское воинство.

Вся страна была потрясена и охвачена горем. Давно уже не обрушивалась на Имерети подобная беда. Не было ни одной семьи,—знатной или незнатной, крестьянской или княжеской,—которая не послала бы на войну хоть одного мужчину. И когда Соломон после отдыха в крестьянской лачуге продолжал свой путь по проселкам и сельским улицам, до него отовсюду доносились плач и вопли. Охваченные горем матери выбегали из хижин, словно безумные, с распущенными волосами, падали под копыта коней царя и его спутников, царапали себе лицо и грудь, вырывали пряди волос... Мучительным, словно путь на Голгофу, было это путешествие для Соломона.

Сгорбившись и низко опустив внезапно побледневшую голову, ехал он по дорогам Имерети, и всюду как беспощадный укор, как безжалостное осуждение встречали и провожали его плач и отчаяние матерей, вдов и сирот.



Придя в себя, Бесики увидел, что лежит со связанными руками среди множества пленных грузин. Постепенно он припомнил происшествия минувшего дня—как он дрался вместе с конницей Соломона против турок, как внезапно страшный удар обрушился ему на голову и у него потемнело в глазах—он потерял сознание.

И вот он валяется здесь, опутанный веревками.

Бесики попытался приподняться. Голова у него была словно налита свинцом. И все же он смог увидеть, что остальные пленники тоже были в путах. Одни лежали, другие сидели. Пленных было человек двести. Их караулили десять турецких аскеров. Солдаты держали ружья наготове и не сводили глаз с пленников.

— Ну что, очнулся? — спросил Бесики сидевший рядом с ним грузинский воин. — Бедняга, ты был совсем

как мертвый, чуть было турок не снес тебе голову! Мертвым турки всегда голову отрубают.

Бесики окинул взглядом сотоварища по несчастью, но тот был ему незнаком. Бесики спросил, с трудом выговаривая слова:

— Кто ты такой?

— Не все ли равно, кто я?—с горечью ответил пленный.—Квитирский я, сударь, зовусь Гогиелой. Угодили мы турку в лапы, пропали наши головы... Бедная моя семья! Кто теперь будет отцом и кормильцем моим детям?

Гогиела заплакал... Какой-то молодой, мужественного вида воин прикрикнул на него, сверкнув глазами:

— Замолчи! Стыдно мужчине плакать!

— Тебе, дружок, горя мало! Жена и дети дома тебя не ждут! Ты ко мне в душу загляни!..

Бесики взглянул на молодого воина, но и тот был ему неизвестен. Приподнявшись с большим трудом, Бесики стал рассматривать пленников в надежде увидеть знакомое лицо.

Издали глухо доносились стрельба и крики: битва все еще продолжалась.

Через несколько часов пришел посмотреть на пленных Хасан Тавдгиридзе. Его сопровождала целая свита.

— Из каких мест вот эти? — спросил он, рассматривая соседей Бесики; потом его внимание было привлечено поэтом; он подошел ближе и вгляделся.— Это человек не простой! Князь, наверное?

Бесики с минуту не мог решить—скрыть свое звание или объявить его. Наконец он выбрал прямой путь.

— Да, князь, — сказал он.

— Я сразу заметил. Да, плохо обернулись дела вашего Соломона! Как это он надеялся победить султана? Зря только погубил себя! Как ваша фамилия?

— Габашвили.

— Не слыхал о таких князьях. Верно, из Картли?

— Да, из Картли.

Тон и слова Тавдгиридзе, гордые взгляды, которые он бросал на пленного, и все его жесты были полны высокомерия; впрочем, это была скорее заносчивость торжествующего хвастуна, выставляющего себя чуть ли не

главным виновником победы, хотя он меньше всех потрудился для нее.

— Значит, подданный Ираклия! Чего же вы искали у Соломона? Думаете, это такой же умный человек, как Ираклий? Погубил себя зря ваш Соломон! Еле вырвался сам, а из войска ни один человек не спасся. Рыщет теперь бог знает где, по горам и лесам. Парни наши за ним погнались—поймают, приведут, можете не сомневаться. С Турцией даже русские не могли справиться, куда уж там Соломону! Даже нас не сумели одолеть!

Он повернулся к своим спутникам и надменно, словно оказывая большую милость, бросил:

— Обращайтесь получше с этим человеком!

С этими словами он повернулся и пошел прочь. Спутники потянулись за ним; никому и в голову не пришло подойти к Бесики и чем-нибудь облегчить его положение.

Вечером пришли стражи, подняли пленных, связали их вместе веревками и погнали вдоль морского берега на север, к Потю. У каждого пленника руки были стянуты за спиной концом петли, накинутой на шею другого. Достаточно было кому-нибудь из пленных чуть-чуть отстать или уйти вперед, как он задушил бы идущего сзади или был бы задушен сам. Каждая группа пленных состояла из двадцати—тридцати человек, связанных вместе таким образом. Идти было очень трудно, в особенности раненым, еле державшимся на ногах от слабости.

Пленных заперли в Потийской крепости. Когда всех собрали вместе и пересчитали, оказалось, что в руки врага попало свыше двух тысяч шестисот человек.

В Потийской крепости поднялась суматоха. Толстые турки в красных фесках, торговцы человеческим товаром, сутились, хлопотали, сновали в разные стороны, осматривали пленников, фрахтовали суда, спешно вывозили из Батуми и Трапезунда купцов побогаче.

Первыми были проданы крестьяне. Людей знатного рода пока не трогали, так как надеялись, что они будут выкуплены состоятельными родственниками. Каждому из дворян сделали предложение: написать домой, чтобы за него прислали выкуп, иначе его ожидала та же судьба, что и любого крестьянина.

Турецкий юзбаш, взявший в плен Бесики, сам принес

ему перо и чернила. Бесики должен был сообщить родным, что за него просят сто туманов — на меньшую сумму турок не соглашался.

Бесики был ошеломлен. Кому он мог написать? Царю Соломону? Но жив ли был Соломон? Где он находился? Этого никто не знал. Писать родным было бесполезно: они не смогли бы накопить сто туманов даже за сто лет. Наконец он все же написал письмо, чтобы дома знали, что он жив. На спасение он не рассчитывал и решил примириться с судьбой.

Пленных разделили на три группы. Тех, кого взяли в плен люди Гуриели, согнали в один угол, захваченных войсками Дадиани — в другой; пленники капучи-баши столпились у главных ворот.

Затем к начальнику Потийской крепости явились Дадиани и Гуриели, чтобы отпраздновать победу и взять с купцов побольше денег за пленников. Оба правителя осмотрели свою добычу и остались довольны. Пленники были сплошь отборные молодцы, и за них можно было выручить большую сумму. Наемные войска стоили немалых денег, и война ввела Дадиани и Гуриели в долги. Но даже после расплаты с займодавцами у обоих правителей должно было остаться на руках самое меньшее по десять—двенадцать тысяч чистой прибыли.

— Уж как мне запрещал господин мой зять продавать людей,—сказал со смехом Дадиани правителю Гурии. — Даже русской императрице писал — помоги, дескать, обуздать Дадиани, он рабами торгует. А счастье вот как повернулось—он сам в один день привел к нам столько людей, сколько и за сто лет не было продано во всей Имерети! Хотел он выколоть мне глаза, как рачинскому эриставу, да вышло так, что я сам затмил ему свет белого дня. Он запрещал мне моих рабов продавать, а я его собственных людей продаю!

— Много ли здесь дворян и князей? — спросил Гуриели.

Слуги доложили ему: двое Авалиани, один Лордкипанидзе, один Месхи, трое Гогоберидзе и один Габашвили.

— Габашвили? Кто это? — спросил Дадиани и взглянул в ту сторону, куда указывали ему спутники.

Оба правителя пожелали увидеть этого человека. Слуги бросились вперед и издали закричали пленникам: — На колени! Государи идут, становитесь на колени, быть может, пожелают оказать вам милость!

Бесики лежал на камнях—голова у него так сильно болела, что ему трудно было сидеть. Однако, услышав это, он с огромным усилием поднялся на ноги и сделал знак остальным, чтобы они тоже встретили изменников стоя. Все тотчас же повскакали с мест.

Какия Дадиани приблизился к пленникам и стал рассматривать их по очереди. Узнав Бесики, он состроил огорченное лицо и проговорил со вздохом:

— Пусть бог воздаст Соломону за ваши злоключения! Это он вверг вас в беду! Даже поэта, ученого книжника, взял с собой на войну, не оставил дома! Или он вашими руками рассчитывал осилить падишаха? Но я не допущу вашей гибели, я возьму вас к себе. Кто тут ваш хозяин, сейчас скажу ему: предложу за вас десять человек, неужели не отдаст? Двадцать человек дам, тридцать наконец!

— Напрасно тревожите себя, князь! — медленно и внятно произнес Бесики.—Лучше мне умереть, чем находиться вблизи предателя и Иуды! Сейчас я вам докажу делом, что предпочитаю смерть вашей помощи. Какие несчастье, что после Цотнэ Дадиани, добровольно разделившего в монгольской орде муки своих собратьев, землю Грузии осквернил такой пес, как ты! Носишь имя Дадиани и радуешься, что продашь три тысячи грузин стамбульским купцам?

Он хотел плюнуть в лицо правителю, но силы изменили ему; от огромного напряжения у него закружилась голова, он зашатался и еле удержался на ногах. Впрочем, Дадиани готов был и так прикончить его. Бесики спасло только то, что он был собственностью турецкого юзбаша и никто не имел права прикоснуться к нему. Да и турок, вертевшийся поблизости, заметив, что дело принимает опасный оборот, бросился к поэту, вытолкнул его из толпы пленных, уволок внутрь крепости и запер в тесной камере.

Между тем спутники Дадиани и Гуриели окружили обоих князей и стали уговаривать их уйти.

— Не снисходите к этой падали.



— Уйдем отсюда, как бы вас еще раз не оскорбили!

— Они все сейчас как безумные!

— Отойдите от них, государь, как бы вшей от них не набраться, не говоря уже ни о чем другом!

Но два правителя все никак не могли успокоиться. Гуриели сердился даже больше, чем его оскорбленный сотоварищ.

— Кто он такой, как он смеет, этот вшивый бродяга! Дайте его сюда, я своей рукой снесу ему голову! Собака, собачий сын, недаром его Иракий вытолкал из своего дома! Выклячил у Соломона княжеский титул и задается!..

Кация поклялся, что выкупит Бесику у турка хотя бы ценою своего княжества и зарежет его собственной рукой. Но после пира гнев его немного улегся. Когда Дадиани узнал, что турок требует с него за Бесику двести туманов, плата за месть показалась ему слишком большой, и он отказался от исполнения своей клятвы.

Правители провели в Поти целую неделю и сами торговали с турецкими и греческими работоторговцами, сбывая им пленных. Словно почуяв издали запах добычи, слетелись белые паруса, как чайки, в потийскую гавань. Каждый день с утра до вечера шли нескончаемые торги. Купцы скупали человеческий товар по выбору и подолгу, самым тщательным и придирчивым образом осматривали пленных. Несчастных оголяли, измеряли ширину их плеч и толщину мышц, осматривали и пересчитывали у них зубы, заставляли поднимать груз. Дадиани и Гуриели продали прежде всего самых молодых людей, затем тех, кто постарше, а когда дошло дело до пожилых, поручили дальнейший торг моуравам и разъехались по своим владениям.

Бесику целые дни напролет сидел в своей камере молча, словно окаменев; если даже его выпускали во двор, он останавливался возле кузнечного горна, устроенного тут же у крепостной стены, и подолгу с горечью смотрел, как заковывали в железо проданных невольников. Каждому из них кузнец надевал на ноги около щиколотки раскрытое кольцо, потом пропускал сквозь отверстие в ушках кольца толстый стержень, приказывал плен-

ному поставить ногу на наковальню и заклепывал оба конца болта. К кольцу на ноге пленного было прикреплено другое кольцо, а в него пропускалась цепь. На каждую такую цепь как бы нанизывали двадцать—тридцать пленников, после чего несчастных перегоняли на корабль. Здесь концы цепи прикреплялись висячими замками к кольцам в обшивке. Только отрубив себе ногу, пленный мог убежать или броситься в воду.

Бесики со дня на день ожидал, что его, как других, закуют в железо, привяжут к цепи и поведут на корабль. Именно поэтому, вероятно, душераздирающая картина заковывания пленников не действовала на него так сильно, как он мог ожидать. Но когда пришло известие о том, что за него будет заплачен выкуп, и начальник крепости объявил, что пошлет его в Орпири на гребной барке, он внезапно с мучительной остротой ощутил весь ужас несчастья, постигшего его соотечественников. Бесики был единственным, спасшимся пока от неволи; это было невыразимо тягостно ему, и он решил объявить начальнику крепости, что отказывается покинуть крепость, пока не будут выкуплены другие.

— Не сходи с ума, дорогой мой,— сказал ему Тан-дарух Авалиани, человек немолодой и степенный.— Не так-то скоро соберут дома деньги, чтобы нас выкупить! Если через пять-шесть лет вызволят хоть некоторых из нас, и то хорошо! Может, еще успею увидеть при жизни родную землю! Когда мой отец попал в плен, я двадцать лет копил деньги, чтобы его выкупить. А ты, брат, счастливее, нашлось кому о тебе позаботиться... Уезжай скорее, чего ты здесь не видал? Уезжай, отвезешь домой вести о нас...

Узнав о предстоящем освобождении Бесики, пленные окружили его с плачем и криками. Каждый хотел дать ему поручение, послать через него весточку к себе домой. Несчастные перебивали друг друга, старались перекричать товарищей, обратить на себя внимание Бесики. Вокруг поэта сомкнулась живая стена и началась настоящая свалка. Каждый старался прорвать круг, растолкать товарищей и подойти вплотную к Бесики, чтобы изложить свое поручение.

— Я — Модебадзе из Кацхи, прошу, не забудь обо мне, чтоб тебе не знать больше горя!

— Помоги мне, может, сумеешь доставить весть... Я — Личели.

— Меня не помнишь? Я — квитирский Гогиела! Не помнишь? Гогиела из Квитири, Гогиела, что с тобой рядом сидел...

— Пустите меня!.. Пойдите!.. Запомнишь фамилию Габадзе?.. Я — Габадзе...

— Если будешь в Хони, скажи, что видел Капитона из Матхожи, ладно?..

Бесики не знал уже, кого слушать, кому отвечать... Он всем кивал головой и так растрогался, что слезы брызнули у него из глаз. Он обнял одного седого старика и долго рыдал, склонившись головой ему на плечо.

Немного успокоившись, он услышал шепот и хрип около самого своего уха. Кто-то, по-видимому, потерявший голос, настойчиво, неотвязно старался привлечь к себе его внимание. Бесики оглянулся. Перед ним стоял исхудалый, похожий на привидение человек с перекошенным лицом.

— Выслушай меня, чтоб тебе не знать горя! — шипел и хрипел пленный, почти касаясь губами уха Бесики. — Выслушай меня, умоляю! Нас было девять братьев. Я самый старший. Восемь из нас попали в плен и проданы в неволю. Девятый из-за девушки полез на турецкие сабли и погиб, несчастный... Но матери нашей...

Тут голос совсем отказал ему. Он немного переждал и, собравшись с силами, продолжал:

— ...матери нашей этого не говори. Скажи, что все живы... Может, скажи, удастся им бежать из плена...

— Как твое имя? — спросил Бесики и вдруг вспомнил девятерых братьев, с которыми он познакомился в Орпири, во время переправы через Риони. — Пойди, ты не Гогита?

Пленный обрадованно закивал головой и попытался еще что-то сказать, но из горла его вырвались только хрип и шипение.

\* \* \*

С моря дул сильный ветер, и турецкая катарга шла до самого конца под парусами. В Орпири судно встретил

Леонтий Нижарадзе; он вручил турецкому юзбашу, чьим пленником считался Бесики, золота, серебра и драгоценных камней на сумму в сто туманов. После этого Бесики был отпущен на берег.

— Господи помилуй, на что ты стал похож, бедный мой! — воскликнул Леонтий при виде Бесики. — И где ты подобрал такое множество насекомых? Съели тебя без остатка, несчастного! Пойдем попросимся в дом к кому-нибудь из местных жителей — надо хоть помыться тебе, а одежду твою проведем через огонь. Это — пока доберемся до Кутаиси, а там ты уж дома...

— Кто меня выкупил? Должно быть, государь? Он изволил прибыть в Кутаиси?

— Нет, государя в Кутаиси нет, он находится в Хони у Цулукидзе. Говорят, заперся в своих покоях, не выходит и никого к себе не подпускает, лежит на ложе безмолвно и день и ночь не смыкает глаз. Вот уже двадцать дней, как он прибыл в Хони, и, говорят, за все это время не спал ни одной минуты. Сон совсем покинул его. Чего только не пробовали — и маковое семя, и сонные зелья — ничего не помогает. Лежит, изредка только восклицает: «Господи, не дай мне умереть прежде, чем я воздам Дадиани и Гуриели по их делам!» Грудь у него, говорят, горит, как в огне, когда прикладывают влажное полотенце, идет пар! Ах, какая беда, какая беда! Что это стряслось над нами! — ударил себя несколько раз по лбу в отчаянии Леонтий. — Неужели никогда не будет нам избавления?

— Не будет до тех пор, пока... — Бесики не закончил свою мысль и быстро пошел вперед. Он торопился оставить эти места.

— Не будет, да, да, ты прав, не будет... Напрасно надеемся, не будет нам избавления! — бормотал Леонтий, шагая позади. — Сюда, сюда, в эту сторону, зайдем в башню, может быть, у стражей найдется для тебя какая-нибудь одежда. Они постоянно имеют дело с купцами.

— Ты все же не сказал мне, кто меня выкупил.

— Анна, супруга царевича Давида. Как только пришла весть о твоём пленении, — а дело было в Кутаиси, — она сорвала с себя все украшения, сдернула с

пальцев перстни и спешно послала человека в Цирквали, чтобы он привез все, что у нее найдется ценного... Потом позвала меня и вручила драгоценности, чтобы я тебя выкупил.

— Она и сейчас в Кутаиси?

— Да, и кроме нее в городе никого нет. Был еще Папуна Церетели, но его увезли в Сачхере. Неизвестно, поправится он или нет.

— Что с ним?

— Ты не знаешь? Господи! Его привезли смертельно раненным, с распоротым животом и вывалившимися кишками! Позвали врача, знаменитого Турманидзе. Он сказал: «Вылечу». Зашил рану и стал лечить, но что из этого выйдет, неизвестно. Нет, нет, никогда не будет нам избавления...

— Не будет,— сказал Бесики, отвечая на собственные мысли.— Не будет до тех пор, пока Имерети и Амерети не объединятся в одно государство...

— Неужели мы дождемся этого когда-нибудь, господин Бесарион? Найдется ли человек, который возьмет на себя это дело, кто сумеет скрепить, связать воедино раздробленную, распавшуюся на части Грузию нашу? Ни Соломон, ни Ираклий не смогли превратить ее в единое царство...

— Найдется,— сказал с уверенностью Бесики, все еще погруженный в свои мысли.— Есть такой человек. Он один может выполнить эту великую задачу. Этот человек — сын Ираклия, Леван...

— Горе нам, сколько бед обрушилось на нас, несчастных! — снова ударил себя ладонью по голове Леонтий.— Разве ты не слыхал, что Леван...

— Что? Что с ним? — спросил Бесики, внезапно побледнев.

— Увы, этот год — година бедствий, смертей... Не успели вы все уехать из Кутаиси, как пришло известие, что царевич Леван скоростижно скончался...

Леонтий в испуге остановился, так как Бесики, сраженный горем, вдруг упал как подкошенный. Нижарадзе возился с ним несколько минут, прежде чем сумел привести его в чувство.

— Ах, какое горе! — бормотал Леонтий.— Знал бы

я, что с ним такое будет, ни за что бы не рассказал... Дернул же меня нечистый за язык!

Бесики был так потрясен, что всю дорогу до Кутаиси не ел, не пил и не проронил ни слова. Лишь изредка судорожные вздохи вырывались из его груди, плечи его сотрясались от рыданий, борясь с которыми, Бесики искусал себе губы и руки. Справившись с взрывом горя, он снова умолкал. Ехал он шагом, опустив поводья и ничего не видя вокруг себя.

Леонтий и три его вооруженных спутника молча следовали поодаль за поэтом; всякий раз, когда им нужно было перекинуться словом, они невольно говорили шепотом.

Родные Бесики выехали за город встречать его. Они с такой радостью окружили своего спасенного сына и брата и подняли такой веселый шум, что Бесики, впервые позабыв про пережитые и виденные несчастья, несколько оживился. Родители, братья и сестры, друзья, знакомые и даже совсем неизвестные ему люди — все обнимали и поздравляли его с благополучным возвращением.

Месяц, проведенный в плену, непрерывный, многодневный плач и причитания множества сотоварищей, ужасное зрелище заковываемых в железо и угоняемых, как скот, пленников наполнили Бесики отчаянием и ощущением огромного, всеобъемлющего несчастья; ему казалось, что он найдет страну пустынной и обезлюдившей. Но, проезжая по деревням, он заметил работающих в поле крестьян, а в городе увидел обычную снующую, хлопотливую толпу; в лавках и мастерских работали сапожники, шапочники, швецы, кузнецы в кожаных передниках, вымазанные в муке пекари; на сторожевых башнях и на крепостной стене стояли часовые с ружьями, на площадях играли дети. При виде этого зрелища повседневной, обычной жизни у Бесики немного отлегло от сердца, и он приободрился.

Вечером Бесики пошел к Анне. Когда он подходил к висячему мосту, внимание его привлек к себе статный, широкоплечий молодец, который сидел перед кузницей и что-то оживленно рассказывал теснившейся около него толпе рачинцев.

Вглядевшись в молодца, Бесики узнал рачинца-

волынщика, которого видел на берегу Риони во время похода.

— Здравствуй! — приветствовал его Бесики.

— Пошли вам бог здоровья! — почтительно ответил рачинец, вскочив на ноги при виде придворного.

— Твое имя Белия, если не ошибаюсь?

— Да, господин! Откуда вы знаете? — Белия широко раскрыл свои светлые глаза, потом вспомнил и обрадовался: — Узнаю вас, господин, узнаю! Слава богу, что вижу вас целым и невредимым! За что это господь на нас разгневался?

— Как ты спасся? — спросил Бесики, прерывая его.

— Выбрался, дорогой господин, выбрался целым оттуда! Три человека накиннули мне аркан на шею, но я успел просунуть руку в петлю и сбросил веревку. Хотели они взять меня живым и бросились ко мне, но разве втроем такого, как я, одолеешь? Двоих я схватил и стукнул друг о друга — как сшиблись, сразу дух из них вон! Третьему я шею свернул. Снял с них оружие и пошел своей дорогой. В зарослях нагнали меня еще двое, но на этот раз я был уже с оружием и даже близко их к себе не подпустил. А уж как мне помогали по пути гурийские крестьяне! Стоило постучаться в дом, всюду меня принимали, кормили-поили и в дорогу провизии давали. Ругали они своего правителя: Гуриели, дескать, изменил нашему царю и предался туркам, бог ему этого не простит!.. Так я и выбрался. Волынку свою потерял, но уж на это не жалуюсь, счастье, что сам жив остался!

— А как ты переправился через Риони?

— Перевез меня лодочник-мегрел, дай бог счастья ему и его семье! Я по-мегрельски немного понимаю и разговорился с ним. Вот он мне и говорит: пропал теперь весь наш народ! Царь Соломон запрещал Даднани продавать людей в рабство, а теперь, раз Кация взял верх, напустится на нас и всех до одного угонит в Турцию! Перевез меня этот мегрел и дорогу показал; ступай, говорит, так и так, да берегись ясаулов Даднани, нынче имеретину по нашим краям ходить опасно. Добрался я до Илори и подумал — зайду в храм, возблагодарю илорского святого Георгия за свое спасение! Увидел меня священник, будь он проклят навеки, спросил, откуда я, и пригласил в

свой дом. Заманил к себе, а ночью накинудись на меня его парни, хотели скрутить, да я не дался, зря надеялись меня осилить! Тут, слава богу, я никого нечаянно не убил, хотел было, прости господи, священнику отплатить за гостеприимство, да он, песья душа, схоронился от меня. Ушел я, гляжу — Цхенис-Цхали вздулась, бежит как бешеная, камни ворочает. А ждать-то мне некогда, бросился в воду, думаю, будь что будет. Чуть не утонул, на волос был от смерти, но услышал бог мою молитву, и, слава его имени, выбрался я опять невредимым...

— Поздравляю. Рад был тебя увидеть, — сказал с улыбкой Бесики и хотел уйти, но рачинец удержал его.

— Господин Бесарион! Говорят, по закону царя Вахтанга, всякий, кто спасается из плена, становится на родине вольным человеком. Ко мне это не относится?

— Как же, относится. Вот, приедет государь, и всем вам напишут вольную.

— Ух, обрадовали вы меня, дай вам бог счастья! Тогда я поселюсь здесь и устрою кузницу. Стану возить железо из Цедиси, и пойдут на лад мои дела.

— Разве в деревне у тебя ничего нет?

— Есть-то есть, господин, но в наших краях теснота, земли маловато, с нее не прокормишься. Приходится уходить на отхожий промысел, чтобы свести концы с концами. А бродить с волынкой мне, право, надоело. За песни никто больше не хочет платить, и не время сейчас для песен. Да и что тебе дадут люди, когда у самих ничего нет за душой! Вот я и решил кузницу устроить—ремесло я знаю...

— Что ж, и ладно. Значит, хороши твои дела!—сказал рачинцу Бесики и направился во дворец.

Первый, кого он увидел, войдя во двор, был Табика. Царский шут сидел на самой верхней ступеньке широкой лестницы, маленький, настороженный, словно белка, и, по-видимому, поджидал Бесики. Он сбегал по ступенькам, ступая обеими ногами на каждую, как ребенок, и кинулся навстречу поэту.

— Как радостно мне видеть вас, господин Бесарион! Целый месяц во дворце нет ни души. Поздравляю с благополучным возвращением домой, с избавлением от плена! — воскликнул карлик и повис на шее у Бесики.



Бесики подхватил его под мышки, в шутку подбросил кверху и осторожно опустил на землю. Весело тряся бороденкой, Табика безостановочно болтал, словно испорченная мельница.

— А говорили, будто вы убиты! Элизбар Эристави рассказывал, что видел своими глазами, как турок ударил вас по голове саблей и как вы свалились с коня...

— Он ударил тупой стороной и только оглушил меня.

— Но мы-то не знали и уже оплакивали вас! Теперь сто лет будете жить, можете ничего не опасаться! А потом пришла от вас бумага — ну, тут такое во дворце поднялось! Хотели мы послать сразу человека к государю, но тут этот ангел, Анна, — она изволит вас дожидаться наверху, в зале, — говорит: никого никуда не посылайте...

— Знаю, знаю, мой Табика. Пойдем, явемся к ней.

— Так я побегу вперед, обрадую ее! — сказал Табика и, потешно ковыляя, помчался вверх по лестнице.

Опечаленная смертью царевича Левана, одетая с ног до головы в черное, Анна встретила Бесики сдержанно и просто сказала, что рада его спасению. Поэт опустился перед молодой женщиной на колени, поцеловал ей руку и поблагодарил за все, что она для него сделала. Быть может, встретясь при других обстоятельствах они и не смогли бы вести себя так непринужденно — ссора их была жестокой, и у обоих накопилось немало взаимных обид. Но после пережитых бед и волнений все это забылось, отодвинулось так далеко в прошлое...

— Как это все получилось? Что произошло? — спрашивала Анна.

— Как это получилось? — усмехнулся Бесики. — Есть такая поговорка: сказал овчар — знал бы я, что волк свалится с неба, положил бы собаку на спину... В точности так с нами и получилось. Откуда мы знали, когда вышли к морю, что оба изменника, Даддани и Гуриели, всадят нам нож в спину? Наши взоры были устремлены к Батуми, мы ждали врага оттуда, а эти двое вдруг обрушились с тыла! Нападение было так неожиданно, что у нас не было времени опомниться! Многие не успели даже разыскать на лугу своих коней! Я до сих пор изумляюсь, как спасся сам Соломон. В последние

минуты перед тем, как я потерял сознание, помню, нас было вокруг него самое большее шестьдесят человек, а отбивались мы от доброй тысячи!

— Неужели вы ни о чем не подозревали?

— Ни о чем... Были у Соломона лазутчики и при Дадиани и при Гуриели, но, по-видимому, те и сами ничего не знали, а может, не успели сообщить.

— О кончине Левана слыхал? — спросила Анна, и глаза ее наполнились слезами.

— Горе мне! Как примириться с этим? — Бесики опустил голову и вытер слезы. — Почему я не умер на месте, когда услышал это известие? Но что случилось с несчастным?

— Ничего толком не знаю. Он был в Веджини, гостил у Абашидзе. Одни говорят, что его отравили, другие, что он, охмелев, ворвался к жене хозяина и та, защищаясь, ударила его ножом. Может быть, и правда — была у покойного такая повадка... Говорят еще, что он не в меру поел лососины и заболел от нее. Словом, не разберешь, как было дело. Я не смогла поехать в Тбилиси, послала мужа и жду его возвращения со дня на день. А у тебя какие намерения? Когда к Соломону явишься?

— Завтра собираюсь отправиться, — сказал Бесики упавшим голосом, вытирая слезы, все еще катившиеся по щекам.

\* \* \*

Палаты Бери Цулукидзе были полны придворных и сановников. Соломон сидел в большом зале, в деревянном кресле перед камином, и курил длинную трубку.

— Очень, очень рад я твоему возвращению! — сказал он при виде вошедшего поэта, встал, обнял его и позволил поцеловать себя в плечо. — Знаю, что невестка моя выкупила тебя из плена. Да воздастся ей за это тысячекратно!

Бесики был поражен, увидев, как изменился Соломон. Царь исхудал, глаза у него ввалились, он постарел сразу на десять лет.

— Садись и расскажи мне подробно, что с тобою

было. Ничего не скрывай от меня,— сказал он, указывая поэту на кресло около себя.

Бесики рассказал обо всем, что ему пришлось пережить. Соломон слушал, сдвинув брови и время от времени посасывая свой чубук. Ни разу не прервал он поэта и, дослушав до конца, долго еще сидел молча, погруженный в думу, вглядываясь в огонь.

— Сожалею, что не послушался совета Шервашидзе, когда они явились ко мне в Кутаиси, и не стер с их помощью с лица земли самую память о Кации Дадияни, — глухо проговорил наконец Соломон.— Эти правители и владельцы — как чирей на теле страны: пока не уничтожишь их с корнем, не придет исцеление. И летопись наша, «Житие Грузии», учит тому же. Там сказано, что, пока в стране имели силу владельцы областей, государства находились в упадке. Великий Давид Строитель, борясь за возрождение Грузии, начал с того, что свернул шею непокорным властителям и князьям. И я должен поступить так же, как Давид. Недолго осталось Кации Дадияни и этому козлу Гуриели творить свои беззакония! Пусть меня человеком не назовут, если я не воздам им сторицею за двоедушие и предательство! Придет их час, будут вопить на городской площади под чинарой, в руках Хосии-палача! Каждый получит свое!

Соломон разволновался. Лекарь фон Виттенбург приблизился к нему и сказал, коверкая недавно выученные грузинские слова:

— Государь, не надо разговор, повредит!

— Эх! Тебя только мне не хватало! — с досадой махнул на него рукой Соломон.— Повредит! Лишь бы мне другое что-нибудь не вредило, а это уж я как-нибудь выдержу!

Бери Цулукидзе, стоявший за спиной у царя, показал Бесики взглядом, чтобы он отошел. Но у Соломона словно и на затылке были глаза: даже не оглянувшись, он сказал Цулукидзе.

— И ты не приставай ко мне, а то, смотри, как бы я не сорвал на тебе свой гнев! Ты ведь такой же шуриной, как Дадияни!

— Право, государь, нет ли у вас еще одной пары

глаз на спине? — попытался обратить разговор в шутку Цулукидзе.— Как вы меня увидели?

— Глаза на спине! Да я совсем оказался слепцом на горе себе! Будь у меня глаза, разве я не должен был увидеть измену? — И Соломон поднял на своего шурина затуманенный от долгих бессонных ночей взгляд.

— Вот так всегда! — как бы пожаловался Бесики Бери Цулукидзе и опять обратился к Соломону: — Нельзя же так, государь, пощадите себя! Во всей нашей Имерети не осталось князя и дворянина, который бы не явился к вам и не поклялся в верности. Считали мы раз десять — получается, что пять тысяч человек мы все еще можем собрать. Послали мы человека в Россию, правда, оттуда ответ придет только через год, но от черкесского владетеля вот-вот надо ждать гонца. Если он откажет нам в людях, я сам поеду в Чечню, как только откроется дорога через Мамисонский перевал, и приведу оттуда воинов. Вы только плату пообещайте — за деньги хоть сам султан пришлет нам войска! Все дело в деньгах, но и они, божьей милостью, пока у нас есть. Так чего же вы изводитесь понапрасну?

— Терпения у меня не хватает, Бери,—сказал Соломон, немного успокаиваясь.

— Знаю, что сердце не хочет ждать, но поспешность не приводит к добру!

— И в промедлении нет ничего хорошего,— возразил Соломон и вновь обратился к Бесики:— Одна у меня сейчас заветная мечта — молниеносный поход на Одиши и на Гурию! А потом, если бог даст мне дожить до этого, хочу присоединить нашу страну к Российскому государству. Что ты скажешь на это?

— Доложу по правде, государь,— ранее я не был сторонником присоединения к России. Безобразное поведение Тотлебена восстановило меня против нее, но теперь я окончательно убедился, что вне союза с Россией для нас нет спасения. Поистине, судьба была немилостива к нам, иначе, если бы сюда прислали вместо Тотлебена и Сухотина какого-нибудь другого, толкового генерала, сейчас у нас были бы в руках и Поти, и Батуми, и вся Аджария, и Лазика. А непокорные правители и не смели бы думать о неподчинении! Но что поде-

лаешь! Путь служения стране превратился для нас в путь, усеянный терниями. Во что бы то ни стало должны мы добиться покровительства России. Одна, две, три неудачи не должны нас пугать. Россия — огромная страна, она раскинулась чуть ли не на полмира. Долго я думал, пока был в плену, и окончательно утвердился в этой мысли: только покровительство России может дать нам спасение.

— Ты прав, мой поэт, но это — дело будущего... А сейчас, пока я не отомщу изменникам, все равно не знать мне покоя, желчь задушит меня!

Бесики ничего не мог ответить на это царю — он видел, что советы бесполезны. Между тем здравый смысл подсказывал ему, что надо попытаться отговорить Соломона от этого похода, который в настоящую минуту не имел никакого смысла. Дадани и Гуриели, разумеется, не дадут себя схватить, и дело сведется к новому напрасному кровопролитию между братьями... Даже если правители Гурии и Одиши потерпят поражение, они найдут убежище у турок и тем или иным способом будут тревожить Соломона.

Вечером Бесики поделился своими соображениями с Бери Цулукидзе и посоветовал как-нибудь убедить государя отменить задуманный им поход.

— Мы только и делали, что отговаривали его, но он и слышать ничего не хочет. Так и сказал наконец: кто по этому поводу будет мне возражать — лишится головы! Сегодня я смотрел на тебя и трясся от страха: как бы ты, не дай бог, по незнанию не сказал чего невпопад... Нет, об этом при государе нельзя и заикаться! На пасху, подумал я, может быть, он смягчится хоть ради великого праздника, и попробовал вскользь что-то сказать... Куда там! Чуть было не натворил беды! Сейчас мы со дня на день ожидаем ответа от черкесского князя. Если Темурко даст нам войска за плату, государь собирается неожиданно напасть на Дадани. Хочу, говорит, обрушиться на него так, чтобы он опомниться не успел. С одной стороны, пожалуй, он прав...

На следующий день Бесики был разбужен рано утром суматохой, поднявшейся во дворце. Все уже были на ногах, и по хлопотливой беготне придворных, по весе-

лым голосам и смеху, доносившимся из-за дверей, можно было заключить, что произошло что-то необычное и радостное.

Бесики быстро оделся и выбежал из комнаты.

— Счастлив оказался твой приезд, Бесики!— весело воскликнул при виде его хозяин дома. — Только что прискакал гонец. Темурко посылает нам пять тысяч человек и просит втрое меньшую плату, чем мы думали, да еще предлагает рассчитаться с ним после похода. Есть с чем нас поздравить, не правда ли? Государь уже изволил встать — ступай, поздравь его, обрадуется.

Соломон и в самом деле был уже одет и готов к путешествию. Он казался вновь помолодевшим, глаза его блестели юношеским огнем.

— А, Бесики! Иди сюда, ко мне, турецкий пленник! — с улыбкой встретил он поэта.— Ты уже одет? Так вот, сначала помолимся, потом позавтракаем, осущим по чаше оджалеси и поедем в Кутаиси. Услышал господь мои молитвы!

Придворным, казалось, передалось это необычайное возбуждение царя. Охваченные восторгом, они бегали во все стороны, обнимались, поздравляя друг друга с радостным известием, и сломя голову летели, чтобы исполнить малейшее приказание Соломона.

Солнце уже поднялось на высоту копья, когда завтрак был закончен. Царь встал из-за стола и приказал привести себе коня. Все высыпали во двор.

Ступив на лестницу, Соломон перекрестился, быстро сбежал по ступенькам и взглянул на небо.

День вставал удивительно ясный, на небосводе не было ни одного облачка. Это показалось Соломону добрым предзнаменованием, на лице его мелькнула радостная улыбка.

Конюхи привели серого царского жеребца. Статный красивый конь стоял посреди двора, горделиво изогнув шею.

Соломон подошел к коню, потрепал животное по шее, перебросил левой рукой поводья ему через голову. Потом вставил ногу в стремя и поднялся, чтобы перекинуть другую через седло, но тут, словно кто-то обрушил удар на его голову, вдруг обмяк, медленно сполз на-

зад, на землю, разжал руки и повалился навзничь. Левая нога его, зацепившаяся за стремя, так и осталась торчать в воздухе.

Слуги и придворные вскрикнули в испуге и бросились к нему, высвободили ногу из стремени, отвели лошадь в сторону. Думали, что у царя приступ - падучей. Но подошел доктор Виттенбург, пощупал пульс, приложил ухо к сердцу... Потом, медленно поднявшись, снял шапку и перекрестился, возвещая всем присутствующим кончину царя Соломона.

Пронзительно вскрикнула царица Гулкан и упала на грудь своего мертвого супруга.



## ПРИМЕЧАНИЯ

- Абаз — серебряная монета в 20 копеек.  
Азарпеша — серебряная чаша с ручкой.  
Бандули — лапоть с подошвой, сплетенной из тонкой бечевки или узкого ремня.  
Везир — министр.  
Векил — адвокат.  
Гоми — мамалыга; итальянское просо.  
Гомиджи — пресный крутой хлеб.  
Дарбази — зал.  
Джарчи — курьер.  
Каламани — лапоть из сыромятной кожи.  
Каматели — кости для игры в нарды.  
Капучи-баш — воинский чин.  
Кежерапхали — листовенная напуста.  
Кизилбаш — кавалерист в старой ирано-турецкой армии.  
Кула — сосуд для вина с узким горлышком.  
Лобио — фасоль.  
Марани — винный погреб.  
Марчили — серебряная монета достоинством около рубля.  
Мдиванбег — секретарь государственной канцелярии.  
Мехмендар — управляющий гостиницей.  
Минбаш — воинский чин, равный по званию полковнику.  
Мишкарбаш — дворцовый слуга.  
Модинахе — дословно «иди и посмотри». Крепость под таким названием находилась в Сачхере.



- Моурав** — управляющий двором, правитель имения.  
**Мчади** — лепешка из кукурузной муки.  
**Оджалеси** — сорт вина.  
**Сардар** — военачальник.  
**Сахлтухуцеси** — министр двора.  
**Сераскир** — ранее главнокомандующий вооруженными силами в Турции, позже военный министр.  
**Тонэ** — глиняная печь, врытая в землю, в которой пекут хлеб.  
**Узбаш** — сотский.  
**Хачапур** — пирог, начиненный сыром.  
**Хурджин** — переметная сума из ковровой ткани.  
**Чакура** — национальный костюм в Гурии.  
**Чинчила** — глиняный сосуд для вина с узким горлышком и ручкой.  
**Чоха** — грузинский национальный костюм.  
**Чхавери** — сорт вина.  
**Шаири** — стихотворный размер; частушка.  
**Шоти** — хлеб, выпеченный в тонэ.  
**Эджи** — мера длины.  
**Эджиб** — привратник.  
**Ясаул** — полицейский чин.

**АКАКИЙ ИОНОВИЧ БЕЛНАШВИЛИ**

**Золотой шатер**

---

Редактор Б. Абуладзе. Художник Н. Чернышков.

Техредактор А. Басинов. Корректор А. Якимова.

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Подписано к печати 14 февраля 1958 г. Формат бумаги 84×108/32.  
5,44 бум. листа=17,83 печ. листа. Учетно-издательских 18,92 листа.  
Заказ № 1054 Тираж 50.000 (25.001—50.000)

**Цена 7 р. 20 к.**

Издательство Союза писателей Грузии  
„Заря Востока“, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

---

Типография „Заря Востока“ имени А. Ф. Мясникова  
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси,  
пр. Руставели, № 42.